

Император, который знал свою судьбу

Романов Борис

Борис Романов

Император, который знал свою судьбу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26507852

SelfPub; 2023

Аннотация

Биография Николая II изучена, казалось бы, «вдоль и поперек». Однако, автор систематизировал малоизвестные факты его биографии, связанные, в частности, с предсказаниями и пророчествами, которые он получил на протяжении жизни, и выстроил эти факты в один временной ряд – в результате открылась удивительная картина, позволяющая совершенно по-новому взглянуть на историю его царствования, на его характер, жизнь и судьбу. В 2009 году по сценарию автора вышел документальный фильм "Император, который знал свою судьбу" (режиссер Роман Ершов) – фильм получил дипломы и памятные призы на восьми международных кинофестивалях (МКФ).

Содержание

ВТОРАЯ СЕРИЯ. (Первое послание из прошлого).	58
СЦЕНА 2\2. 1901 год. Первое послание из прошлого. Монах Авель.	69
СЦЕНА 3\2. 5 июня 1901 года. Рождение Анастасии.	98
ТРЕТЬЯ СЕРИЯ. (В ПОИСКАХ НЕБЕСНОГО ПОКРОВИТЕЛЯ)	106
СЦЕНА 1\3. 16-20 июля 1903 года. Саровские торжества.	106
СЦЕНА 2\3. 20 июля 1903 года. Саровские торжества. Елена Мотовилова и Паша Саровская.	117
СЦЕНА 3\3. 1904 год, 23 января, Санкт-Петербург. Война с Японией	135
СЦЕНА 4\3. 26 декабря 1904. Святополк-Мирский. Камарилья.	142
ЧЕТВЕРТАЯ СЕРИЯ. 1905 год. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ).	156
СЦЕНА 1\4. 16 января 1905 год, Санкт-Петербург. Выстрел на Водосвятие	156
СЦЕНА 2\4. 1905 год, 7 января, Александровский дворец. Доклад по	161

безопасности.

Борис Романов

Император, который знал свою судьбу

ПЕРВАЯ СЕРИЯ.

СЦЕНА 1. Октября 1917 года. Тобольск.

Действующие лица:

- НИКОЛАЙ – Николай Александрович Романов, император;
- АЛЕКСАНДРА – Александра Фёдоровна, императрица;
- их дети – дочери: Ольга (1895 г.р.), Татьяна (1897 г.р.), Мария (1899 г.р.), Анастасия (1901 г.р.), сын Алексей (1904 г.р.);
- ГИББС – Чарльз Сидней Гиббс (1876-1963), губернёр, преподаватель английского языка у царских детей. Краткая биография:

Перед принятием сана в Англиканской Церкви принял решение в 1901 г. совершить поездку в Россию. Остался жить в России, в Санкт-Петербурге, занимался преподаванием английского языка. Президент Санкт-Петербургской гильдии преподавателей английского языка. С 1908 г. пре-

подавал английский язык у дочерей императора Николая II, а затем и у царевича Алексея. После революции последовал в ссылку за царской семьей в Сибирь. Жил в Тобольске, Екатеринбурге. Секретарь при штабе британского верховного комиссара в Сибири. Помогал следователю Соколову в расследовании убийства императорской семьи (1919). Переехал вместе с британской миссией в Омск, затем во Владивосток и в Харбин, где прожил до конца 1920-х гг. Возвращается в Великобританию, где в 1928 г. поступает на пастырский курс в Оксфорде. В 1929 г. по делам службы в таможенном ведомстве возвращается в Харбин. Принял крещение в Православной Церкви с именем Алексей, а в 1935 г. – монашество с именем Николай. Иеродиакон (1935). Иеромонах (1935). На некоторое время был направлен в Русскую православную миссию в Иерусалиме. В 1937 г. возвращается в Англию. Архимандрит (1938). В первой половине 1940-х гг. основал православный приход св. Николая Чудотворца в Оксфорде. В 1945 году перешел в Московский Патриархат. Скончался 24 марта 1963 г. Похоронен на кладбище Хэдингтон в Оксфорде.

Место и время действия:

13\26 октября 1917 года. Тобольск, дом губернатора.

НАТ. Дом губернатора, двор дома.

На экране – панорама губернаторского дома в Тобольске;

каменный, в два этажа. Выпал ранний снег, солнечно. Под рассказ («голос за кадром») идут следующие кадры: утро, семья пьет чай, затем выходят на балкон. Балкон виден с улицы Свободы: невысокий Николай в военной гимнастерке и накинутой на плечи шинели, Алексей (в Тобольске он не болел до зимы, рост – почти с Николая), девочки в белых платьях и теплых накидках, стриженные как мальчишки (после кори волосы еще не) и величественная (постаревшая и похудевшая) дама, тоже в белом, в накинутой на плечи шубе. После чая день идет по заведенному распорядку.

Николай растирается выпавшим снегом, растирает также раздетого по пояс Алексея. Потом, в одной гимнастерке, качается на устроенном им турнике, затем пилит большие березовые бревна с князем Долгоруким, потом с Жильяром. Алексей и старшие дочери сменяют их, тоже пилят дрова. Николай неутомим, он жаждет движения, физических упражнений. Аликс на втором этаже, в своей большой комнате читает Библию со многими закладками. Она редко покидает второй этаж дома (больные ноги и сердце)

Близится вечер. Горит камин. Общее чаепитие; затем они расходятся по комнатам. Алексей читает. Татьяна в соседней комнате играет на рояле. Ольга и Мария вяжут теплые жакеты, Анастасия – шарф. Аликс откладывает книгу и пишет письмо. Николай в своей комнате пишет дневник.

Для справки:

С 13 августа 1917 года Царская Семья жила в Тобольске,

в доме губернатора, называемом после февральской революции «Дом Свободы».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

7 октября в Тобольск приехал из Петрограда учитель английского языка, Чарльз Гиббс, получивший разрешение на проживание в Тобольске с Царской семьей. Он привез с собой много газет, в том числе иностранных, которые к этому времени почти не приходили в Дом Свободы. В последующие дни обсуждение последних новостей из Петрограда и чтение этих газет разнообразило вечерний досуг Николая.

На экране надпись: «13 октября 1917 года, Тобольск». Камера показывает комнату Николая на втором этаже. Вечер, солнце невысоко над горизонтом. Он просматривает газеты, беседует с Гиббсом (сначала на английском, потом они переходят на русский).

ИНТ. Комната Николая на втором этаже дома губернатора. Вечер, солнце невысоко над горизонтом.

НИКОЛАЙ:

Чарльз, в номере «Times», привезенном вами, я нашел интересную заметку о чуде явления Богородицы трем маленьким детям в португальской деревне Фатима. Вы не читали это? (показывает ему газету).

ГИББС (читает заметку, голос за кадром читает пере-

вод):

«13 мая нынешнего года у деревушки Кова-да-Ирия, расположенной вблизи португальского городка Фатима, Лючия Сантуш десяти лет, Франциско Марто девяти лет и его сестра Жасинта Марто семи лет гуляли в поле недалеко от своих домов. Внезапно в ясном небе дети увидели яркую вспышку света. Решив, что это молния, они бросились под укрытия большого дуба, но остановились в изумлении, увидев парящее на высоте не более трех футов существо в сверкающей белой мантии с лицом, излучающим сияние. Позже Лючия назвала это существо Девой Марией...»

ГИББС

(с некоторым удивлением):

Ваше Величество, Вы эту заметку имели в виду?

НИКОЛАЙ:

Да, эту. Читайте дальше, Чарльз.

(Гиббс читает дальше):

«Она попросила детей ежедневно молиться Пречистой Деве и за мир на Земле. Затем сияние поднялось над деревом и исчезло в вышине. Трое детей вернулись домой и пытались рассказать родителям о ниспосланном им видении, однако взрослые не восприняли эту историю серьезно. Но слух о чуде распространился, и, когда 13 июня дети снова направились к старому дубу, их сопровождала небольшая группа любопытных селян. Они видели светло-зеленый искрящийся шар, который как бы завис на ветвях дуба. Тот,

кто осмелился подойти ближе, услышал голос. Но это был голос Люции: "...Господь покарает мир за его преступления. Он накажет РОССИЮ, если она станет источником нового зла в мире... Молитесь за Россию!"»

ГИББС (удивленно):

Господь накажет Россию? И это говорит португальская деревенская девчонка десяти лет от роду?

НИКОЛАЙ:

Читайте дальше, дорогой Чарльз. Португальская малышка лишь повторяла то, что слышала от Девы Марии, от Богородицы... Вряд ли она до этого и слышала что-то о России...

ГИББС (задумчиво):

Пожалуй, ... Во всяком случае сама она это вряд ли придумала.

(Читает дальше):

«Между тем, после призыва молиться за Россию, которую Господь решил покарать, Люция объявила окончательный приговор Святой Девы. Это произошло 13 июля сего года:

"Господь твердо решил покарать Россию, и неисчислимы будут ее бедствия и страшны страдания народа. Но милость Господа безгранична, и всем страданиям отпущен срок...";

Все это стало известно нашим корреспондентам в Португалии 13 сентября, когда на поле Кова-да-Ирия в ожида-

нии очередного чуда собралась огромная толпа, числом до 25-30 тысяч человек, в том числе корреспонденты».

ГИББС (как бы про себя, мысли вслух):

25-30 тысяч свидетелей... И газетчики... Да, это не выдумки.

(Читает дальше):

«Дети с трудом пробирались за мужчинами, расчищавшими перед ними дорогу. В полдень воздух принял тепло-золотистый цвет. Пречистая Матерь Господа вновь явилась детям и все присутствующие увидели знак ее прибытия: при безоблачном небе высоко в воздухе плыл с Востока на Запад светящийся лучезарный шар. Когда же беседа Пречистой с детьми закончилась, тот же шар поплыл в обратном направлении, с Запада на Восток, наподобие небесной колесницы. За этим знаменем последовали и другие: белое облако окутало зеленый дуб и детей под ним; в то же самое время с неба посыпался дождь белых лепестков, подобных круглым сверкающим снежинкам, которые медленно падали и таяли в воздухе, не достигая земли.

Позднее девочка (Люсия) сообщила, что Пресвятая Дева поведала ей немало сведений о будущем человечества, но попросила хранить их в тайне...»

На экране во время чтения Гиббсом этой заметки идут как бы документальные кадры (из фильма ВВС о Фатиме). По окончании чтения: Николай и Гиббс смотрят в окно: солн-

це светит, но с неба медленно падают сверкающие снежинки (снег), тающие в воздухе над землей.

НИКОЛАЙ:

Что скажете, Чарльз? Вы ведь собирались принять сан в англиканской церкви, еще до Вашего приезда в Россию? Я знаю, Вы – глубоко и искренне верующий человек.

ГИББС

(после паузы):

Я должен подумать, Ваше Величество.

НИКОЛАЙ:

На все воля Божья. Господь проклял Россию. Но скажите мне, господин Гиббс, за что? Разве Россия хуже других? Разве она виновата в этой войне больше Германии или Франции, или вашей Англии? Видит Бог, я делал все, чтобы не допустить ее... В конце концов, можно не верить мне, но ведь перевооружение нашей армии отставало от Германии, и должно было завершиться к 1917 году – разве мы могли хотеть войны в 1914-м? ... И не хотели! И я предлагал Вильгельму передать спор Австро-Венгрии с Сербией в Гаагу... За что же это проклятие?

ГИББС

(осторожно):

На месте Вашего Величества, я не стал бы придавать особого значения этим газетным сообщениям. Вы же знаете газетчиков и их вечную склонность к преувеличениям. В

католических странах случаи, подобные Фатимскому чуду, далеко не редкость. За последние двести лет их произошло не менее дюжины во Франции, Италии, Испании и Португалии. И в испанской Америке...

НИКОЛАЙ (мягко прерывает Гиббса):

Да, это так... и преувеличения... Всякое бывало... Но это не тот случай. Ни один португальский или иной газетчик не додумался бы вложить в уста этой девочки пророчества о России. Зачем им Россия? ... В Португалии не только эта неграмотная деревенская девочка, но и большинство владельцев газет знают о России столько же, сколько мы о них, даже меньше. Кто же мог вложить в уста маленькой девочки слова именно о России? Что им до России?.. Ну, представьте себе, господин Гиббс, чтобы у нас, скажем, Серафим Саровский стал бы пророчествовать о Португалии, Франции или о вашей стране? Кто бы его услышал?

(Николай задумывается, закуривает папиросу, продолжает.)

Я вижу, и я знаю, что Бог наказывает меня, и накажет Россию. И что еще впереди? ... За что вместе со мной прокляли и Россию? Я вижу, что это уже началось – и знаю, что впереди катастрофа – но не понимаю, почему.

Все это Николай говорит без тени истерики, тихим и спокойным голосом (Император умел держать себя в руках при любых обстоятельствах).

ГИББС (тихо, взволнованно):

Ваше Величество... я не знаю...

За окном очень красивый закат солнца. Оба смотрят на него.

НИКОЛАЙ (тихо, сам себе):

Что было с нами 13 июля, когда Богородица в Фатиме рассказала детям о России? (берет свой дневник, листает его) Да... вот...30-е, июнь... Невыносимая жара... Помню... Все Царское было в дыму и гари... От горящих торфяников... Дышать было тяжело...

В кадре – Царское Село и гарь от горящих торфяников над прудом перед Александровским дворцом. Сквозь эту гарь и проступающие на ее фоне перелистываемые страницы дневника еще доносятся голоса Николая и Гибса, но все тише...

ГИББС:

Что, Ваше Величество?

НИКОЛАЙ:

Эта девочка... Люсия... Она святая... Она будет прославлена Ватиканом и канонизирована как святая...

ГИББС:

Позвольте усомниться, Ваше Величество... Ватикан не станет разбираться с этим чудом. Ему не нужно дополнительное обострение отношений с Русской Церковью...

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА СЦЕНАРИЯ: возвращение и продолжение к этой сцене последует ближе к концу фильма (в последней серии)

СЦЕНА 2. Апрель 1891 года, Япония.

ЭПИЗОД 1.

Действующие лица:

– **НИКОЛАЙ** – Николай Александрович Романов, наследник престола, возраст в этой сцене – около 23 лет;

– **ДЖОРДЖИ** – принц греческий Георг (Джорджи), старший кузен Николая, очень похож лицом и статью на Николая, немного ниже ростом, 26 лет;

– **ИТО** – маркиз Ито, видный гос. деятель Японии, 50 лет; сопровождал Николая в поездке по Японии, выполнял также функции переводчика;

– **УХТОМСКИЙ** и **ЭРИСТОВ** – сыновья офицеров фрегата «Аскольд», который в 1860-х годах совершал кругосветное плавание и долгое время находился в ремонте в Японии, у одного из прибрежных островов; возраст около 30-35 лет; Эспер Эсперович Ухтомский – известный востоковед, друг молодости Николая;

– другие лица Свиты;

– **ХРАНИТЕЛЬ** – хранитель кладбища, старый японец.

Место и время действия:

Апрель 1891 года, маленький остров близ берегов Японии, кладбище русских моряков с фрегата «Аскольд».

НАТ: кладбище русских моряков в Японии,

Камера с высоты птичьего полета, сначала сквозь разрывы в облаках и легкую пелену тумана показывает маленький остров и береговую линию Японии; внизу экрана надпись и голос за кадром: «Кругосветное путешествие Цесаревича Николая. Маленький остров близ берегов Японии, кладбище русских моряков; апрель 1891 года».

Камера спускается сверху, видны шесть фигур, медленно передвигающихся от могилы к могиле. Камера останавливается у одной из могил с каменным православным крестом, на мгновение видна часть надписи: «Ухтомский, фрегат «Аскольд»». Действующие лица стоят у могилы, снимают головные уборы, русские гости и принц крестятся. Хранитель после поклона что-то тихо говорит Ито, он согласно кивает головой. Хранитель глубоко кланяется Николаю и всем гостям.

ИТО

(говорит по-английски; голос за кадром – синхронный перевод):

Хранитель приглашает Вас в свою сторожку, на чайную церемонию. Он очень просит Вас оказать ему эту честь.

НИКОЛАЙ (также по-английски, голос за кадром – син-

хронный перевод):

Благодарю Вас, очень кстати. Идемте, господа.

ЭПИЗОД 2

Действующие лица те же.

ИНТ: действие перемещается в скромную сторожку Хранителя.

Все сидят на циновках по японскому обычаю, не спеша пьют чай. Чайная церемония подходит к концу. Хранитель вновь что-то тихо говорит Ито по-японски.

ИТО: Глубокоуважаемый Цесаревич, Вы произвели чрезвычайно сильное впечатление на меня и нашего хозяина здесь – своим уважением к нашим обычаям, добрым вниманием к нашему хозяину, интересом к истории Японии, о которой Вы так много спрашивали нас в течение этой беседы. Хранитель кладбища просит о милости дать Вам один совет. Соизволите ли Вы выслушать его?

НИКОЛАЙ:

Я выслушаю совет с благодарностью.

ИТО:

Он сказал следующее: Высокий гость собирается посетить нашу священную древнюю столицу Киото, а близ этого священного города обитает наш известнейший отшельник монах Теракуто, взору которого открыты тайны мира и судьбы людей. Все у нас в Японии знают, что Тераку-

то не любит прерывать своего созерцательного уединения и редко к кому выходит. Но если Царственный путник пожелает его увидеть и если на, то будет благословение Неба, Теракуто выйдет к нему и скажет то, что будет открыто его внутреннему взору. Правда, для него как бы не существует времени, и он дает только признаки сроков будущих событий.

НИКОЛАЙ: Благодарю Вас, это интересно. Мы в России глубоко уважаем старцев-провидцев, отшельников и монахов. Правда, мне до сих пор не приходилось встречаться с таковыми у нас в России, – тем более интересно будет встретиться с таким старцем здесь, в Японии. Благодарю Вас.

Все выходят из сторожки Хранителя, не спеша идут к берегу, к маленькой пристани. Николай, обращаясь к принцу Георгу (Джорджи) по-русски.

НИКОЛАЙ:

Джорджи, это первое интересное предложение, которое я услышал за все время нашего кругосветного путешествия. Везде мне показывают лишь дворцы и местные достопримечательности, коих у нас в России не менее, чем где-либо в мире. Уже на Цейлоне меня охватила тоска – в этих джунглях, среди слонов и обезьян. Что толку в моем путешествии? – подумал я там. Тоска!

ДЖОРДЖИ:

Помнится, месяц назад в Коломбо ты уже говорил это Великому князю Алексею Михайловичу, когда он посетил нас на борту «Тамары». Его охотничьи трофеи, кажется, не произвели на тебя большого впечатления. И дикая природа острова тоже. Но здесь в Японии, я заметил, тебе оказывают особую честь именно буддийские монахи. Тебя приглашают во все их монастыри, с глубоким почтением. На днях они не пустили меня, когда я хотел войти в их храм вслед за тобой! И вот – какой-то безвестный старик на этом острове говорит тебе о некоем старце-провидце, и это интересно тебе?

НИКОЛАЙ:

Да, интересно. Это будет в первый раз, когда я встречу с провидцем – если будет на, то воля Неба, как сказал этот милый старик! Все мои предки, Российские Государи, хотя раз в жизни – а иные и многожды – встречались с провидцами. И с нашими, русскими, и с иноземными, как мой дед Александр-Освободитель. Мой батюшка кое-что рассказывал мне и о Павле, и об Александре Благословенном, и о дедде. Знаешь ли ты, что в юности в Париже некая гадалка (кажется, ее имя было Ленорман) предсказала ему, что он переживет семь покушений, но восьмое будет для него роковым.

ДЖОРДЖИ:

И что же?

НИКОЛАЙ:

Отец рассказал, что до того несчастного дня, до 1 марта 1882 года, уже было шесть покушений на деда. И он поверил в сделанное когда-то предсказание. Поэтому он и не послушался никого в тот день, и поехал на смотр – хотя все единодушно умоляли его не выходить в тот день из дворца, ведь точно знали, и многие в городе знали, что злодеи готовы к убийству, и что день назначен.

ДЖОРДЖИ:

О! Я понял! Две бомбы были брошены в тот день в Государя, двумя злодеями – и седьмое и восьмое покушение в один день!

НИКОЛАЙ:

Да. Дед не мог знать этого. А злодеи, быть может, знали... Они многое знали...

ДЖОРДЖИ:

Ники, ты тоже хочешь знать свое будущее?

НИКОЛАЙ:

Я не стремлюсь к этому, но я не бегу этого. Ты же видишь, я ни разу не спрашивал сам в какой бы то ни было стране об их провидцах – я и думать не думал об этом – но коли провидение через милого старика само нашло меня, я не буду бежать этого. Почему я должен отказываться?

СЦЕНА 3. Апреля 1891 года. г. Киото. Теракуто.

Действующие лица: те же (НИКОЛАЙ, ДЖОРДЖИ (принц Георг), маркиз ИТО), а также

ТЕРАКУТО – буддийский монах, отшельник; старик-японец лет 70-ти, довольно высокий для японца, хотя и согбенный, совершенно седой, с довольно густой (для японца) пухляков бородой.

Место и время действия:

28 апреля 1891 года, утро; Киото

ИНТНАТ: комната Николая во дворце губернатора), затем красивая роща близ Киото.

Николай записывает в своем дневнике (голос за кадром читает):

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

«27 апреля 1891 года. Прибыли в Киото; глаза просто разбегаются, такие чудеса видели мы. Видели стрельбу из лука и скачки в старинных костюмах... В девять отправилась с Джорджи в чайный домик. Джорджи танцевал, вызывая визги и смех у гейш... Но и во сне воды Джиона текут под моей подушкой...».

СПРАВКА: Джион – квартал чайных домиков в Киото, сотни гейш в тканых золотом кимоно заполняли его Японская эротика – утонченная и чувственная...

Камера показывает эти сцены и окончание чайной церемонии.

монии с гейшами; чайный домик погружается в темноту...

Затем на экране – древняя столица Японии Киото. Утро следующего дня. Камера спускается сверху к красивой роще на дальней окраине города. Здесь необходимо показать документальную съемку этой рощи близ Киото, – если эта роща сохранилась до сих пор. Видны три фигуры, это Николай (в штатском платье), Джорджи и Ито. Они идут к роще. Из-за деревьев выходит Теракуто, пристально смотрит сначала на Ито, затем на Николая. Камера показывает глаза старого отшельника. Неожиданно старик ложится на землю, простирая руки к Николаю. Цесаревич подходит к старику, наклоняется и бережно поднимает его с земли. Сгорбленный старик немного выше Николая. Все молчат, ожидая, что скажет затворник. Камера снова показывает его глаза, теперь отрешенный от всего земного. Теракуто начинает говорить; Ито переводит на английский (голос за кадром – синхронный перевод на русский)

Музыка с самого начала сцены и все время действия – или древняя японская, или «колокольчики ветра», тихие и загадочные.

ТЕРАКУТО:

Так суждено свыше! Все народы хвалят одного и того же Единого Бога Творца, только на разных языках. Благословенна милость Неба за счастье, о котором не мог помыслить старый Теракуто. О, ты, Избранник Небес, о, великий

искупитель, мне ли прозреть тайну земного бытия Твоего? Ты выше всех на земле. Нет ни лукавства, ни лести в устах моих. И вот первое знамение: опасность витает над твоей головой, но смерть отступит, и трость будет сильнее меча... и трость засияет блеском. И вот другое знамение: два венца суждены Тебе, Царевич: земной и небесный. Играют самоцветные камни на короне Твоей, Владыка могущественной Державы, но слава мира преходит и померкнут камни на земном венце, сияние же венца небесного пребудет во веки. Наследие предков зовет тебя к священному долгу. Их голос в твоей крови. Они живы в Тебе, много из них великих и любимых, но из них всех Ты будешь величайшим и любимейшим. Великие скорби и потрясения ждут Тебя и страну твою. Ты будешь бороться за ВСЕХ, а ВСЕ будут против тебя.

На краю бездны цветут красивые цветы, но яд их тлетворен: дети рвутся к цветам и падают в бездну, если не слушают Отца. Блажен, кто кладет душу свою за други своя. Трижды блажен, кто положит за врагов своих. Но нет блаженней жертвы Твоей за весь народ Твой. А станет, что Ты жив, а народ мертв, но сбудется: народ спасен, а ты свят и бессмертен. Оружие Твое против злобы – кротость, против обиды – прощение. И друзья, и враги преклонятся пред Тобою, враги же народа Твоего истребятся. Вижу огненные языки над головой Твоей и Семей Твоей. Это посвящение. Вижу бесчисленные священные огни в алтарях пред Вами. Это исполнение. Да принесется чистая жертва и со-

веришится искупление. Станешь Ты огненной преградой злу в мире. Теракуто сказал Тебе, что было открыто ему из Книги Судеб. Здесь мудрость и часть тайны Создателя. Начало и конец. Смерть и бессмертие, миг и вечность. Будь же благословен день и час, в который пришел Ты к старому Теракуто.

Коснувшись в поклоне земли, Теракуто, не поворачиваясь, отходит, пока не скрывается в чаще деревьев. Цесаревич стоит, склонив голову. Его спутники – тоже.

НИКОЛАЙ

(обращаясь к Ито и Джорджи, волнуясь):

Господа... Господа, я прошу Вас никому не рассказывать об этой встрече. Маркиз, я надеюсь на Вашу честь. Джорджи, никому!

ИТО:

Я клянусь. Цесаревич, слово чести для японца свято.

ДЖОРДЖИ:

У меня мурашки бегут по спине... Я не думал, что эта встреча может быть такой. Я обещаю тебе, Ники. Слово чести, это останется тайной.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Маркиз Ито рассказал об этой встрече близ Киото в своих воспоминаниях, много лет спустя после гибели Царской Семьи.

СЦЕНА 4. Апрель 1891 года, г. Отсу. Покушение.

Действующие лица: НИКОЛАЙ, ДЖОРДЖИ (принц Георг), а также:

ГУБЕРНАТОР – губернатор города Отсу – маленький кругленький японец;

АРИ СУГАВА – японский принц;

Японский полицейский – Сандзо Цудо (Ва-цу), мужчина средних лет; во время нападения его лицо искажено жуткой гримасой ненависти.

Люди на улице, прохожие, японцы.

Место и время действия:

29 апреля 1891 года, яркое солнечное утро.

НАТВИНТ: город Отсу (Оцу), улицы, магазины

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Прошла уже четверть века с тех пор как Страна Восходящего Солнца вступила в эпоху Мэйдзи, ознаменовавшуюся демократизацией политической сферы и бурным экономическим ростом. Прогресс в Японии насаждался сверху – самим императором Мутсухито (которого часто сравнивали с Петром Великим) и его ближайшим окружением. При этом значительная часть феодалов были недовольны прозападными реформами и в ряде случаев открыто выступали

ли против правительства.

Самым крупным таким выступлением было самурайское восстание, возглавленное Такамори Сайго и вошедшее в историю под названием Юго-западной войны 1877 года. В битве при Сирояме мятежники потерпели поражение, а их предводитель совершил себе самоубийство, сделав себе традиционную сеппуку (вспарывание живота, более известное под названием харакири). Однако, в Японии еще очень долго ходили слухи, что Сайго жив и готовится вернуться на Родину...

Казалось бы, какое все это имеет отношение к России? Выяснилось, что самое непосредственное....

В конце XIX века, определяя внешнеполитические приоритеты, японские политики стояли перед дилеммой – с кем именно и против кого дружить, с Россией против Англии или с Англией против России. Оба варианта имели свои плюсы и минусы, так что принятие того или иного решения могло зависеть от самых малозначительных и достаточно субъективных факторов.

В Токио начали подумывать о сближении с Петербургом, поспешив, через свое посольство, передать Николаю приглашение посетить Страну Восходящего Солнца. Приглашение было с благодарностью принято, что, конечно же, вызвало со стороны англичан чувство ревности.

Через своих агентов они начали распространять слухи, будто цесаревич едет в Японию со шпионскими целями. А за-

тем была выдвинута и вовсе уж фантастическая версия – в свите Николая Александровича находится Такамори Сайго, который, сразу же после возвращения на Родину собирается свергнуть правительство и сделать Японию чуть ли не русской колонией.

На экране во время голоса за кадром – Николай и Джорджи в доме губернатора. Вполне европейский дом. Внутри него в нескольких больших комнатах что-то вроде базара, продажа всяких товаров и сувениров. Висят восточные «цилиндры и колокольчики ветра», издавая мелодичные загадочные звуки – напоминающие музыкальное сопровождение предыдущей сцены, только более бытовое и реалистичное, без определенной мелодии. Николай и Джорджи в сопровождении губернатора и принца Арии Сугава обходят продавцов. Николай задумчиво касается пальцем цилиндров «музыки ветра» – их перезвон теперь напоминает мелодию предыдущей сцены. Николай покупает эти черные цилиндры с золотыми и красными изображениями японских драконов и передает их кому-то из своей свиты. Джорджи из соседней лавки зовет его.

ДЖОРДЖИ:

Ники, смотри какие легкие бамбуковые трости. Моя нога, я натер пальцы в эти дни. Я куплю себе одну... Глаза разбегаются. Какую же купить?

НИКОЛАЙ:

Поспеши, нам уже пора возвращаться в Киото. Древний и красивый город. Я рад, что мы возвращаемся туда.

Николай, Джорджи и свита выходят из дома. Садятся в повозки джен-рикшей. Впереди едут Николай и Джорджи, за ними двое из свиты Цесаревича, за ними принц Арии Сугава, за ними еще несколько джен-рикшей со свитой. Джен-рикша поворачивает налево, в узкую улочку, запруженную толпами людей по обеим сторонам. Неожиданно над головой Николая как бы взлетает кривая самурайская сабля, видно искаженное лицо японца полицейского, держащего саблю обеими руками. Удар приходится по правой стороне головы, над ухом Николая.

НИКОЛАЙ:

Что, что тебе?

Николай выпрыгивает через джен-рикшу на мостовую. Полицейский с искаженным лицом, по-прежнему держа саблю обеими руками, быстро идет к Николаю. Люди вокруг как бы застыли в недоумении. Все происходит в секунды. Цесаревич вынужден бежать, придерживая рукой кровь, брызнувшую из раны. Он бежит в толпу, но испуганные японцы разбегаются во все стороны. Японец с саблей бежит вслед за Николаем. За ним – Джорджи. Настигает его и одним уда-

ром бамбуковой трости сбивает с ног. Николай, пробежав шагов 60, оборачивается, видит это, останавливается за углом переулка и бежит обратно – к Джорджи. Джен-рикши и несколько японских полицейских тащат злодея за ноги. Он пытается вырваться. Один из полицейских бьет его – его же саблей – по шее. Улица пуста, перепуганные толпы разбежались. От повозок, следовавших за повозкой Цесаревича, подбегают принц Арии Сугава, свитские. Все перепуганы, взволнованы, ничего не понимают – даже Арии Сугава из третьей повозки ничего не видел (очень узкая улица, они ехали вереницей.) Цесаревич, глядя на перепуганные лица, первым обретает относительное спокойствие.

НИКОЛАЙ

(по-русски, тут же переходит на английский):

Господа! ... Господа, успокойтесь. Я жив, только голова... Найдите врача. Пожалуйста, врача...

Его лицо искажает гримаса боли. С благодарностью смотрит на Джорджи. Взгляд падает на бамбуковую трость. Он как будто пытается что-то вспомнить, но не может. Садится на камни улицы. По-прежнему зажимает рану рукой. Толпы людей возвращаются на улицу. Большинство становится на колени и поднимает руки – в знак сожаления. У некоторых – слезы на глазах. Но некоторые стоят и просто смотрят – с любопытством.

Приглушенная ранее едва слышная «музыка ветра» (восточные цилиндры или колокольчики) становится слышнее, громче и громче, переходя в колокольный звон, который тут же обрывается на «полу ноте», создавая впечатления начала предстоящего большого рассказа длинной истории.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Поразителен возглас Николая в эту гибельную минуту, записанный им самим: "Что, что?.." Через 27 лет тот же возглас Николая и тоже в гибельную минуту – когда он стоял в том полуподвале в Екатеринбурге – запишет его убийца Юровский...

Итак, принц Георг отбил удар бамбуковой тростью. Позже по повелению Александра Третьего трость, сыгравшая такую роль, была осыпана алмазами и возвращена принцу Георгу. Как и предсказал Теракуто, «трость оказалась сильнее меча, и трость засияла» ... Записи современников тех событий в Японии говорят, что уже после посещения отшельника Наследник долгий срок был задумчив и грустен... Однако, ему было тогда всего лишь 23 года и вряд ли это продолжалось долго...

Во время этого текста на экране появляются сначала кадры фотографии молодого Николая, затем его фотография фас с бородкой, поздняя. Затем кадры современной кинохроники с Майклом Кентским (например, на Дворцовой

площади в СПб). Музыка сначала что-то подходящее из Клода Дебюсси (он был Великим Магистром масонов (самой таинственной «Общины Сиона») в 1885-1918гг), потом английская (м.б. даже что-то подходящее из Битлз – когда Майкл Кентский на Дворцовой площади), переходящая снова в тихий загадочный звук восточных «цилиндров или колокольчиков ветра» и затем снова в краткий колокольный звон, снова обрывающийся на полу ноте.

СПРАВКА: историк Дмитрий Митюрин. Покушение в Оцу. – журнал «Тайные преступления», №2, 2006:

«Во время посещения небольшого городка Оцу стоявший в оцеплении полицейский Сандзо Цудо внезапно подскочил к ехавшему на рикше цесаревичу, и дважды ударил его по голове саблей. Оба удара оказались скользкими. Выскочив из коляски, с противоположной от нападавшего стороны, Николай Александрович обратился в бегство. В этот момент на Цудо бросились ехавший следом принц Георг, а также двое рикш – Ититаро Китагаити и Дзисабуро Сакихата.

Подскочив сзади, греческий принц треснул покушавшегося тростью по затылку. Сакихата схватил преступника за ноги и повалил его на землю. Наконец, Китагаити поднял выпавшую из рук Цуды, саблю, после чего стукнул его плашмя по спине “приведя его в безчувственное состояние” ...

Забегая вперед, скажем, что все участники задержания были буквально осыпаны наградами. По возвращении в Рос-

сию император Александр III приказал осыпать трость принца Георга бриллиантами, так что, как и обещал Теракуто, она действительно “оказалась сильнее меча” и “засияла блеском”. Не обделили и рикш, каждый из которых кроме «премиальных» получил по две медали и две пожизненных пенсии – от японского и русского правительств...

Однако, вернемся в Оцу и понаблюдаем за событиями происшедшими непосредственно после покушения. Согласно донесению князя Барятинского «Николай Александрович стоял посреди улицы, без шляпы, держась правой рукой за голову, из которой сильно лилась кровь; на правой стороне, довольно высоко над ухом была, как всем показалась глубокая рана; лицо, шея и руки были выпачканы кровью; платье тоже». Тем не менее, если верить этому рапорту, первым делом великий князь обратился ни к доктору, а к сопровождавшему его представителю «принимающей стороны» принцу Арисугаве: «Прошу вас не минуты не думайте, что это происшествие может испортить хорошее впечатление, произведенное на меня радушным приемом, встреченным мною всюду в Японии».

Произнеся эти слова, цесаревич присел возле одной из лавок, после чего доктор Рамбах перевязал ему голову. Далее, раненного на рикше доставили в дом губернатора, причем, сопровождавшие Николая русский посол в Японии Д. Е. Шевич и В. А. Барятинский целых полчаса бежали рысцой рядом с экипажем в полной готовности защитить великого кня-

зя от повторного покушения.

Вся программа визита была свернута, и уже вечером цесаревич вновь оказался на борту «Памяти Азова». В последующие три дня пока крейсер стоял на рейде Нагасаки, на корабль прибывали подарки и различные послания с выражениями соболезнования.

Справедливости ради следует признать, что дело здесь заключалось не столько в симпатии к цесаревичу, сколько в боязни войны с Россией, при которой, по мнению подавляющего большинства японцев, их Родина была обречена на поражение.

Паника была столь сильна, что на состоявшемся сразу же после покушения совещании у Мутсухито многие сановники находились в состоянии близком к истерике. Сразу же по его окончании, «Сын Неба» (тэнно) покинул свою резиденцию и впервые в истории побывал на борту иностранного военного судна, где лично рассыпался в извинениях перед цесаревичем.

Тем не менее, Николай Александрович решил свернуть программу визита и отказаться от посещения Токио. 19 мая «Память Азова» покинула Японию.

Ну, а что же сам Сандзо Цуда? В представленной полицейским начальством аттестации о нем сообщалось следующее: Родился в 1854 году, с 17-летнего возраста служил в армии, во время Юго-Западной войны был награжден, а после ее окончания, демобилизовался по ранению в чине старшего

унтер-офицера.

Затем он поступил в полицию, откуда был уволен в 1885 году за то, что подговаривал сослуживцев избить своего непосредственного начальника. Благодаря ходатайству одного из однополчан Цудо вернули в полицию, но перевели в другой округ. Никаких иных серьезных взысканий у него не было. Перед командировкой в Оцу вел себя как обычно.

Свое нападение на цесаревича Цудо, поначалу объяснял тем, что на него «нашло затмение». Версия о психической неуравновешенности подтверждалась и показаниями его супруги, заявивший, что после перевода на новое место службы, он буквально целый месяц «не переносил присутствия посторонних».

Тем не менее, версия о преступнике-психе имела один серьезный изъян, поскольку неизбежно вызвала вопрос: каким образом такой человек мог целых 13 лет служить в полиции?

Между тем, родственник преступника, некий Есидзуми, показал, что незадолго до командировки, он беседовал с Цудо и тот сказал: «Скоро к нам прибывает русский цесаревич. Говорят, вместе с ним в Японию возвращается Сайго!»

Есидзуми ответил, что, по его мнению, слухи о Сайго – полная ерунда. Однако Цудо не согласился: «А я думаю, что все это правда, и вот почему. По прибытию в Японию цесаревичу полагалось бы первым делом направиться в Токио, а он вместо этого поплыл в Кагосиму. Не иначе как тут все

дело в том, что вместе с ним был Сайго».

Здесь следует пояснить, что именно в Кагосиме разыгались заключительные события Юго-Западной войны, и там же находился памятник погибшим солдатам и офицерам правительственной армии. Именно возле этого памятника преступник, по его словам, впервые увидел цесаревича. Сам Цудо стоял в карауле, а Николай Александрович, якобы, прибыл сюда в сопровождении некоего пожилого господина, который весьма бесцеремонно уселся на ограду. Затем «русские» начали в бинокли осматривать окрестности, и время от времени обращались за пояснениями к своим рикшам. Те, были очень словоохотливы и вели себя «как собаки, ожидающие подачку». Наблюдавший за всем этим Цудо, вспомнил слухи о том, что русские приехали сюда шпионить, вспомнил о своих павших товарищах, и о том, что цесаревич, наверное, тайно привез в Японию предателя Сайго...

В общем именно тогда в уме простого полицейского возникла идея покушения, которую он и претворил в жизнь спустя двое суток. Здесь, правда, остался не выясненным один нюанс, который наверняка был известен следователям. Цесаревич не посещал памятник героям Юго-Западной войны, и, Сандзо Цудо наверняка перепутал его с каким-то другим иностранным туристом. Но почему же тогда, стоя в оцеплении в Оцу и уже наверняка видя свою ошибку, он все-таки занес руку для рокового удара? ...

Сандзо Цудо был приговорен именно к пожизненному за-

ключению, которое ему довелось отбывать в тюрьме Кусиро на острове Хокайдо. Впрочем, находился он там недолго и уже 29 сентября 1891 года умер от пневмонии.

Но, кто же мог направлять руку Сандзо Цуда? «Доброжелателей» было сколько угодно – английские, американские или немецкие дипломаты. Наконец, это могли быть и высокопоставленные японские сановники, имеющий свой собственный взгляд на то, что именно хорошо и плохо для страны Восходящего Солнца. Им даже не требовалось лично общаться с будущим преступником. Достаточно было использовать его «в темную»: то есть при помощи разговоров и соответствующим образом подобранной литературы вызвать у Сандзо Цуда ненависть к русским, которые, якобы, угрожают его любимой Родине. А потом, постараться, чтобы патристично настроенный полицейский оказался в оцеплении на одной из улочек в Оцу – в нужное время и в нужном месте.

Скорее всего, расчет делался на то, что наследник российского престола погибнет от руки фанатика, и тогда отношения между двумя странами будут испорчены на многие годы. До гибели цесаревича, правда, дело не дошло, однако возможное русско-японское сближение оказалось сорванным».

Примечание автора: на мой взгляд, развивать изложенную выше версию в этой сцене все же нецелесообразно, так как эпизод в Оцу – только начало большой истории, дальнейшие эпизоды которой более важны для фильма в целом.

СЦЕНА 5. 1896 год. Шотландия. Встреча с королевой Викторией.

Действующие лица:

НИКОЛАЙ – Николай Александрович Романов, император, в этой сцене ему около 28-ми лет;

АЛЕКСАНДРА – Александра Федоровна, молодая жена Николая, императрица, в этой сцене ей около 24-х лет;

ОЛЬГА – их дочь Ольга (3 ноября 1895 – 17 июля 1918), в этой сцене ей около 10-ти месяцев;

КОРОЛЕВА – королева Великобритании Виктория (правилла до 1901г.), 77-ти лет;

Слуги во дворце, люди на улице, прохожие, англичане.

Место и время действия: Сентябрь 1896 года. Шотландия, НАТВИНТ: побережье Шотландии, дорога к замку и затем замок Балморал.

Камера показывает сначала императорскую яхту «Штандарт» на рейде г. Лейта (близ Абердина, восточное побережье Шотландии) и встречу императорской четы; идет проливной дождь. В сопровождении принца Альберта и свиты они отправляются в горы Абердина, в огромный, окруженный башнями, гранитный замок Балморал (в дневнике Николая Второго – Бальмораль), где находилась в то время королева Виктория (бабушка Аликс).

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Летом 1896 года, через несколько месяцев после коронации, императорская чета с 8-ми месячной дочерью Ольгой отправилась в большое европейское турне, нанося официальные и частные визиты августейшим правителям Европы. В сентябре 1896 года они прибыли к побережью Шотландии, где в горах Абердина, в замке Балморал находилась в то время королева Виктория, – родная бабушка Аликс, принцессы Гессенской – теперь русской императрицы.

Николай влюбился в любимую внучку английской королевы Аликс (бабушка звала ее «Солнечный Лучик») в 1884 году, с первого взгляда, на свадьбе ее старшей сестры (Эллы, Елизаветы Федоровны) с братом Александра III, великим князем Сергеем Александровичем. Влюбился на всю жизнь. Николаю было тогда 16 лет, ей – всего двенадцать. Однако, Аликс не понравилась двору русского императора. Кроме того, Александр III желал развивать союз России и Франции и желал помолвки наследника с принцессой из Орлеанского дома. Николай покорно соглашается не настаивать на браке с Аликс, но от Орлеанской принцессы решительно отказывается. Мягкий и послушный на первый взгляд, он с самых юных лет проявлял тихое, но бескомпромиссное упорство в главных вопросах. Он решил ждать, когда судьба и Бог соединят их.

Они встретились вновь через пять лет, зимой 1889 года,

когда Аликс гостила у своей сестры в Санкт-Петербурге. Они виделись почти каждый день. На следующее лето она вновь приехала к сестре, но Александр III запрещает наследнику видеться с ней. Вероятно, к этому времени и русский император, и английская королева уже знали о той угрозе, которую таил брак с ее внучками – два ее правнука от других ветвей по женской линии были поражены гемофилией. Возможно, знала или догадывалась об этом, и сама Аликс: на протяжении следующих четырех лет она отказывала Николаю, будучи влюблена и любима. Предлогом для отказа она выбрала необходимость перемены вероисповедания, – вовсе не непреодолимое препятствие.

Потом у Николая был роман с Матильдой Киесинской, но это было увлечение. Любовь к «Солнечному Лучику» оказалась сильнее. Отец, с чьей «подачи» и начался этот роман, к началу 1894 года тяжело болел. Скоро стало ясно, что надежды на улучшение его здоровья нет. В апреле 1894 года цесаревич был приглашен на свадьбу Эрнеста, брата Аликс, в Кобург. На брачную церемонию собрались все монархи Европы, в том числе семидесятипятилетняя королева Виктория. Николай вырвал у родителей разрешение сделать Аликс предложение: смертельно больной отец дал согласие, видя беспримерное упорство сына. Цесаревич прибыл в Кобург 5 апреля как представитель царствующего двора России.

Аликс встречала его на вокзале. В первый же день они

проговорили вдвоем до полуночи, но она плакала и отказывалась выйти замуж. Это продолжалось три дня. Почти из последних сил она говорила ему «нет».

Во время чтения этого текста в кадре – Николай и Александра с маленькой Ольгой на руках, в закрытой карете, едут под проливным дождем в замок Балморал. Они что-то вспоминают, тихо переговариваются между собой.

НИКОЛАЙ:

Ты помнишь Кобург, солнечный апрель? Как ты плакала тогда! «Нет, нет, я не могу...» Только письмо мама спасло меня, спасло нас... Я передал его тебе, когда уже отчаялся убедить тебя.

АЛЕКСАНДРА

(с заметным английским акцентом, вскоре переходя на английский):

Конечно помню, Ники. У меня были какие-то тяжелые предчувствия. Я боялась, что принесу тебе несчастье. Слава Богу, твоя мама нашла нужные слова...

В кадре – солнечный Кобург, вокзал, Аликс среди встречающих на перроне; затем комнаты во дворце Кобург, долгие встречи наедине, волнения обоих; Аликс прекрасна, но печальна, Николай бледен, настойчив, ласков... Он передает ей письмо, выходит в соседнюю комнату. Аликс читает пись-

мо императрицы Марии Федоровны. Николай, Элла и кайзер Вильгельм – в соседней комнате. Аликс выходит к ним, говорит, что согласна – плачет. Слезы счастья – на глазах Николая.

АЛЕКСАНДРА

(в продолжение диалога в карете, под дождем):

Я не могла объяснить ни себе, ни тебе, что остановило меня. Какой-то необъяснимый страх из глубины души. Но этот страх исчез в тот миг, как я сказала тебе «да» – в том апреле, в Кобурге. А потом... Помнишь, тем же летом, ты приплыл на «Полярной звезде» в Англию, – я гостила у бабушки в Виндзоре. И даже она – О! такая строгая пуританка, – даже она разрешила нам встречаться наедине, без всяких компаньонов. Она увидела силу нашей любви. Наша любовь сильна как... как смерть...

НИКОЛАЙ

(улыбается, обнимает ее и гладит маленькую Ольгу):

Сильнее смерти, сильнее! Дети сильнее смерти, Аликс. Ведь и Господь наш велел нам: будьте как дети! Дети не знают, что такое смерть. Они сильнее смерти. Через детей мы побеждаем смерть.

АЛЕКСАНДРА:

Ники, Ники, – когда ты обнимаешь меня ночью, я знаю это. Твои ласки уносят меня на седьмое небо. Я забываю обо всем. Ты такой сильный, Ники, милый. Со мной ты во-

шел в полную силу через полгода после свадьбы... Ты сильный мужчина, Ники, очень сильный. Но ты... В политике твоя мама и твои дяди считают тебя едва ли не ребенком, я вижу это. Когда ты станешь сильным Государем, мой повелитель? Будь также силен и умел днем, как ты силен и умел со мной ночью...

НИКОЛАЙ:

Всеми свое время.

Тем временем вереница экипажей подъезжает к замку Балморал. При факельном освещении видны гранитные башни, въезд, ступени замка. Королева Виктория встречает гостей на ступенях замка, в окружении семейства и свиты. Слуги держат над ними зонты (проливной дождь шел все время пребывания императорской четы в Шотландии). Теплая встреча, приветствия. Королева берет на руки маленькую Ольгу, целует ее в обе щеки. Ребенок таращит глаза, то улыбается, то морщится. Камера следует за королевой, свитой и гостями во внутренние покои замка.

КОРОЛЕВА:

Дорогие мои, будьте как дома здесь. Я хочу, чтобы вы наслаждались покоем и любовью эти дни здесь. Ники, наш Берти составит тебе компанию на охоте. В наших лесах много оленей. «Солнечный Лучик», мы с тобой посвятим наше время вашей малышке и общению. Нам много о чем нуж-

но переговорить и посекретничать (улыбается). Ники, вы отправитесь во Францию прямо отсюда, с нашего рейда?

НИКОЛАЙ:

Нет, мы хотим отплыть из Портсмута. Наши «Штандарт» и «Полярная звезда» пойдут туда через два дня. Мы поедем на юг, через всю Англию.

СПРАВКА: Р. Мэсси. Николай и Александра. – М., «Захаров», 2003, гл. 3 и 5.

СЦЕНА 6. 21 сентября 1896 г., Шотландия. Встреча с принцем Уэльским.

Действующие лица: те же, и

ЭДУАРД – Принц Уэльский, (в 1901-1910 гг. король Англии Эдуард VII), 55-ти лет;

а также слуги во дворце, люди на улице, прохожие, англичане.

Место и время действия:

21 сентября 1896 года,

ИНТ: замок Балморал, гостиная, библиотека.

Николай и Александра в гостях у принца Уэльского. Сидят за обеденным столом. Видно, что Николай и Александра влюблены друг в друга. Обед подходит к концу. Слуги меня-

ют блюда, подают кофе. Николай и Эдуард закуривают сигары.

ЭДУАРД

(обращаясь к Николаю):

Пока твоя очаровательная Аликс, моя крестница, будет занята с малышкой, я приглашаю тебя в библиотеку. Мы обсудим там некоторые политические и научные вопросы.

НИКОЛАЙ

(улыбаясь):

Научные? Что ты имеешь в виду? Электричество, магнетизм? Технический прогресс? Мы ведь обсуждали это с тобой на прошлой встрече, новые ужасные орудия войны.

ЭДУАРД *(вставая и направляясь вместе с Николаем ко входу в библиотеку):*

Нет, не это. Тебе будет интересно, я уверен.

НИКОЛАЙ *(уже в библиотеке):*

Дорогой Эдуард, я весь – внимание...

ЭДУАРД:

Некоторое время назад я встречался у себя во дворце, в Мальборо с очень интересным джентльменом, его имя – Луис Хамон. Это известный у нас в Англии предсказатель, астролог и хиромант. Его знания основаны на древних индийских традициях..., впрочем, из каких традиций он бы ни получил свои знания, они удивительны – многое из того, что он предсказал мне, уже сбылось. А ранее он сделал точные

предсказания многим другим, которые и рекомендовали его мне. Так вот, на той встрече я назвал ему даты рождения некоторых интересных мне людей – конечно, не называя их имен – и попросил его составить предсказания для них. Он не знал, кому пишет предсказания, он знал только даты рождения. Надеюсь, ты не будешь в претензии, что среди этих дат я назвал и твою: 18 мая 1868 года, около полудня – видишь, я помню даже это...

НИКОЛАЙ:

Ты веришь в астрологию и хиромантию?

ЭДУАРД (с улыбкой):

Ваше императорское Величество, дорогой Ники, – да, верю. Более правильно, я убедился в точности его предсказаний, как и десятки людей, которые обращались к нему ранее. Напомнить тебе, что такие великие ученые умы, как Тихо Браге, Иоганн Кеплер, наш великий сэр Исаак Ньютон, да и многие другие в более близкие времена защищали астрологию от нападок и занимались этой наукой? Конечно, на этом поле подвизаются ныне многие шарлатаны, но есть и истинные знатоки, и он – лучший из них!

НИКОЛАЙ:

Хорошо. Что же этот знаток судеб написал обо мне?

Эдуард открывает ключом маленькую железную дверцу в стене библиотеки и достает несколько листов бумаги. Передает один из них Николаю.

ЭДУАРД:

Суди сам. Я был весьма удивлен. Было бы нечестно скрывать это от тебя.

Николай садится в кресло, внимательно читает. Его лицо выражает легкое недоумение.

НИКОЛАЙ:

Ты давно перечитывал это? Позволь я прочитаю это вслух, – может быть, ты подзабыл этот странный текст? Это очень странно:

«Кто бы ни был этот человек, дата его рождения, нумерология и другие данные показывают, что в течение своей жизни он часто будет иметь дело с опасностью ужасов войны и кровопролития; что он сделает все от него зависящее, чтобы предотвратить это, но его Судьба настолько глубоко связана с такими вещами, что его имя будет скреплено с двумя самыми кровавыми и проклятыми войнами, которые были когда-либо известны, и что в конце второй войны он потеряет все, что он любил больше всего; его семья будет вырезана и сам он будет насильственно убит».

СПРАВКА: о предсказаниях Луиса Хамона Николаю Второму здесь и далее см:

Louis Hamon. Fate in the Making Revelations of a Lifetime. –

ЭДУАРД:

Я не знаю, Ники, как относиться к этому тексту. Конечно, ты можешь сжечь это прямо сейчас, если захочешь. С другой стороны, граф Хамон живет в Лондоне, и у него есть маленький офис в Оксфорде. Он проводит дни в своем офисе, принимая клиентов и работая над их заказами. Я дам тебе адрес. Если хочешь, обратись к нему за разъяснениями сам. Он узнает свой почерк. Ты ведь будешь ехать в Портсмут через Оксфорд? Ты можешь прийти к нему инкогнито. Он не был в России пока ни разу и уж точно не знает тебя в лицо.

НИКОЛАЙ:

Да, я пойду к нему инкогнито. Надеюсь, у меня будет время для этого визита.

СЦЕНА 7. 22 сентября 1896 г., Оксфорд. Встреча с Луисом Хамоном.

Действующие лица:

- **НИКОЛАЙ** – Николай Александрович Романов, император, около 28-ми лет;
- **ЛУИС ХАМОН** – астролог и хиромант Луис Хамон (1866-1936), около 30-ти лет;
- Люди на улице, прохожие, англичане.

Место и время действия:

22 сентября (около 15ч дня), 1896 года.

НАТВИНТ% Оксфорд, офис Луиса Хамона.

Николай в штатской одежде, похожий на обычного английского джентльмена, подходит к дому (где находится офис Луиса Хамона). Стучит в дверь офиса. Луис открывает дверь, обычное приветствие; они входят в офис, усаживаются в кресла близ письменного стола.

ЛУИС ХАМОН:

Как вас называть? Чем обязан?

НИКОЛАЙ:

Меня зовут Job, но мое имя в данном случае не имеет значения и ничего не скажет вам. Я – друг одного из ваших иностранных клиентов. Он переслал мне этот ваш прогноз с просьбой дать некоторые пояснения. Он сомневается в справедливости ваших предсказаний и просит еще раз внимательно изучить дату его рождения – не ошиблись ли вы, давая такие странные прогнозы. Я знаю, что ваша репутация как предсказателя судеб безупречна, но я должен выполнить просьбу моего друга. Дата рождения – 18 мая 1868 года, около полудня – написана на листе, сверху. Дата верна. Место рождения также указано верно.

ЛУИС ХАМОН:

Да, господин Job, это мои прогнозы. Кажется, я делал

это около года назад. Но я не встречался с заказчиком лично, и я не знаю, кто он; это был анонимный заказ от другого лица. Ваш друг, судя по месту рождения, русский?

НИКОЛАЙ:

Это имеет значение?

ЛУИС ХАМОН:

Обычно я спрашиваю клиента, живет ли он сейчас и в основном там, где родился – это имеет значение. В данном случае, если бы ваш друг в младенчестве был увезен родителями в другую страну, за сотни или тысячи миль от русской столицы, его судьба была бы иной. Но если он в основном провел свою жизнь в Санкт-Петербурге, то ...

НИКОЛАЙ:

Он русский, и он живет в Санкт-Петербурге постоянно. Он не покидал русскую столицу более, чем на полгода.

Луис Хамон задумывается, предлагает гостю кофе и сигареты. Внимательно перечитывает свой прогноз, рисует гороскоп на другом листе бумаги, заглядывает в таблицы Эфемерид (положения планет в разные годы). Потом пишет какие-то цифры. Еще раз читает свой прогноз. Удовлетворенно хмыкает и возвращает его Николаю.

ЛУИС ХАМОН:

Вы можете сказать мне, не произошли ли в жизни вашего друга важные изменения два года назад, в октябре –

возможно, смерть отца и вхождение в права большого наследства – и затем в мае этого года? Вероятно, женитьба на иностранке и официальное вхождение в очень крупную должность, что-то вроде главы крупнейшей корпорации. Какие-то важные церемонии, почетные и трудные обязанности. Простите, если мои вопросы кажутся вам нескромными.

НИКОЛАЙ

(спокойно, без тени смущения):

Вы слегка преувеличиваете, но в целом – верно. И что же? Вы корректируете ваши дальнейшие предсказания? Эти две войны, о которых вы пишете... Это очень странно. Он, мой друг – мирный человек. Поэтому он и попросил меня посетить вас, когда узнал, что я еду... Что я возвращаюсь в Лондон.

ЛУИС ХАМОН:

Сэр, я подтверждаю свои прежние предсказания, в полном объеме. он часто будет иметь дело с опасностью ужасов войны и кровопролития; он сделает все от него зависящее, чтобы предотвратить это, но его Судьба настолько глубоко связана с такими вещами, что его имя будет скреплено с двумя самыми кровавыми и проклятыми войнами, которые были когда-либо известны, и в конце второй войны он потеряет все, что он любил больше всего; его семья будет вырезана и сам он будет насильственно убит. Я сожалею. Я очень сожалею, но я подтверждаю свои прогнозы в полном

объеме. Если хотите, я объясню вам методы астрологии, с помощью которых я прихожу к этим выводам. Кроме того, если хотите, я посмотрю ваши руки и с помощью индийских методов хиромантии проверю свои астрологические выводы дополнительно.

НИКОЛАЙ:

Граф, вы ошиблись, речь идет о моем друге. Это его руки вам следовало бы посмотреть. Если вы когда-нибудь будете в Санкт-Петербурге... Что касается разъяснений по технике предсказаний, то... сейчас у меня мало времени, но я с удовольствием выслушал бы ваши научные объяснения в другой раз, если вам и мне представится такая возможность.

ЛУИС ХАМОН:

Простите, Сэр. Я увлекся беседой с вами. С удовольствием встречу с вашим другом, если и когда буду в русской столице. Почему-то и относительно вас, я уверен, что это не последняя наша встреча. Вы постоянно живете в Лондоне?

НИКОЛАЙ:

Нет, не безвыездно. Сколько я должен вам, граф, за эту консультацию?

ЛУИС ХАМОН

(протягивает Николаю счет):

Господин Job, это обычная цена за повторную консультацию. Пожалуйста, передайте вашему другу, что ему сле-

довало бы в ближайшие три-четыре года навсегда покинуть русскую столицу и жить в тысяче миль к Западу от нее, если он хочет изменить свою судьбу, по крайней мере в части моих предсказаний о войне и трагедии в конце жизни.

Николай расплывается, внимательно смотрит на Луиса. Раскланиваются.

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ к пребыванию Царской семьи в Англии (из Дневников Николая Второго за 1896 год) 10-го сентября. Вторник.

Ночью продолжало немного покачивать яхту. В 7 ч. пришли на вид Шотландского берега и тогда расстались с «Полярной Звездой» – она повернула обратно в Данию. Погода испортилась, задул SO и пошел дождь. Пройдя милю эскадры канала, стали на якорь в полумиле от гор. Leith. К 11 час. прибыли на яхту д. Берти и Arthur со свитой и остались завтракать у нас. В 1 1/2 простились с чудным «Штандартом» и съехали на берег на частном пароходе при салюте с эскадры. Я был в форме Scots Greys. На пристани городские головы Leith'a и Эдинбурга сказали приветственные речи и затем мы отправились в экипажах на станцию под конвоем Scots Greys. Уехали в Королевском вагоне в 2 1/2 и прибыли в Ballater в 7 ч. На станциях в пути были встречи с почетными караулами и адресами от городов. Было холодно, моросило и трясло ужасно на ж.– д. В Ballater ожидали нас Джор-

жи и Мей. Оттуда ехали в экипажах час времени и приехали в Бальмораль к 8 ч. при факельном освещении. Granny и женский и детский персонал семейства встретили в дверях. Обедали в 9 ч., и я не вылез из мундира раньше 11 час. Слава Богу, что доехали благополучно и что дочка не особенно устала! Легли спать в 12 ч.

11-го сентября. Среда.

С утра погода стояла отвратительная – та же что и вчера. Не успел разложиться в комнате, фельдъегерь навез много бумаг и кроме того дядюшки хотели тянуть меня на охоту на grouse*. Но это провалилось из-за погоды. Завтракали вшестером в час и затем отправились в ближайшие горы на оленей. Ничего не видел и скупал с Кожиным, поздравив эту охоту датскою! Под конец только д. Берти и Воронцов убили пополам несчастного оленя, и мы вернулись домой в 7 час. Обед был большой в 9 час.

* Рябчик (англ.).

12-го сентября. Четверг.

Наконец погода поправилась и все горы очистились от висевших на них туч. Утром успел окончить дела и отослать фельдъегеря; Гулял с Аликс, зашли в единственную здесь лавку и купили несколько вещиц. Завтракали в 2 ч., видел Луизу и Файф*. В 4 ч. приехала т. Аликс с Викторией, они имели прескверный переход на «Осборне». Мод и Карл явились из Sandringham. Все они поехали жить в Marlodge. В 5 1/2 отправились пить чай в один из домиков лесничего. Обе-

дали в 9 час.

* Александр Дуфф (Macduff) Файфский – муж английской принцессы Луизы.

13-го сентября. Пятница.

Опять полдня шел дождь и тем не менее мы отправились на охоту, в те места, где вчера проезжали к чаю. Для меня охота была неудачна, стрелял, но олени проходили слишком далеко. Завтракали на воздухе, погода стала лучше. Всего убито 11 оленей. Пили чай по окончании охоты в доме Donald Steward'a, старшего охотника, кот. ходит со мною во время загонов. Туда же приехали Granny, Аликс и др. Вернулись домой в 6 ч. Обедали в 9 ч. Вечером писал.

14-го сентября. Суббота.

День простоял без дождя. В 11 час. неустанные охотники отправились в горы на облаву, но ни одного оленя никто не видал и за весь день был слышен один выстрел. Завтракали в лесу. После охоты пошли пешком в домик Birkhall, где живет с семейством адмирал Clan-William, у кот. мы пили чай. Вернулись домой в 7 ч., проехав через гор. Ballater. Джоржи и Мей обедали с нами.

15-го сентября. Воскресенье.

Встали с ужасной погодой – буря с дождем. В 12 час. поехали в церковь; в первый раз присутствовал на шотландской службе. Завтракали семейством. Прояснило и стало холодно. Пошел гулять к Abergeldie Castle*, где мы все пили чай. Имел разговор с Salisbury. Обедали в 9 ч. и вечером зани-

мался.

(Мое примечание: лорд Salisbury – премьер-министр Великобритании в 1895-1902гг)

* Замок Абхергельди.

16-го сентября. Понедельник.

Наконец первый день простоял ясный. В 9 1/2 отправились на облаву на знаменитые grouse в горы около Birkhall и Glenmuick. Убил всего две штуки, т. к. стрельба по этим птицам очень трудна. Завтракали в палатке от щедрот Lord Glenesk, у которого мы по окончании охоты пили чай в многочисленном обществе. Вернулись домой в 7 1/2. Порядочно устал от лазания по горам и долгого стояния на NoNo * внутри земляных башен!

* На номерах – охотничий термин.

17-го сентября. Вторник.

День был свободный, т. е. без выезда из дому б. на охоту. Утром снимался в мундире и сюртуке Scots Greys. К завтраку приехало семейство из Mar Lodge, снимались группой. Пошли пешком и затем доехали до домика лесничего – Danzig, где пили чай. Вернулись домой с Granny. Имел еще дополнительный разговор с Salisbury. Обедали в 9 1/4. У меня была невралгия.

18-го сентября. Среда.

Последствием этой невралгии было то, что у меня безобразно вспухла левая щека и ночью я совсем не спал. Терпеть не могу показываться в таком виде! Утром сидел дома.

В 12 1/2 отправился с Granny и Аликс в Mar Lodge к Луизе и Macduff. Они встретили нас со своими людьми – 80 чел. с зеленым флагом. Завтракали с семейством. Осматривали их небольшой дом и барак, пристроенный к нему, в кот. живут т. Аликс, Виктория, Карл и Мод. Вернулись домой в 6 ч. и пили чай с Granny. Обедал один в 8 ч. из-за щеки. Вечером читал.

19-го сентября. Четверг.

Чувствовал себя отлично и опухоль почти прошла. День стоял вполне хороший и теплый. После кофе гуляли за колбасочкой Granny. Читал и начал мало-помалу укладываться. Завтракали в 12 1/4 – безбожный час. В 4 1/4 отправился пешком с Franzios Bat в другой чайный домик Glen Gelder, недалеко от места одной из облав. Аликс поехала туда с Thora. Вернулся назад с Granny и женошкой. Вечер был свободный. Обедал со всеми в 9 час.

20-го сентября. Пятница.

День простоял хороший, но дул настоящий шторм. После кофе поехал один deerstalking *. Прогулялся целый день по горам, лесам и болотам, проголодался и в результате не убил ничего и не выпустил ни единой пули. Право досадно! Встретил Granny и Аликс по дороге домой. После своей ванны присутствовал при ванне дочки и затем сидел у Granny и имел с ней политический разговор. Обедали в 9 час. Распределяли вдвоем подарки для всех здешних придворных.

* Охотник на оленей (англ.).

21-го сентября. Суббота.

После кофе вышли вместе в сад, где нас снимали и простым способом и вертящимся (синематограф). Гуляли с Granny. Завтракали со всеми детьми Беатрис, по случаю дня рождения ее младшего сына. В 3 1/2 приехала т. Аликс с двоюрод. сестрами. Видались с ними недолго, так как пришлось скоро отправиться с Granny. Пили чай с нею дома. Переоделся в сюртук Scots Greys. Обедали в 8 3/4 и около 10 ч. простились с Balmoral и при факельном освещении, и с тем же конвоем поехали в Ballater. Сели в поезд и в 11 ч. тронулись в путь. Аликс и я были в удобном вагоне Granny. Спали в одном отделении.

22-го сентября. Воскресенье.

Спали отлично. В 8.45 остановились в Preston для кофе. Шел дождь и было холодно. Завтракали в Oxford в 2 часа. Видели там бывшего бомбейского губернатора – lord Harris. В 5 1/2 приехали в Портсмут. Два почетных караула – креп. артиллерия и моряков. Прямо по сходне вошли на «Полярную Звезду». «Штандарт» стоял на рейде. В 8 ч. обедали с английскими адмиралами, генералами и нашей шитой. Посетили «Victoria Albert», на кот. проводят ночь д. Arthur, т. Lonischen и Helen. Наконец послушали нашу музыку за обедом. Ночь стояла ясная.

ВТОРАЯ СЕРИЯ. (Первое послание из прошлого).

СЦЕНА 1\2. Май 1898 г., Санкт-Петербург. Николай и Александра.

Действующие лица:

- НИКОЛАЙ – Николай Александрович Романов (1868 г.р.), император;
- АЛЕКСАНДРА – Александра Федоровна (1872 г.р.), императрица;

Место и время действия:

Май 1898 года,

ИНТ: Царское Село, Александровский дворец.

(Примечание: описание дворца начала века и распорядок жизни в нем см. Роберт Мэсси «Николай и Александра», стр.141-153. Портрет Александры Федоровны (стр.147): «... Высокая стройная фигура... Императрица была одета во все белое с прозрачной белой вуалью на шляпе. У нее был чудный чистый цвет лица... Ее волосы были рыже-золотистыми, глаза – темно-синими, а талия – гибкой как лоза. Я увидела на ней превосходные жемчуга, а бриллианты в ушах свер-

кали всеми цветами радуги, когда она поворачивала голову... Я отметила, что она говорит по-русски с сильным английским акцентом». Любимые цвета – лиловый, серебряный, сиреневый, светло-зеленый).

Камера показывает Царское село и Александровский дворец. Александра обнимает и целует маленькую Ольгу (трех лет) и годовалую малышку Татьяну; оставляет детей с прислугой, выходит в сад, где ее ждет Николай. Императорская чета прогуливается по парку.

АЛЕКСАНДРА:

Наши малышки так довольны, что ты играл с ними сегодня утром почти час. Ольга только что спрашивала, когда ты вернешься к ним сегодня еще раз.

НИКОЛАЙ:

Я провел бы с ними и больше времени, но ведь ты знаешь, меня ждали сегодня три доклада.

АЛЕКСАНДРА:

Ники, что хотел от тебя этот старый еврей, Иоанн... Блюх – да, Блюх? Я слышала, он не только очень богат, но и очень умен, и написал много книг про железные дороги в России. Это первый раз, чтобы ты принял еврея. Ты долго разговаривал с ним. Про железные дороги, или он мучил тебя своими гадкими еврейскими вопросами?

НИКОЛАЙ:

Не без этого, но в основном он рассказывал о своей новой книге – «Будущая война и ее экономические последствия». Именно по этому вопросу он и просил принять его. Огромный труд, шесть томов, ее уже переводят на английский, французский и немецкий, и даже на польский. Впрочем, он ведь польский еврей. А книга очень интересная, толковая, доказательная. Но вряд ли тебе будет интересна эта тема.

АЛЕКСАНДРА:

Ты же знаешь, мне интересно все, чем ты занят. Неужели ты прочитал все эти шесть томов?

НИКОЛАЙ:

Пролистал. Блюх подробно и толково изложил мне суть дела. Он хорошо разбирается в экономике, в финансах, в военном деле. Так вот, он доказывает, что будущие войны – войны XX века – будут отличаться от прежних как... весенний дождик от грозового ливня и наводнения, как ссора детей от безобразной пьяной драки с поножовщиной. Он утверждает и доказывает расчетами, что будущие войны будут губельны для мирного населения едва ли меньше, чем для армий, и что ни одна экономика в мире не вынесет без тяжелейших последствий их напряжение. Упадок будет грозить не только побежденным, но даже победителям.

АЛЕКСАНДРА:

Еврейские страхи?

НИКОЛАЙ:

Нет, он убедительно доказывает это с цифрами в ру-

ках. Оружие стремительно совершенствуется и становится все мощнее и дороже. Австрийцы вот, недавно, начали перевооружать свою армию, прежде всего артиллерию. Мы не можем пока ничего противопоставить их новым пушкам на случай войны. Германский рейхстаг недавно принял военно-морскую программу Альфреда фон Тирпица – это мощная программа. Мир вовлекается в гонку вооружений. Не все это понимают. Эти скорострельные ружья, новые пушки, цеппелины, новые броненосцы... Все это очень дорого стоит. Конечно, Россия очень богата, но Блюх убедил меня, что даже для нас это будет тяжелое бремя. Он полагает даже, что будущая мировая война в Европе может стать гробом для великих монархий, – для России, Германии, Австро-Венгрии.

АЛЕКСАНДРА:

Россия должна быть сильной, я уже поняла это. Мне кажется все же, этот Блюх преувеличивает.

НИКОЛАЙ:

Евреи обычно что-то преувеличивают и врут. Но про войну я знаю больше твоего (улыбается). В данном случае Блюх прав. Он прав. Кроме того, милая Аликс, еще мой дед, а затем и мой отец беспокоились об этом. Они считали, что оружие усовершенствуется быстрее, чем народы и страны – чем солдаты и офицеры. Еще 30 лет назад дед собрал в Санкт-Петербурге конференцию европейских дипломатов, где убедил их подписать конвенцию о запрещении разрывных

и зажигательных пуль... Боже, Аликс, о чем мы говорим перед ужином? Давай, сменим тему.

АЛЕКСАНДРА:

Идем ужинать, но потом продолжим этот разговор. Когда я была маленькой, немцы звали меня «Шницбубе», – как это по-русски?

НИКОЛАЙ

(улыбаясь):

Забияка.

АЛЕКСАНДРА:

Да, за-би-яка. Мне интересно про ружья и пушки тоже. Мне интересно все, что важно для тебя.

Николай и Александра идут к Александровскому дворцу, ужинают. Затем камера – в одной из небольших комнат дворца (комфортабельный английский стиль начала века). Вечер. Он сидит в кресле, в расстегнутом мундире, она – в легком вечернем платье.

АЛЕКСАНДРА:

Итак, мир без войн? Но это невозможно. Вот, американцы воюют сейчас с испанцами. Год назад греки воевали с турками, а годом раньше – итальянцы с эфиопами. Вильгельм вооружает Германию. Австрия – ты сам сказал об их новых пушках... Если Россия не будет сильной, у кого-то возникнет соблазн отнять у нас окраины, а то и большие.

Твой отец прекрасно понимал это, и все русские государи знали это.

НИКОЛАЙ:

Да, конечно... Но я понял, что нельзя бесконечно и бесконтрольно вооружаться, наперегонки с Европой. Это подорвет жизненные силы народов даже без войн. Кроме того, Аликс, я должен сказать тебе одну вещь... Помнишь, два года назад, в сентябре, я рассказывал тебе, что в Лондоне побывал у некоего графа Хамона...

АЛЕКСАНДРА:

Помню. Луис Хамон... Кайро – он самый знаменитый предсказатель Европы, я слышала о нем не только от тебя. Я заказала его книги, но еще не читала их. Я помню, ты сказал мне тогда, в Лондоне, что он предсказал России участие в двух войнах в XX веке. Но потом нас отвлекли, и ты не закончил рассказ... А потом я спрашивала тебя о той встрече еще раз, и ты сказал, что обязательно расскажешь мне все, когда придет время.

НИКОЛАЙ:

Вот, время пришло. Читай.

Достает из кармана лист бумаги – тот самый, с предсказаниями Кайро. Александра внимательно читает. Взмолнованно встает, подходит к Николаю и горячо обнимает его.

АЛЕКСАНДРА

(повторяет строки предсказания):

«Его имя будет скреплено с двумя самыми кровавыми и проклятыми войнами» ... «в конце второй войны он потеряет все, что он любил больше всего; его семья будет вырезана и сам он будет насильственно убит». Ники, милый Ники! Этого не может быть! Ирландец ошибся... Предсказатели часто ошибаются... Они не пророки, а только предсказатели...

НИКОЛАЙ:

Помнишь, еще раньше я рассказывал тебе о предсказаниях японского старика, отшельника Теракуто?

АЛЕКСАНДРА

(гладит его по голове, осторожно нащупывает шрам от сабельного удара):

Да, помню...

НИКОЛАЙ:

Помнишь, я рассказывал тебе о предсказаниях француженки Ленорман моему деду? О восьми покушениях?

АЛЕКСАНДРА

(тихо):

Помню...

НИКОЛАЙ:

Успокойся, ты вся дрожишь... Я знаю, что нужно делать. Послушай, я знаю. Блюх, сам не зная того, дал мне ключ в будущее без войн. Этот астролог, Кайро, помнится сказал еще: умный руководит своими звездами, глупца они

тащат по судьбе. Что-то вроде этого, смысл именно таков.

АЛЕКСАНДРА:

Я поняла! Ты будешь Царь-Миротворец! Ты не допустишь вовлечения России в войну. Ты разошлешь письма всем монархам Европы, ты убедишь их, что мир необходим всем государям и всем народам! ... но (задумывается)... Ты не убедишь их. Вильгельм будет смеяться над твоими предложениями. Другие тоже. Только бабушка Виктория поймет и поддержит тебя. Ну, может еще французы...

НИКОЛАЙ

(спокойно, закуривая):

Это уже немало. Мы созовем всемирную конференцию по всеобщему ограничению вооружений. Извольский и Витте подготовят письма и переговорают предварительно с дипломатами Европы и Соединенных Штатов. Я начну подготовку завтра же. Конечно, и без этих предсказаний я стал бы делать это – Блиох убедил меня в необходимости ограничить гонку оружия. Но теперь я вдвойне уверен, что международная конференция необходима. Пусть кто-то посмеется сначала. Я добьюсь мира и разоружения!

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

После издания воспоминаний Кайро, в начале 1930-х годов, одна из английских газет писала, что Николай II в 1898 г. выдвинул свои знаменитые мирные инициативы по всеоб-

щему разрушению (Гаагская мирная конференция) именно под влиянием предсказаний Луиса Хамона о том, что имя нового русского царя история свяжет с кровавыми войнами, о которых Николай II узнал осенью 1896 года. Таким образом, можно сказать, что он пытался «переломить судьбу» уже тогда, в первые годы своего правления.

Напомним, что в августе 1898 года Россия разослала правительствам государств всего мира ноту о недопустимости дальнейшей гонки вооружений и разрушительном воздействии этой гонки на экономическое, финансовое и моральное состояние общества, цивилизации в целом. Россия предлагала созвать международную конференцию по этой проблеме. Тогда, в 1898 году, никто не знал о сделанных Кайро предсказаниях и выдвигались самые различные предположения о причинах, подтолкнувших русского царя к столь необычной, как многие считали, даже беспрецедентной в истории международных отношений инициативе.

На самом деле, вероятно, не только мрачные предсказания Кайро сыграли свою роль.

Еще дед Николая, Александр II прилагал усилия против гонки вооружений. В 1868 г. в Санкт-Петербурге по его инициативе была собрана конференция европейских дипломатов, и на ней подписана конвенция о «правилах войны» – о запрещении применения разрывных и зажигательных пуль, а в 1874 г. Россия выступила инициатором международной конференции по кодификации «правил войны» в сухопутных

сражениях. Внук продолжил международную миротворческую миссию своего деда.

Невероятное для того времени предложение русского царя удивило Европу. Некоторые политики приветствовали его и утверждали, что царь войдет в историю как Николай Миротворец. Однако, были и такие, которые отозвались весьма нелестно, в том числе принц Уэльский и кайзер Вильгельм. Последний телеграфировал своему кузену, Николаю II: «Вообрази монарха, распускающего свои полки, овеянные вековой историей, и предающего свой народ анархии и демократии».

Все же большинство государств поддержали инициативу России, и мирная конференция была созвана в Гааге в мае 1899 г. На ней присутствовали двадцать крупнейших европейских держав, а также США, Мексика, Япония, Китай, Персия и Сиам. Предложения российского правительства по сдерживанию гонки вооружений не были приняты, но была подписана конвенция по правилам ведения войны и учрежден постоянно действующий Международный арбитражный суд.

В 1907 г. и снова по инициативе России конференция была повторена. На этот раз в ней приняли участие более 250 официальных представителей из 44 стран (приехали даже представители стран из Латинской Америки). Принятые на двух Гаагских конгрессах мира конвенции и декларации оказались весьма жизнеспособными и позднее, после Первой

и Второй мировых войн, вошли в уставы Лиги Наций и ООН.

Сам Николай II в течение своего правления несколько раз передавал спорные международные вопросы (с участием России) на рассмотрение в Международный суд в Гааге; в 1914 г., накануне Первой мировой войны, он просил кайзера Вильгельма помочь ему передать спор между Австрией и Сербией на рассмотрение этого суда, – однако, события развивались столь стремительно, что война началась раньше, чем дипломаты успели договориться.

Мрачные предсказания Кайро, о которых Николай II впервые узнал в 1896 г., были точны. В том числе и в том, что «война будет неизбежна, несмотря на все усилия этого человека для ее предотвращения».

Во время этого рассказа показываются документальные кинокадры открытия Гаагской конференции 1899 года, затем японской войны, затем второй Гаагской конференции – 1907 года; затем – начала Первой мировой войны.

СЦЕНА 2\2. 1901 год. Первое послание из прошлого. Монах Авель.

Справочные материалы:

В.А. Семенов, зам. директора ГМЗ «Гатчина» по научной работе:

«В последние годы появились многочисленные публикации, в которых затрагивается тема пророчеств монаха Авеля, сделанных в царствование императора Павла I, и описывается посещение императором Николаем II Гатчинского дворца 11 или 12 марта 1901 года. Причем, сведения, сообщаемые всеми современными авторами, основаны на книге известного духовного писателя Сергея Александровича Нилуса (1862 – 1929) «На берегу Божьей реки», а также на «историческом сказании» «Вещий инок» другого писателя П.Н. Шабельского-Борк (1896 – 1952), писавшего под псевдонимами Кирибеевич и Старый Кирибей.

<...>

Согласно камер-фурьерскому журналу в 1901 г. Николай II впервые посетил Гатчину 4 февраля, когда он выезжал на охоту. Этот выезд находит отражение в дневнике:

«4-го Февраля. Воскресенье. Ясный нехолодный день. После обедни отправился с Эрни и другими охотниками в Гатчину. Охотились в фазанине. Я убил: 51 штуку, 9 куропа-

ток, 41 фазана и беляка. [Подчеркивание в оригинале – В.С.]
Всего убито 291. Вернулись в город в 5 1/2 ч.»

Следующий же раз, согласно камер-фурьерскому журналу, Николай II посетил Гатчину, причем вновь выехав только на охоту без посещения дворца, в ночь с 6 на 7 апреля. Этот факт также находит отражение в дневнике:

«7-го Апреля. Суббота. В 2 ч. Ночи отправился в Гатчино на мой глухариный ток. Пели они отлично. Я убил одного, кот. токовал на земле. Много снега лежало в лесу. Вернулся домой в 6 ч.»

Во дворце же первый раз Николай II в 1901 г. побывал 8 апреля. Запись в камер-фурьерском журнале гласит:

«В 7 час. 15 мин. Их Величества изволили проследовать по железной дороге в Гатчину, кушали за обеденным столом у императрицы матушки».

В дневнике Николая в записи за это число читаем:

«Поехали к обеду в Гатчино, куда Мама только что переехала. Провел с нею весь вечер».

Кроме того, в апреле 1901 г. император, как следует из камер-фурьерского журнала, посетил Гатчину еще четыре раза: 12, 15, 19 и 27 числа. Все эти сведения подтверждаются записями в дневнике. Таким образом, в «пограничный» период к интересующим нас датам (11 – 12 марта 1901 г.) можно отметить семь случаев посещения Гатчины Николаем II. Все они зафиксированы как в камер-фурьерском журнале, так и в дневнике. Поэтому крайне маловероятно (мож-

но сказать, вообще невероятно), чтобы посещение 11 или 12 марта не нашло бы отражения в камер-фурьерском журнале и дневнике или хотя бы в одном из этих источников. Следовательно, сведения, приводимые С.А. Нилусом со слов М.Ф. Герингер, ошибочны. Что же касается П.Н. Шабельского-Борк, к его «историческим сказаниям» не следует относиться как к серьезной исторической литературе, поскольку этот автор с невероятной легкостью обращается с историческим материалом и дает полный простор своей фантазии, с чем нам уже приходилось сталкиваться.

Отметим еще одно обстоятельство: 4 марта 1901 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна из Аничкова дворца отбыла в Копенгаген, откуда вернулась только 29 марта. Конечно, этот факт сам по себе ничего не доказывает. Однако весьма странно, что императрица-мать, наверняка зная о столь важном предстоящем событии для императорской семьи, уезжает не только из Петербурга, но и из России. Это тем более странно в связи с тем, что после смерти императора Александра III Гатчинский дворец в неизмеримо большей степени был резиденцией Марии Федоровны, чем Николая II.

<...>

У нас нет оснований ставить сегодня под сомнение наличие пророчеств Авеля, однако, несомненно, на наш взгляд, что если Николай II и познакомился с ними, то это произошло не 11 или 12 марта 1901 г., и уж точно не в Гатчинском

дворце».

В.А. Семенов, зам. директора ГМЗ «Гатчина» по научной работе

Примечание автора (Б.Р.): изложенное позволяет все же предположить, что Николай и Александра во время посещения Гатчинского дворца 8 апреля 1901 года могли ознакомиться с посланием-пророчеством Авеля. На это указывает и тот факт, что после этого в том же апреле Николай Второй еще четыре раза побывал у своей матери в Гатчинском дворце. Что касается дневников Николая Второго, то общепризнано, что в них отсутствуют записи о том, что он не считал возможным доверять бумаге. Невозможно даже предположить, что он записал бы в дневник хотя бы кратко эту историю. Мистика в его дневниках напрочь отсутствует, хотя его жизнь была полна мистики, и он много раз встречался с мистиками и предсказателями.

Действующие лица:

– НИКОЛАЙ и АЛЕКСАНДА, а также:

– ГЕРИНГЕР – обер-камерфрау императрицы – Мария Федоровна Герингер, ровесница императрицы -

– ФРЕДЕРИКС – Владимир Борисович Фредерикс (1838-1927?), из финских дворян, министр Императорского двора, адъютант, член Императорского совета, генерал от кавалерии; очень пожилой человек (в 1901г. ему было 63 го-

да); гибкая фигура, длинные усы, очаровательные манеры;
– МАРИЯ ФЁДОРОВНА – вдова Александра III (вдовствующая императрица), мать Николая II, 54-х лет (1847-1928), обаятельная и умная маленькая женщина с какой-то детской свежестью лица и взгляда.

– Свита государя;

Место и время действия:

8 апреля 1901 года.

НАТГИНТ: Царское Село, Александровский дворец, затем Гатчинский дворец.

ЭПИЗОД 1.

Камера показывает Царское село и Александровский дворец. Императорская чета за поздним завтраком (накануне Николай был на глухаринном току в ночное время). В окно светит яркое весеннее солнце.

АЛЕКСАНДРА:

Ники, кто поедет с нами в Гатчино? Я не знаю, мы едем туда по семейным делам, или это официальный выезд? И потом, кто этот Апель? Почему это так важно? Почему император Павел распорядился запечатать его письмо личной печатью и не вскрывать сто лет по его кончине? Сто лет! Я сгораю от любопытства, мой милый Ники!

НИКОЛАЙ:

Милая жезушка, как много вопросов! Впрочем, я тебя понимаю – я и сам уже месяц в радостном нетерпении... Сто лет минуло 11 марта – мы служили панихиду в тот день. Тогда бы и поехали в Гатчино, но Мама – ведь это ее дворец – была в Дании и только неделю назад вернулась. Но я кое-что рассказывал тебе об Авеле и об этой истории с письмом из прошлого месяца назад, после панихиды.

АЛЕКСАНДРА:

Да, милый, я помню, что этот монах – Василий Васильев – делал дерзкие предсказания великой Екатерине, Павлу Петровичу, Александру Павловичу, и что все они сажали его в тюрьму, но следующий государь, – убедившись, что его предсказания были точны, – выпускал его и беседовал с ним лично, и что затем этот упрямый человек вновь писал дерзновенные листы с мрачными прогнозами. И вновь его отправляли в темницу, и он умер в глубокой старости в церковной тюрьме в Суздале при твоём прадеде, Николае Первом. Но почему Павел Первый запечатал письмо этого монаха на сто лет? Это наша семейная тайна, или это имеет значение для всей России? В этом ларце, в Гатчино, запечатаны предсказания о нас с тобой, или о будущем России? Кому Павел адресовал это письмо сто лет назад?

НИКОЛАЙ:

Отец рассказывал, что сей Авель через год по смерти Павла Петровича написал книгу, в которой предсказал взятие Москвы супостатом и пожар ее, причем и год указал –

1812-й. Государь Александр поэтому и распорядился посадить его вновь в Соловецкую темницу, – «пока не сбудется его предсказание». И ведь Кутузов Москву оставил вопреки воле своего государя, ничего об Авеле не зная... Так что предсказывал сей Авель как судьбу государей наших, так и судьбу России. Однако, не только мрачные и дерзновенные слова он писал – и величие России, и славные дела предков наших он тоже предсказывал. Но я даже предположить не могу, что там ждет нас в Гатчинском дворце, и почему Павел Петрович написал на конверте: «Вскрыть потомку нашему в столетний день моей кончины». Все государи, предки мои, знали об этом, но никто не мог знать, что в конверте. Сегодня узнаем! ... А дело это не только наше семейное, но и государственное, поэтому поедем мы с министром двора, с нашим бароном Фредериксом, и со свитой. Однако, само письмо адресовано мне лично как потомку, так что читать его будем только мы с тобою. Что бы ни было там, – радость или дерзновенные слова, – это останется нашей тайной, нашим знанием. И никому об этом знать дано не будет. Милая женьюшка, надеюсь я, что ждет нас радость – ведь это будет третье предсказание в моей жизни, после мрачных пророчеств японского старика в Киото, десять лет тому, и еще более мрачных прогнозов графа Хамона, Кайро. Хотя на третий раз, но чаю найти в пророчествах величие России и нашу радость.

АЛЕКСАНДРА:

Милый Ники, ты ведь ни разу не искал сам этих слов Судьбы! Ни этот старик в Японии, ни Кайро – ты ведь не искал встреч с ними, ни с каким другим предсказателем. Это первый раз, когда мы сами идем навстречу словам Судьбы. Даст Бог, это будут добрые слова, я верю в это, Ники!

НИКОЛАЙ:

Хммм... Этой ночью, на току близ Гатчины, я много думал об этом... Этого письма я тоже не искал. Павел Петрович адресовал его мне, даже не зная кому... Но я тоже чаю радости. В Гатчине мы будем молиться с тобой с покорностью судьбе и со смирением, и с тихой радостью и надеждой. Бог может дать даже грозным словам Авеля иной смысл и вразумить нас.

АЛЕКСАНДРА:

Ники, это самое интересное приключение, в которое я пускаюсь с тобой в этом году. Герингер, Мария Федоровна! Где вы? Мне пора собираться.

ЭПИЗОД 2.

Камера показывает вокзал в Царском селе, поезд (Их Величества в сопровождении барона Фредерикса садятся в него); затем поезд подъезжает к Гатчине; кое-где еще лежит снег. На экране – Гатчинский дворец. Вдовствующая императрица встречает гостей, сына и невестку. Очень теплая встреча. Вечер, около 20ч, закат солнца очень красив, но производит мрачное впечатление. Все немного взволнованы,

но спокойны. Николай бросает взгляд на большое красное закатное солнце. Он видит черный профиль крупного ворона на низкой ветви дерева прямо на красном фоне закатного солнца. Из дворца доносится бой часов. Все входят во дворец. Вдовствующая императрица приглашает гостей к обеденный зал, в котором слуги закончили расставлять блюда на столе – обед на троих (Мария Федоровна, Николай и Александра).

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Хорошо, самые свежие новости вы мне рассказали. Слава Богу, что дети здоровы и веселы, и что ты, Аликс несешь наше сокровище легко. Роды будут в июне? Хорошо... За обедом мы поговорим обо всем подробнее, а пока, Ники и Аликс, вы можете пройти сейчас по этой анфиладе прямо к ларцу. Держите ключ. Ларец опечатан без малого сто лет назад личной печатью моей тетки, вдовы Павла Петровича – ведь это она выполнила волю покойного и положила письмо в ларец. Письмо должно быть опечатано личной печатью Павла Первого. Барон! (обращается к барону Фредериксу) – Вы как министр двора Его Величества должны сверить печати... Все! Да исполнится его воля, а над нею – воля Божья!

Камера следует за императорской четой по анфиладе дворца, показывает небольшую залу, и в ней посредине на пьедестале довольно большой узорчатый ларец с затейли-

выми украшениями. Ларец заперт на ключ и опечатан. Вокруг ларца, на четырех столбиках, на кольцах, протянут толстый, красный шелковый шнур, преграждавший к нему доступ. Барон Фредерикс снимает красный шнур, берет ларец в руки, смотрит на печать; передает ларец Николаю. Николай снимает печать и открывает ларец ключом; вынимает толстый конверт, запечатанный сургучной печатью. Камера показывает конверт крупным планом; хорошо видна надпись: «Вскрыть потомку нашему в столетний день моей кончины». Николай вместе с Фредериксом сверяет печать на конверте с имеющимся у Фредерикса изображением печати Павла Первого.

ФРЕДЕРИКС:

Ваши Величества, дети мои, я оставляю Вас здесь и покидаю дворец (уходит с поклоном; Николай спокойно вскрывает конверт. Александра отходит в угол залы и садится на диван в ожидании).

НИКОЛАЙ

(начинает тихо читать вслух):

«Благословенный потомок мой, Николай!..» (удивленно смотрит на Александру, затем продолжает читать) «Это письмо предназначено лично тебе, и никто более не должен прочитать его. Прочитав, ты убедишься в этом сам».

АЛЕКСАНДРА:

Ники, я должна уйти?

НИКОЛАЙ:

Нет. Я думаю, он не знал, что моя жена будет такова как ты, что мы любим друг друга и что мы с тобой одно целое пред Богом. Однако, позволь мне прочитать сначала не вслух, и затем я передам это письмо тебе.

АЛЕКСАНДРА:

Сядь рядом со мной. Я хочу слышать твое дыхание, пока ты будешь читать это странное письмо. Откуда твой прапрадед мог знать, что через сто лет будет царствовать император по имени Николай?

Николай садится рядом с Александрой, молча читает письмо. По мере чтения лицо его сначала выражает удивление, затем волнение; едва слышно его спокойное дыхание, которое в конце, однако, становится более слышимым. Александра взволнованно смотрит на него, берет за руку. За окном залы – последний луч солнца и темнота. Зала освещена свечами. Николай заканчивает читать письмо; передает его Александре.

НИКОЛАЙ:

Прежде чем ты прочтешь это... Послушай меня... Это совсем не то, что мы ждали с радостью. Это совсем не то, но я не могу не верить этим пророчествам – ведь здесь перечислены все государи, которые правили после Павла Петровича – все мои предки! И про всех все написано, каковы они

будут! ... Каковы они были...Мне жарко стало здесь...

Взволнованно подходит к окну (вне залы, в анфиладе), открывает его. Слышно карканье ворона; в окно врывается легкий порыв ветра, свечи в зале гаснут. Из полной темноты возникает следующая сцена – В ЧЕРНО-БЕЛОМ формате.

ЭПИЗОД 3. 14 декабря 1796 года. Павел Первый и монах Авель.

Действующие лица:

- ПАВЕЛ – Павел Первый, император, возраст 42 года;
- АВЕЛЬ – монах Авель, 39-ти лет, но по виду гораздо старше; человек простой и угрюмый.

Место и время действия:

тот же Гатчинский дворец, та же зала 105 лет назад (почти тот же вид), 14 декабря 1796 года.

За окном – морозный туман. По мере развития диалога за окном темнеет и Павел Петрович сам зажигает свечи в зале – в тот момент, когда речь заходит о царствовании Николая Второго. Павел, – умный, тонкий и склонный к мистике, – ведет диалог ласково и спокойно, но временами хмурясь, недовольный ответами Авеля; Авель отвечает поначалу угрюмо и как бы нехотя.

Начинает диалог Павел, Авель отвечает на его вопросы.

ПАВЕЛ:

Честной отец! О тебе говорят, да я и сам вижу, что на тебе явно почитает благодать Божия. Что скажешь ты о моем царствовании и судьбе моей? Что зришь ты прозорливыми очами о Роде моем во мгле веков и о Державе Российской? Назови поименно преемников моих на Престоле Российском, предреки и их судьбу.

АВЕЛЬ:

Эх, Батюшка-Царь! – (Авель качает головой) – Почто себе печаль предречь меня понуждаешь? Коротко будет царствование твое, и вижу я, грешный, лютый конец твой. На Софрония Иерусалимского от неверных слуг мученическую кончину приемлешь, в опочивальне своей удушен будешь злодеями, коих греешь ты на царственной груди своей. В Страстную Субботу погребут тебя... Они же, злодеи си, стремясь оправдать свой великий грех цареубийства, возгласят тебя безумным, будут поносить добрую память твою... Но народ русский правдивой душой своей поймет и оценит тебя и к гробнице твоей понесет скорби свои, прося твоего заступничества и умягчения сердец неправедных и жестоких. Число лет твоих подобно счету букв изречения на фронтоне твоего замка, в коем воистину обетование и о Царственном Доме твоем: "Дому сему подобает твердыня Господня в долготу дней"...

ПАВЕЛ:

О сем ты прав. Девиз сей получил я в особом откровении, совместно с повелением воздвигнуть Собор во имя Святого Архистратига Михаила, где ныне воздвигнут Михайловский замок. Вождю небесных Воинств посвятил я и замок, и церковь...

АВЕЛЬ:

Зрю в нем преждевременную гробницу твою, Благоверный Государь. И резиденцией потомков твоих, как мыслишь, он не будет. О судьбе же Державы Российской было в молитве откровение мне о трех лютых игах: татарском, польском и грядущем еще – жидовском.

ПАВЕЛ:

Что? Святая Русь под игом жидовским? Не быть сему веку! – гневно нахмурился Император Павел Петрович. – Пустое болтаешь, черноризец...

АВЕЛЬ:

А где татары, Ваше Императорское Величество? Где поляки? И с игом жидовским то же будет. О том не печалься, батюшка-Царь: христубийцы понесут свое...

ПАВЕЛ:

Что ждет преемника моего. Цесаревича Александра?

АВЕЛЬ:

Француз Москву при нем спалит, а он Париж у него заберет и Благословенным наречется. Но тяжёск покажется ему венец царский, и подвиг царского служения заменит он

подвигом поста и молитвы и праведным будет в очах Божиих...

ПАВЕЛ:

А кто наследует Императору Александру?

АВЕЛЬ:

Сын твой Николай...

ПАВЕЛ:

Как? У Александра не будет сына? Тогда Цесаревич Константин, старший сын мой...

АВЕЛЬ:

Константин царствовать не восхочет, памятуя судьбу твою... Начало же царствования сына твоего Николая бунтом вольтерьянским зачнется, и сие будет семя злотворное, семя пагубное для России, кабы не благодать Божия, Россию покрывающая. Через сто лет после того оскудеет Дом Пресвятыя Богородицы, в мерзость запустения Держава Российская обратится.

ПАВЕЛ:

После сына моего Николая на престоле Российском кто будет?

АВЕЛЬ:

Внук твой, Александр Второй, Царем Освободителем предназначенный. Твой замысел исполнен будет, крепостным он свободу даст: а после турок побьет и славян освободит от ига неверного. Не простят бунтари ему великих деяний, «охоту» на него начнут, убьют среди дня ясного в столице

верноподданной отщепенскими руками...

ПАВЕЛ:

Тогда и начнется тобой реченное иго безбожное?

АВЕЛЬ:

Нет еще. Царю Освободителю наследует сын его, а твой правнук, Александр Третий. Миротворец истинный. Славно будет царствование его. Осадит крамолу окаянную, мир и порядок наведет он. А только недолго царствовать будет.

ПАВЕЛ:

Кому передаст он наследие Царское?

АВЕЛЬ:

Николаю Второму – Святому Царю, Иову Многострадальному подобному. Будет иметь разум Христов, долготерпение и чистоту голубиную. О нем свидетельствует Писание: Псалмы 90, 10 и 20 открыли мне всю судьбу его. На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим; как некогда Сын Божий. ... Война будет, великая война... По воздуху люди, как птицы, летать будут, под водою, как рыбы, плавать, серою зловонною друг друга истреблять начнут. Накануне победы рухнет трон Царский. Измена же будет расти и умножаться. И предан будет правнук твой, многие потомки твои убелят одежду его кровью... Такожде, мужик с топором возьмет в безумии власть, но и сам опосля восплачется. Наступит воистину казнь египетская.

Горько зарыдал вещей Авель и сквозь слезы тихо продолжал:

АВЕЛЬ:

Кровь и слезы напоят сырую землю. Кровавые реки потекут. Брат на брата восстанет. И паки: огонь, меч, нашествие иноплеменников и враг внутренний власть безбожная, будет жид скорпионом бичевать Землю Русскую, грабить святыни ее, закрывать Церкви Божии, казнить лучших людей русских. Сие есть пощущение Божие, гнев Господень за отречение России от своего Богопомазанника. А то ли еще будет. Ангел Господень изливает новые чаши бедствий, чтобы люди в разум пришли. Две войны одна горше другой будут. Новый Батый на Западе поднимет руку. Народ промеж огня и пламени. Но от лица земли не истребится, яко довлеет ему молитва умученного Царя.

ПАВЕЛ:

Ужели сие есть кончина Державы Российский и несть, и не будет спасения?

АВЕЛЬ:

Невозможное человекам, возможно Богу... Бог медлит с помощью, но сказано, что подаст ее вскоре и воздвигнет рог спасения русского. И восстанет в изгнании из дома твоего Князь Великий, стоящий за сынов народа своего. Сей будет Избранник Божий, и на главе его благословение. Он будет един и всем понятен, его учует самое сердце русское. Облик

его будет державен и светел, и никто же речет: «Царь здесь или там», но «это он». Воля народная покорится милости Божией, и он сам подтвердит свое призвание... Имя его трикратно суждено в истории Российской. Два тезоименитых уже были на Престоле, но не Царском. Он же воссядет на Царский, как третий. Пути иные сызнова были бы на русское горе <...> Велика будет потом Россия, сбросив иго безбожное. Вернется к истокам древней жизни своей, ко временам Равноапостольного, уму-разуму научится беседою кровавою. Дымом фимиама и молитв наполнится и процветет аки крин небесный. Великая судьба предназначена ей. Оттого и страдает она, чтобы очиститься и возжечь свет во откровение языков...

ПАВЕЛ:

Ты говоришь, что иго безбожное нависнет над моей Россией лет через сто. Прадед мой, Петр Великий, о судьбе моей рек то же, что и ты. Почитаю я за благо о том, что ныне ты предрек мне о потомке моем, Николае Втором, предварить его, дабы пред ним открылась книга судеб. Да ведает правнук свой крестный путь, славу страстей и долготерпения своего. Запечатлей, преподобный отец, реченное тобою, изложи все письменно. Я же на предсказание твое наложу печать и до праправнука моего писание твое будет нерушимо храниться здесь, в Гатчинском дворце моем. Иди, Авель, и молись неустанно в келии своей о мне, роде моем и счастье нашей Державы.

И, вложив писание Авелево в конверт, Павел Первый на оном собственноручно начертать соизволил:

«Вскрыть потомку нашему в столетний день моей кончины».

ЭПИЗОД 4.

Действие вновь переносится в 1901 год. Николай и Александра в Гатчинском дворце. Свечи в зале дворца гаснут. В темноте тихо звучит органная музыка, переходящая в краткий бой часов. Свечи вновь зажигаются. На экране – 8 апреля 1901 года, Александра читает письмо. Николай нервно курит.

ИНТ. ТА ЖЕ НЕБОЛЬШАЯ ЗАЛА В ГАТЧИНСКОМ ДВОРЦЕ. 8 АПРЕЛЯ 1901 ГОДА (Продолжение Сцены 2\2 (9)).

На экране – 8 апреля 1901 года.

Александра читает письмо. Николай нервно курит.

АЛЕКСАНДРА:

Боже! Боже! Я как будто видела их здесь – царя Павла и Авеля! Ники, они встречались здесь, в этой зале?

НИКОЛАЙ:

Не знаю, в этой ли зале, но в этом дворце – точно. Павел Петрович очень любил Гатчино и свой дворец.

АЛЕКСАНДРА:

Он пишет: «Сей монах от времен моей Матушки Екатерины и до сего дня все точно предвидел, а вы сами сможете сверить его провидения будущего с прошлой – для вас – историей России и Государей, моих потомков – ваших предков». И – все точно! Но далее... «На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим; как некогда Сын Божий. Искупитель будет, искупит собой народ свой... Война будет, великая война... По воздуху люди, как птицы, летать будут, под водою, как рыбы, плавать, серую зловонною друг друга истреблять начнут. Накануне победы рухнет трон Царский. Измена же будет расти и умножаться... Предан будет... многие потомки твои убелят одежду кровью Агнца такожде, мужик с топором возьмет в безумии власть, но и сам опосля восплачется. Наступит воистину казнь египетская» ...

Александра плачет, говорит что-то по-английски (неразборчиво). Николай обнимает ее, пытается утешить.

НИКОЛАЙ:

Милая, милая Аликс. Моя дорогая женеушка... Нам надо успокоиться. Нельзя плакать над пророчествами... Тем более, это ведь и не пророк древний писал, а простой русский мужик в монашеской рясе... Ну, что-то точно предвидел. Бывают такие люди. Но ведь в ином мог и ошибиться. И

вот что: такие знания даются нам, чтобы быть сильными и быть готовыми к угрозам судьбы, а не для того, чтобы плакать и покоряться. Незнающий – безоружен, знающий – вооружен.

АЛЕКСАНДРА:

Русский народ не предаст тебя, Царь! Ты – помазанник Божий! Предать могут министры, или умствующие безбожники, которых становится все больше даже у нас в России. Предать могут завистники и интриганы из «высшего света» – их всегда и везде хватает. (Вновь плачет). Ники, я поеду домой, к детям. Я не могу сейчас разговаривать ни с кем, и с твоей Мама не могу. Распорядись с отъездом, Ники.

НИКОЛАЙ:

Хорошо. Я останусь здесь с Мама и вернусь позже.

Николай выходит в анфиладу, отдает распоряжения. Александра одевает накидку и уезжает. Николай идет в обеденный зал к своей матери).

МАРИЯ ФЕДОРОВНА

(внимательно смотрит на сына, вздыхает):

Почему уехала Аликс? Даже не попрощалась со мной?

НИКОЛАЙ:

Мама, если бы я мог показать Вам это письмо, Вы поняли бы ее состояние. Но анпапа Павел оговорил никому не показывать письмо...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА

(немного повышая голос):

Но она прочитала?!

НИКОЛАЙ:

Мама, она была рядом со мной, когда я читал. Она видела мое состояние... Я не мог запретить ей...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Ники, Ники. Твоя безумная любовь к ней и твоя мягкость могут погубить тебя.

НИКОЛАЙ:

Мама, мы женаты семь лет, у нас уже три дочери – твои внучки, и Аликс беременна ... быть может – дай Бог – наследником. Это не безумная любовь. Это – любовь. Ведь Вы и Папа также любили друг друга всю жизнь.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Да. Как мои милые – Ольга, Татьяна, Мария – как наши малышки? Я не видела их больше месяца. Приезжайте с ними, как только она успокоится – надеюсь, завтра она придет в себя...

НИКОЛАЙ:

Конечно, Мама. Мы приедем к тебе на днях с детьми, или ты приедешь к нам. Малышки в полном порядке. Они – прелесть! Как счастлив был бы видеть их Папа!

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Но покойный Александр в государственных делах не позволял мне ничего. Он выслушивал меня, но поступал по-сво-

ему! Возможно, он был прав – хотя иногда я обижалась. Ты же не можешь противостоять ее воле и напору... Ну да ладно... Это дело семейное. Что в письме? Не можешь показать его мне – хотя бы расскажи то, что считаешь нужным.

НИКОЛАЙ:

Мама, отец прислушивался к Вашим советам, – это знаю не только я, но и все наши, и многие министры, и, вот к примеру, Сергей Юльевич – ведь это ты рекомендовала его отцу.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Ну, Витте еще будучи путейцем предупреждал нас накануне поездки в октябре 88-го, что состав перетяжелён, и рекомендовал снять несколько вагонов. Мы не послушали, и вот, 17 октября, под Борками... Ужас... Ты ведь все помнишь... Это только сила нашего Александра спасла нас, когда он с минуту держал на своих плечах сползающую крышу вагона, пока все мы выпрыгивали из вагона. Бог дал ему нечеловеческую силу в ту минуту. Божья воля, что все мы остались живы! ... С тех пор мы и заметили Витте... Однако, Ники, что в письме?

НИКОЛАЙ:

Аликс сказала, что она видела там тени Павла Петровича и этого монаха, Авеля – то ли тени, то ли видение.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Ники, на седьмом месяце женицине может привидеться

многое, даже если не ввергать ее в такие обстоятельства... И потом, она вообще склонна к мистике. Впрочем, Павел Петрович более всех нас был мистик. Итак, Ники, что в письме? Я слушаю.

НИКОЛАЙ

(вручает ей вскрытый конверт):

Читайте, Мама. Вы будете третий и последний человек, кто видит это письмо. Павел Петрович простит меня. Ведь его супругу тоже звали Мария Федоровна

Николай первый раз за вечер осторожно пытается улыбнуться; встает, отходит к роялю. Пока Мария Федоровна читает письмо, звучит один из романсов Чайковского, посвященных ей композитором.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА

(возвращая письмо Николаю):

Я ничего не скажу тебе сейчас. Я должна подумать... Конечно, первое впечатление ошеломляет. Кстати, твой Отец незадолго до кончины разыскивал какое-то письмо-пророчество от старца Серафима из Саровской Пустыни. Якобы старец вручил это письмо прадеду – Александру Первому, незадолго до его странной кончины – якобы Александр Первый сам ездил к нему в Саров... Насколько я вспоминаю, ему сообщили из Департамента полиции, что письмо хранится у них. Однако, наш Папа уже не успел увидеть и прочитать

это письмо, оно так и осталось в где-то Департаменте.

НИКОЛАЙ:

Я что-то слышал об этом старце, о Серафиме. Он умер лет тому 70 назад. Он не святой, не канонизирован.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Как и Авель, и как все предсказатели. Ники, предсказателей много, а ты – один. Волхвы были во все времена...

НИКОЛАЙ:

И при Рождестве Господа нашего Иисуса Христа они были... Мама, Вы помните, что завещал мне отец в последние свои дни?

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Конечно, помню. Вот, у меня и записаны его слова, и храню я их здесь

Мария Федоровна достает из одной из шкатулок, читает вслух. На экране – умирающий в Ливадии Александр III говорит эти слова сыну Николаю:

ЭПИЗОД 5

ИНТ. ДВОРЕЦ В ЛИВАДИИ, 1894 ГОД.

АЛЕКСАНДР III:

Тебе предстоит взять с плеч моих тяжелейший груз государственной власти и нести его до могилы так же, как нес его

я, и как несли наши предки. Я передаю тебе царство, Богом мне врученное. Я принял его тринадцать лет тому назад от истекшего кровью отца... Твой дед с высоты престола провел много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за все это он получил от русских революционеров бомбу и смерть... В тот трагический день встал предо мною вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое "передовое общество", зараженное либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывало мне мое собственное убеждение, мой высший священный долг Государя и моя совесть. Я избрал мой путь. Либералы окрестили его реакционным. Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним рухнет и Россия. Падение исконной русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц. Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя притом, что ты несешь ответственность за судьбы твоих подданных пред Престолом Всевышнего. Вера в Бога и в святость твоего царского долга да будет для тебя основой твоей жизни. Будь тверд и мужественен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом

нет ничего позорного, но слушай только самого себя и своей совести. В политике внешней – держись независимой позиции. Помни – у России нет друзей. Нашей огромности боятся. Избегай войн. В политике внутренней – прежде всего покровительствуй Церкви Она не раз спасала Россию в годы бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства.

ЭПИЗОД 6.

ИНТ. ТА ЖЕ НЕБОЛЬШАЯ ЗАЛА В ГАТЧИНСКОМ ДВОРЦЕ. 8 АПРЕЛЯ 1901 ГОДА (Продолжение).

НИКОЛАЙ:

Да, и я храню эти слова. Стараюсь следовать им. И вот, это ужасное письмо монаха-расстриги...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА

(цитирует строки из письма):

«На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим; как некогда Сын Божий. Искупитель будет, искупит собой народ свой...» Ники, Царь должен быть готов ко всему, но Царь должен делать то, что он должен делать. Бог да хранит Вас! Давай поговорим о других делах.... О суетном.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Видимо, слухи о пророчествах Авеля все же просочились в окружение Царского двора и даже далее, в общественные

круги. Через год после этих событий по решению Николая Цензурный комитет запретил любое упоминание в печати даже имени монаха Авеля. О том, что с его пророчествами была ознакомлена мать царя, Мария Федоровна, мы можем судить лишь по косвенным данным: во-первых, в том апреле Николай, при всей его ежедневной занятости, пять раз ездил к ней в Гатчино; во-вторых, в одном из ее писем сразу после отречения Николая Второго встречаются выражения: «Он был как настоящий мученик, склонившийся перед неотвратимым... Он ведь принес жертву во имя спасения своей страны... Это единственное, что он мог сделать», – это почти дословное повторение пророчеств Авеля, опубликованных через десять лет после переворота 1917-го года одним из белоэмигрантов, хранителем раритетов эпохи Павла Первого, за границей.

НАТ. ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА, ЦАРСКОЕ СЕЛО, АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДВОРЕЦ. ИНТ. ДЕТСКАЯ ВО ДВОРЦЕ.

Камера отъезжает из зала, из дворца, скользит вдоль железной дороги, въезжает в Царское село, в Александровский дворец, в детскую. Александра, с мокрыми от слез глазами, целует малышей – Ольгу, Татьяну, Марию. Ольга удивленно смотрит на нее, пытается заплакать. Александра берет себя в руки, улыбается, смешит ее, укладывает спать.

Справочные материалы:

Из письма вдовствующей императрицы Марии Федоровны великой княгине Ольге Константиновне (11 марта 1917 г., через неделю после ее последней встречи с сыном Николаем в Могилеве, сразу после отречения):

«Сердце переполнено горем и отчаянием. Представь, какие ужасные, неподдающиеся никакому описанию времена нам еще предстоит пережить. Я благодарна Богу, что была у него в эти 5 ужасных дней в Могилеве, когда он был так одинок и покинут всеми. Он был как настоящий мученик, склонившийся перед неотвратимым. Только дважды, когда мы были одни, он не выдержал – я одна знаю, как он страдал и какое отчаяние было в его душе! Он ведь принес жертву во имя спасения своей страны. Это единственное что он мог сделать, и он сделал это!»

«Дневники императрицы Марии Федоровны» (М., «Вагриус», 2006)

СЦЕНА 3\2. 5 июня 1901 года. Рождение Анастасии.

Действующие лица:

- НИКОЛАЙ – Николай Александрович Романов (1868 г.р.), император;
- АЛЕКСАНДРА – Александра Федоровна (1872 г.р.), жена Николая, императрица;
- БОТКИН – Боткин Евгений Сергеевич (1865-1918), лейб-медик, 36 лет; симпатичный человек высокого роста.
- АКУШЕРКА.
- ФИЛИПП – Филипп Вашон, целитель (специалист по нервным болезням) и предсказатель из Лиона; в России в 1901 году – доктор медицины, действительный статский советник. Человек лет 55-60-ти.

Место и время действия:

5 июня 1901 года. Александровский дворец.

НАТ. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДВОРЕЦ, ЗАТЕМ ВНУТРЕННИЕ ПОКОИ ДВОРЦА. 5 ИЮНЯ 1901 ГОДА, РАННЕЕ УТРО.

На экране – парк и пруд у Александровского дворца в предрассветный час («белые ночи»). Абсолютная тишина.

Камера с постепенным ускорением въезжает в залы дворца, проезжает мимо напольных часов (видно время – начало 4-го часа утра); слышны негромкие стоны роженицы. Камера показывает спальню императора – Николай вскакивает с постели (прекрасное телосложение, в меру тренированная мускулатура), спокойно и быстро одевается, крестится; идет в спальню императрицы (это их общая большая спальная, с двумя окнами в сад– см. Роберт Мэсси «Николай и Александра», стр. 144-145). Николай подходит к постели императрицы, нежно обнимает и целует ее.

АЛЕКСАНДРА:

Ники, милый, иди к себе... Я уже вызвала акушерку и Боткина... Все будет хорошо... Не первый раз (пытается улыбнуться). Даст Бог... это будет сын...

НИКОЛАЙ:

Кого Бог даст... Любимая жезушка, я буду здесь, рядом, в соседней зале. Господи, как тихо кругом. Ты знаешь, во всем дворце никто не проснулся, кроме меня... Ну и пусть спят (осторожно улыбается).

В спальню входят Боткин и акушерка. Камера следует за ним в соседний зал. Николай садится за письменный стол, подвигает к себе папку с надписью «Доклад надворного советника Петра Бадмаева об интересах России в Китае, Тибете и Манчжурии»; читает. Камера показывает часы (4ч30м.,

затем 5ч.); тихо идет в детскую – смотрит на спящих дочек – Ольгу, Татьяну, Марию; возвращается. Из спальни императрицы иногда доносятся негромкие вскрики, стоны. Ровно в 6 часов утра слышен крик младенца. Николай вскакивает, быстро идет в спальню. Акушерка широко улыбается, в ее руках – новорожденный младенец, девочка. Николай счастлив. Осторожно берет ребенка на руки, садится рядом с постелью.

НИКОЛАЙ:

Как спокойно кругом. Как будто мы одни во всем мире! Ты, я, и наши дети. И вот – малышка!

АЛЕКСАНДРА:

Девочка... Опять девочка... Но как легко я родила ее. И врач сказал – никаких осложнений... Слава Богу! Но мсье Филипп уверял нас, что будет мальчик. Ещё когда я понесла, осенью... Он был уверен, и нас убедил...

НИКОЛАЙ:

Аликс, милая, молчи. Отдыхай.

АЛЕКСАНДРА:

Сегодня же вызови его. Что он скажет теперь?

НИКОЛАЙ:

Аликс, милая, отдыхай. Человек предполагает, а Бог располагает (улыбается). Я вызову его сегодня же. Я расскажу тебе вечером. Теперь – отдыхай.

АКУШЕРКА:

Ваше Величество, – простите меня, – Вам лучше уйти сейчас. Роженица должна отдохнуть. Роды прошли очень хорошо, но ей надо отдохнуть.

Николай уходит. Камера показывает Александровский дворец в лучах утреннего солнца. В тишине слышен только щебет птиц.

НАТ. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДВОРЕЦ. ИНТ. РАБОЧИЙ КАБИНЕТ ИМПЕРАТОРА. ТОТ ЖЕ ДЕНЬ 5 ИЮНЯ 1901 ГОДА, ВЕЧЕР.

На экране – рабочий кабинет императора, он за столом, заканчивает разговор с одним из министров. Дежурный докладывает о Филиппе Вашоне. Николай кивает головой. Входит месть. Разговор идет по-французски.

ФИЛИПП:

Ваше Величество, разрешите мне поздравить Вас с рождением дочери. Вся столица в приподнятом настроении.

НИКОЛАЙ:

Спасибо за поздравление, месть Вашон, но я пригласил вас по желанию императрицы – не по своему желанию. Она желает знать, – впрочем, и я также, – как вы объясните ваше ошибочное предсказание. Вы неоднократно убеждали нас в том, что императрица беременна мальчиком, наследником. Вы прекрасно понимаете, какое большое значение име-

ет рождение мальчика в любой королевской династии. Это тем более важно для нашей семьи, после рождения трех дочерей. Сегодня Александра Федоровна родила четвертую дочь... Роды прошли хорошо, мальчика здорова, и никаких осложнений для роженицы врачи не увидели – слава Богу, в этом вы были правы, давно успокаивая нас на этот счет.

ФИЛИПП:

Ваше Величество, конечно, я сознаю и признаю свою вину. Я ошибся в прогнозе. Такое бывает даже с лучшими астрологами и предсказателями по числам, хотя и весьма редко. Астролог имеет дело с божественным посланием, записанным на небесах звездами, светилами и планетами. Астролог – только человек, а человек может ошибаться. Лучшие астрологи предсказывают с точностью 8 или 9 из 10, – но никогда не более. Только Творец знает все. Вероятность рождения девочки была столь мала, что я не счел ее достойной вашего внимания. Однако, древние книги содержат указания и на этот случай...

НИКОЛАЙ:

На случай ошибки астролога?!

ФИЛИПП:

Нет, Ваше Величество. Я имею в виду именно рождение девочки, когда по всем данным должен был быть зачат мальчик. Эти указания, а также ее гороскоп рождения – я уже вычислил этот гороскоп – все это говорит о том, что девочку ждет необычная судьба, необычный и счастливый

поворот судьбы в драматических обстоятельствах. Звезды ее рождения, Альхена, Мицар, Вега – расположение этих звезд в ее гороскопе очень благоприятно...

НИКОЛАЙ:

В какой древней книге вы прочитали о том, что если вместо ожидаемого мальчика родится девочка, то ее судьба будет особенно благоприятной?

ФИЛИПП:

Это трактат римского астролога IV века Юлия Фирмика Матерна. Я взял его с собой, показать Вам (достает книгу из портфеля).

НИКОЛАЙ

(делает отстраняющий жест рукой):

Вы знаете, месье, я слышал от одного из наших русских историков древнего Рима, что, возможно, одна из главных причин, по которым рухнула Римская империя – это повальное увлечение римлян последних веков империи астрологией. Они каждый шаг свой сверяли с гороскопами.

ФИЛИПП

(осторожно улыбаясь):

Я оценил Ваш юмор, Ваше Величество...

НИКОЛАЙ:

Месье Вашон, я не имею сейчас времени для более подробной беседы с вами. Вы расскажете мне и императрице об этом в другой день. Вы получили от нас здесь, в России, звание доктора медицины не за астрологию – конечно! – а за

успешную профилактику нервных состояний, которые иногда бывали у императрицы, и чин статского советника за весьма полезные советы и предсказания в других сферах наших интересов. Таким образом, у меня нет сейчас оснований для лишения вас звания и чина. Я расскажу императрице о ваших оправданиях... О том, что вы сказали. Сейчас вы свободны.

ФИЛИПП:

Ваше Величество, если позволите, еще буквально несколько слов, Ваше Величество. Это очень важно.

НИКОЛАЙ

(недовольно морщится):

Несколько слов.

ФИЛИПП:

Ваше Величество, я думаю, что Вашей семье нужен небесный покровитель из великих русских святых старцев. Небесный покровитель из русских святых даст Вам заступничество пред Богом, даст сына...

НИКОЛАЙ:

Это вы сами додумались, месье Филипп? Что-то не верится.

ФИЛИПП:

Тремя часами раньше меня удостоил аудиенции протоиерей Иоанн Кронштадтский, великий старец. Я просил его о встрече днями ранее, увидев за время общения с Вами, сколь велика и искренна в Вашей семье православная вера. Я по-

нял, что не только Вы, Ваше Величество, от рождения, но и Ее Величество, Александра Федоровна, всей душой приняла православие. Я хотел расспросить его о великих русских святых, но он опередил меня, сказав сразу о некоем старце Серафиме, монахе из Саровского монастыря. Он рассказал мне о нем, и...

НИКОЛАЙ:

Я понял, месье Филипп. Я встречу с батюшкой Иоанном на днях. Прощайте. Идите... Идите с Богом.

ТРЕТЬЯ СЕРИЯ. (В ПОИСКАХ НЕБЕСНОГО ПОКРОВИТЕЛЯ)

**СЦЕНА 1\3. 16-20 июля 1903
года. Саровские торжества.**

Действующие лица:

– НИКОЛАЙ и АЛЕКСАНДРА, их дети (Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия)

– ПЛЕВЕ – Вячеслав Константинович Плеве, министр внутренних дел, 57 лет;

а также свита, министры, священники, монахини (сестры), народ (до 150-200 тысяч паломников)

Место и время действия:

16 июля 1903 года. Арзамас.

НАТ. АРЗАМАС, ВОКЗАЛ. 16 ИЮЛЯ 1903 ГОДА.

На экране – Арзамаский вокзал; императорский поезд подходит к вокзалу. На украшенном флагами перроне – полиция, министр внутренних дел Плеве, городское начальство, свита, священники. Торжественная встреча. Чуть поз-

же Плеве подходит к Николаю.

ПЛЕВЕ:

Ваше Величество, разрешите доложить Вам об исполнении поручения найти письмо святого старца Серафима, которое было вручено им самим императору Александру Первому, и которое еще Ваш батюшка, благословенный Александр Третий, желал разыскать. Письмо хранилось в особом отделе Вашего Департамента полиции. Этому письму – 80 лет, Ваше Величество!

Вручает Николаю конверт. В этот момент адъютант Плеве (стоящий позади него) перекладывает с руки на руку накидку Плеве – из кармана накидки выпадает револьвер, ударяется о платформу; раздается звук выстрела, хлопок (см. Э. Радзинский «Николай Второй», стр.83). Николай вздрагивает. Стоящие немного поодаль Александра с детьми и свита удивленно и встревожено оглядываются. Небольшой переполох.

НИКОЛАЙ:

Вячеслав Константинович! Я вижу, что меры безопасности приняты самые серьезные – спасибо за службу, но револьвер-то самому надо носить! Ваш предшественник на этом посту, Дмитрий Сергеевич, убит социалистом-бомбистом год назад – не носил оружие, и вот... Спасибо за пись-

НАТ. ДОРОГА В САРОВ, ЗАТЕМ ДИВЕЕВСКИЙ МО-
НАСТЫРЬ. ТОТ ЖЕ ДЕНЬ (16 ИЮЛЯ 1903 ГОДА)

Царская семья и свита направляются к каретам. Толпы народа восторженно приветствуют Царскую семью. Дорога в Саров, в Дивеевский монастырь. На всем протяжении восторженные толпы по краям дороги приветствуют царский кортеж. Камера показывает сверху общую панораму, спускается к царскому экипажу. Николай и Александра приветствуют людей. Дочери тоже, несколько смущенные и удивленные. Малышка Анастасия, открыв рот, удивленно вертит головой по сторонам, потом прячет голову на груди мамы, обнимает ее... Торжественная встреча в Дивеевском монастыре, торжественная общая литургия. Затем Царская семья идет в Игуменский корпус, в отведенные для них покои. Все время этой сцены идет рассказ о Серафиме Саровском.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Святой преподобный Серафим, Саровский чудотворец – Прохор Мошнин, сын купца, родился с 19 на 20 июля (на 31 июля по григорианскому календарю) 1759 года (по другим сведениям в 1754 году) – умер 1 января 1833 года – он снискал широкую славу благочестивого православного чудотворца, целителя и провидца еще при жизни. Чудесные спасения и исцеления произошли с ним самим еще в детстве. На

19-м году жизни он пришел в Саровский монастырь, сначала послушником, и остался там на всю жизнь. Там на 28-м году он стал иноком и наречен был Серафимом. Через год (в 1787-м) был посвящен в иеродьякона, в 1793 году был рукоположен в иеромонаха. Он был кроток и светел душою и обликом. Он совершил сотни исцелений и провидел сотни судеб, помог при жизни сотням и сотням людей – и малым и великим – обрести истинный путь в жизни.

В самом начале своего служения в Саровской пустыне он перенес тяжёлую болезнь (водянка), был при смерти. Уже был отслужен молебен, и он причастился – и тут, как он сам потом рассказывал, пред ним предстала Богородица и со словами «Этот нашего рода» прикоснулась к нему, и исцелила. Затем вся его жизнь проходила под водительством Богородицы – и еще много раз после этого она являлась ему. Он вел очень суровый, аскетический образ жизни. Многие монахи хотели и многие пытались подражать его образу жизни рядом с ним, но ни один не выдержал сколь ни будь долгое время. Он жил в келии в лесу один и молился коленопреклоненно на камне в мороз и в зной, каждый день, много раз, по много часов. Однажды его избили до полусмерти разбойники, и искалечили его. Он с трудом добрался до Дивеевской обители. Врачи нашли, что его раны смертельны, но он снова выжил. Ему снова явилась Богородица и он снова услышал: «Сей от нашего рода». Он остался жив, но долго болел, превратился в согбенного старца и на 10 лет ушел

в полный затвор, не общаясь ни с кем. Затем Богородица вновь призвала его помогать людям.

Сотни людей приходили к нему за советом, исцелением, или духовной поддержкой. За свою долгую жизнь он не только исцелил сотни людей и сотням помог советом, но и совершил множество чудес: спасал своими предупреждениями от гибели или пожара, предостерегал от других опасностей. Бывали дни, когда к нему приезжали до пяти тысяч человек. В продолжение 55 лет он нес подвиг благочестия. К нему шли сотни писем со всей России. Известно со слов свидетелей, что многие из них Серафим узнавал их содержание, не распечатывая – и отвечал на них. После смерти старца в его келии нашли много не распечатанных писем, по которым однако же были даны в свое время ответы.

«Царь-мистик» Александр Первый побывал у него незадолго до своей странной смерти, осенью 1825 года. Однако, при жизни, после обретения старцем широкой известности, официальная Церковь стала относиться к старцу с некоторым недоверием (если не подозрением), из-за оригинального и не всегда понятного людям образа жизни. Так, он любил окружать в своей обители себя молодыми девственницами (называя их «Христовыми невестами»), и часто появлялся в их окружении на людях, – церковные и светские власти даже допрашивали его на этот счет незадолго до его кончины в 1833 году. Мы еще вернемся к этому факту, когда будем рассказывать о Григории Распутине.

После 1990 года, когда на чердаке Казанского собора в Санкт-Петербурге вновь были чудесным образом обретены мощи святого старца, утраченные после конфискации большевиками в 1920 году (и утеря и обретение мощей были предсказаны самим старцем!), – после этого за прошедшие с 1991 года четырнадцать лет Серафиму Саровскому посвящено множество книг и фильмов, сотни статей – поэтому мы не будем здесь подробно рассказывать о нем.

На протяжении всех 70 лет после кончины великого старца Серафима верующие во множестве приходили к его могиле у Саровской церкви, к источнику его имени близ Сарова. Сотни из них по молитве получили чудесные исцеления от разных болезней, как телесных, так и душевных. После общения с Иоанном Кронштадтским императрица Александра приняла горячее участие в деле канонизации великого старца Серафима Саровского. Именно она настояла на создании специальной комиссии Священного Синода. В 1902 году синодальная комиссия исследовала более 100 случаев чудесных исцелений по смерти старца, и 26 января 1903 года Священный Синод прославил его как Святого преподобного молитвенника земли Русской. Началась подготовка к торжествам по случаю канонизации. Торжества были приурочены ко дню его рождения и 70-летию кончины – к 19 (31) июля 1903 года.

Решено было ехать всей семьей. Как верила Аликс в эту поездку! Они ехали поклониться мощам Святого и молить

его о сыне, о продолжении рода. На этих торжествах Святой Серафим был объявлен Церковью покровителем Царской семьи. Но кроме этого, главного, они узнали еще, что, согласно династическому преданию, Святой Серафим около 1825. года написал книгу предсказаний роду Романовых, и передал ее Александру I, во время их встречи осенью 1825 года. Известно, что Александр III искал эту рукопись и оказалось, что она хранилась в специальном полицейском архиве, в Департаменте полиции... Однако, как выяснилось вскоре, их ожидало в Сарове еще и личное письмо Николаю Второму от старца...

ИНТ. ГОСТЕВАЯ КОМНАТА В ИГУМЕНСКОМ КОРПУСЕ. 17 ИЮЛЯ 1903 ГОДА, ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР.

На экране –гостевая комната в Игуменском корпусе (детская), Николай и Александра укладывают детей спать (те засыпают мгновенно, только коснувшись головой подушки). Улыбаются, счастливо смотрят друг на друга. Идут в отведенные им покои. Настоятель монастыря и одна из игумений что-то говорят им в коридоре; они кивают. Камера следует за ними. Александра бросается в одежде на кровать. Николай садится в простое кресло.

АЛЕКСАНДРА:

Ники, Ники – я счастлива! Боже! Какие дни! Только здесь я по-настоящему поняла, что такое небесный заступник,

кто такой этот старец Серафим. Старец – твой заступник перед Богом. Ты вручаешь ему свою волю, лукавый свой разум, и он, с Богом, направляет тебя. Старец – твой путеводитель, тот, кто несет ангельский хлеб душе твоей. ... Я как будто слышу иногда его тихий голос. Но не разберу слов, пока не разберу. Но я понимаю, что он благословляет нас, нашу семью.

НИКОЛАЙ:

Да, какие дни! Отдохни немного; через пару часов мы пойдем к святому источнику, к святому пруду – как вчера ночью.

АЛЕКСАНДРА:

Это чудо, этот серебристый пруд. Я чувствую, что исцеляюсь от всех бед и от всех недугов. Но я не хочу спать сейчас. Я хорошо отдохнула вчера, после купания. У меня много сил... Что за листы у тебя в руках?

НИКОЛАЙ:

Это то самое письмо святого старца, которое передал мне Плева. Помнишь, я рассказывал тебе раньше, что его ищут в полицейском Департаменте? Вчера я начал читать его, и вот, сегодня заканчиваю.

АЛЕКСАНДРА:

Когда ты успел прочесть его? Мы ведь почти все время вместе... Ну, да, иногда я с детьми, а ты и тут тратишь какие-то часы на работу. Что в этом письме? Впрочем, если там что-то плохое – лучше не говори сейчас. О! – я вспо-

минаю этих предсказателей... японец Теракуто, ирландец Кайро, монах Авель... Это было ужасно – читать их предсказания! Все они – Кайро и Авель – после этого года предсказывали плохое...

НИКОЛАЙ:

Не волнуйся, как раз наоборот (читает): «В начале царствования сего монарха будут беды народные, будет война неудачная, настанет смута великая внутри государства. Отец поднимется на сына и брат на брата. Но вторая половина царствования будет светлая, а жизнь его долговременная».

АЛЕКСАНДРА:

Слава Богу! И это все?

НИКОЛАЙ:

Нет, конечно. Здесь многое верно написано про прошлые годы, и про радости, и про беды – довольно подробно. И про нашу семью тоже. И про дочерей, и что пятые роды дадут нам сына. Но вот дальше... Что-то очень кратко, хотя и хорошо.

АЛЕКСАНДРА:

О! Святой Серафим, утешитель! Однако, дайка мне это письмо. (Николай передает ей письмо; она внимательно смотрит последние листы). Ники, посмотри-ка внимательно! Бумага последних страниц вроде та же, старая, пожелтевшая, но чуть не такая. И почерк чуть-чуть другой, мне кажется... Плеве... Я не доверяю ему. Сергей Юльевич на-

звал его «бессовестным полицейским». Сипягин был умница, а этот... Хитрый, но не умный. После Сипягина полиция запутывается в политических интригах и начинает работать сама на себя. Ники, они еще не заговорщики против тебя, – надеюсь, что нет, – но они идут к этому!

НИКОЛАЙ:

Витте его и «подлецом» как-то раз назвал. Конечно, он не «комильфо», но в эти годы, когда революционеры развернули едва ли не охоту на власть, работать в полиции очень непросто. Нужен жесткий человек. Плеве – такой. Однако, если в Департаменте подменили листы... Не может быть! (смотрит письмо) Не знаю, Аликс. Я не могу утверждать это. К тому же графологическая экспертиза у нас есть только в том же Департаменте полиции. Бессмысленно отдавать письмо туда, если они это сделали.

АЛЕКСАНДРА:

Ники, оставим это сейчас. Я не хочу портить настроение. Идем к источнику, к пруду.

НАТ. ТРОПИНКА В ЛЕСУ, ПРУД. ТОТ ЖЕ ВЕЧЕР.

НИКОЛАЙ и АЛЕКСАНДРА собираются, выходят из гостевой, из монастыря, идут по лесной тропинке. Начало последней четверти луны, – но она светит ярко, освещая лесную тропу. Небо в звездах, как в алмазах. Камера следует за Царской четой. Виден серебристый под лунным светом пруд. Они садятся на берегу, о чем-то шепчутся. Раздевают-

ся, идут купаться. Николай вскоре выходит на берег, Александра продолжает купаться. Долго и бесшумно плавает. Выходит на берег, Николай любуется ей. Она смотрит в звездное ночное небо. (Музыкальное сопровождение – что-то элегическое, почти безмятежное, надежное, но волнующее).

СЦЕНА 2\3. 20 июля 1903 года. Саровские торжества. Елена Мотовилова и Паша Саровская.

Действующие лица:

НИКОЛАЙ, АЛЕКСАНДРА, их дети (Ольга\8 лет, Татьяна\6 лет, Мария\4 года, Анастасия\3 года), а также:

– ЕЛЕНА ИНВАНОВНА – Елена Ивановна Мотовилова, вдова секретаря («служки») преподобного Серафима Н. Мотовилова, 80 лет, милая и обаятельная старушка;

– ПАША САРОВСКАЯ – Христа ради юродивая блаженная Паша (Параскева Ивановна) Саровская, также преклонных лет, суровая на вид очень пожилая женщина;

– Священники, игумены, настоятели монастыря (игумен Серафим, игуменья Мария);

– Охрана – офицеры и солдаты Фанагорийского гренадерского генералиссимуса Суворова полка.

– Боткин – Боткин Евгений Сергеевич, лейб-медик, 38 лет;

– СЕРАФИМ и МАРИЯ – игумен и игуменья;

Место и время действия:

20 июля 1903 года. Дивеевский монастырь.

ЭПИЗОД 1.

НАТ. ДИВЕЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ, ЗАТЕМ ДОМИК ЕЛЕНЫ МОТОВИЛОВОЙ. 20 ИЮЛЯ 1903 ГОДА.

На экране – документальные кадры Саровских торжеств.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Торжества по случаю канонизации святого преподобного Серафима Саровского проходили в Сарове 17-19 июля 1903 года. К 20 июля в Сарове находились до 200 000 паломников со всей России; все 850 сестер монастыря выстроились по обеим сторонам дороги в Дивеево, встречая Царскую семью. В эти дни Николаю сообщили, что с ним хочет встретиться вдова служки преподобного (Николая Мотовилова), Елена Ивановна, 80-ти лет – что у нее находится личное послание святого Серафима Николаю Второму, которое тот передал Николаю Мотовилу в 1831 году, незадолго до своей кончины. Кроме того, в Дивееве в те годы жила знаменитая в те годы на всю Россию Христа ради юродивая блаженная Пашиа Саровская. 20 июля Царская семья в полном составе поехали сначала к Елене Ивановне и затем в келью блаженной Пашии Саровской.

На экране – экипаж Царской семьи, он подъезжает к домику Елены Ивановны. Николай и Александра выходят из экипажа, Николай принимает дочек, одну за другой. Елена

Ивановна встречает их на пороге. У дороги видны офицеры охраны, за ними – толпы людей. Елена Ивановна приглашает гостей в свой дом. Камера следует за ними.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА:

Милые мои, дорогие (целует деток) ... Дождалась я Вас, батюшка Царь, матушка Царица, Александра Федоровна!

АЛЕКСАНДРА:

Сколько ж лет вы нас ждали, милая моя Елена Ивановна?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА

(улыбаясь):

Ой, милые мои, и не спрашивайте... Ведь батюшка Серафим моему Николаю-то еще и тогда сказал, когда пакет ему передал – тому уж боле семидесяти лет – сказал: «Ты не доживешь, а жена твоя доживет, когда в Дивеево придет вся Царская Фамилия обо мне молиться, и Царь придет к ней. Пусть она Ему передаст». А ведь Николай еще и не женат был, двадцати трех годков был. А мне-то восемь годков тогда было. Как вашей Олюшке сейчас. Да, милая?

АЛЕКСАНДРА:

Да, Олюшке нашей осенью 8 лет будет. Но как же вы поженились с Николаем вашим, когда?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА:

Матушка, это все по провидению старца Серафима сбылось. Он ведь Николаю тогда же на меня, девчонку, указал,

и подарил мне шесть азбучек...

АЛЕКСАНДРА:

Азбучек – это что?

НИКОЛАЙ:

Букварей...

ЕЛЕНА ИВАНОВНА:

Букварей, букварей, батюшка Царь. Сказал: «По времени они тебе пригодятся». И через восемь годков обвенчались мы с Николаем, по любви обвенчались – провидел преподобный нашу будущую любовь. И почти сорок годков прожила я с Николаем, до самой его смерти. И родилось у нас шесть детишек – каждому по азбучке! Вот и считайте, родимые, сколько же я вас ждала. Чай, по смерти Николая, так годков тридцать.

СПРАВКА:

По свидетельству церковного писателя Сергея Нилуса, который имел несколько бесед с Еленой Ивановной (еще до Саровских торжеств 1903 года), старец Серафим в октябре 1831 года, за год с небольшим до своей кончины, предсказал Мотовилову его будущую невесту, которой было в то время 8 лет, а ей, простой крестьянской девчонке, подарил шесть букварей («азбучек») со словами «по времени они тебе пригодятся» ... И родилось в семье Мотовиловых со временем ровно шесть детей... ([17] – С. Нилус. Великое в малом. – 1е издание СПб, 1905г, переиздано в 1996г, стр. 159-160]

НИКОЛАЙ:

Где же дети ваши, Елена Ивановна?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА:

А все на государевой службе, кто где. Здесь-то, в Сарове, никто из моих не служит, не живет. Вот уж приедут ко мне в гости, расскажу им, какое счастье мне на старости лет привелось. Николай-то мой Александрович – тезка ваш, батюшка Царь – мне все слова старче нашего рассказал. Знала я, верила, что прославите вы Серафима, и что приедете к нам в Дивеево. Но долгонько пришлось ждать!

АЛЕКСАНДРА:

А что же письмо преподобного? Оно у вас?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА:

У меня, милая, у меня. Только не письмо это, а пакет – с целую книгу будет. Да вот он. Как запечатал его преподобный хлебным мякишем – так и опечатан – крепче печати сургучной его хлебный мякиш оказался! Читай, батюшка Царь!

Елена Ивановна берет со стола довольно толстый пакет, с поклоном передает его Николаю. Тот прячет пакет за пазуху.

НИКОЛАЙ:

Милая Елена Ивановна, я потом это почитаю. Спасибо вам, что сохранили послание. Вы теперь расскажите нам о святом старце что помните, подробнее. А это я потом

читать буду.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА:

Ну, слушайте... Пока детки ваши не устанут старуху слушать (улыбается).

Камера показывает дочек. Они сидят на скромном диванчике, слушают. Мария и Анастасия (младшие) таращат глаза. Ольга слушает внимательно. Камера выезжает из дома Мотовиловой, показывает панораму Дивеева, места святого Серафима.

ЭПИЗОД 2.

НАТ. ДИВЕЕВО, ДОРОГА К КЕЛЬЕ ПАШИ САРОВСКОЙ. ИНТ. КЕЛЬЯ БЛАЖЕННОЙ, ТОТ ЖЕ ДЕНЬ.

На экране – дорога к келье блаженной Паши Саровской. По краям дороги – 850 сестер (монахини Дивеевского монастыря), ожидают проезда Царской семьи. Камера въезжает в келью. В ней – Паша Саровская, игуменья и послушница – готовит в чугушке картошку в мундире. На простом деревянном столе стоят 9 глиняных солдатиков. Игуменья распоряжается вынести все стулья. На полу расстилают большой ковер. Начинает звучать тревожная музыкальная тема, то затихая, то усиливаясь. Камера выезжает, показывает вновь дорогу: по ней приближается царский кортеж (впереди царский экипаж, за ним экипажи великих князей, митрополитов, охрана). Кортеж подъезжает к келье. Царская семья вы-

ходит из экипажа (без детей – они отправлены домой с прислугой); великие князья, митрополиты (трое) также выходят из своих экипажей. Игуменья (Мария) приглашает всех в келью. Гости входят, с трудом помещаются там. Паша предлагает всем картошку в мундире, хлеб. Все принимают угощение, несколько удивленные и смущенные – стульев нет, все едят стоя.

ПАША САРОВСКАЯ:

Поели? И будя с вас, теперь только Царь с Царицей останутся.

НИКОЛАЙ

(с извинительным жестом):

Господа, я прошу вас выйти.

Все выходят, в том числе игуменья. Вышедшие рассаживаются по экипажам, ожидая окончания этой странной встречи.

ПАША САРОВСКАЯ

(обращаясь к Николаю и Александре):

Садитесь!

Николай и Александра удивленно оглядываются, не видя стульев. Садятся на пол (на ковер).

ПАША САРОВСКАЯ:

Чтоб не упали вы, пока я рассказывать буду, что ждет Россию-матушку и вас, сердечных!

Александра хочет что-то сказать, но Николай прикрывает ей рот рукой.

ПАША САРОВСКАЯ:

В погибель пойдет Россия. Через полтора года трясина начнет. Еще ранее, через полгода – война начнется на Востоке. Проиграешь ты ее, Царь, хотя договор мирный и подпишешь потом. Потом власть свою поделитесь с болтунами, на западный манер. Только не поможет это ни России, ни тебе. Новая война, на Западе, страшнее первой во сто крат, через десять лет после восточной начнется. Через три года после этого все в России рухнет, и Россия развалится. Реки крови потекут. Брат на брата подымится, сын на отца, отец на сына. Ты, Государь, в марте 17-го сам уйдешь. Предательство кругом тебя будет. Ты сам уйдешь, но и это не поможет. Ждет вас крестный путь и лютая смерть. И Церковь рухнет, а священников убивать будут, топить в реках как котят, церкви жечь и разрушать будут. Весь век будет черен для России... Почто яврей в Кишиневе не защитил в эту Пасху? Вот они за Русь теперь возьмутся – всего мира явреи на тебя ополчатся!

НИКОЛАЙ:

Окстись, Параскева Ивановна! Говоришь невесть что! Все зачинщики арестованы. Суд зачинщиков Кишиневского погрома судит. Ты читала ль обращение батюшки Иоанна Кронштадтского к русским людям о зачинщиках погрома: «Вместо праздника христианского они устроили праздник сатане»? Ты читала ль обращение митрополита Антония: «Страшная казнь Божия постигнет тех злодеев, которые проливают кровь, родственную Богочеловеку, Его Пречистой Матери, апостолам и пророкам... чтобы вы знали, как и поныне отвергнутое племя еврейское дорого Духу Божию» ... Ты слышала ль об этом?

СПРАВКА: см. А.И. Солженицын Двести лет вместе (том 1, стр. 329)

ПАША САРОВСКАЯ:

Читать не читала, слышать – слышала. Читали батюшки эти листы во всех церквах. Яврейв Бог судить будет. Но Богу – Богово, а царю – царево. Ничего уже не поправишь. Вот увидишь – яврейв деньги дадут против тебя всем супостатам. Изнутри жалить и кусать будут, и две войны будут. Обрушат они матушку Русь, погубят. В грязь бросят и растопчут. Мужик озверевает.

НИКОЛАЙ:

Параскева Ивановна, страшное ты говоришь! Чтобы поверили мы вам, скажите сначала подробнее, с чего все начнется – ведь ничего этого нет сейчас. Скажите сначала, с

кем и почему на Востоке война начнется?

ПАША САРОВСКАЯ:

А то ты, Государь, сам не чувствуешь? Где тебе голову рассекли 12 лет тому? Кого ты потом в горы высокие восточные, да в Китай посылал, и почто посылал? Азию делить-воевать? Ладно, скажу подробнее.

Камера наезжает на лежащих на столе обезглавленных глиняных солдатиков; начинается видеоряд документальных кадров истории России 1904-1918 годов, вплоть до подвала дома Ипатьева в Екатеринбурге (4-5 минут). После этого камера вновь показывает стол, глиняных солдатиков, Николая и Александру.

НИКОЛАЙ

(с заметно осунувшимся лицом):

Прости, Параскева Ивановна, уже мочи нет тебя слушать. Скажи лучше, родится ли у нас сын, наследник, и когда?

ПАША САРОВСКАЯ:

Сын-то родится, да в наследники-цари не сгодится! Болезнью крови страдать будет.

АЛЕКСАНДРА

(с бледным лицом, вскакивает с пола, говорит возмущенно и громко, с сильным английским акцентом, почти в истерике):

Я вам не верю, этого не может быть! И сын родится, и будет царствовать. Я ничему не верю, что вы сказали! Зачем? Зачем все так страшно?!

ПАША САРОВСКАЯ

(берет с кровати кусочек красной материи, протягивает ее Александре):

Это твоему сынишке на штанишки. И когда он родится – через год – поверишь, матушка-страдалница, поверишь тому, о чем я говорила вам.

Александра падает в обморок. Николай подхватывает ее, обнимает. Она с трудом приходит в себя, молчит, закрывает лицо руками.

НИКОЛАЙ:

Параскева Ивановна, уж лучше бы вы ничего нам не говорили... просто картошкой угостили бы...

ПАША САРОВСКАЯ:

Ищи, батюшка-государь мой! Вот считаешь книгу, что у тебя за пазухой – опосля и мне поверишь. И еще не раз ко мне придешь потом, пока я жива буду. Недолго уж мне жить осталось. А тебе все же впрок слова мои пойдут. Будешь спокоен в самые страшные времена. На Бога уповай, Богу молись. Крепок ты и Александра твоя крепка в вере. Этим и держитесь. По смерти возвеличен будешь. Не скоро, но прославлен будешь потомками, всем народом на Руси.

си. А за сынишку не бойся – найдется целитель и заступник. Авось со временем и выйдет он из болезни. Прощай, Государь. Прощай, матушка-Государыня!

ЭПИЗОД 3

НАТ. ДИВЕЕВО, ТОТ ЖЕ ДЕНЬ.

Николай и Александра выходят из кельи. Николай пытается держать себя в руках, кусает губы. Видны слезы на глазах. Александра с трудом идет к экипажу – ей очень плохо. Николай поддерживает ее. Делает отстраняющий жест навстречу вышедшим из экипажа великим князьям. Садятся в экипаж, отъезжают. Над Дивеевом радостно и резко звучат колокола. Солнце садится за горизонтом. Откуда-то взлетает, каркая на спор с колоколами, стая ворон. Они черны на фоне закатного солнца.

ИНТ. ГОСТЕВАЯ КОМНАТА В ИГУМЕНСКОМ КОРПУСЕ. ТОТ ЖЕ ДЕНЬ (ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР 20 ИЮЛЯ 1903 ГОДА)

На экране –гостевая комната в Игуменском корпусе. Александра в постели. Боткин хлопчет рядом с ней, прикладывает компресс к голове. Николай идет из детской (укладывал спать детей). Он спокоен, но бледен. В коридоре его встречают игумен Серафим и игуменья Мария.

МАРИЯ:

Ваше Величество, батюшка, не убивайтесь вы так! Блаженная Паша резка бывает не по уму... Наговорила Вам, небось, невесть что. Христа ради юродивые-то наши испокон веку на Руси резки да дерзки. Привидится им то да се, а они и рады дерзить! Вы все слова ее просейте через крупное ситечко – чтоб только съедобное осталось...

СЕРАФИМ:

Николай Александрович, Ваше Величество, Александра-то Федоровна никого к себе не пускает – вы ей сами объясните про юродивых, Христа ради объясните. На ней, сердешной, лица нет.

НИКОЛАЙ:

Спасибо Вам за заботу. Ей уже лучше. Действительно, Параскева Ивановна много чего наговорила... Через крупное ситечко – это вы хорошо сказали...

Николай идет в свои покои. Камера следует за ними. Александра в постели. Николай садится в простое кресло.

БОТКИН:

Нам уже лучше. Сильный организм. Ничего страшного... Николай Александрович, да что ж такое эта Паша учудила? Я первый раз такой нервный шок у Александры Федоровны наблюдаю.

НИКОЛАЙ:

Да уж, учудила. Это точно. За «явреив» кишиневских так

отчитала, что до сих пор испарина. О прочем лучше и не спрашивайте, а то и вам компресс понадобится, Евгений Сергеевич.

БОТКИН:

Бред какой-то. За «яврейв» отчитала? Ей-то какое дело до «яврейв»? Вот уж одно слово – юродство! Может на Святой Руси они и к месту были, но нынче-то уже двадцатый век на дворе! Впрочем, молчу, молчу.

АЛЕКАНДРА:

Евгений Сергеевич, дорогой вы наш, спасибо. Мне уже гораздо лучше.

БОТКИН:

Да, дорогие мои. Молчу, молчу, удаляюсь (уходит с поклоном).

АЛЕКСАНДРА:

Она безумна, эта Паша! Прочь, прочь из головы, ведьма! Ники, милый, я посплю два часа, а затем вновь пойдём к источнику, на серебряный пруд.

НИКОЛАЙ:

Пойдем, если ты в силах. Спи, Аликс. Как проснешься, пойдём.

Александра быстро засыпает. Николай зажигает свечу в другом конце комнаты, достает из-за пазухи послание Се-рафима Саровского, смотрит на хлебный мякиш, бережно вскрывает пакет; погружается в чтение.

ИНТ. КЕЛЬЯ СВЯТОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО.

Камера наезжает на пламя свечи: возникает в черно-белых тонах келья святого Серафима и сам старец, пишущий это послание. Он на мгновение перестает писать и как бы смотрит на Николая из глубины времени.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Осталось много свидетельств очевидцев этих шольских событий в Сарове и в Дивееве. Само послание Серафима Саровского затерялось в тонущей российской «Атлантиде» в годы революции, как и письмо Авеля. Журнал Валаамского общества Америки «Русский паломник» сообщал в 1990 году: «Княгиня Наталья Владимировна Урусова была в переписке с Еленой Юрьевной Концевич, которая нам оставила письма, равно как и Воспоминания покойной княгини. Вот что сообщается ею:

«Я знаю о пророчестве преподобного Серафима о падении и восстановлении России; я лично это знаю. Когда в начале 1918 года горел Ярославль, и я бежала с детьми в Сергиев Посад, то там познакомилась с графом Олсуфьевым, еще сравнительно молодым. Он для спасения каких-то документов, должных быть уничтоженными дьявольской силой большевизма, сумел устроиться при библиотеке Троице-Сергиевой Академии. Вскоре был расстрелян. Он принес мне однажды для прочтения письмо, со словами: «Это я храню, как зеницу ока». Письмо, пожелтелое от времени, с силь-

но полинявшим чернилами, было написано собственноручно святым преподобным Серафимом Саровским – Мотовилову. В письме было предсказание о тех ужасах и бедствиях, которые постигнут Россию, и помню только, что было в нем сказано и о помиловании и спасении России. Года я не могу вспомнить, т. к. прошло 28 лет, и память мне может изменить, да и каюсь, что не прочла с должным вниманием, т. к. год указывался отдаленно, а спасения хотелось и избавления немедленно еще с самого начала революции: и думается, что это был 1997 г.: во всяком случае, в последних годах 20-го столетия. Простить себе не могу, что не списала копию с письма, но голова была так занята, и мозги так уставали в поисках насущных потребностей для детей, что этим только успокаиваю и оправдываю свою недалекость... Письмо помню хорошо”.

Граф Дмитрий Олсуфьев (1862-1937) был близок к Царской семье...

Блаженная Прасковья Ивановна Саровская умерла в 1915 году... Есть воспоминания о том, что и в дальнейшем, после 1903 года, Государь неоднократно обращался к Прасковье Ивановне, посылал к ней Великих Князей. Евдокия Ивановна (келейница блаженной) говорила, что не успевал один уехать, другой приезжал. После смерти келейницы Прасковьи Ивановны, матушки Серафимы, спрашивали все через Евдокию Ивановну. Она передавала, что Прасковья Ивановна сказала:

– *Государь, сойди с престола Сам!*”

ЭПИЗОД 4

ИНТ. ВНОВЬ ГОСТЕВАЯ КОМНАТА ИГУМЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ.

На экране – вновь пламя свечи и гостевые покои Царской семьи. Камера показывает комнату. Николай откладывает послание преподобного Серафима. На глаз у него слезы. Александра открывает глаза.

АЛЕКСАНДРА:

Ты плачешь? Ники, милый Ники, забудем этот день, как страшный сон. Это был всего лишь страшный сон.

НИКОЛАЙ:

Да.

АЛЕКСАНДРА:

Мы идем купаться в святом озере, мы идем исцеляться от злых чар.

НИКОЛАЙ:

Идем.

АЛЕКСАНДРА:

Идем.

НАТ. ТРОПИНКА В ЛЕСУ, ПРУД. ТОТ ЖЕ ВЕЧЕР И
НОЧЬ (20\21 ИЮЛЯ 1903 ГОДА).

Собираются и идут к святому источнику, к пруду. Вновь

на экране – серебристый под лунным светом пруд (убывающая Луна светит узким серпом). Они садятся на берегу, о чем-то шепчутся. На этот раз Николай остается на берегу. Александра раздевается, идет купаться. Долго и бесшумно плавает. Выходит на берег, Николай любит ее. Она смотрит в звездное ночное небо. На этот раз камера показывает, как звезды отражаются в ее глазах. (Музыкальное сопровождение – тихое, но волнующее и тревожное, или тишина).

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Через 100 дней после обретения небесного покровителя, преподобного Серафима Саровского, Александра Федоровна зачала наследника. Мальчик родился 30 июля следующего 1904 года в маленьком летнем дворце «Александрия» в Петергофе. Николай Второй записал в своем дневнике:

«30 июля. Незабвенный великий для нас день, в который так явно посетила нас милость Божья. В час с четвертью дня у Аликс родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро, для меня, по крайней мере. Нет слов, чтобы достаточно благодарить Бога за ниспосланное им утешение в эту годину трудных испытаний...»

СЦЕНА 3\3. 1904 год, 23 января, Санкт-Петербург. Война с Японией

Действующие лица:

НИКОЛАЙ и АЛЕКСАНДРА, а также великие князья.
в том числе МИХАИЛ, мл. брат Николая, 26-ти лет, член
Гос. совета), а также приглашенные (в театре;
– Шаляпин, Собинов, Медея – на сцене театра (в опере
«Мефистофель»);

Место и время действия:

23 января 1904 года, вечер. Санкт-Петербург.

НАТ. ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ. 23 ЯНВАРЯ 1904 ГОДА.

На экране – общий вид Зимнего дворца зимой 1904 года,
затем в кадре – дневники Николая Второго.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

ИЗ ДНЕВНИКОВ НИКОЛАЯ ВТОРОГО ЗА 1904 ГОД.

«14-го января. Среда.

После докладов принял 10 сенаторов. Облекся в прусский мундир и шел с Аликс и Мишей к завтраку с германским посольством по случаю дня рождения Вильгельма. В 3 часа принял двух донских калмыков – офицера Уланова и ламу

Ульянова, которые отправляются в Тибет.

21-го января. Среда.

Проснулся в 9 час. Погода стояла темная, но морозная. До завтрака принял 56 человек военных и моряков в Ротонде. Дядя Алексей присутствовал и потом завтракал с нами и Енгальчевым (дежурный). От 3 до 4 1/2 принял еще 21 чел. Погулять удалось только полчаса. После чая был у меня Ламздорф по японскому соглашению. Обедали вдвоем. Поехал в театр. Шла «Спящая красавица» – отлично, давно не видал. Был дома в 11 3/4.

23-го января. Пятница.

Солнечный морозный день. Утром много читал. Имел докладки Лобко и Романова. Принял 43 человека представляющихся. Завтракал Сергей (дежурный). Приняв Абазу, пошел гулять. Стана приехала из Франции с письмами и добрыми вестями от «нашего друга». Около 9 час. все семейство собралось в Романовской галерее. Был весьма удачный спектакль в Эрмитаже. Давали пролог и 4-й акт «Мефистофеля», в котором пела Медея, Шаляпин и Собинов. Ужин окончился в 12 часов. Обошли караулы училищ» ...

«Наш друг» – это Филипп Вашон, французский медик и оккультист, о котором мы рассказывали ранее. Кстати, именно он, покидая Россию, сказал императрице, что вскоре они обретут нового друга – Распутина. Но сейчас речь не о них.

Многолетняя борьба за влияние в Тибете, в Китае и на

Дальнем востоке между Россией, Англией и Японией к 1904 году предельно обострилась. Еще в 1902 году Англия и Япония заключили союз против России. В конце 1903 г. Япония завершила программу военной подготовки. Японские правящие круги убедились, что Россия добровольно не уступит своих позиций на Дальнем Востоке – понимая, что в этом случае англичане займут Тибет и Китай, а японцы – Маньчжурию и Корею. Единственным путем для осуществления своих захватнических планов в Корею и Маньчжурии они считали войну с Россией. В этих условиях руководители внешней политики Японии решили вступить в переговоры с Россией, надеясь на ее неуступчивость или затяжку переговоров, что будет использовано как предлог для объявления войны. Переговоры велись с августа 1903 года. Россия лавировала и постепенно шла на уступки, но затягивала переговоры, что не устраивало Японию. 13 января 1904 г. Япония предъявила ультиматум России. Отвергнув русские предложения, она потребовала безоговорочного признания Россией японских требований и признания права Японии и других держав в Маньчжурии. 16 января 1904 г. американский посланник телеграфировал в Вашингтон, что русские уступают Японии «во всем». Царское правительство пошло навстречу Японии».

ИНТ. ТЕАТР ЭРМИТАЖ В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ. ТОТ
ЖЕ ДЕНЬ.

На экране – театр Эрмитаж в Зимнем дворце. Внизу экрана дата: 23 января 1904 года, Зимний дворец. Театр Эрмитаж. На экране – все Царское семейство (без детей), великие князья, приглашенные – смотрят и слушают «Мефистофеля». Во время чтения текста (голос за кадром) музыкальным фоном идет пролог (4-й акт?) «Мефистофеля». По окончании пролога к Николаю подходит Михаил, они отходят в нишу в зале театра.

МИХАИЛ:

Каков Федор Иванович! Какая мощь! Однако, этот Мефистофель... Ники, будет ли война? Вся столица полна слухами. Ожидают со дня на день.

НИКОЛАЙ:

Ты же знаешь, я делаю все, чтобы войны не было.

МИХАИЛ:

Ну да, вчера все здесь – а верно и весь мир – обсуждали твоё официальное заявление: «Войны не будет. Я хочу, чтоб царствование мое было эрой мира до конца!». Но ведь японки предъявили ультиматум, отвергли все твои предложения, требуют безоговорочного признания своих притязаний на Маньчжурию.

НИКОЛАЙ:

Три дня назад мы отправили в Токио и в Порт-Артур телеграфом наше согласие уступить им во всех их требованиях. Все посольства здесь извещены о нашей телеграмме, о

нашем согласии. Вчера официально извещен о нашей мирной позиции японский посланник. Как видишь, я действительно делаю все, чтобы избежать войны.

МИХАИЛ:

Ники, помнится, полгода тому, летом, в Сарове, тебе передали письмо старца Серафима... Говорили, что там предсказания на все твое царствование... Но в тот же день эта юродивая, старуха... Пашиа Саровская – испортила весь тот день... После этого никто из нас и не спрашивал тебя о письме святого Серафима. Я не спрашиваю про все предсказания – это твое личное, я понимаю, – но скажи, Ники, он написал там, будет ли война с Японией?

НИКОЛАЙ:

Ты очень любопытен, Миша.

МИХАИЛ:

Однако, ты же знаешь, я умею молчать. Ты можешь верить мне. Я не скажу никому, Ники!

НИКОЛАЙ:

Святой Серафим написал, что будет война с Японией.

МИХАИЛ:

Я не спрашиваю, кто победит – мы их шапками закидаем, этих японцев. Значит – все же будет?

НИКОЛАЙ:

Михаил, еще раз говорю тебе – мы согласились на все требования японцев. Со вчерашнего дня у них нет ни причины, ни повода начинать войну. Я надеюсь, что старец ошибся.

В конце концов, в чем-то он ведь мог ошибиться... Ни мне, ни России эта война не нужна. Я подумываю о либеральных реформах... Я обдумываю перемены в правительстве. Еще полгода – и я начну реформы. Мне нужен мир.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Итак, 20 января ответ России был утвержден царем и отправлен телеграфом непосредственно в Токио и в Порт-Артур. 22 января об этом ответе официально был поставлен в известность японский посланник в Петербурге. 23 января, стремясь опередить русский ответ, Комура (министр иностранных дел Японии) предписал: «прекратить настоящие бессодержательные переговоры...» и прервать дипломатические отношения с царским правительством. Решение о начале войны против России было принято в Японии на совместном заседании членов тайного совета и всех министров 22 января (4 февраля) 1904 г., а в ночь на 23 января (5 февраля) отдано распоряжение о высадке в Корею и об атаке русской эскадры в Порт-Артуре. Вслед за этим 24 января Япония официально объявила о разрыве дипломатических отношений с Россией.

Из дневников Николая Второго:

«26-го января. Понедельник.

Утром у меня состоялось совещание по японскому вопросу; решено не начинать самим. Завтракали: Ольга и Петя (дежурный). Принимал долго губернаторов. Весь день нахо-

дились в приподнятом настроении!

В 8 час. поехали в театр; шла «Русалка» очень хорошо. Вернувшись домой, получил от Алексеева телеграмму с известием, что этою ночью японские миноносцы произвели атаку на стоявших на внешнем рейде «Цесаревич», «Ретвизан» и «Палладу» и причинили им пробоины. Это без объявления войны. Господь, да будет нам в помощь!»

НАТ. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ КАДРЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.

На экране – кадры начала Русско-японской войны.

СЦЕНА 4\3. 26 декабря 1904. Святополк-Мирский. Камарилья.

Действующие лица:

НИКОЛАЙ и АЛЕКСАНДРА, а также:

– СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ – Святополк-Мирский Петр Дмитриевич, министр внутренних дел (до 18 января 1905), 47-ми лет;

Место и время действия:

26 декабря 1904 года. Царское село, Александровский дворец.

ИНТ. ГОСПИТАЛЬ. НАТ. ЦАРСКОЕ СЕЛО, АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДВОРЕЦ. 26 ДЕКАБРЯ 1904 ГОДА.

На экране – посещение Николаем госпиталя для раненных офицеров и нижних чинов, вернувшихся с Русско-японской войны. Затем – возвращение из госпиталя в Царское село; панорама парка у Александровского дворца, декабрь 1904 года.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

К началу 1905 года положение России в Русско-японской войне значительно ухудшилось. В августе 1904 года было

проиграно генеральное сражение под Ляоляном; в сентябре-октябре японцы остановили наступление русских войск на реке Шахэ; осажденный Порт-Артур героически защищался, отражая ожесточенные штурмы до декабря 1904 года. 2 декабря во время очередного штурма был убит командовавший обороной генерал Кондратенко, бывший душой обороны; 19 декабря новый командующий во избежание бессмысленных потерь был вынужден объявить капитуляцию Порт-Артура. Осадная армия японцев перебрасывалась на маньчжурский фронт.

Неудачный ход войны вызвал еще с весны 1904 года оживление оппозиционного и революционного движения в стране. 26 июля эсер-бомбист убил министра внутренних дел Плеве. Новым министром был назначен Петр Дмитриевич Святополк-Мирский, из древнего княжеского рода, герой Русско-турецкой войны 1877-1878гг., известный затем активной работой на губернаторских постах, а с 1901 года – в должности товарища (заместителя) министра внутренних дел. Надеясь с помощью либеральных реформ привлечь буржуазную оппозицию на сторону правительства и тем способствовать разрешению кризиса, он разработал проект реформ: частичная амнистия, ослабление цензуры, включение в Государственный совет выборных представителей от земств и городских дум. Назначение Святополк-Мирского было встречено либеральным обществом, как симптом решительного перехода правительства к но-

вой политике. 16 сентября 1904 г. он произнес речь при представлении ему чинов министерства, в которой обещал относиться с доверием к сословным учреждениям и к населению вообще. Эта речь и последующие его действия дали повод назвать короткие пять месяцев управления Святополк-Мирского эпохой "весны" и "доверия". Современные историки сравнивают это время с эпохой «горбачевской перестройки»: широкая гласность, обоснованная и жесткая критика бюрократии, ожидание коренных реформ, общий подъем нравственного духа в стране. С другой стороны, резко возросло и недовольство, и сопротивление реформам со стороны определенных слоев общества.

Удивительно, но все это происходило во время тяжелой для России войны. «Слабый и безвольный» (именно в кавычках) Царь смело шел к коренным реформам...

ИНТ. КАБИНЕТ НИКОЛАЯ В АЛЕКСАНДРОВСКОМ ДВОРЦЕ. ТОТ ЖЕ ДЕНЬ.

На экране – кабинет Николая в Александровском дворце; Николай и Святополк-Мирский.

НИКОЛАЙ:

Вы сказали – «камарилья» ... Я слышал это выражение от Сергея Юльевича. Тайны мадридского двора времен Фердинанда, заговор аристократов против короля, присягнувшего конституции... Но я не собираюсь вводить конститу-

цию. Поверьте, Петр Дмитриевич, я много думал об этом. И пришел к твердому убеждению, что в ближайшие годы это невозможно, преждевременно. Общество должно созреть, народ должен быть более образован. Необходимо сначала ввести всеобщее начальное образование, должно вырасти поколение образованных людей во всех слоях общества, а не только интеллигенция. Конституция нужна сейчас только интеллигенции – народу она не нужна. Крестьянин – будь принята конституция – решит, что власть кончилась, что Царь потерял власть. Только это он и поймет. Рано, рано, Петр Дмитриевич, вводить нам институт выборных представителей. Поэтому я и вычеркнул из Вашей программы реформ все слова о «народном представительстве». Мы будем идти к этому не спеша, постепенно, в меру готовности общества. Крикунов и кликуш из интеллигенции слушать нельзя. Нужен средний путь, хотя такой путь выдерживать – похоже – самое трудное на Руси. С самых древних времен.

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ:

Ваше Величество, Вы знаете, я согласился с Вами относительно преждевременности народного представительства. Но, говоря о «камарилье», я имел в виду нечто другое, чем было в Испании с три четверти века назад. Наша «камарилья» начинает объединять Ваших врагов со всех полюсов. Аристократы старой закалки против всяких реформ вообще. Новые веяния, рост капитала, промышленности,

новые отношения и новые люди в политике ей непонятны и омерзительны. Конституционалисты, напротив, недовольны «половинчатостью» реформ. Самое опасное, что аристократы старой закалки имеют сочувствие во вверенном мне Департаменте, в секретных службах, а конституционалисты-либералы западного толка ищут союза с самыми радикальными социалистами для дискредитации и свержения Вашей власти.

НИКОЛАЙ:

Петр Дмитриевич, будьте любезны подробнее. Как это понимать? Вы не контролируете Департамент полиции, секретные службы?

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ:

Ваше Величество, за четыре месяца невозможно реформировать и обновить секретные службы, которые формировались десятилетия. Поспешность здесь также опасна. К тому же покойный Плеве – мир его праху – создал глубоко конспирированные связи с агентами в революционных кругах, и часть этих агентов – думаю – являются провокаторами, плохо контролируемые нами. Кроме того, я Вам докладывал ранее, что в архиве покойного найдены странные бумаги: например, записка годичной давности – за месяц до начала войны с Японией – неизвестному адресату: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война». Это в то время, когда Вы всеми силами старались не допустить войну!

СПРАВКА: см. Э. Радзинский. Николай Второй. – М., «Вагриус» стр.88.

НИКОЛАЙ:

Да, я помню тот Ваш доклад. Однако, год назад революцией, как говорится, «еще и не пахло» ... Испугавшись мифической революции, получили реальную войну и недовольство... Что же, нашли адресата?

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ:

Нет, Ваше Величество. В секретных службах теряются концы.

НИКОЛАЙ:

Петр Дмитриевич, так нельзя! Ищите!

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ:

В тайную полицию очень трудно привлечь порядочных людей. Не только умных и решительных, и риску не чуждых, но и порядочных.

НИКОЛАЙ:

Ищите таких! ... Теперь, далее, что за союз либералов с революционерами? О чем Вы? Я знаю еще от Плеве, что полтора года назад, летом 903-го, революционные партии провели съезд в Лондоне. Ну, так они там ни о чем не договорились, раскололись. И слава Богу!

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ:

Мне стало известно, что недавно в Париже встречались князь Павел Долгоруков, профессора Павел Милюков и Петр Струве – известные Вам либералы, и, с другой стороны, из-

вестные лидеры партии социалистов-революционеров Чернов, Натасон... Струве, Чернов, Натансон – марксисты и масоны.

СПРАВКА: см. В. Кобылин. Анатомия измены. – СПб, изд. «Царское дело», 2003, стр.40.

НИКОЛАЙ:

Марксисты и масоны – это их и объединяет. Но Павел Дмитриевич... Долгорукий... Из Рюриковичей... И в такой компании! Что ему там искать?

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ:

Там был еще наш агент в партии эсеров – некто Азеф... Он и доложил. Но все ли он доложил? ... Я не доверяю ему.

НИКОЛАЙ:

Грязь и мерзость! Рюрикович в тайне договаривается о чем-то с еврейским националистом, с агентом Охраны, с бомбистами! ... Петр Дмитриевич, я не имею сейчас времени выслушивать все подробности. Я буду ждать Ваш подробный доклад не позднее 7 января. Сразу после Водосвятия, будьте любезны, все подробности и планы противодействия этим безобразиям.

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ:

Ваше Величество, сейчас только кратко: Азеф доложил, что там была дискуссия о путях будущего развития России, и что ни о чем конкретном они не договорились. Других сведений об этой встрече у меня нет.

НИКОЛАЙ:

Вы и сами не верите Азефу, Петр Дмитриевич! Сначала разберитесь, потом докладывайте!

СЦЕНА 5\3. 1904 год, 30 декабря, Гатчино. Встреча с матерью.

Действующие лица: НИКОЛАЙ и его мать, вдовствующая императрица МАРИЯ ФЁДОРОВНА

Место и время действия:

30 декабря 1903 года. Гатчино.

НАТ. ГАТЧИНО. ГАТЧИНСКИЙ ДВОРЕЦ, ПОКОИ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ. 30 ДЕКАБРЯ 1904 ГОДА.

На экране – Гатчино, Гатчинский дворец, личные покои (кабинет) Марии Федоровны. Она и Николай пьют чай. В углу залы – украшенная елка.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Аликс по-прежнему редко выбирается из вашего гнездышка в Царском селе. С тех пор – уже много лет – как вы обжились там, она изолировалась от света, а если и бывает на балах и приемах, то по-прежнему замкнута, надменна. Естественно, свет отвечает ей тем же. Ее не любят. Так нельзя. Русская императрица должна быть понятна Царскому двору, должна быть любима в свете. Сначала все думали, что это объясняется ее прежним воспитанием и

неважным знанием русского, но прошло восемь лет – восемь лет! – а она все та же, хотя по-русски изъясняется теперь вполне хорошо. Много раз я говорила с ней об этом – все без толку. Почти год идет война, тяжелая для России – она должна быть более общительной, более душевной.

НИКОЛАЙ:

Мама, ты ведь знаешь, я тоже не очень люблю наши светские балы и приемы. Вы, мама – душа общества, и всегда были и будете ею. Вы не только уважаемы, но и любимы светом, – да, любимы. Но это не всем дано. Мы с Аликс другие. Мы бываем везде, где наше присутствие необходимо по протоколу, но не надо требовать от нас большего. Кроме того, в этом году мы – и Аликс с детьми – много бываем в госпиталях, среди раненных, среди нижних чинов. Мы были в госпитале вчера, а завтра будем на панихиде в Софийском по убитым в Порт-Артуре; оттуда опять едем в другой лазарет для нижних чинов. И Аликс сама хочет бывать там, и все относятся к ней там очень хорошо, очень тепло и душевно. Потому что люди там чувствуют ее тепло и душевность.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Ники, я знаю эту вашу идею: народ и царь, а между ними – никого. Так?

НИКОЛАЙ:

Да, самым кратким образом – так... Конечно, между царем и народом – чиновники, бюрократия, это неизбежно, но

духом царь должен быть с народом и народ должен знать и чувствовать это. К тому же, с осени мы проводим очень либеральные реформы, которые должны обуздать чиновников, улучшить систему управления.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Вы с Аликс – я много раз замечала – не любите и богатых промышленников, из новых, которых так много появилось в последние годы.

НИКОЛАЙ:

Лучшее, что они могут сделать со своим богатством – кроме развития самой промышленности, разумеется – это заниматься благотворительностью на родине, в России. Но весьма немногие из них понимают это. Большинство нуворишей тратит деньги в Европе: «русская белуга пошла метать золотую икру» – я слышал это от многих иностранцев. Как можно уважать этих людей?

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Однако, разоряются-то в Европе почему-то не новые нувориши, а потомки благородных семейств. Кстати, ты не мог бы помочь деньгами одному из них, известному тебе князю, нашему родственнику...

НИКОЛАЙ:

Мама, простите, нет. Вы же знаете, в этом году я пожертвовал личных денег – 20 миллионов фунтов, все что было у меня в фунтах стерлингов – на армию, и на госпитали и помощь раненым и увечным на этой войне. А наше

казенное содержание – 200 тысяч рублей, этого едва хватает нам. Это Вы знаете, Мама.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Знаю, из казенных денег я не стала бы у тебя просить никогда. Это ты тоже знаешь. ... Английские деньги жгут руки? Ты так не любишь Англию теперь?

НИКОЛАЙ:

Я люблю Россию, и сострадаю раненым и увечным. Как и Вы, мама, я же знаю. Впрочем, отчасти Вы правы. Если бы не помощь Англии, Япония давно бы уже капитулировала!

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Я очень огорчена политикой Эдуарда. Как так вышло, что этот несносный Вильгельм теперь чуть ли не в друзьях, а Эдуард – едва ли не враг? Это более чем грустно. И это неверно, это очень плохо для России.

НИКОЛАЙ:

Мама, вы же знаете, что это очень длинная история. Англичане давно строили планы захвата Тибета, подчинения Китая, Маньчжурии своему влиянию. Их интересы в Китае, в Корее, в Маньчжурии совпали с интересами японцев. Мы не могли потерять Дальний восток. Владивосток – замерзающий порт. Россия должна твердо стоять на Тихом океане и в Азии.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Да, конечно. Но не потеряем ли мы теперь все на Дальнем востоке? Пал Порт-Артур...

НИКОЛАЙ:

Не потеряем.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Почему ты так уверен? Серафим Саровский предсказал победу в своей книге судеб? (улыбается)

НИКОЛАЙ:

Предсказал... Не победу, но почетный для России мир. Впрочем, мы победим, я верю в это. Эскадра Рожественско-го к апрелю должна дойти до Порт-Артура.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Эти предсказания... Сначала Теракуто в Японии, потом Авель, этим летом – Серафим Саровский... В их предсказаниях много ужасного. Недавно я думала об этом. Зачем эти предсказания постигают тебя? Ты ведь не искал ни одно из них.

НИКОЛАЙ:

Не искал.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Раньше я думала, что это все Божья милость, что будущее сокрыто от нас, и мы не знаем заранее о будущих ужасных несчастьях и испытаниях...

Дневники Марии Федоровны. – М., «Вагриус», 2005, Эпиграф (из письма Марии Федоровны сыну, Великому князю Георгию Александровичу).

НИКОЛАЙ:

Я помню, ты писала об этом брату, Георгию. Он показы-

вал мне это письмо.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Да, это было давно. Теперь я думаю... Бедный мой Ники! Ведь это ужасно – знать свое будущее! Зачем тебе это испытание? Два года назад ты показывал мне письмо Авеля – это страшно! Неужели сбудется все, что написано там?! Ах, лучше не знать! А если и знаешь – невозможно думать об этом. Бедный, бедный мой Ники!

НИКОЛАЙ:

Не будем об этом, Мама. На все воля Божья. Если бы я не знал эти предсказания... Я бы ввязался в войну за Босфор и Дарданеллы еще семь лет назад, в 96-м... Многие подталкивали меня к этому тогда.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Витте был против. Я думала, это Сергей Юльевич убедил тебя...

НИКОЛАЙ:

Да, Витте. Но также предсказания о том, что история назовет меня виновником войн. И, видит Бог, год назад я сделал все возможное, чтобы избежать войны с Японией! Не моя вина, но – воля Божья. Испытание...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Не будем об этом сейчас, Ники. Все же, Ники, о другом: Вы с Аликс должны наладить отношения с высшим светом. Это опасно для Государя – когда Его окружение не понимает и не любит Его супругу. Высший свет может быть ко-

варен. Интриги двора губили многих монархов.

НИКОЛАЙ:

Я знаю, Мама. Я поговорю с Аликс. Но вряд ли она изменится. И я не буду настаивать (улыбается, целует мать в щеку). Все будет по воле Божьей.

СПРАВКА:

ДНЕВНИКИ 1904г.

26-го декабря. Воскресенье.

Холодный ясный день. Были у обедни. После завтрака поехали в манеж на елку второй очереди. Гулял. В 6 час. принял Мирского. Читал.

<...>

30-го декабря. Четверг.

Утром погулять не успел. Было три доклада. Усиленно читал и подписывал всякого рода указы. В 4.15 поехал в Гатчину. Пил чай и сидел у Мама почти до 8 час. Аликс приехала к обеду. Вернулись в Царское в 10 1/2 час.

ЧЕТВЕРТАЯ СЕРИЯ. 1905 год. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ).

СЦЕНА 14. 16 января 1905 год, Санкт-Петербург. Выстрел на Водосвятие

Действующие лица:

- Николай – Николай Александрович Романов (1868 г.р.), император;
- Великие князья (в том числе Михаил), свита;
- Митрополит, протодиакон, священники;
- офицеры охраны, городовые;
- Мосолов – Мосолов Александр Александрович (1854 г.р.), генерал-лейтенант, начальник канцелярии министра Двора Его Императорского Величества;

Место и время действия:

6 января 1905 года. Санкт-Петербург.

НАТ. НАБЕРЕЖНАЯ НЕВЫ БЛИЗ ЗИМНЕГО ДВОР-

ЦА. 6 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА, ВОДОСВЯТИЕ.

На экране – набережная Невы близ Зимнего дворца, прорубь («Иордань») во льду Невы. Николай, свита, священники, митрополит – на деревянном помосте. Над ними – церковные хоругви, знамена воинских частей (в частности, Морского корпуса). Рядом – охрана, несколько городовых. Праздник идет по церковному уставу. Камера показывает стрелку Васильевского острова и конную батарею на нем – пушки салютуют в воздух. Один из выстрелов – не холостой! Камера показывает помост у Зимнего, где стоит Николай и свита: слышен свист картечи, которая срубает древко одной из хоругви, пробивает знамя Морского корпуса, ранит одного из городовых. Минутное замешательство. Охрана бросается к Николаю. Он абсолютно спокоен, видна глубокая грусть в глазах. Протодиакон подхватывает падающую хоругвь, поет могучим голосом: «Спаси, Господи, люди Твоя...»

НИКОЛАЙ:

Господа, кто здесь ранен?

ОФИЦЕР ОХРАНЫ:

Городовой... ранение легкое...

НИКОЛАЙ:

Фамилия?

ДРУГОЙ ОФИЦЕР:

Романов, Ваше Величество.

НИКОЛАЙ

(чуть вздрогнув, тихо):

Романов... До 18-го года я ничего не боюсь.

ОФИЦЕР ОХРАНЫ:

Что-что, Ваше Величество?

НИКОЛАЙ:

Кто командовал батареей?

ОФИЦЕР ОХРАНЫ:

Поручик Карцев, Ваше Величество.

НИКОЛАЙ:

Бедный, бедный Карцев, как же мне жаль его!

МИХАИЛ

(подбегает к Николаю):

Николай, как ты? Мы струхнули, честно сказать! Как ты себя чувствуешь? Смотри, пули... Картечь на помосте близ тебя (показывает рукою).

НИКОЛАЙ:

До 18-го года я ничего не боюсь. Идемте в Зимний, господа. У меня прием послов. Не будем заставлять их ждать. Происшествие расследовать и результаты доложить мне завтра.

НАТ. ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ. ИНТ. НИКОЛАЕВСКИЙ ЗАЛ И АМФИЛАДЫ ДВОРЦА.

По окончании церковной службы Николай и свита направляются в Зимний дворец, поднимаются по лестнице, про-

ходят Николаевский зал, в нем – разбитые картечью окна. Многие из свиты мрачнеют. К Николаю подходит один из офицеров охраны.

ОФИЦЕР ОХРАНЫ:

Ваше Величество, по первым данным, в дуле одного из орудий оказался забытый картечный заряд.

Николай молча следует дальше, в свой кабинет. Приглашает за собой Мосолова.

НИКОЛАЙ:

Александр Александрович, встретьтесь с военным следователем, наведите другие справки. Вечером доложите результаты графу Фредериксу в Александровском.

МОСОЛОВ:

Ваше Величество, разрешите газетчикам сразу говорить, что это был случайный залп? Они сегодня, как всегда, будут визировать у меня свои материалы.

НИКОЛАЙ:

Да, разрешаю. Так оно и было, вероятно. Случайность.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Из Дневников Николая Второго за 1905 год:

«6-го января. Четверг.

До 9 час. поехали в город. День был серый и тихий при

8° мороза. Переодевались у себя в Зимнем. В 10 1/2 пошел в залы здороваться с войсками. До 11 час. тронулись к церкви. Служба продолжалась полтора часа. Вышли к Иордани в пальто. Во время салюта одно из орудий моей 1-й конной батареи выстрелило картечью с Васильев [ского] острова. и обдало ею ближайшую к Иордани местность и часть дворца. Один городской был ранен. На помосте нашли несколько пуль; знамя Морского корпуса было пробито.

После завтрака принимали послов и посланников в Золотой гостиной. В 4 часа уехали в Царское. Погулял. Занимался. Обедали вдвоем и легли спать рано».

СЦЕНА 24. 1905 год, 7 января, Александровский дворец. Доклад по безопасности.

Действующие лица: НИКОЛАЙ, а также:

- Владимир – Владимир Александрович Романов (1847 г.р.), третий сын Александра Второго, член Госсовета, командующий Санкт-Петербургским военным округом;
- Святополк-Мирский – Святополк-Мирский Петр Дмитриевич, министр внутренних дел;
- Лопухин – Лопухин Алексей Александрович (1864 г.р.), директор Департамента полиции (1902-1905)
- Дурново – Дурново Петр Николаевич (1844 г.р.) – член Госсовета (после 1905г.– министр внутренних дел);
- Пирамидов – полковник В.М. Пирамидов, начальник Санкт-Петербургского охранного отделения;
- Лавров – жандармский ротмистр Владимир Лавров, возглавлявший особый разведочный отдел при Главном штабе
- Мосолов – Мосолов Александр Александрович (1854 г.р.), генерал-лейтенант, начальник канцелярии министра Двора Его Императорского Величества;
- офицеры охраны; дежурный офицер.

Место и время действия:

8 января 1905 года. Александровский дворец.

НАТ. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДВОРЕЦ. ИНТ. КАБИНЕТ
НИКОЛАЯ ВО ДВОРЦЕ. 8 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА.

НИКОЛАЙ:

Продолжим, господа. Теперь о японских резидентах и их корреспондентах в России. Я слушаю, Алексей Александрович.

ЛОПУХИН

(встает):

Ваше Величество, разрешите сначала ротмистру Лаврову доложить этот вопрос – именно он «вычислил» резидента Акаши и его клиентуру.

НИКОЛАЙ:

Слушаю Вас, ротмистр.

ЛАВРОВ

(встает):

Акаши, или Акаси Мотодзиро, с 1902 года – военный аташе японского посольства, полковник, кадровый разведчик, выпускник Академии Генштаба Японии, работал ранее в Китае, на Формозе, в Париже, очень опытный разведчик, резидент. В конце декабря 1903 года мы установили его контакты с неким ротмистром – как установили позднее, со штаб-офицером по особым поручениям нашего Генерального Штаба, с ротмистром Ивковым – арестован мной 27 ян-

варя. Дал признательные показания. Успел многое передать Акаси. Ивков сам показал тайник, в котором хранились копии различных документов, приказов, в том числе и мобилизационный план Главного штаба нашей армии, который был передан Акаси. Находясь в камере-одиночке в ожидании суда, Ивков покончил с собой. Полковник Акаси в январе 1904 года, перед самым началом войны, покинул Россию. Был в Вене, сейчас – в Париже. Мы установили, что с весны прошлого года его деятельность не ограничивается военной разведкой.

НИКОЛАЙ:

Когда установили?

ЛАВРОВ:

Прошлой осенью. 16 ноября 1904-го в Департаменте полиции было заведено официальное Дело N 28 "О предосудительной против России деятельности японского полковника Акаши и его сотрудников Деканози, Зильякуса и других". Но об этом деле сподручнее доложить господину полковнику, начальнику Охраны, я полагаю? Разрешите сесть, Ваше величество?

НИКОЛАЙ:

Садитесь, ротмистр. Но сначала пусть директор Департамента доложит о связях Акаси за границей. Прошу Вас, Алексей Александрович.

ЛОПУХИН:

Находясь в Вене и затем в Париже, Акаси начал уста-

навливать активные связи сначала с польскими, финскими и грузинскими националистами и революционерами, а затем и с другими социалистами радикального толка, с эсерами и даже с более умеренными социал-демократами. Он снабжал их деньгами, а в последние месяцы предложил им оружие для революционных выступлений внутри России. Наша заграничная резидентура выяснила, что Акаси встречался с лидерами Польской социалистической партии Юзефом Пилсудским и членом Тайного совета Лиги Народовой Романом Дмовским, с кавказским революционером Деканозом (он же Деканозов) и с лидером Финляндской партии активного сопротивления Кони Циллиакусом (он же Зильякус). Нам известно, что Акаси передал Юзефу Пилсудскому около 20 тысяч фунтов стерлингов для развертывания агитационной, разведывательной и подрывной работы. По нашим приблизительным оценкам, всего из Японии для Акаси было переведено около миллиона иен на «русскую революцию». Парижские клиенты Акаси – Деканозов, Циллиакус и другие еженедельно получали от Акаси большие суммы. Циллиакус в октябре организовал в Париже встречу тринадцати антиправительственных организаций, в которой участвовали финские, польские, армянские, еврейские, латышские, грузинские националисты, лидеры эсеров, а также профессора Милюков, Струве и князь Павел Долгорукый, масон.

ВЛАДИМИР:

Позор, позор! Рюрикович в такой компании! Но точны

ли сведения? кто возглавляет контрразведку в Европе? Во Франции? В Швеции, в Финляндии? – оттуда ведь, наиболее вероятно, может поступать оружие?

ЛОПУХИН:

В Париже – надворный советник Иван Федорович Манасевич-Мануйлов. А в Финляндии, Швеции и Германии – полковник Ратаев. Люди абсолютно надежные.

НИКОЛАЙ:

Да, Ратаев, Леонид Александрович, помню. Продолжайте.

ЛОПУХИН:

Нашими агентами из чемодана Акаси в его номере в отеле, в его отсутствие, была изъята записка, копию которой Манасевич-Мануйлов отправил в Санкт-Петербург. Поясняя содержание записки, Иван Федорович доложил: "Японское правительство при помощи своего агента Акаши дало на приобретение 14500 ружей различным революционным группам 15300 фунтов стерлингов. Кроме того, им выдано 4000 фунтов социалистам-революционерам и на приобретение яхты с содержанием экипажа 4000 фунтов (100000 франков)". Мы предполагаем также, что японский миллион идет также на издание социал-демократических газет за рубежом и на содержание некоторых наиболее беспринципных и агрессивных групп, а также боевых организаций социалистов-революционеров. Мы предполагаем также, что часть этих денег идет в Россию, в Санкт-Петербург и в

Москву, для организации вооруженных революционных отрядов и для организации стачек и забастовок. ... Ваше Величество, это уже епархия полковника Пирамидова...

НИКОЛАЙ:

Прошу Вас, полковник. Кстати, не под Вашим ли началом пару лет назад сходку студентов разгоняли у Академии Художеств, у Сфинксов египетских?

ПИРАМИДОВ:

Так точно, Ваше Величество, был такой случай.

НИКОЛАЙ:

Значит, с тех пор студенты наших городских «фараонами» величают?

(все улыбаются).

ПИРАМИДОВ:

Вероятно, так. Но точно не могу знать. Разрешите продолжать доклад?

НИКОЛАЙ:

Продолжайте, Владимир Михайлович. Теперь уже не до шуток. Мне докладывали накануне, что в городе бастуют 120 тысяч рабочих. Путиловский и... кто еще?

ПИРАМИДОВ:

Военные верфи и Обуховские военные заводы. Все крупные военные заводы бастуют. На сегодня бастуют 150 тысяч.

НИКОЛАЙ:

Это как понимать? Текстильные заводы, другие невоенные предприятия не бастуют – и только военные бастуют!

Это тоже на японские деньги?!

ПИРАМИДОВ:

На сей час прямых доказательств нет, но уже есть сообщения филеров о том, что на верфях агитаторы рабочим обещают за забастовку платить больше, чем они получают за работу. Источники финансирования пока не установлены. С Обуховских было сообщение о насильственном принуждении к забастовке. Избиты несколько человек, отказавшихся бастовать. Согласившимся также платят. Источники финансирования устанавливаются. Конспирация у них, Ваше Величество. Не менее, чем у нас в контрразведке!

НИКОЛАЙ:

На всех крупных заводах, насколько я знаю, твердо соблюдается законодательство: у нас даже в военное время рабочий день меньше, чем в Европе. Платят им не меньше, а где и поболее. Во временных и неблагоустроенных строениях живут только вновь прибывающие из деревень, или пьяницы и лодыри. Все квалифицированные рабочие имеют отдельное жилье, если в городе – основном благоустроенное. Насколько я знаю, землячества и администрация об этом заботятся. Так? Петр Дмитриевич, рабочие знают, что их условия жизни и работы и жизни лучше, чем в той же Англии, или Германии, или во Франции?

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ:

Ваше Величество, еще со времен программы Зубатова разъяснительная работа активно ведется во всероссийском

рабочем «Собрании», и до сих пор на всех крупных заводах это делается еще и администрацией, и мастерами. В народных домах также. Конечно, время от времени конфликты и даже забастовки неизбежны, – и до начала войны полиция в случае экономических забастовок часто держала сторону рабочих. Такова была одна из идей полковника Зубатова. Его идеи оправдывали себя – политические требования рабочие и не выдвигали. Но то, что происходит сейчас, это не неизбежность развития производства, это не экономические забастовки. Это результат активной антиправительственной агитации и пропаганды социалистических и революционных идей, а также антигосударственного заговора враждебных иностранных сил. Японцев. Возможно, они действуют вместе с врагами России в Англии и, отчасти, Соединенных Штатов. Еврейские банкиры в Америке резко настроены лично против Вашего Величества после Кишиневских событий весны 903-го года, после погрома.

НИКОЛАЙ:

Достаточно, Петр Дмитриевич. Теперь Владимир Михайлович – каковы планы бунтовщиков на ближайшие дни? Кто таков этот священник, Гапон? – мне докладывали накануне, что он возглавляет недовольных, и что он очень популярен среди рабочих. Он ведь из друзей Зубатова. Сергей Васильевич хорошо о нем отзывался.

ПИРАМИДОВ:

Зубатов был отстранен покойным Плеве от рабочего

«Собрания» и выслан во Владимир осенью 903-го года за слишком либеральную и путанную позицию в еврейском вопросе.

НИКОЛАЙ:

Это я знаю. Его детище – «Независимая еврейская рабочая партия», эмиграция в Палестину. Целые пароходы из Одессы отплывали. И в Одессе же его евреи его и подставили – всеобщую забастовку организовали.

ПИРАМИДОВ:

Так точно, Ваше Величество. После отстранения Зубатова с нашего ведома Гапон и возглавил всероссийское рабочее «Собрание». Георгий Гапон, 35-ти лет, из полтавских крестьян, в юности баловался революционными идеями, но разочаровался в идеях и в революционерах. Случайно познакомился с Зубатовым, увлекся его идеями. Продолжает его дело. У меня с собой его листовка о целях «Собрания», как он его понимает. Зачитать, Ваше Величество?

НИКОЛАЙ:

Начало зачитайте.

ПИРАМИДОВ:

«Идея общества заключается в стремлении свить среди фабрично-заводского люда гнезда, где бы Русью, настоящим русским духом пахло, откуда бы вылетали здоровые и самоотверженные птенцы на разумную защиту своего царя, своей Родины и действительную помощь своим братьям – рабочим». Ну и далее, в том же духе. Собрание под его ру-

ководством строго придерживается намеченных его уставом задач и является твердым оплотом против проникновения в рабочую среду превратных социалистических идей и учений. Открываются библиотеки, читаются лекции. Среди рабочих пользуется очень большим авторитетом. Очень популярен.

НИКОЛАЙ:

Достаточно. Что сейчас происходит?

ПИРАМИДОВ:

Ваше Величество, Георгий Гапон, все же, человек романтического склада ума. В спокойные времена это и неплохо для рабочего лидера, но сейчас не те времена. К тому же, по нашим сведениям, в последние дни он имел контакты с социалистами, с неким Рутенбергом, из евреев-революционеров.

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ:

Стоп, господин полковник. Владимир Михайлович, ведь по уставу «Собрания» инородцы в него не допускаются. Гапон устав сменил?

ПИРАМИДОВ:

Никак нет, господин министр. Но с 3-го числа сего месяца для Пинхуса Рутенберга и нескольких его подельников Гапон сделал исключение. Почему – мы пока не знаем.

НИКОЛАЙ:

Продолжайте, полковник.

ПИРАМИДОВ:

Вчера в селе Семеновское близ города состоялось большое

собрание рабочих. Он держал там речь. Впрочем, осипший был, как нам доложили, и в конце речи Рутенберг его, как сказать? – «озвучивал». То есть, Гапон Рутенбергу сипел, а тот – народу кричал. Уже поздно вечером. Вот, из сегодняшнего донесения о том собрании, что Гапон вначале сказал:

НАТ. СЕЛО СЕМЕНОВСКОЕ ПОД САНКТ-ПЕТЕРБУРГОМ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР 7 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА.

На экране – село Семеновское под Санкт-Петербургом, поздний вечер 7 января 1905 года:

Светит луна. Пронизывающий ветер. На заводском дворе замерзшая многотысячная толпа рабочих ждет отца Георгия (Гапона). – Идет! – выдохнули тысячи озябших людей. По живому коридору он идет быстрым шагом. меховой воротник пальто поднят. За ним вслед, крепко сжимая в карманах заряженные револьверы, почти бегут телохранители.

– Кати сюда бочку! – распоряжаясь, кому-то кричит активист.

Сильные руки переворачивают бочку вверх дном. Другие руки поднимают священника вверх. И вот он – над возбужденной толпой. Загораются несколько факелов. Гапон сбрасывает меховое пальто. В свете факелов обжигающе сверкает крест на его груди. Вот он – истинный защитник простого народа. Гапон:

ГАПОН:

Братья! Фабрики и заводы принадлежат инородцам. Им прислуживают продажные чиновники. Вся страна погрязла во взяточничестве, разврате, произволе. Из рабочих выжимают последние силы. Сами заводчики купаются в роскоши, вывозят за границу народные ценности. Им дозволено все. Наши требования об улучшении жизни рабочих признаются преступными, законные желания – дерзостью. За русским народом не признают ни человеческие права, ни даже право говорить о наших нуждах! – Страстное лицо отца Георгия выражает несогласие терпеть и дальшие произвол.

По людскому морю голов пробегает гул одобрения. Пылают факелы, сверкает крест на груди священника, тревожно воеет ветер на крыше мастерских. Затаился худой, заезженный рабочий люд, сухой, как порох, гремучий, как динамит: брось ему клич – все разнесет в пух и прах. Ох, как опасен русский человек во гневе!

ГАПОН:

Братья, мы сегодня ходили к директору Смирнову, ничего не добились. Ходили в правление – опять ничего. Пошли к градоначальнику – тоже напрасно, к министру – бесполезно! У нас одно спасение – идти к стенам Зимнего дворца. Царь Богом поставлен на счастье народа, а это счастье у нас вырывают чиновники и капиталисты, к нам оно не доходит,

мы получаем горе и унижение...

Короткая пауза, и многотысячная толпа снова внимает страстную речь оратора. Он осип. Рутенберг повторяет за ним, громко.

РУТЕНБЕРГ:

Мы должны сказать государю: «Взгляни, царь, без гнева на наши просьбы, они направлены не ко злу, а к добру, как для нас, так и для тебя, государь! Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выйти из невыносимого положения. Россия слишком велика: нужды её многообразны и многочисленны, надо управлять ею. Необходимо, чтобы сам народ помогал тебе, ведь только ему известны истинные нужды, не отталкивай же нашу помощь, прими её!»

Рутенберг восторженно, но настороженно смотрит на толпу (на свет факелов). Его и Гапона телохранители держат руки в карманах – там револьверы.

РУТЕНБЕРГ

(шепотом своим товарищам):

Выйдет царь, выйдет! И – конец Ему. И наше начало...

ГАПОН:

Что, что ты там шепчешь?

РУТЕНБЕРГ:

Ты же слышал: выйдет Государь наш, выйдет к народу!

ИНТ. ВНОВЬ КАБИНЕТ НИКОЛАЯ В АЛЕКСАНДРОВСКОМ ДВОРЦЕ, ПРОДОЛЖЕНИЕ СОВЕЩАНИЯ (8 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА).

ПИРАМИДОВ

(читает по тексту донесения филера):

«Необходимо, чтобы сам народ помогал тебе, ведь только ему известны истинные нужды, не отталкивай же нашу помощь, прими ее!»

ВЛАДИМИР:

Каков подлец! Или дурак? Или и ему японцы деньги дали? Стоило с евреем связаться, сразу скурвился! Зря Зубатова сняли: он бы всех жидов сагитировал в Палестину уехать. И потом, пока он в Москве был, ни один эсер на свободе не ходил – всех вылавливал!

НИКОЛАЙ:

Владимир Александрович, его ведь Плеве покойный и отстранил за «жидомасонские связи».

ВЛАДИМИР:

Ну, там еще романтическая история была, с какой-то еврейкой у него. Захомутали его жиды.

НИКОЛАЙ

(морщится, недовольно):

Насчет еврейки – это личное, Дядя, не смешивайте все

в одну кучу. Мы ведь приглашали Зубатова вернуться на службу, месяц назад. Отказался. Назначили ему достойный пенсион, достойный чин в отставке дали. Но мы сейчас о Гапоне, не о Зубатове. Времени нет, надо о деле говорить.

Входит дежурный офицер с пакетом.

ДЕЖУРНЫЙ ОФИЦЕР:

Ваше Величество, прошу прощения, срочная почта из города. От священника Гапона.

ВЛАДИМИР:

Черт, легок на помине!

НИКОЛАЙ

(принимает и вскрывает пакет, читает сначала про себя, затем передает письмо Святопоку-Мирскому):

Читайте вслух, Петр Дмитриевич.

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ

(читает):

«Государь, боюсь, что твои министры не сказали тебе всей правды о настоящем положении вещей в столице. Знай, что рабочие и жители г. Петербурга, веря в тебя, бесповоротно решили явиться завтра в 2 часа пополудни к Зимнему дворцу, чтобы представить тебе свои нужды и нужды всего русского народа. Если ты, колеблясь душой, не покажешься народу и если прольется неповинная кровь, то порвется та нравственная связь, которая до сих пор еще существу-

ет между тобой и народом. Доверие, которое он питает к тебе, навсегда исчезнет. Явись же завтра с мужественным сердцем перед народом и прими с открытой душой нашу смиренную петицию. Я, представитель рабочих, и мои мужественные товарищи ценой своей собственной жизни гарантируем неприкосновенность твоей особы.

Священник Г. Гапон»

СПРАВКА:

См. Э.А. Хлысталов, «Правда о священнике Гапоне» (журнал "СЛОВО" № 4, июль-август 2002 г); сцена в селе Семеновском – из этой же статьи.

http://www.hrono.ru/statii/2002/gapon_hly.html

ВЛАДИМИР:

Каков наглец!

НИКОЛАЙ:

Петр Дмитриевич, сколько людей может пойти завтра за Гапоном?

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ:

от 100 до 150 тысяч, Ваше Величество.

НИКОЛАЙ:

Что в петиции, Алексей Александрович?

ЛОПУХИН:

по нашим предварительным сведениям, требования следующие (достаёт бумагу, зачитывает):

НАТ. ВО ВРЕМЯ ЧТЕНИЯ – ВНОВЬ КАДРЫ МИТИН-

ГА РАБОЧИХ.

I. Меры против невежества и бесправия русского народа.

1) Немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки.

2) Немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собрания, свободы совести в деле религии.

3) Общее и обязательное народное образование на государственном счете.

4) Ответственность министров перед народом и гарантии законности правления.

5) Равенство перед законом всех без исключения.

6) Отделение церкви от государства.

II. Меры против нищеты народной.

1) Отмена косвенных налогов и замена их прямым прогрессивным подоходным налогом.

2) Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и передача земли народу.

3) Исполнение заказов роенного и морского ведомств должно быть в России, а не за границей.

4) Прекращение войны по воле народа.

III. Меры против гнета капитала над трудом.

1) Отмена института фабричных инспекторов.

2) Учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных рабочих, которые совместно с админи-

страцией разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии.

3) Свобода потребительско-производственных и профессиональных союзов – немедленно.

4) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

5) Свобода борьбы труда с капиталом – немедленно.

6) Нормальная рабочая плата – немедленно.

7) Непременное участие представителей рабочих классов в выработке законопроекта о государственном страховании рабочих – немедленно.

СПРАВКА: см. статью Ф. Лурье «Гапон и Зубатов»

ИНТ. ВНОВЬ КАБИНЕТ НИКОЛАЯ В АЛЕКСАНДРОВСКОМ ДВОРЦЕ, ПРОДОЛЖЕНИЕ СОВЕЩАНИЯ (8 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА).

Во время чтения дядя Николая (Владимир) несколько раз выражает возмущение. Николай спокоен.

НИКОЛАЙ:

Это программа лет на двадцать, на послевоенное время. А они – немедленно. Во время войны с врагом. Безумцы...

ВЛАДИМИР:

Бунтовщики! Амнистию захотели! «По воле народа...»

НИКОЛАЙ:

Петр Николаевич, Вы среди нас самый мудрый, самый опытный. Без лести. Я Вас для того и пригласил, чтобы выслушать Ваше мнение в заключение.

ДУРНОВО:

Спасибо, Ваше Величество. Что касается Георгия Гапона, то верить ему нельзя теперь ни в чем. Но не в Гапоне дело. Война затянулась, и конца ей пока не видно. По крайней мере для народа – не видно. Тяжкая чередка наших поражений и неизвестность будущего – вот главная причина недовольства народа правительством, чиновниками, фабрикантами. В Вас, Государь, народ верит, но более он никому не верит теперь. Но правда и то, что лихоимцы наживаются на войне; воруют чиновники много, а в интендантстве полное безобразие. Люди все это видят и на своей шкуре чувствуют. Очень благоприятное время для революционеров и мерзавцев, и авантюристов всех мастей. Эти господа готовы на все, ради свержения монархии. Как выражаются марксисты, создалась революционная ситуация. Само их учение и ошибочное, и бредовое, но вот насчет «революционных ситуаций» они очень хорошо разобрались. Умеют пользоваться. Это опасно. Очень опасно. И не столько потому даже, что революция может свергнуть Самодержавие – прости и не допусти Господи! – а потому, что у нас в России революция не приведет к чаемому революционерами «буржуазно-демократическому строю». У нас революция перейдет в анархию, в «бунт бессмысленный и беспощадный». Стоит

насть Самодержавию, как и Бог для народа падет.

ВЛАДИМИР:

Что Вы такое говорите, Дурново?! Вы что это нам тут «Лазаря запели»?

НИКОЛАЙ:

Продолжайте, Петр Николаевич.

ДУРНОВО:

Самодержавие – коренной путь России. А это я к тому сказал, что до революции дело доводить категорически недопустимо в России. А уж почти на пороге. На японские ли деньги – возможно и на японские – но так или иначе надо срочно принимать самые сильные меры. Однако, за Гапоном народ завтра пойдет с верой в Бога, в Царя и в Отечество. И арестовать Гапона нельзя – бунт будет. И выходить к народу Вам, Ваше Величество, тоже нельзя. Ясно уже, что вокруг Гапона эсеры примазались, и что он их не отверг. Значит, гарантировать Вам жизнь он не может. Может и верит он своим эсеровским друзьям, но мы-то им верить права не имеем. Убьют, и глазом не сморгнут, прости Господи!

НИКОЛАЙ:

Что же, Петр Николаевич, мне и к народу не выходить? Это невозможно!

ДУРНОВО:

Да, невозможно не выйти к народу. Я думаю, следует пригласить Гапона и десяток представителей в Зимний. Вам можно выйти на балкон на короткое время, а встречу

с Гапоном провести в Зимнем. Однако, и это небезопасно. В толпе на Дворцовой возможны провокации. Хотя Гапон и призвал идти без оружия, и даже «ножичков перочинных не брать», но он всех проконтролировать не может. Любая провокация может возбудить толпу. Сам Гапон, я думаю, все это затеял от гордыни. Возможно, хочет Вашим советником стать – советником от рабочих, вроде министра без портфеля. Занесся высоко в мечтах. Реальные возможные последствия своей авантюры он себе не представляет.

МОСОЛОВ:

Ваше Величество, позвольте уточнить.

НИКОЛАЙ:

Прошу Вас, Александр Александрович.

МОСОЛОВ:

Я убежден абсолютно, что ехать завтра в Зимний Вам не следует, тем более – выходить к толпе, хотя бы и на балкон. Эсеры – Ваши смертельные враги. Раз уж появились они в окружении Гапона, никаких переговоров вести нельзя. Опустим Ваш штандарт над Зимним – как всегда в Ваше отсутствие – и пусть стоят на Дворцовой, сколько хотят. Петицию от Гапона и я могу принять.

ВЛАДИМИР:

Никаких петиций, никаких переговоров! Остановить толпы на подступах к Дворцовой, а лучшие на рабочих окраинах. Остановить и рассеять войсками моего гарнизона. А с Вами, Трепов, эти бунтовщики разговаривать не будут. И ни

с кем не будут. Им только Государь нужен.

НИКОЛАЙ:

что же делать?

ВЛАДИМИР:

Может и верит он своим эсеровским друзьям, но мы-то им верить права не имеем

НИКОЛАЙ:

Как же вы их остановите без оружия? Толпы сметут безоружные войска. А патроны солдатам выдавать – категорически нельзя. Любая провокация – и кровь прольется. Это абсолютно недопустимо.

ВЛАДИМИР:

Революция на носу, Николай! Страшнее французской будет. Оружие у бунтовщиков будет под полою, не сомневаюсь. Николай, ты представляешь себе, что значит для России царя потерять – да еще во время войны?! Тебя вчера чуть не убили на Неве, а ты колеблешься, выходить ли к убийцам на Дворцовую!

ПИРАМИДОВ:

Войска расчлняют районы города, мосты разведем. Не допустим толпу на Дворцовую. Однако, патроны войскам придется выдать, на всякий случай.

НИКОЛАЙ:

Дядя, успокойтесь... Патроны войскам не выдавать – таково мое решение. В остальном – Вы меня убедили, господа. Я останусь здесь, в Александровском дворце. Если дой-

дут до Дворцовой – пусть стоят. На переговоры никому из Вас не выходить. Бесполезно, да и выстрелить из толпы по-дельники Рутенберга могут – лишняя приманка для провокаторов. Военские начальники сами должны убедить толпу разойтись, как это обычно и практикуется. Алексей Александрович, Вам – завтра в газетах должно быть опубликовано сообщение о запрещении демонстрации и о ее разгоне в случае нарушения приказа.

ЛОПУХИН:

И в газетах опубликуем, и по улицам приказ разместим, расклеим. Однако, Гапон уже не отступит. Да и не он верховодит там уже на самом деле, я думаю. Плохо, что народ этого не понимает. Гапону верят. А он не политик, романтик..., и авантюрист по сути.

НИКОЛАЙ

(обращаясь к Святополк-Мирскому):

Вы, Петр Дмитриевич, завтра вечером дополнительно доложите мне о принятых мерах.

(обращаясь к дяде):

Владимир Александрович – завтра пополудни совещание с военными, жду от Вас подробный доклад. Я сегодня переговорю по телефонной связи с Москвой, с Сергеем Александровичем. Пусть и там будут готовы к возможным беспорядкам.

Все встают, расходятся. На выходе из дворца Великий

Князь (Владимир) придерживает Пирамидова, они отстают от других.

ВЛАДИМИР: Государь не имеет права взять на себя ответственность за выдачу патронов войскам. Мы должны взять эту ответственность на себя. Я отдам приказ раздать патроны.

ПИРАМИДОВ: Точно так, Ваше Сиятельство. Мои подчиненные также будут при оружии.

НАТ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА.

На экране – черно-белые кадры демонстрации и расстрела 9 января 1905 года, затем иллюстрации к нижеследующему тексту:

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

В демонстрациях 9 января приняло участие около 140 тысяч человек. В районе Нарвской заставы демонстрантам во главе с Гапоном перекрыла дорогу цепь солдат. Офицер приказал разойтись. Часть людей ушли во дворы и пробирались мимо солдат. В руках рабочие несли иконы и хоругви, шли спокойно, без выкриков и злобы. Толпа приближалась к солдатам. Офицер дал команду. Солдаты предупредительно выстрелили поверх голов. Часть людей легли на мостовую, другие не могли поверить, что солдаты выстрелят в толпу. Раздался второй прицельный выстрел по ногам. Пули рикошетили, пробивали людей в грудь и живот. Толпа

бросилась врассыпную, оставив на снегу убитых и тяжело-раненых...

Согласно официальной статистике 9 января было убито 76 человек, ранено – 233. Скорее, жертв было больше, поскольку некоторых убитых родственники скоро захоронили, а отдельные раненые, боясь репрессий, не обращались за медицинской помощью. На следующий день газеты опубликовали имена всех погибших. Они были похоронены за казенный счет. Николай Второй из личных средств выдал всем семьям погибших крупные денежные компенсации. Современные историки считают, что погибло около 130 человек и около 200 были ранены. Революционеры воспользовались ситуацией и распространили слух, что на самом деле погибло и ранено около пяти тысяч человек...

...После выстрелов священник не пострадал, одна пуля слегка задела палец его руки. Его увели во двор соседнего дома. Рядом оказался Пинхус Рутенберг с ножницами. Он тут же остриг Гапона, его волосы брали на память. Рабочие дали ему другую одежду. Он стал неузнаваем. Его приютил Максим Горький. Здесь же была написана декларация. В ней он обратился к народу, заклеив царя и правительство. «У нас больше нет царя!» – писал он рабочим.

Гапон был лишен церковного звания и объявлен отъявленным преступником православной церкви. Он обвинялся духовенством в том, что, призванный вдохновлять православных словами истины и Евангелия, обязанный отвлекать

их от ложных направлений и преступных стремлений, он, с крестом на груди, в одежде духовного отца, предал свой сан и вступил в преступное сообщество еретиков и халдеев, выполняющих в России предательскую роль.

Он написал несколько оскорбительных писем императору Николаю II. Вот одно из таких писем:

ПИСЬМО К НИКОЛАЮ РОМАНОВУ, БЫВШЕМУ ЦАРЮ И НАСТОЯЩЕМУ ДУШЕГУБУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

С наивной верой в тебя, как отца народа, я мирно шел к тебе с детьми твоего народа. Неповинная кровь рабочих, и жен, и детей-малолеток навсегда легла между тобой, о душегубец, и русским народом. Нравственной связи у тебя с ним никогда уже быть не может. Могучую же реку сковать во время ее разлива никакими полумерами, даже вроде Земского Собора, ты уже не в силах.

Бомбы и динамит, террор бесправного люда, народное вооруженное восстание – все это должно быть и будет непременно. Море крови, как нигде, прольется.

Из-за тебя, из-за твоего дома – Россия может погибнуть. Раз навсегда пойми все это и запомни. Отрекись же лучше поскорей со всем своим домом от русского престола и отдай себя на суд русскому народу. Пожалей детей своих и Российской страны, о ты, предлагатель мира для других народов, а для своего – кровопийца!

Иначе вся имеющая пролиться кровь на тебя да падет,

палач, и твоих присных.

Георгий Гапон.

Знай, что письмо это – оправдательный документ грядущих революционно-террористических событий в России.

20/7 февраля 1905 г.

Георгий Гапон

СПРАВКА:

См. Э.А. Хлысталов, «Правда о священнике Гапоне» (журнал "СЛОВО" № 4, июль-август 2002 г).

http://www.hrono.ru/statii/2002/gapon_hly.html

ГОЛОС ЗА КАДРОМ (в продолжение):

Несмотря на старания полиции, опознать и арестовать Гапона не удалось. Эсеры перепрятали его в загородный дом малонаселенной дачной местности, заверяя, что в ближайшее время переправят за границу. Прожив в этом доме несколько дней, он заметил подозрительных людей, которые перекрывали выход к железнодорожной станции. В одну из ночей он вылез в окно и по глубокому снегу бежал. Ему удалось сесть на поезд и уехать в Финляндию без чьей-либо помощи. Не сделай этого, эсеры бы продали его полиции за крупную сумму денег. За границей его окружали как народного героя.

Все революционные вожди добивались с ним встречи, каждый пытался приобщиться к его известности и тем самым показать свою значимость. За написанную книгу «Ис-

тория моей жизни» он получил пятьдесят тысяч франков, что давало ему возможность безбедно жить всю оставшуюся жизнь. Ему подарил свою книгу В. Ленин, хотя сам ненавидел все русское, все православное, все «поповское».

Все деньги у Гапона тут же «для дела революции» выманили эсеры. Они, якобы для покупки и завоза в Россию оружия, зафрахтовали судно, которое почему-то село на мель, и все оружие пропало. Сам Гапон спасся чудом, выплыв с большим трудом на берег: Несомненно, его деньги присвоили эсеры, обманув доверчивого человека и совершив первое покушение на жизнь бывшего священника.

СЦЕНА 3\4. 1905 год, 2, 4, 10 февраля, Москва. Убийство Великого князя Сергея Александровича.

Действующие лица:

– Элла – Елизавета Федоровна Романова (1864 г.р.), Великая Княгиня, сестра императрицы Александры Федоровны, жена Великого Князя Сергея Александровича;

– Сергей Александрович – Сергей Александрович Романов (1857 г.р.), пятый сын Александра Второго, генерал-адъютант, участник русско-турецкой войны (1877-1878гг.), основатель и председатель Императорского Православного Палестинского общества, с начала января 1905 г. – командующий Московским военным округом;

– Каляев – Каляев Иван Платонович (1877 г.р.) – эсер,

террорист, член боевой организации;

- Савинков – Савинков Борис Викторович (1879 г.р.), эсер, террорист, лидер боевой организации, масон;
- Куликовский – эсер, член боевой организации;
- Андрей – кучер Великого Князя Андрей Рудинкин;
- полицейский пристав, полицейские чины (околоточный, городовые);
- раненные нижние чины в госпитале в подвалах Московского Кремля;

Место и время действия: 2 февраля 1905 года. Москва.

НАТ. МОСКВА, КРЕМЛЬ. ИНТ. ГОСПИТАЛЬ ДЛЯ НИЖНИХ ЧИНОВ В ПОДВАЛЬНЫХ ПОМЕЩЕНИЯХ КРЕМЛЯ. 2 ФЕВРАЛЯ 1905 ГОДА.

На экране – хорошо оборудованные под госпиталь подвалы Кремля, ряды коек, тумбочки, раненные, медсестры. Элла в одежде сестры милосердия в сопровождении дежурной сестры обходит раненных, подает лекарства, воду, поправляет повязки. Один из выздоравливающих заговаривает с ней, Элла сидит у его койки.

РАНЕННЫЙ:

Княгинюшка, Елизавета Федоровна, я Вас помню – на коронации мне в Москве довелось быть, в толпе стоял, Вы с супругом Вашим недалеко от нас прошли... Как народ всех

Вас любил! А потом на Ходынке был я – Бог помиловал. А ведь Ваш супруг – Его Высочество ведь тогда градоначальником-то был – он ведь виноват был в Ходынке... Рвы эти, доски – разве ж можно было столько народу на такое поле запускать? Вы уж простите меня, – злости накопилось за эту войну. Вот и вспомнилось.

ЭЛЛА:

Господь с Вами, как зовут Вас?

РАНЕННЫЙ:

А Сергей я, с-под Тамбова мы... Рядовой с Порт-Артура... Ох тяжко там было... И там Бог миловал – не тяжело ранили-то, в контратаке. А здесь Георгия вручили. Второго Георгия, за ту атаку. Я впереди был. Простите великодушно. Вы тут как ангел милосердный для нас, наши повязки кровавые кажинный день меняете. А я – злое вспомнил.

ЭЛЛА:

Поверьте, Сергей, муж мой и я, мы до сих пор казнимся за Ходынку. Поверьте на слово – а Господь знает это.

РАНЕННЫЙ:

Верю, верю Вам, ангел Вы наш. Простите еще раз, что вспомнилось. Народ озверел ныне. Слышали мы, что беспорядки большие и в Москве, и в столице северной.

ДРУГОЙ РАНЕННЫЙ

(с соседней койки, на тумбочке лежит георгиевский крест):

Княгинюшка, правда ль Священный Синод на дни напи-

сал, – нам читали здесь, – что бунтовщики все на деньги супостата, японской микады от работы льнут и на улицы идут, что инородцы смуту затеяли? Кто инородцы то? Жиды верховодят? Царь-то к народу из-за жидов не вышел, али народа испугался? Тяжко народу живется, особенно рабочему люду в городах. Я знаю. Есть у нас тут из рабочих раненные.

ЭЛЛА:

Священный Синод все верно написал, про деньги от Японии. Но инородцы – не только евреи. И евреев-то немного среди бунтовщиков.

ДРУГОЙ РАНЕННЫЙ:

Мы там кровь проливаем, за веру и за царя, и за отечество, а они здесь на вражьи деньги бунтуют! И жиды ими верховодят! Скоро-ль Царь порядок наведет?

ЭЛЛА:

Царь давно уже решил облечение народу сделать, и рабочим, но война мешает. А теперь вот – бунтовщики. Но он все равно навстречу народу пойдет. Только вот бунты надо подавить, смуту преодолеть, и в войне победить.

РАНЕННЫЙ (Сергей):

Спаси Бог, княгинюшка, Елизавета Федоровна... Шестой час вы у нас ходите, всем помогаете, устали небось?

К Элле подходит сестра милосердия, тихо говорит ей:

СЕСТРА:

Елизавета Федоровна, Его Высочество, Сергей Александрович, телефонировал только что начальнику госпиталя, просит Вас собираться на благотворительный спектакль в Большом театре в пользу Красного Креста, Вы ведь его патронируете. Просит Вас подняться к нему.

ЭЛЛА:

Да, спасибо, Вера. Пора идти, верно. До свидания, голубушки. Сергей, и Вы, Петр, до свидания. До завтра. Не волнуйтесь, дорогие мои. Вам выздоравливать надо.

Элла выходит из госпиталя, идет в свой дом (здесь же в Кремле). Сергей встречает ее, они разговаривают, собираются ехать в Большой театр. Зовут малолетних племянников. Вместе спускаются по лестнице, выходят из подъезда во вьюгу. Уже темно.

НАТ. МОСКВА, ВОСКРЕСЕНСКАЯ ПЛОЩАДЬ, У ЗДАНИЯ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ. ВЕЧЕР 2 ФЕВРАЛЯ 1905 ГОДА.

СПРАВКА: см. Александр Лаврин, Сайт: People's History, статья: «"Словарь убийц", Иван Каляев».

На экране – Воскресенская площадь у городской Думы. Сильный мороз, дымится вьюга. Продрогший Каляев в крестьянской одежде, ждет карету Великого Князя, в руке у него – пакет с бомбой. Рядом с ним – второй метальщик (Куликовский).

КАЛЯЕВ:

Вон, вон едут. По-моему, его карета (вглядывается в метель).

КУЛИКОВСКИЙ

(выходит из соседней подворотни, подходит к Каляеву):

Кучер кто у него?

КАЛЯЕВ

(удивленно):

Кучер? Какая разница?

КУЛИКОВСКИЙ:

Иван, погибнет ведь заодно неповинный, живая душа. Хоть свечку за упокой его души поставлю.

КАЛЯЕВ:

Ты... Ты, чего ко мне подошел? Ты должен вон там стоять, в той подворотне. Иди, беги туда. А если мой снаряд не рванет, твоя очередь будет.

Карета сворачивает на площадь, Каляев бросается навстречу, но при свете фонарей видит, что рядом с великим князем сидит его жена и дети. Останавливается, опускает поднятый было пакет с бомбой. Идет в Александровский сад; за ним идет Куликовский, наблюдавший эту сцену. В саду их ждет Савинков.

САВИНКОВ:

Что случилось, Иван?

КАЛЯЕВ

(взволнованно, с трудом выговаривая слова):

Жена его... с ним была... и двое мальцов...

САВИНКОВ

(внимательно смотрит на Каляева):

И что?

(Каляев молчит)

КУЛИКОВСКИЙ:

Борис Викторович, мы ведь приговорили к смерти великого князя, а не его жену и племянников малых.

САВИНКОВ:

Да, как-то мы упустили... такой вариант. Не обсуждали.

КАЛЯЕВ:

Борис, ты как руководитель организации, можешь сейчас принять решение. Если решите всех... порешить... Тогда я дождусь их на обратном пути из театра... И всех порешу...

КУЛИКОВСКИЙ:

Как можно?! Детей?!

САВИНКОВ

(подумав):

Детей малолетних нельзя. Да и жена его не виновата. Иван Платоныч, ты правильно поступил. Будем ждать, когда один поедет. Каждый день один ездил, а тут... Как нарочно.

КУЛИКОВСКИЙ:

А кучер? Про кучера-то тоже не обсуждали...

КАЛЯЕВ

(резко):

Ты сдурел на морозе? Кучер – лакей сатрапа. Лакей, мужик. Буде увидит тебя с бомбой, тут же городских свистнет, и сам навалится. Это – враг тоже.

САВИНКОВ

(смотрит на Куликовского):

Какой же ты революционер, если этого не понимаешь?

КУЛИКОВСКИЙ

(тихо, как бы про себя, дрожа от холода или от волнения):

Не думал я, что это так тяжело будет... Убивать.

САВИНКОВ:

И что?

КУЛИКОВСКИЙ:

Простите меня, я из дела выхожу. Не гожусь я в метальщики. Что другое – на все готов, а убивать – нет, не могу, не буду.

КАЛЯЕВ:

И пошел вон отсюда.

САВИНКОВ:

Ну, может на другое дело согласишься. Иди. Завтра на новой явке обсудим дело подробнее.

(Куликовский понуро уходит в метель)

КАЛЯЕВ:

Я очень устал... устал нервами... Ты знаешь, Борис, – я думаю, – я не могу больше... но какое счастье, если мы победим. Если Владимир будет убит в Петербурге, а здесь, в Москве, – Сергей... Я жду этого дня... Подумай, 15 июля – Плеве, 9 января, затем два акта подряд. Это уже революция. Мне жаль, что я не увижу ее...

НАТ. МОСКВА, КРЕМЛЬ. ИНТ. ПОКОИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА. 4 ФЕВРАЛЯ 1905 ГОДА, ОКОЛО ПОЛУДНЯ.

На экране – покои Великого Князя в Кремле. У окна – Сергей Александрович и Элла.

ЭЛЛА:

Ты уже выезжаешь, Сергей?

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ:

Через десять минут, дорогая. Очень много дел. Трепов и Владимир в столице наводят порядок, а мы здесь.

ЭЛЛА:

Я разговаривала по проводу с Аликс, и потом еще с Александром Александровичем. Две недели назад там ужасная ситуация была. Оборванцы на Невском, все витрины заколочены, света не было. Беспорядки, грабежи. Это Аликс мне рассказала. Мосолов сказал, что сейчас гораздо спокойнее.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ:

Милая, я все это знаю тоже. Я ведь каждый день по пять раз на аппарате, и с Мосоловым, и с Треповым, и с Владимиром, и с Николаем тоже... Я расскажу тебе подробнее потом, если у тебя время будет. У тебя ведь своих дел очень много. Каждый день по госпиталям, по делам Красного Креста... Умница. Всем сейчас нелегко... Нелегко... Мне еще и жестким приходится быть... Даже жестоким. Без этого нельзя сейчас.

ЭЛЛА

(смотрит на него):

Что с тобой Сергей? Тебя что-то мучает?

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ:

Нет, не это... Не то, что сейчас приходится быть жестоким... Это – необходимость. Я горжусь тем, что революционеры ненавидят меня.

ЭЛЛА:

Я знаю. Но тогда – что?

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ:

Ходынка мне вспомнилась почему-то. Вот там моя вина была... Я организовывал гулянье, я и виноват.

ЭЛЛА:

Милый, милый мой. Я знаю. Но нельзя же всю жизнь терзаться этим.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

(грустно):

Я ее редко вспоминаю, очень редко. Лет семь уж и вовсе

не вспоминал, ни разу. Некогда. А сейчас – не знаю, что на меня нашло... Да, ладно, надо идти. Буду к ужину (целует Эллу, одевает шинель, уходит).

НАТ. ПОДЪЕЗД ДОМА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ.

На экране – подъезд, Сергей Александрович выходит из дома, садится в карету.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (кучеру):

Трогай, Андрей.

Карета трогается, проезжает несколько метров. Навстречу из-за угла дома выскакивает Каляев, с расстояния четырех шагов кидает сверток прямо в карету, в князя. Вихри взрыва, карета разваливается. Дым и щепки бьют Каляеву прямо в лицо. Он лежит, приподнимает голову; видит в пяти шагах от себя комья великокняжеской одежды и куски обнаженного тела Великого Князя. Пытается улыбнуться через боль, встает, пошатываясь. Вся его поддевка обгорела, утыкана кусками дерева, щепами кареты. С лица льется кровь. Несколько долгих секунд (звук хронометра в полной тишине) вокруг него – никого. Он поднимает с земли шапку, пытается уйти, хромот. Абсолютная тишина

Камера показывает окно на втором этаже – в нем лицо Эллы. Она в ужасе кричит что-то (не слышно). Слышны крики «Держи, держи!». Чуть не прямо на Каляева наезжают сани,

из них выскакивает охрана, бегут городовые, околоточный. Его валят на землю. Слышны возгласы: «Смотрите, нет ли револьвера. Ах, как он успел, мы ж рядом были». Связывают его.

КАЛЯЕВ:

Чего вы держите меня, трусы. Не убегу я... Я свое дело сделал. Что орете – все равно не слышу я. Оглушило меня (чуть морщится, но взгляд весел).

На снегу – куски тела Сергея. Недалеко от него – корчится на земле и кричит от боли кучер – Андрей Рудинкин, много крови. Кто-то кричит: «Доктора сюда, Рудинкин живой!». Из подъезда выбегает Элла, без шубы, в платье, простовололая. Срывает со своих плеч накидку. Бросается к кускам тела мужа, подбирает куски окровавленного мяса, собирает их на накидку, на земле.

АНДРЕЙ

(сквозь стоны, корчась на земле):

Барин... Ваше Высочество! Сергей Александрович! Живы ль?

Элла

(встает с колен, подходит к кучеру):

Голубчик, жив Сергей, жив. Ранен он только. Успокойтесь, к Вам врач идет, он поможет.

К Андрею быстро подходит врач. Элла снова идет к останкам и вновь на коленях – собирает останки на свою накидку.

ОКОЛОТОЧНЫЙ

(осторожно пытается поднять ее с земли):

Ваше Высочество, Елизавета Федоровна, ему не поможешь уже... Лучше Вам уйти. Пожалейте себя. Не надо это Вам видеть!

ЭЛЛА

(тихо и спокойно):

Нет, я должна быть с ним сейчас. Его душа здесь, она жива. Душа его здесь... (продолжает собирать куски мяса).

Тем временем к месту трагедии подъезжает извозчик с полицейским и следователем. Городовые заталкивают Каляева между собой, извозчик тут же сильно дергает вожжи: «Пшшла!». Каляев пытается обернуться.

КАЛЯЕВ

(громко кричит):

Долой проклятого царя, да здравствует свобода, долой проклятое правительство, да здравствует партия социалистов-революционеров!

ОКОЛОТОЧНЫЙ

(сплевывает):

Ирод!

(крестится).

СПРАВКА: см. Александр Лаврин, Сайт: People's History, статья: «"Словарь убийц", Иван Каляев». Из воспоминаний самого Каляева.

НАТ. МОСКВА, БУТЫРСКАЯ ТЮРЬМА. ИНТ. КОРИДОР, ТЮРЕМНАЯ КАМЕРА. 10 ФЕВРАЛЯ 1905 ГОДА.

На экране – вход в тюремную камеру для свиданий. За маленьким столиком – Элла, в скромном траурном платье. Надзиратель ведет по коридору Каляева, впускает его в камеру, выходит. Остается рядом с открытой дверью. Каляев молча кивает головой, садится напротив Эллы.

В камере: оба молчат, смотрят друг на друга. Как двое смертных, которые лишь случайно остались живы.

ЭЛЛА:

Зачем вы убили моего мужа?

КАЛЯЕВ:

Я убил Сергея Александровича, потому что он был орудием тирании. Я мстил за народ.

ЭЛЛА:

Гордыня... Не слушайте вашей гордости, покайтесь... А я умолю Государя даровать вам жизнь. Я буду просить его за вас. Сама я вас уже простила.

КАЛЯЕВ:

Нет! Я не раскаиваюсь, я должен умереть за свое дело, и я умру... Моя смерть будет полезнее для моего дела, даже чем смерть Сергея Александровича... Мне очень больно, что я причинил вам горе, но я действовал сознательно.

ЭЛЛА:

Почему вы не убили меня и детей вместе с ним, второго дня, за день до...

КАЛЯЕВ:

Так решила наша организация социалистов-революционеров. Мы вынесли приговор Сергею Александровичу, но не вам и детям.

ЭЛЛА:

Вы верите в Бога?

КАЛЯЕВ:

Я верю в высший разум. Пусть будет в Бога. Но попов и церковь я презираю.

ЭЛЛА:

Значит, все же верите в Бога, не ведомого вам... Я прошу вас, возьмите от меня иконку на память. Я буду молиться за вас. (очень тихо, шепотом): бо не ведают, что творят...

КАЛЯЕВ:

Что? ...

Элла молчит, протягивает ему иконку. Каляев принимает ее. В его глазах – торжество победителя, искреннее торжество.

ЭЛЛА

(замечая его взгляд, тихо повторяет):

Отче, отпусти им, бо не ведают, что творят.

КАЛЯЕВ:

Что? Что вы сказали? Я еще плохо слышу. Контузило меня от взрыва... Простите. Моя совесть чиста, мне очень больно, что я причинил вам горе, но я действовал сознательно, и если бы у меня была тысяча жизней, я отдал бы всю тысячу, а не только одну

Элла встает, чтобы уйти. Каляев тоже встает.

КАЛЯЕВ:

Прощайте. Повторяю, мне очень больно, что я причинил вам горе, но я исполнил свой долг, и я исполню его до конца и вынесу все, что мне предстоит. Прощайте, потому что мы с вами больше не увидимся

Элла уходит молча.

СПРАВКА: см. Э. Радзинский «Николай Второй», стр. 102; Александр Лаврин, статья: «"Словарь убийц", Иван Каляев». Из воспоминаний самого Каляева.

СЦЕНА 4\4. Март 1905 год. Встреча с Саблером. Разго-

вор о восстановлении Патриаршества. Попытка отречения от Престола.

Действующие лица:

- Николай – Николай Александрович Романов, император;
- Саблер – Саблер Владимир Карлович (1847 г.р.), до мая 1905 г. – товарищ (заместитель) обер-прокурора Священного Синода;
- Александра – Александра Федоровна (1872 г.р.), императрица;
- Митрополит Антоний – Митрополит Петербургский Антоний (Александр Васильевич Вадковский, 1846-1912), первенствующий член Св. Синода, доктор церковной истории, духовный писатель, доктор богословия Оксфордского и Кембриджского университетов;
- Митрополиты Московский (Владимир), Киевский (Флавиан);
- Архиепископ Финляндский (Николай); епископы Волынский (Антоний Храповицкий), Владимирский (Никон, Винницкий (Климент));
- Члены Священного Синода;
- Керенский – Керенский Александр Федорович (1881-1970), в 1905 году – молодой адвокат.

НАТ. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДВОРЕЦ. ИНТ. КАБИНЕТ

НИКОЛАЯ. 10 МАРТА 1905 ГОДА.

САБЛЕР:

Ваше Величество, мы в Синоде на зимней сессии обсуждали, в частности, некоторые итоги Вашего правления в части Вашего покровительства Церкви Божией. Итоги впечатляющие даже только по перечислению материально зримых дел. В Ваше царствование открылись за эти годы более 150 монастырей, более 5000 новых церквей, не считая часовен. Во многих наших церквах Греции, Болгарии, Сербии, Румынии, Черногории, Турции, Египта, Сирии, Ливии, Абиссинии, Палестины имеются Ваши дары. Целые комплекты сребропозлащенных облачений, икон и богослужебных книг посылались чрез Ваше попечение в епархии Сербской, Греческой, Болгарской, Черногорской, Антиохийской, Константинопольской и Иерусалимской Православных автокефальных Церквей, не говоря уже о щедрых денежных субсидиях на их поддержание. Это только материальные итоги.

НИКОЛАЙ:

Отец завета мне: «В политике внутренней – прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в години бед».

САБЛЕР:

Государь, позвольте теперь продолжить разговор о восстановлении Патриаршества в Российском православии. Помнится, на прошлой нашей встрече Вы сами сказали, что только независимая Церковь может быть в полной мере

«совестью народа» и только независимая от Государя Церковь может «смирить всех в любовь» во времена Смуты. Вы знаете, что я – сторонник восстановления. Перечитывали ли Вы, Государь, историю Смуты на Руси начала XVII века?

НИКОЛАЙ:

Вы знаете, одной из главных ошибок Петра Великого я полагаю упразднение Патриаршества. Надо думать, он полагал, что без этого не сможет проводить коренные преобразования государства российского. Конечно, назначенный Государем обер-прокурор Священного Синода, который Петр и учредил, – человек зависимый. Буде обер-прокурор, при всех своих превосходнейших качествах, противопоставлять Церковь намерениям Государя, легче его увещевать. А буде пойдет прямо против воли Государя – можно и помянуть на более сговорчивого. Хорошо для власти, но может быть плохо для России в целом, для народа православного, особенно во времена Смуты, которая теперь у нас творится. О Смуте на Руси начала XVII века – конечно, Владимир Карлович, и ранее читал, и недавно перечитал. Верно, только независимая Церковь и смогла тогда объединить народ, и под ее крестом и хоругвями поляков одолели.

САБЛЕР:

И начало Вашей династии положили всем православным миром. В утвержденной грамоте великого Московского собора 1612 года навеки записали: «Заповедано, чтобы избранник Божий, Царь Михаил Феодорович Романов был ро-

дона начальником Правителей на Руси из рода в род, с ответственностью в Своих делах перед Единым Небесным Царем. И кто же пойдет против сего Соборного постановления – Царь ли, патриарх ли, и всяк человек, да проклянется таковой в сем веке и в будущем, отлучен бо будет он от Святой Троицы».

НИКОЛАЙ:

Владимир Карлович, спасибо, что напомнили эти дорогие всем нам слова... Однако, что касается восстановления Патриаршества... Вы знаете, есть у этой идеи и влиятельные противники, с мнением которых я не могу не считаться. Они полагают, что дело Петра Великого может быть успешно продолжено только при прямом участии Государя в делах Церкви и уж во всяком случае, что ныне, во времена новой Смуты в России – что не время сейчас для подобных кардинальных преобразований.

САБЛЕР:

Победоносцев... да, он – против. Пока Константин Петрович обер-прокурор Священного Синода, он будет всякие этому делу препоны ставить. Но Вы, Государь, все можете решить своею волей. Митрополиты Петербургский, Московский и Киевский подготовили предложения и хотят вручить их Вам.

НИКОЛАЙ:

Я приму Антония, Владимира и Флавиана 13 марта. Но дело не только в противлении Константина Петровича. Го-

тов ли Священный Синод к этой огромной перемене? Готова ли Церковь стать независимой? Три митрополита, вы, Владимир Карлович, и еще несколько Ваших единомышленников готовы. Но это ведь не простая реформа – а и те ох как тяжело в России идут – это перемена духовная, нравственная... Привыкли многие и в Священном Синоде быть как бы... чиновниками государственного департамента. Вот Вы напомнили: «С ответственностью в своих делах только перед Единым Небесным Царем...». А уж 200 лет после первого Петра Священный Синод ответственен перед Государем... Это в крови уже у синодалов, за десять поколений накопилось.

САБЛЕР:

Государь, я понимаю огромность возможной перемены и Ваши опасения. Но ведь если и далее откладывать, то и еще одно поколение чиновничьи привычки впитает. Ничего и не будет. С этой Смутой Вы – я верю – с Божией помощью справитесь. А ну как через лет десять еще одна Смута? Если японцы на свой миллион такую смуту в России посеяли, то ну как через десять лет найдется супостат, который десять миллионов вложит в развал Самодержавия, в развал России?

НИКОЛАЙ

(внимательно смотрит на Саблера):

Это Вы про что, Владимир Карлович? Что будет через 10 лет?

САБЛЕР:

Слухами земля полнится, Государь. Есть на Руси святые старцы – Вы и сами знаете – пророчествуют... Мы ведь с ними иногда встречаемся, в дальних монастырях. Да и в недалгих тоже. Вот об иеромонахе Варнаве из Гефсиманского скита – близ Троице-Сергиевой Лавры – Вы слыхали ль? Ему много за семьдесят, к нему паломники со всей России идут, уж более тридцати лет идут. И я у него сподобился совета полтора года назад. Он и сказал мне с Вами встретиться и восстановление Патриаршества обговорить. Если помните, я о восстановлении Патриаршества впервые и заикнулся в разговоре с Вами в то время, после Саровского прославления.

НИКОЛАЙ:

Старца Варнаву я знаю. Встречался и я с ним не так давно... Вот что, Владимир Карлович: скоро зимняя сессия Ваша в Синоде кончается. Давайте продолжим разговор этот по окончании сессии – 13 марта. Я обдумую все... Еще раз обдумую. Обещать сей час ничего не могу.

САБЛЕР:

Простите, Государь, если что не так сказал. Я знаю: сердце цареве в руке Божьей... Как Вы скажете, такова и будет Божья воля для нас. Прощайте.

НИКОЛАЙ

(еще раз внимательно смотрит на Саблера):

До свидания, Владимир Карлович.

НАТ. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДВОРЕЦ, ПАРК. 11 МАРТА 1905 ГОДА.

На экране – парк у дворца; яркое весеннее солнце, но снег еще не тает. Николай и Александра прогуливаются по парку.

АЛЕКСАНДРА:

Ники, через Стану мне передали, что один из вожаков эсэров, которые убили Сергея, был недавно на выставке «Мир искусства» здесь, в городе. Стоял нагло и уверенно, скрестив руки на груди как Наполеон. И никто не сообщил в полицию! Потом он спокойно ушел. Что это, Ники?! Я не могу понять это! А ведь на выставке был весь цвет людей искусства, и было много людей! Говорят, некоторые смотрели на него чуть ли не с восхищением! Я не сказала об этом Элле, и просила Стану молчать об этом. Но это стыдно, это невозможно понять. Среди этих художников были, кстати, знакомые тебе, которым ты лично заказывал некоторые картины. И Сергей их знал, и Элла их знает!!

НИКОЛАЙ:

Я знаю, Аликс. Лопухин докладывал мне. Этот «Наполеон» – Савинков. Но у полиции пока что нет на него ни прямых, ни косвенных улик. Только слухи и донесения филеров о его связях. Тем не менее, я удручен не менее тебя. Стыд и позор! Это – смута. Это не революция, но это смута!

АЛЕКСАНДРА:

Ники, так не может продолжаться дальше. Надо что-то делать. Что-то решительное надо сделать!

НИКОЛАЙ:

Я много думал об этом, начиная с 9 января, с того счастливого дня... И после убийства Сергея.... Господи, как тяжело!.. Помнишь, в те дни я сказал тебе, что готов отречься от престола?

АЛЕКСАНДРА:

Помню. Но это... это невозможно. В пользу кого? В пользу малютки Алексея?

НИКОЛАЙ:

Аликс, милая, давай поговорим об этом серьезно. Ты помнишь все эти ужасные предсказания для нас? Сначала в Японии, 14 лет назад, потом 9 лет назад в Англии, потом письмо Авеля в Гатчино – 4 года назад. Потом в Сарове – письмо святого Серафима и блаженная Прасковья. Ты помнишь все это?

АЛЕКСАНДРА:

Я помню. Я помню, ты уже пытался переломить судьбу. После предсказаний Кайро о двух ужасных войнах – ты добился созыва Гаагской мирной конференции. В январе прошлого года – ты согласился на все условия Японии, на все их ультиматумы. И все же война началась. А теперь еще и эта ужасная смута. Апель и Святой Серафим писали о смуте, я помню.

НИКОЛАЙ:

Так вот, теперь остался один способ превозмочь судьбу.
АЛЕКСАНДРА:

*Отречься от престола ... в пользу нашего маленького со-
кровища? Но кто будет регентом?*

НИКОЛАЙ:

Ты и Михаил. Я знаю, ты сможешь и одна управлять страной, до совершеннолетия Алексея, но тебе одной нельзя. Такое отречение не поймут ни при дворе, ни в народе. Необходимо, чтобы регентом был еще кто-то из нашего рода по мужской линии. Михаил поймет и согласится. Он подойдет. Народ его любит, и двор он не раздражает.

АЛЕКСАНДРА:

Нет, Ники, этого недостаточно. Вся мерзость и грязь в России поднялась против тебя, но народ тебя любит. Я особенно хорошо поняла это в Сарове, где сотни тысяч простых людей искренне приветствовали тебя. Боже мой, какая это искренняя любовь! Я никогда и нигде не чувствовала, не ощущала ничего похожего!

НИКОЛАЙ:

Нас, Аликс, нашу семью любит народ. Ты права и в том, что я не должен уйти в тень, в небытие. Этого русский народ тоже не поймет.

АЛЕКСАНДРА:

И что же?

НИКОЛАЙ: *Вчера я встречался с товарищем обер-прокурора Синода, с Саблером – ты его знаешь немного. Он дав-*

но уже говорит о необходимости восстановления Патриаршества в России. Только независимая от Государя Церковь может смирить всех в любовь, прекратить смуту.

АЛЕКСАНДРА:

Как это было двести лет назад, в начале Династии? Я читала эти книги, которые ты рекомендовал мне. И ты... Ты восстановишь Патриаршество? И ты...

НИКОЛАЙ:

Да. Ты понимаешь меня с полуслова. В эти дни кончается зимняя сессия Синода, они будут встречаться со мной. Митрополит Антоний и его единомышленники, в том числе и Саблер поднимут этот вопрос.

АЛЕКСАНДРА:

И ты согласишься и предложишь себя в Патриархи?

НИКОЛАЙ:

Да, милая, да. Я сердцем уже принял это решение. Войну закончим – и уйду.

АЛЕКСАНДРА:

Но согласятся ли они? У каждого из них свои планы, свои интересы. Верно, есть и мечтающие стать Патриархом...

НИКОЛАЙ:

Вчера Владимир Карлович хорошо сказал: «Сердце царево в руке Божией» ... В руке Бога. Я чувствую это, и они должны понимать это.

АЛЕКСАНДРА:

Помнишь Сергея Нилуса? Его жена как-то сказала мне

эти слова. А этот Саблер, он все же немного странный.

НИКОЛАЙ:

Владимир Карлович – да, оригинальный человек. Но очень ревнив в вере православной, очень деятелен. Он всегда – друг архиереев... Друг всего духовного и особенно монашеского чина. Как мне докладывали, его приемная в Синоде всегда переполнена монахами и монахинями, игуменами и игуменьями, архимандритами и протоиереями. Он занят полный день, очень часто принимает посетителей после 12 часов ночи. Церковь – его жизнь. В имении Саблеров, в 15 верстах от Каширы, он построил женскую богословскую семинарию, на 500 девочек, с 6-летним курсом обучения; выпускницам дано право преподавания Закона Божия в общеобразовательных школах. Так что, Аликс, он – достойный человек.

АЛЕКСАНДРА:

Но если все же они не согласятся? Не захотят видеть тебя Патриархом?

НИКОЛАЙ:

Если не согласятся – значит, не судьба...

АЛЕКСАНДРА

(задумчиво и грустно):

Ники, только не уговаривай их. Если не примут сразу – сразу и откажись...

НИКОЛАЙ:

Милая, родная моя женеушка! И я так решил! Более того, если сразу не поймут, если молчание их продлится более

минуты... Я не выдержу более, я знаю. Более минуты ответа ждать – значит, давить на них, и себя унижать. Я ради блага России на все готов. И отречься готов. И в монахи уйти готов. Я смирен пред Богом. Но я не смогу видеть, как клир православный начнет в уме высчитывать свои выгоды и свои потери от моей жертвы. Мгновенное согласие будет честным, и мгновенный отказ будет честным – а вот молчание или просьба дать им время на размышление, это будет бесчестие и для них, и для меня.

АЛЕКСАНДРА:

Да, милый, да.

НИКОЛАЙ:

Сегодня мы ужинаем с Мишей, и с Николашей – сказать ли им о моем намерении отречься от престола? Это ведь заранее именно с ними надо обговорить. Потом еще – с Мама...

АЛЕКСАНДРА:

Нет, Ники, нет. До твоей встречи с синодалами – никому ни слова. Хорошо?

НИКОЛАЙ:

И тут ты права... Однако, идем домой. Я должен принять сегодня еще два доклада. И еще потом доклад Николаши. И дядя Алексей. Встретимся за обедом, дорогая.

АЛЕКСАНДРА:

Я иду к Элле. Помнишь как звали сестер Лазаря усопшего, которого Иисус воскресил?

НИКОЛАЙ:

Марфа и Мария.

АЛЕКСАНДРА:

Практичная Марфа и созерцательная Мария. Элла хочет новую обитель. Не монастырь в полном смысле, а вот как если бы и Марфа и Мария там бы настоятельницами были. Полу-монахини –полу- послушницы будут – вольны будут уйти из обители в любое время в вольный мир, хотя в самом монастыре устав будет монастырский, и работы для послушниц много будет... Ты слушаешь?

НИКОЛАЙ:

Да, очень интересно. Православное милосердие и созерцательность, и западная практичность и деловитость. Твоя сестра – умница. Как и ты. Однако, идем домой, там договорим. Как Бэби? Ты пришла в себя после бессонной ночи?

АЛЕКСАНДРА:

Ники, это было ужасно – ты сам видел. Бэби чихнул, и кровь ручьем из носика. И три часа Боткин не мог унять! Боже, как мучился маленький! На третий час уже и плакать сил у него не было! Я не спала всю ночь. И это уже не первый раз! Неужели это...

НИКОЛАЙ:

Та самая болезнь? ... Евгений Сергеевич не смог ничего объяснить. Если бы он заподозрил это, он сказал бы. Будем надеяться и молиться, что это не так.

Идут во дворец.

НАТ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ. ИНТ.
БОЛЬШОЙ ЗАЛ ДВОРЦА. 13 МАРТА 1905 ГОДА.

Внизу экрана, как в начале каждой новой сцены, надпись (время и место действия): «13 марта 1905 года, Зимний дворец». За окнами дворца – солнечный весенний день. Камера показывает большой зал, где Николай принимает депутацию синодалов по окончании зимней сессии Св. Синода. Камера показывает общую панораму зала и лица членов Священного Синода, чуть задерживается на иконе Иисуса Христа. Николай спокоен и радушен, в хорошем настроении. Члены депутации также в хорошем настроении. Хорошие, одухотворенные лица. Митрополит Антоний благословляет Николая на дальнейшие труды, как положено на таких ежегодных встречах.

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ:

И пусть Господь наш благословит Вас, Ваше Императорское Величество, на дальнейшие труды во благо народа православного, во благо России, во благо нашей Божьей Церкви. Мы хотим, чтобы Вы знали также, что поддерживаем Ваши усилия в поддержку старообрядцев, а также во благо всех народов, Россию населяющих, инославных религий, имеющих быть в инославных народах России.

НИКОЛАЙ

(после благодарственных слов):

Знаю, что Синод начал обдумывать шаги для созыва Всероссийского собора. Вероятно, необходимо будет учредить особое присутствие для разработки вопросов, подлежащих рассмотрению на нем. Буду ждать от Вас документы для утверждения сего особого присутствия.

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ:

Государь, Вам ведомо, что созыв Всероссийского собора связывается в наших умах с восстановлением ...

НИКОЛАЙ

(подхватывает):

С восстановлением Патриаршества. Знаю. Мне известно, что теперь и между вами в Синоде, и в обществе, много толкуют о восстановлении патриаршества в России. Вопрос этот нашел отклик в моем сердце и крайне заинтересовал меня. Я много о нем думал, ознакомился с текущей литературой этого вопроса, с историей патриаршества на Руси и его значения во дни великой смуты междуцарствия – двести лет назад – и пришел к заключению, что время назрело и что в России, переживающей новые смутные дни, патриарх и для церкви, и для государства, необходим. Думается мне, что и вы в Синоде не менее моего были заинтересованы этим вопросом. Если так, то каково ваше об этом мнение?

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ

(с чуть заметным удивлением):

Наше мнение полностью созвучно. Мы счастливы, что слышим здесь из Ваших уст те же слова, в каких и мы обсуждали все это!

Саблер и другие согласно кивают головами, подхватывают («Да, истинно так, Государь»)

Примечание автора. Возможно, здесь музыкальный фон дан из симфонии Йозефа Гайдна под названием «Семь слов» (номер симфонии не помню). «Семь слов» – это 7 слов Иисуса Христа на кресте: «Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят».

НИКОЛАЙ:

А если так, то вы, вероятно, уже между собой и кандидата себе в патриархи наметили?

Всеобщее смущение, молчание. Все переглядываются, никто не решается высказать свое мнение. После минутного замешательства:

САБЛЕР:

Мы не думали, Государь, что вы уже сегодня полностью поддержите наши чаяния. Мы предполагали, что до обсуждения кандидатуры патриарха еще много времени утечет.

ДРУГОЙ ЧЛЕН СИНОДА:

Да и, правду сказать, нет среди нас единомыслия по кан-

дидатуре. Не обсуждали между собой. У каждого – свое мнение

Митрополит Антоний жестом останавливает говорящего, хочет сам что-то сказать, но закрывает глаза, как бы отрешается от ситуации.

НИКОЛАЙ:

А что, если я – как вижу, вы кандидата еще не успели себе наметить или затрудняетесь в выборе, – что, если я сам вам его предложу – что вы на это скажете?

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ:

Кто же он?

Другие члены Синода повторяют вопрос, переглядываются. Мелькает в воздухе как бы легкий след мирской нервозности, суетности, растерянности.

НИКОЛАЙ

(выдержав паузу, спокойно):

Кандидат этот – я. По соглашению с Императрицей я оставляю престол моему сыну и учреждаю при нем регентство из Государыни Императрицы и брата моего Михаила, а сам принимаю монашество и священный сан, с ним вместе предлагаю себя в патриархи. Угоден ли я вам, и что вы на это скажете?

Камера показывает лицо Николая. При полном внешнем спокойствии капелька пота на лбу выдает его предельное волнение. Камера показывает лица членов Синода. Это все те же умные и одухотворенные минутой ранее лица, но теперь на них печать мирской суеты, мысли о карьере, о неожиданном повороте личной судьбы в случае принятия предложения Николая. Полная тишина, все молчат. Камера поднимается над головами присутствующих, показывает икону Спасителя в углу залы, приближается к ней, показывает на иконе глаза Спасителя. И, вдруг, показывает зал и фигуры в нем с точки расположения иконы, как бы глазами Спасителя. С этого ракурса все видно несколько по-другому...

Николай ждет с минуту ответа синодалов. Постепенно в полной тишине начинает быть слышен стук его сердца. Едва заметная гримаса искажает его лицо. По виску течет капля пота. В полной тишине он встает, молча кланяется присутствующим, окидывает их пристальным и негодующим взглядом, разворачивается к двери и, не теряя присущей ему гвардейской выправки, выходит из зала.

ГОДОС ЗА КАДРОМ:

Спустя несколько дней один из членов Синода, участник этой встречи, вспоминал:

«Это было так неожиданно, так далеко от всех наших предложений, что мы не нашли, что ответить, и...

промолчали. Тогда, подождав несколько мгновений нашего ответа, Государь окинул нас пристальным и негодующим взглядом; встал молча, поклонился нам и вышел, а мы остались, как пришибленные, готовые, кажется, волосы на себе рвать за то, что не нашли в себе и не сумели дать достойного ответа. Нам нужно было Ему в ноги поклониться, преклоняясь пред величием принимаемого Им для спасения России подвига, а мы... промолчали".

ДРУГОЙ ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

"С той поры, никому из членов тогдашнего высшего церковного управления доступа к сердцу Цареву уже не было... между ними и Его сердцем утвердилась непреодолимая стена, и веры им в сердце Его уже не стало, оттого, что сердце царево, истинно, в руке Божией, и благодаря происшедшему въяве открылось, что иерархи своих сил искали в патриаршестве, а не яже Божиих, И ДОМ ИХ ОСТАВЛЕН БЫЛ ПУСТ ..."

СПРАВКА:

1. см. С. Нилус. «На берегу Божьей реки» (М., 2003г, издано по благословению Патриарха Московского Алексия Второго), стр. 758-761

**НАТ. НАБЕРЕЖНАЯ НЕВЫ У ЗИМНЕГО ДВОРЦА.
РАННЕЕ УТРО 14 МАРТА 1905 ГОДА.**

На экране – панорама набережных Невы у Зимнего двор-

ца. Раннее утро, перед рассветом. На улицах – никого. От Дворцовой площади к Неве идет молодой человек. Камера постепенно приближается к нему, показывает его лицо. Он идет из церкви, со всенощной службы. Любуется городом, Невой, Зимним дворцом. Далее действие по тексту:

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Из воспоминаний Александра Федоровича Керенского (далее желательны голосом престарелого Керенского, со старческим дребезжанием):

«Однажды я возвращался поздно ночью, вернее, рано утром, что-то около четырех часов, со всенощной. Я не хочу даже пытаться описывать очарование Санкт-Петербурга весной в ранние предутренние часы, особенно у Невы, на набережных. Переполненный возбуждением и радостью, я шел домой, направляясь к мосту у Зимнего дворца. Внезапно у Адмиралтейства, как раз напротив дворца, я внезапно остановился. На выступающем угловом балконе стоял молодой император, совершенно один, глубоко задумавшись. Предчувствие поразило меня в тот момент: мы еще, наверное, встретимся; наши пути должны будут каким-то образом пересечься».

СПРАВКА: см. Р. Мэсси, «Николай и Александра», М., изд. «Захаров», стр.103

ПЯТАЯ СЕРИЯ. ПОПЫТКА ПЕРЕЛОМИТЬ СУДЬБУ.

СЦЕНА 1\5. Лето 1905 года.

ЭПИЗОД 1. 1905 год. 6 июня. Встреча Николая с депутацией оппозиции (съезда Союза Союзов и земских деятелей).

Действующие лица:

– Николай – Николай Александрович Романов (1868 г.р.), император;

– Александра – Александра Федоровна (1872 г.р.), императрица;

– их дети – дочери: Ольга (1895 г.р.), Татьяна (1897 г.р.), Мария (1899 г.р.), Анастасия (1901 г.р.), сын Алексей (1904 г.р.);

– Боткин – Боткин Евгений Сергеевич (1865-1918), лейб-медик; высокий, симпатичный, 40-летний мужчина;

– депутация – князь Сергей Николаевич Трубецкой (глава депутации), барон П. Л. Корф, граф П. А. Гейден, И. И. Петрункевич, М. П. Федоров, А. Н. Никитин, Н. Н. Львов, Ф. И. Родичев, князь Г. Е. Львов, ф. А. Головин, Н. Н. Ковалевский, князь П. Долгоруков, Ю. А. Новосильцов, князь Д. И. Шаховской

Место и время действия:

6 июня 1905 года; Петергоф.

НАТ. ПОБЕРЕЖЬЕ ФИНСКОГО ЗАЛИВА У ПЕТЕРГОФА. 6 ИЮНЯ 1905 ГОДА.

Жаркое летнее утро. Камера показывает Финский залив, силуэт миноносца на рейде, затем – пляж. Николай и дети в воде, дети барахтаются, плещутся, смеются. Доктор Боткин и Николай плавают. Боткин выходит на берег, Николай возится с детьми. Александра сидит на берегу в кресле под зонтиком.

АЛЕКСАНДРА:

Евгений Сергеевич, не пора ли детям на берег?

БОТКИН:

Вода бодрящая, плюс 14 всего, но жарко – они быстро обсохнут и согреются. Еще минут пять можно им позволить. Они ж по коленки только в воде.

НИКОЛАЙ

(крякает, тащит дочерей в залив, они визжат):

Еще пять минут, но зато как следует!

АЛЕКСАНДРА:

Ники, Ники, осторожнее! Маленький за вами потопал! (бежит по приборю, придерживая рукою платье, берет малыша на руки).

БОТКИН:

Александра Федоровна, дорогая! Пусть по воде ножками потопает, это только на пользу ему будет.

НИКОЛАЙ

(выходит из воды, отряхивается, растирает тело полотенцем):

Боже! Какая благодать! ... Однако (обращаясь к Аликс), милая, мне пора на Ферму. Скоро депутация московская должна прибыть...

АЛЕКСАНДРА:

Эти болтуны и смутьяны интеллигентские? И Трубецкой, и Долгоруков среди них? Какой позор! Рюриковичи среди смутьянов! Ники, будь строже с ними. Пожалуйста, Ники.

НИКОЛАЙ:

Милая, это моя первая встреча с депутацией... оппозиции – говоря по-английски (улыбается). Посмотрим... По ходу разговора. Я думаю, они будут вести себя прилично.

БОТКИН:

Успеха вам, Ваше Величество!

НИКОЛАЙ:

Спасибо, Евгений Сергеевич.

**ИНТ. ЛЕТНИЙ ДВОРЕЦ («ФЕРМА») В ПЕТЕРГОФЕ.
ПОЛДЕНЬ ТОГО ЖЕ ДНЯ.**

НИКОЛАЙ:

Добрый день, господа. Здравствуйте, Сергей Николаевич. Я так понимаю, что вы возглавляете депутацию? Хорошо. Предупреждая нашу встречу, я хочу сказать, что разделяю вашу озабоченность развивающейся смутой. Не будем обсуждать сейчас, кто виноват. Хочу, однако, сообщить вам несколько слов из письма генерала Куропаткина, которое мне передал на днях Сергей Юльевич Витте: «Япония осла-

беваает, перенапрягая свои силы. Мы же все больше входим в силу. Цусима – наша трагедия, но японцы с самого начала были сильнее нас на море. Это их последний успех. Мы входим в силу. Нам нужно полгода для победы. И неужели хоть на полгода времени нельзя вдохнуть в интеллигенцию России чувство патриотизма? Пусть по крайней мере не мешают нам продолжать и с почетом окончить трудное дело борьбы с Японией». Это слова генерала, господа. Я понимаю, что вы мыслите по-другому. Я готов выслушать вас.

ТРУБЕЦКОЙ:

Мы знаем, Государь, что Вам тяжелее нас всех. Смута во многом вызвана крамолой внутренних и внешних врагов России. Но крамола не опасна сама по себе. Русский народ не утратил веру в Царя и несокрушимую мощь России. Но народ смущен военными неудачами: народ ищет изменников и видит их и в генералах, и в господах вообще. Ненависть и неумолимая, и жестокая поднимается и растет, и она тем опаснее, что она облекается в патриотические формы.

Николай согласно кивает головой.

ТРУБЕЦКОЙ

(продолжает):

Нужно, чтобы все ваши подданные, равно и без различия, чувствовали себя гражданами русскими. Чтобы все ваши подданные, хотя бы и чуждые нам по вере и крови, видели в России свое отечество, в Вас – своего Государя. Как русский Царь – не царь дворян, не царь купцов или крестьян, не

царь сословий, а Царь всея Руси – так выборные люди от всего населения должны служить не по сословиям, а общегосударственным интересам. Государь, на доверии должно созидаться обновление России.

НИКОЛАЙ

(сочувственно и приветливо):

Я не сомневаюсь в горячей любви вашей к Родине. Вы, земцы – активнейшая часть честных граждан России. Я понимаю вашу боль. И озабоченность судьбами Родины. Я скорбел и скорблю о тех бедствиях, которые принесла России война и которые необходимо еще предвидеть, и о всех внутренних наших неурядицах. Отбросьте сомнения: моя воля – воля Царская – созывать выборных от народа – непреклонна. Пусть установится, как было встарь, единение между Царем и всею Русью, общение между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам. Я надеюсь, вы будете содействовать мне в этой работе.

ТРУБЕЦКОЙ:

Значит ли это, Государь, что вы работаете над проектом собрания представителей народных на основании рескрипта вашего от 18 февраля сего года?

НИКОЛАЙ:

Да, Сергей Николаевич. Именно так, господа земцы.

ТРУБЕЦКОЙ:

Государь, как будет называться представительное со-

брание? Не устарело ли название «Земский Собор»?

НИКОЛАЙ:

Я думаю над этим также. Не торопите события, господа. Не сомневайтесь в моей решимости и намерении сотрудничать с вами в обновлении России.

Земцы, члены депутации, довольны встречей. Переговариваются между собой, выражают Николаю свое почтение. На выходе из зала слышны тихие голоса:

«Однако, левым теперь трудно будет критиковать Государя... И мы, умеренные, не ожидали такой открытости и радушия, согласия... И такой решимости в деле обновления...»

СПРАВКА:

1. Из дневников Николая за 1905 год:

6-го июня. Духов День.

Поразительная жара – 23° в тени. После докладов принял на Ферме 14 человек земских и городских деятелей с бывшего в Москве недавно съезда. Завтракали одни. Днем баловались с детьми в море, они барахтались и возились в воде. Затем в первый раз купался в море при 14 1/4° – низкая температура, но зато освежительная. Пили чай под зонтиком. Принял Алексеева и Танеева. После обеда сидели на балконе; опять с юго-запада шла одна гроза за другой с эффектными молниями.

Примечание: Николай II принял депутацию от съезда земских и городских деятелей, проходившего в Москве. В числе депутатов были: князь С. Н. Трубецкой, барон П. Л. Корф, граф П. А. Гейден, И. И. Петрункевич, М. П. Федоров, А. Н. Никитин, Н. Н. Львов, Ф. И. Родичев, князь Г. Е. Львов, ф. А. Головин, Н. Н. Ковалевский, князь П. Долгоруков, Ю. А. Новосильцов, князь Д. И. Шаховской. Члены депутации обратились с адресом к Николаю II, заявив о необходимости Конституции.

2. Диалог Государя и земцев см. С.С. Ольденбург. Царствование императора Николая Второго. Стр.235-236. .

СЦЕНА 2\5. Встреча с Витте перед его отъездом в США

Действующие лица:

– Николай – Николай Александрович Романов, император;

– Витте – Витте Сергей Юльевич (1849-1915), председатель Комитета министров; по характеру – Чубайс, Ельцин и Жириновский «в одном флаконе»

– Булыгин – Булыгин Александр Григорьевич (1851-1919), в январе-октябре 1905 г. – министр внутренних дел;

– Александра (Аликс) – Александра Федоровна, императрица;

– Боткин – Боткин Евгений Сергеевич, лейб-медик;

– Милица– Милица Николаевна (1866-1951), Великая Княгиня (урожденная Черногорская принцесса), супруга Великого Князя Петра Николаевича;

– Стана – Анастасия Николаевна (1867-1935), Великая Княгиня (урожденная Черногорская княжна), супруга Великого Князя Николая Николаевича (мл.);

Место и время действия:

1 июля 1905 года; Петергоф.

НАТ. ПЕТЕРГОФСКИЙ ПАРК. 1 ИЮЛЯ 1905 ГОДА.

На экране – петергофский парк и фонтаны, дворец. Теплый и ясный летний день. Николай выходит из дворца вместе с Булыгиным.

БУЛЫГИН:

В продолжение нашего разговора, Государь: восстание на «Князь Потемкин-Таврический», баррикады в Лодзи... Там более двух тысяч бунтовщиков убито. Необходимо, Государь, быстрее заканчивать и публиковать положение о созыве совещательной Государственной думы. Надо дать также широкую автономию университетам – успокоить студентов. Это до конца лета надо сделать, до начала осенней сессии.

НИКОЛАЙ:

Положение о созыве Думы – да. Я думаю, к концу месяца правительство должно закончить подготовку. С этим

обращайтесь ко мне в любое время. Что до студентов... Вы не думаете, Александр Григорьевич, что революционеры как раз в университетских залах и начнут митинги устраивать? Осень будет очень горячей, судя по всему. Вы знаете, я ведь читал «Манифест» Марксов, на который социалисты как на икону едва ли не молятся... Удивляюсь... Назвал бы эту брошюрку романтическим бредом еврейского бухгалтера, если бы не..., впрочем, неважно. Не он, так другой «пророк» был бы у евреев-афеистов. Атеизм – вот настоящая беда нынешней цивилизации. Заразная и очень опасная болезнь. Чума нового века. Этим... чумазым... и Конституции мало будет.

В этот момент на дорожке парка показывается автомобиль Витте. Николай прощается с Булыгиным, здоровается с Витте, приглашает его жестом пройти во дворец. Сам с минуту задумчиво смотрит на залив. Затем идет во дворец, камера следует за ним, в кабинет, около которого его ждет Витте.

НИКОЛАЙ:

Идемте, Сергей Юльевич. Очень серьезный разговор нам предстоит.

ВИТТЕ:

Кроме мира с Японией? Что может быть важнее?

ИНТ. КАБИНЕТ НИКОЛАЯ В ЛЕТНЕМ ДВОРЦЕ В ПЕ-

НИКОЛАЙ

(входя в кабинет, усаживаясь, жестом приглашая сесть и Витте):

Потом, потом. Сначала, конечно, о мире с Японией. Общественное мнение, мне известное, выбрало вас, Сергей Юльевич, как лучшего переговорщика, дипломата, для переговоров с японцами в Соединенных американских штатах. Вам, верно, известно, что поначалу я был против вашей кандидатуры, но, после некоторых колебаний... Я решил доверить вам эти сложные переговоры.

ВИТТЕ:

Спасибо за доверие, Ваше императорское величество.

НИКОЛАЙ:

Я знаю, общественное мнение считает войну проигранной. Я так не считаю. Мы предлагали Японии заключить мир еще год назад, когда наши позиции были сильнее. Сейчас – да, слабее, но японцы на исходе сил, средств, финансов. Потерянные битвы – на чужой земле – не означают проигранной войны. По Сибирской магистрали идут эшелоны с новыми солдатами, с вооружением. Рано или поздно, мы раздавим Японию. Англия, насколько мне известно, более не будет поддерживать их. Японцы не смогут воевать с нами еще сколько-нибудь долго. Я предпочел бы продолжить войну и довести ее до полной их капитуляции, но – вследствие

всем известных обстоятельств нашей смуты – приходится идти на переговоры теперь.

ВИТТЕ:

Ваше Императорское Величество, в целом я согласен с вами, но... ни наше общественное мнение, ни иностранная пресса, ни Англия, ни Америка, ни – главное – Япония так не считают. Требования японцев вам известны, они очень жесткие. Простите, я думаю, если начать переговоры с этих позиций, переговоры будут исключительно тяжельми.

НИКОЛАЙ:

С чего начать переговоры и как их вести – в этом я вам предоставляю известную свободу – но результат переговоров в любом случае должен быть почетным для России. Прежде всего – никаких территориальных уступок и никаких контрибуций!

ВИТТЕ:

Начать с подобных заявлений – загубить переговоры, Ваше величество. Я сомневаюсь, что желаемый вами результат достигим полностью..., впрочем, с трудом, но возможно. Наверное утверждать сейчас не могу.

НИКОЛАЙ:

Сергей Юльевич, еще раз повторю: я вам предоставляю полную свободу в тактике переговоров. Встречайтесь в Америке с кем хотите, если это нужно. Успокойте еврейских банкиров насчет положения евреев в России – мы да-

дим послабления, мы оградим евреев от погромов. Обещайте американским газетчикам и банкирам все – вы должны, для начала, перетянуть общественное мнение американцев на нашу сторону. Это ведь важно в демократической стране?

ВИТТЕ:

Безусловно, вы правы в этом.

НИКОЛАЙ:

Определите для себя главный принцип поведения на весь ход переговоров. Каков может быть этот главный принцип?

ВИТТЕ

(чуть подумав):

Держать себя, как подобает представителю величайшей империи, у которой приключилась маленькая неприятность.

НИКОЛАЙ

(усмехнувшись):

Да, пожалуй.

ВИТТЕ:

Можно обозначить позицию России следующим образом: на этих переговорах нет ни победителя, ни побежденных. Переговариваются воюющие стороны, а не победители и побежденные.

НИКОЛАЙ:

Это верно.

ВИТТЕ:

Они требуют Сахалин и огромные контрибуции. Придется пойти им на какие-то уступки по Сахалину, а вопрос с контрибуциями отложить на последнюю стадию переговоров.

НИКОЛАЙ:

Почему, в чем смысл?

ВИТТЕ:

Если удастся договориться с японцами по всем другим вопросам, а вопрос контрибуций загнать в самый конец переговоров, то они не смогут настаивать на контрибуциях в самом конце. Они не смогут прервать переговоры и возобновить военные действия – все мировое общественное мнение их осудит. Война ради денег – это позор в глазах мирового общественного мнения.

НИКОЛАЙ:

Вижу, Сергей Юльевич, что те, кто рекомендовал вас для этих переговоров, не ошиблись. Я даю вам полную свободу в тактике переговоров. Но – никаких уступок! Абсолютно никаких!

ВИТТЕ

(нервно):

Ваше Величество! Это невозможно. На какие-то уступки все же придется пойти.

НИКОЛАЙ:

Никаких уступок, Сергей Юльевич! Завоюйте общественное мнение Америки, мировое общественное мнение, и ни в

чем не уступайте!

ВИТТЕ:

Придется нанести визиты не только еврейским банкирам, но и в эмигрантские кварталы, придется многое обещать – обещать большие перемены в России.

НИКОЛАЙ:

Обещайте, перемены будут. Этой осенью. Впрочем, по срокам – ничего не обещайте.

ВИТТЕ

(весьма нервно):

И все же, простите, без каких-то уступок будет не обойтись.

НИКОЛАЙ:

«Четыре нет» категоричные, все остальное – предмет дискуссий. «Четыре нет»: уступкам русской территории; уплате военной контрибуции; изъятию железной дороги к Владивостоку (КВЖД); ликвидации русского флота на Тихом океане – нет. Вы будете ежедневно телеграфировать мне о ходе переговоров. Уступки – даже минимальные – все должны быть согласованы со мной. И целый Сахалин... Я не отдам... Однако, умеете вы убеждать людей... Сам чувствую. Кстати, Сергей Юльевич, как это мой отец в три дня согласился развестись с православной для женитьбы на еврейке Лисаневич? Как это вы его убедили?

ВИТТЕ:

Я по любви женился на нынешней своей жене, на Матиль-

де Ивановне. Влюбился, что называется, с первого взгляда и на всю жизнь. Ваш батюшка, Александр Александрович, знал, что люблю я ее. Сказал: «женись хоть на козе, лишь бы дело шло. Ты мне нужен для службы российской». Кажется, так и сказал, сколько помню.

НИКОЛАЙ

(сдержанно улыбаясь):

Вот, Сергей Юльевич, дорогой, – и в Америке вы хоть с козлами дело имейте, но мир без контрибуций для России добудьте.

ВИТТЕ:

Добуду, Государь Николай Александрович.

НИКОЛАЙ

(закуривая и предлагая сигару Витте):

Теперь об Америке... Помнится, года два назад вы говорили мне о возможности создания мировой финансовой системы. Вы ведь читали последние труды Блюха, Ивана Станиславовича? О перестройке международных отношений в мире на базе новой «финансовой дипломатии», о возможности с помощью мировых финансов избежать традиционных войн за передел сырьевых колоний в мире?

ВИТТЕ

(несколько удивленно):

И вы тоже это читали? Да, Иван Станиславович, и еще Житков об этом писали.

НИКОЛАЙ:

Вы, Сергей Юльевич, небось, и марксов «Капитал» читали? Я вот не смог эту нудную книгу одолеть.

ВИТТЕ:

Читал, Ваше величество, и Маркса читал. Главная ошибка марксистов в том, что они предрекают крах империализма – якобы как «последней и загнивающей стадии капитализма» – между тем как империализму суждено прогрессивное развитие как раз на основе развития финансового капитала и перестройки международных отношений...

НИКОЛАЙ:

На основе новой финансовой дипломатии и международной торговли. Да. Как видите, и я кое-что в экономике соображаю. В отличие от социалистов (грустно улыбается). Так вот, Сергей Юльевич, поручаю вам провести с крупнейшими американскими банкирами и с президентом Теодором Рузвельтом совершенно секретные переговоры о подготовке к новой финансовой дипломатии. Американским соединенным штатам суждено в наступившем веке великое будущее. Вы согласны с этим?

ВИТТЕ:

Согласен. Отцы-основатели Соединенных Штатов заложили в их конституцию огромный потенциал для развития страны и прогресса во всех областях человеческой деятельности, прежде всего в промышленности и финансовой системе. Ну а географическое положение страны обеспечивает им стабильный мир едва ли не вечные времена. Они мо-

гут воевать по своему усмотрению, с кем и когда хотят. На чужих территориях.

НИКОЛАЙ:

Вы слишком восторженно относитесь к этой стране. Там много своих проблем. Рабство они отменили всего 40 лет назад... Тем не менее, в целом я с вами согласен. Кроме того, такое ваше отношение к ним полезно и для ведения переговоров там – почему я и согласился все же с вашей кандидатурой. Однако, вернемся к сути дела.

ВИТТЕ:

Суть – в союзе наших стран? Или даже... в организации совместной новой финансовой дипломатии?

НИКОЛАЙ:

Смелее ваших лучших проектов, Сергей Юльевич. В будущем мы должны, вместе с Соединенными Штатами, контролировать весь мир – для обеспечения мирового прогресса и предупреждения войн. И этот контроль должен осуществляться на основе не только и даже не столько союзных отношений, сколько на основе создания единой мировой валютной и финансовой системы. Мы обеспечим американский доллар русским золотым запасом и возьмем под совместный контроль все финансовые мировые потоки. Нам с США делить нечего ни сейчас, ни в самой длительной перспективе. У нас нет ни политических, ни территориальных, ни промышленных, ни финансовых споров. Соединенные Штаты Америки – идеальный партнер для такого мирово-

го проекта. И мы для них – тоже. Кроме того, в будущем, когда в сферы интересов США войдет и Европа, – в этом не столь уж далеком будущем мы будем союзниками с опытом решения сложных вопросов. Ваше мнение, Сергей Юльевич?

ВИТТЕ:

Это превышает самые смелые мои предположения! Я искренне восхищен вашим проектом, Государь! Однако, для обеспечения доллара русским золотым запасом потребуются доставить в США нашего золота на многие миллиарды долларов... На десятки миллиардов!

НИКОЛАЙ:

Почему? Президенту недостаточно будет союзного договора? Или банкирам договора будет недостаточно?

ВИТТЕ:

Именно: банкирам. Президент США не имеет власти над ними. Банкиры – прежде всего Морган – потребуют доставки золота в США. При наличии сильного союзного договора для нас – для России – это будет надежно и безопасно.

НИКОЛАЙ

(задумчиво):

Этот вопрос требует размышлений. Проведите предварительные переговоры с Теодором Рузвельтом и с Морганом. Сергей Юльевич, вы понимаете, конечно, что переговоры должны быть на этой стадии... а, пожалуй, и на всех этапах – абсолютно секретными. Абсолютно секретными. Я разрешаю вам вести переговоры по этому вопросу только

с двумя людьми – Рузвельтом и Морганом. Разумеется, без переводчиков – вы ведь владеете английским в совершенстве – и без канцелярии. Без протоколов. На этой стадии – и без протоколов.

ВИТТЕ:

Ваше Величество, позвольте личный вопрос.

НИКОЛАЙ:

Прошу вас.

ВИТТЕ: *При дворе ходят слухи, что некоторые ваши действия... обусловлены пророческой книгой преподобного Серафима Саровского, которую передали вам в Сарове два года назад, при прославлении старца Серафима. Вы знаете мое отрицательное отношение к мистике. Вопрос мой таков: этот ваш план – он из книги преподобного Серафима? Простите за вопрос. Просто не верится, что...*

НИКОЛАЙ

(резко):

Что я сам иницирую этот план?

ВИТТЕ:

Нет, не так. Я знаю, что вы способны не только мыслить в масштабе мировой истории, но и претворять свои замыслы в действительность – Гаагская конференция тому бесспорный пример! Не верится, однако, что вы готовы идти на подобный союз со страной, где евреи вообще и еврейские капиталы играют важнейшую роль. Поэтому, если в книге преподобного Серафима слова про такой союз есть,

то я мог бы лучше понять вашу решимость – если она как бы освящена православным святым. Простите, если мой вопрос неуместен. Что касается меня, то я в полном восторге и восхищении от вашего грандиозного плана. Меня, как вы понимаете, еврейский вопрос в отношениях с США не смущает нисколько.

НИКОЛАЙ

(резко):

Сергей Юльевич! Сейчас и впредь я вам запрещаю упоминать здесь и где-либо о книге преподобного Серафима! Если нужно будет, я сам вам о ней напомню! На сегодня – все. Мы с вами до отъезда вашего встретимся еще раз, дабы уточнить некоторые детали. Вы подготовьте проект мирного договора с Японией. И предложения по плану новой финансовой дипломатии.

Встает, жестом показывает Витте на дверь.

НИКОЛАЙ

(вслед Витте):

И еще – кто это вам о пророчествах святого Серафима говорил?

ВИТТЕ:

Павел Арсеньевич, князь Путятин, Ваше Императорское Величество. Он ведь много старался для подготовки Саровских торжеств, со многими людьми встречался там.

НИКОЛАЙ:

Да, Павел Арсеньевич старался там. Не только многими науками увлечен, но и древностями, многое знает... До свидания, Сергей Юльевич.

СПРАВКА:

1. О новой финансовой дипломатии и обеспечении доллара русским золотом для создания новой мировой валютной системы – см. Владлен Сироткин. Зарубежные клондайки России.

2. Витте о пророчествах Серафима Саровского – см. С. Витте. Воспоминания. М., т.2, стр.271

НАТ. ПЕТЕРГОФСКИЙ ПАРК, ТОТ ЖЕ ДЕНЬ (ВЕЧЕР).

На экране – беседка в петергофском парке, с видом на Финский залив. Теплый и ясный летний вечер. На рейде видны два миноносца и подводная лодка («Ерш»). В беседке – Николай, Милица и Стана. Пьют чай. Александра вблизи беседки, с маленьким Алексеем (годовалый малыш) на руках. Дочери – Ольга (около 10 лет), Мария (8 лет), Татьяна (6 лет), Анастасия (4 лет) – бегут из дворца впереди доктора Боткина (он идет за ними). Слышен детский смех.

АЛЕКСАНДРА:

Оленька, вы всегда так быстро находите Евгения Сергеевича во дворце, а в парке не сразу. Почему?

ОЛЬГА и другие

(чуть ни хором, смеясь):

Мамочка, мы его по запаху духов в любом дворце быстро находим – у него такой приятный крепкий одеколон! Где он проходит – полчаса слышно!

АНАСТАСИЯ:

Мы понарошку его иногда в игру ищем!

АЛЕКСАНДРА:

Ах вы моя ОТМА милая! И Оля, и Танечка, и Машенька, и Тусенька! А вы, Евгений Сергеевич, что скажете о маленьком? Синячок на ручке прошел, но я еще боюсь ставить его на ножки. Вдруг опять неудачно упадет?

БОТКИН:

Давайте я с ним пешочком прогуляюсь до дворца... Да вон и нянечка идет, мы вдвоем управимся.

АЛЕКСАНДРА

(осторожно спуская малыша на дорожку):

Вам я доверяю, Евгений Сергеевич. Пусть и девочки с вами идут – Ольге и Марии пора на вечерние уроки.

Дети убегают во дворец, кружась вокруг Боткина и маленького Алексея. Боткин и няня берут малыша за руки, осторожно идут с ним ко дворцу Александра проходит в беседку, садится рядом с Николаем.

СТАНА

(указывая рукой на виднеющееся в заливе странное судно – подводную лодку):

Ники, что за странное судно? Я никогда не видела таких. Как огромное... бревно. С сучком наружу.

НИКОЛАЙ:

Это подводная лодка, Стана. Она может погружаться под воду и плыть под водой долгое время. Это наше новое секретное оружие флота.

МИЛИЦА:

Которое видно из парка всем вашим гостям?

НИКОЛАЙ:

Секретно то, что внутри лодки, дорогие дамы. Подобные лодки есть уже у Англии, Германии, Японии. Ее внешний вид – не секрет.

АЛИКС:

Корабли похожи на нас, эсенин. Можно любоваться внешним видом. Секретно, то, что внутри. (все улыбаются)

МИЛИЦА:

Поэтому мы, эсенины, так любим офицеров флота. Они понимают и любят нас, как свои корабли.

АЛИКС:

Вот и отец Иоанн, Кронштадтский – может еще и поэтому так любим всеми, что всю жизнь служит на этом острове, среди моряков...

СТАНА:

Какие ужасные времена! Дворец царя охраняют минонос-

цы и подводная лодка – от кого? Война идет на краю земли отсюда. У революционеров нет флота. Зачем эти корабли?

Николай и Аликс молча переглядываются.

МИЛИЦА:

Чтобы покинуть Россию, если революция начнет побеждать? – впрочем, ах, да – броненосец «Князь Потемкин-Таврический» ... Неужели на Балтике тоже есть бунтовщики?

НИКОЛАЙ:

Во-первых, милые дамы, революции нет и, я уверен, не будет. Это смута, но не революция. Смута, подогреваемая японскими деньгами и врагами России и трона. Давайте сменим тему. Мне хватает моих министров для этих разговоров.

АЛИКС

(обращаясь к Стане и Милице):

Что отец Иоанн? Вы только что из Крыма, а уже знаете все городские новости лучше нас. Я слышала, он выбрал себе духовного преемника, какого-то старца из Сибири?

СТАНА:

Да, да. И мы уже встречались с ним.

АЛИКС: *С кем?*

СТАНА:

С этим старцем.

МИЛИЦА:

Он не старец вообще-то. По возрасту и по виду – не старец. Но по душе, по духу, по мудрости – старец.

СТАНА:

Григорий Распутин. Удивительный странник из народа. Настоящий.

НИКОЛАЙ:

Вроде тех юродивых, которых вы к нам ранее приводили? Вроде этого бормотальщика Димки Ознобишина из Оптиной пустыни?

СТАНА:

Ники, Димку Козельского вам Сергей и Елена Нилусы привели. И, правду сказать, народ к нему в Оптиной каждый день в очередь ходил. И священники его очень уважали. Это он во дворцах растерялся... И силу свою потерял. А этот, Григорий – он во дворце не теряет силу. Он очень сильный и искренне верующий старец. Настоящее чудо христианское. И отец Феофан о нем очень высокого мнения.

АЛИКС:

Феофан? Он ведь наш духовник. Ники, я попрошу рассказать его об этом... Григорию. Как его по фамилии?

МИЛИЦА:

Распутин.

НИКОЛАЙ

(морщится):

И что, распутный?

МИЛИЦА:

Нет, он святой. Но... но... сами увидите.

СТАНА:

Отец Иоанн сказал ему: смотри, как бы твоя фамилия тебя не подвела. Однако, избрал его в преемники за силу веры и крепость духовную.

АЛИКС:

Ники, я спрошу отца Феофана. Я хочу видеть этого... старца.

НИКОЛАЙ:

Пусть Феофан наведет справки о его прошлом. Сибирь велика. А мужики сибирские хитры.

АЛИКС:

Он из народа, Ники. Царь и народ. Без посредников. Это ведь наша мечта.

НИКОЛАЙ

(смотрит на залив):

Не торопись, Аликс. Не торопись, солнечный лучик...

АЛИКС:

Я не тороплюсь. Пусть комиссия Синода проверит его прошлое. Но он – настоящий. Я сердцем это уже чувствую.

Над заливом клубятся предгрозовые тучи. Лучи солнца видны из-за них, как рисованные.

СПРАВКА.

1. Е.С. Радциг. Николай Второй в воспоминаниях прибли-

женных:

«На рейде Петергофа, где проживала в то время царская семья, постоянно находилась подводная лодка "Ерш". "Она уже пятый месяц торчит против наших окон", – записал царь в дневнике 10 октября 1905 г. А если учесть, что революционное движение к октябрю все более разрасталось, охватив в том числе и Петербург, то становится понятным, почему 1 октября у царя обедал командир этой лодки Огильви, а 11 октября царь и царица сочли нужным посетить эту лодку. Но так как обстановка на Балтийском флоте вызывала у Николая II опасения, то к услугам царской семьи германским императором Вильгельмом II были предоставлены несколько миноносцев, прибывших из Мемеля».

2. Из дневников Николая за 1905 год:

1-го июля. Пятница.

Утро было теплое и хорошее. Завтракал Булыгин. Принял Витте, кот. едет в Вашингтон уполномоченным для ведения мирных переговоров с Японией. Гулял под дождем. Милица и Стана пили у нас чай. Они вернулись вчера из Крыма. Принял Абазу. Читал до 8 час. Обедали вдвоем в приемной. Вечер провели дома.

ИНТ. ЛЕТНИЙ ДВОРЕЦ В ПЕТЕРГОФЕ, СПАЛЬНЯ ИМПЕРАТРИЦЫ, ВЕЧЕР ТОГО ЖЕ ДНЯ (1 ИЮЛЯ 1905):

1 июля 1905 года, вечер. Петергоф, дворец, спальня императрицы. Николай и Александра у окна.

АЛЕКСАНДРА:

Витте едет в Америку? Мир с японцами?

НИКОЛАЙ:

Да, он очень волнуется. Переговоры будут трудными. Но успешными. Мир будет почетный для нас.

АЛЕКСАНДРА:

Да, я помню: так написано в книге нашего заступника, нашего Серафима. Как он все предвидел! И войну эту, и смуту! Чудо!

НИКОЛАЙ:

Витте не верит в мистику. В Бога верит, а в пророчества – не верит. Какой-то странный его бог. Святого Серафима помянул не кстати. Я его оборвал. Сказал, что не его ума это дело. Не лежит душа моя к Сергею Юльевичу... Хотя он и предан трону. В этом я не сомневаюсь. Но иногда – нет, часто! – хочется осадить его самоуверенный прагматизм, его веру в безбожный прогресс.

АЛЕКСАНДРА:

Ты говоришь, он очень нервничает в ожидании трудных переговоров? А ты пошли ему вдогонку ободряющую телеграмму: «Сергей Юльевич, не волнуйтесь. Переговоры будут успешными – так Святой Серафим Саровский в своей книге написал» (озорно смеется).

НИКОЛАЙ

(тоже смеется):

Аликс, умница! Забияка! Так и напишу!

СПРАВКА: о телеграмме вдогонку Витте – см. Э. Радзинский. «Николай Второй», стр. 87 (главка «Святой Серафим»)

СЦЕНА 3\5). 20 сентября 1905 года. Германия, Кайзер Вильгельм

СПРАВКА. С.С. Ольденбург. Царствование императора Николая Второго, Ростов-на-Дону, изд. «Феникс», 1998, стр. 245-247.

Действующие лица:

– Вильгельм – император Германский и король Прусский Вильгельм II (1859-1941);

– Гельфферих – Карл Гельфферих, известный немецкий экономист и государственный деятель;

Место и время действия:

20 сентября 1905 года. Мемель (Клайпеда), борт миноносца у причала. Вильгельм на борту миноносца.

НАТ. ПОРТ МЕМЕЛЬ (КЛАЙПЕДА), БОРТ НЕМЕЦКОГО МИНОНОСЦА. 20 СЕНТЯБРЯ 1905 ГОДА.

Камера показывает панораму Мемеля начала XX века, миноносец у причала. Вильгельм здоровается с экипажем, затем разговаривает с капитаном миноносца. Затем Виль-

гельм подходит к ждущему его на палубе Гельффериху. Они разговаривают, облокотившись на выступ орудийной башни. Вильгельм весьма фамильярен. Гельфферих сдержан.

ГЕЛЬФФЕРИХ:

Этот миноносец уходит сегодня в Кронштадт, охранять русского царя от революции?

ВИЛЬГЕЛЬМ:

Да, Карл. После восстания на броненосцах на Черном море Николас боится повторения беспорядков на кораблях своего Балтийского флота.

ГЕЛЬФФЕРИХ:

Но война с Японией закончилась почетным для России миром. Волнения подавлены, смутьяны усмирены. Я слышал, Николас одобрил созыв русского парламента. Оппозиция должна быть довольна. Чего ему бояться теперь?

ВИЛЬГЕЛЬМ:

Русские – непредсказуемая нация. Опасная смесь европейских и татарских кровей. Русский мужик богобоязнен и любит царя, но ненавидит всех его министров и чиновников. Вряд ли русский народ поймет и примет элементы демократии. Это желанная игрушка для русской интеллигенции, а народ поймет только то, что власть царя ослабла. Я разговаривал с Николасом об этом. Такова и его точка зрения. Он боится нового обострения смуты как раз в связи с предстоящим созывом парламента. Однако, Карл, хорошо, что ты напомнил мне о Портсмутском мире. Я так и не понял, по-

чему Япония согласилась на столь невыгодные для нее условия при том, что она фактически победила в этой войне? Половина пустынного Сахалина – это цена победы? Это насмешка! Вы читали о недавних беспорядках в Токио? Толпы негодующих людей с траурными флагами, баррикады на улицах, поджоги домов и правительственных учреждений – вот как японцы оценили Портсмутский мир! Почему микадо подписал мирный договор? Банкир Мендельсон, с которым Витте встречался в Берлине на пути в Америку, передал мне, что Витте перед самым началом переговоров был настроен очень пессимистично и жаловался на чрезмерное давление Николаса, который требовал от него ни в чем не уступать японцам. И вот – Витте вернулся в Петербург как триумфатор. И получил графское достоинство из рук Николаса! Это благородный жест. Но почему Николас был так уверен в своей силе?

ГЕЛЬФФЕРИХ:

Я думаю, Николас гораздо умнее и решительнее, чем многие – в том числе у нас – его представляют.

ВИЛЬГЕЛЬМ:

Нет, Карл, поверьте, я знаю сильный характер моего царственного кузена. Он тих, но умен и упрям. Его плохо понимают даже сами русские, даже его министры. Но почему он был так уверен в успехе? И почему японцы согласились?

ГЕЛЬФФЕРИХ:

Я проанализировал военно-экономическую ситуацию Рос-

сии и Японии. Обе страны потратили на войну примерно одинаковые средства – по два миллиарда рублей – в пересчете на русские деньги. Но русские золотые запасы почти на порядок больше японских. Россия могла бы без особого ущерба для своей экономики продолжать войну минимум полгода, а то и год. Япония к июлю была почти полностью истощена. За время войны японцы вынуждены были увеличить налоги на 85%, Россия – всего лишь на 5%. В области финансовой политики вся Европа может поучиться у России – кстати, это как раз заслуга Витте. Это финансовый гений.

ВИЛЬГЕЛЬМ:

Николас ценит, но не любит его. Витте слишком европеец для России и для кузена. Даже не европеец – скорее, американец! В Америке он стал бы президентом страны. К тому же он очень высокомерен и амбициозен. По-человечески он невыносим в больших количествах. (иронически улыбается). Я понимаю Николаса. Но – продолжайте, Карл (фамильярно хлопает его по плечу).

ГЕЛЬФФЕРИХ:

Япония полностью истощила свои военные и финансовые ресурсы. Англия прекратила помощь ей, боясь ее чрезмерного усиления в случае победы. Но и с помощью Англии вряд ли Япония могла бы продолжать войну еще полгода. Они рассчитывали на то, что русская смута подорвет Россию изнутри, но и этого не случилось. Николай смог подавить надвигающуюся революцию. Но если бы не смута, Николай про-

должил бы войну и победил бы Японию. Я думаю, это произошло бы уже этой осенью.

ВИЛЬГЕЛЬМ:

Я слышал от нашего резидента в Париже, что японцы потратили огромные деньги на то, чтобы разжечь этот пожар смуты.

ГЕФФЕЛЬРИХ:

Тем более восхищает успех поносимой всей Европой России. Николас показал себя выдающимся императором и политиком. Это факт. Это надо признать.

ВИЛЬГЕЛЬМ:

Да, еще в июле, в шхерах Бьорка, на нашем крейсере, я выразил ему свое восхищение. Последние полтора года были для него грозным испытанием. Однако, я все же не разделяю твой оптимизм, Карл. Россию и Николаса ждут еще очень тяжелые испытания. Думаю, уже в этом году смута продолжится. Недаром же он согласился принять мою помощь – эти миноносцы (указывает рукой на еще два миноносца, поднимающие якоря) будут защищать его с моря. Конечно, это немного. Но это тоже помощь.

ГЕФФЕЛЬРИХ:

Относительно России – я не оптимист. Я не люблю эту страну и русских вообще. Они еще натворят бед в Европе. К тому же, все они – мистики, непредсказуемый народ. Неизвестно, что от них ждать. Я не люблю мистиков. Но надо отдать им должное. Они умеют воевать...

ВИЛЬГЕЛЬМ:

Ха! Однако, англичане и французы и нас, немцев, считают варварами Европы. И мистиками тоже. Кстати, Николас обожает оперы Вагнера, особенно «Кольцо нибелунгов».

ГЕФФЕЛЬРИХ:

Наш мистицизм идет от рациональных философских глубин, а русский мистицизм – от иррациональной веры. Мы все же – Запад. Они – все же Восток... Византия. Восток.

СЦЕНА 4\5. 14 октября 1905 года. «Холостыми не стрелять, патронов не жалеть»

Действующие лица:

– Мосолов – Мосолов Александр Александрович (1854 г.р.), генерал-лейтенант, начальник канцелярии министра Двора Его Императорского Величества;

– Трепов – Трепов Дмитрий Федорович (1855-1906), петербургский генерал-губернатор, товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командующий отдельным корпусом жандармов (Д.Ф. Трепов – один из пяти сыновей градоначальника Федора Трепова, убитого Верой Засулич)

– Мин – Георгий Александрович Мин (1855-1906), командир лейб-гвардии Семеновского полка, флигель-адъютант;

НАТ. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ КАДРЫ ВСЕОБЩЕЙ ЗАБАСТОВКИ 1905 ГОДА В РОССИИ.

На экране – кадры застывших железных дорог (всеобщая забастовка), демонстраций и столкновений в Москве, пустынный и захламленный Невский проспект в Петербурге, редкие озлобленные и растерянные лица на улице.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Со второй декады октября в России забастовали все железные дороги, не выходили газеты, уличные толпы во многих городах устраивали поджоги правительственных зданий, били всех подряд – как призывавших к забастовке, так и тех служащих управ, кто выступал против нее. Царская семья оказалась в Петергофе на осадном положении. Министры добирались к Николаю для докладов на одном из двух пароходах, команды которые не бастовали. В Москве – демонстрации и вооруженные столкновения групп озлобленных толп. Полиция в растерянности. В столице – нет электричества, не работает водопровод. Утром 14 октября начальник канцелярии министра Двора, Александр Александрович Мосолов поехал к петербургскому генерал-губернатору, товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией и командующему отдельным корпусом жандармов Дмитрию Федоровичу Трепову.

НАТ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, НАБЕРЕЖНАЯ р. МОЙКИ,
МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ. ИНТ. КАБИНЕТ

МИНИСТРА. 14 ОКТЯБРЯ 1905 ГОДА.

На экране – хмурое темное октябрьское утро, карета Мосолова едет по Невскому, на набережную Мойки, в министерство внутренних дел. Мосолов входит в министерство, поднимается в рабочий кабинет Трепова.

МОСОЛОВ:

Дмитрий Федорович, здравствуй. На завтра, мне докладывали, большая демонстрация на Невском готовится эсерами. Как бы не было таких же безобразий как в Москве.

ТРЕПОВ:

Здравствуй, Александр Александрович. Хорошо, что заехал: почитай-ка мой приказ гарнизону на завтра. Сегодня его должны отпечатать и развесить по всему городу (передает Мосолову исписанный лист. Мосолов читает, что-то подчеркивает).

МОСОЛОВ:

«Холостыми не стрелять, патронов не жалеть» – Дмитрий Федорович, что же ты? Понимаешь ли, что с завтрашнего дня тебя будут называть не Треповым, а «генералом патронов не жалеть»?

ТРЕПОВ:

Хорошо, что ты эту фразу подчеркнул. Пусть так и печатают... Знаю, знаю, что так и будут называть этой непочетной кличкой, но уж пусть лучшие меня так называют, зато в столице крови не будет – струхнут смутьяны,

вот увидишь! Я до сих пор, с 11 января – с самого назначения – крови не проливал здесь. Войск перестали бояться, я знаю. А завтра придется стрелять – если не запугать всех заранее. Неужели ты думаешь, что я не понимаю всех последствий этих слов для себя лично? Единственно на эту фразу я и возлагаю надежду, чтобы предотвратить это несчастье. Что я – мне и жить то осталось... Думаю недолго... Сердце болит. Не убьют эсеры, так сам умру от сердца...

МОСОЛОВ:

Дмитрий Федорович, дорогой! Ты выбрось из головы эти мысли! Пятьдесят лет – да и выглядишь ты вполне... по-боевому...

ТРЕПОВ:

Нет, чувствую я. Ну да ладно. Иди теперь. Мне некогда сейчас. Надо с Семеновским полком связаться, чтобы готовы были к завтрашнему дню. Завтра же зайди узнать результаты моего приказа. Тогда скажешь, прав ли я был.

Мосолов выходит. Трепов звонит по телефону.

ТРЕПОВ: *Георгий Александрович, наши агенты докладывают, что Совет рабочих депутатов готовит на завтра массовую демонстрацию на Невском. Будет много боевиков Троцкого.*

НАТ. КАЗАРМЫ СЕМЕНОВСКОГО ПОЛКА. ИНТ. КА-

БИНЕТ КОМАНДИРА ПОЛКА.

На экране – казармы Семеновского полка. Кабинет полковника Георгия Александровича Мина, командира полка. Звонит телефон, он снимает трубку.

МИН:

Кого-кого?

ТРЕПОВ:

Троцкий – это председатель Совета, идейный подлец, из жидов. Да, неважно. Там все такие. С другой стороны, черная сотня собирается завтра пустить кровь «красноотряпшиникам» этим. Большая бойня может начаться. Город уже сегодня опустел, если ты заметил. Население в страхе. Если начнется бойня... Нам не справиться. Нельзя допустить. Полицейских сил не хватит. Надо признать, патриоты наши, из черной сотни, при всем моем к ним уважении и сочувствии, не брезгают оружие раздавать уголовному элементу, – лишь бы жидов были готовы бить. Начнется вакханалия бандитская, анархия.

МИН:

Где будут собираться «красноотряпшиники»?

ТРЕПОВ:

На Загородном. Это точные сведения. И черносотенцы туда же завтра пойдут. Приказать тебе вывести войска я не могу, но...

МИН

(чуть подумав):

Я выведу завтра с утра своих Семеновцев на Загородный. В полной боевой готовности. Однако, стрелять по людям не хотелось бы.

ТРЕПОВ:

Я надеюсь, что стрелять не придется. Сегодня вечером увидишь мой приказ – расклеят по всем улицам. Бунтовщики знают – я слов на ветер не бросаю.

МИН:

Хорошо, Дмитрий Федорович. Они и моих Семеновцев знают. Испугаются. Однако, левая «общественность» будет возмущена. Предвижу возмущение либералов из правительства нашего...

ТРЕПОВ:

Тут я тебе ничем помочь не могу.

МИН:

Понял. До свидания, Дмитрий Федорович.

ТРЕПОВ:

С Богом, Георгий Александрович!

СПРАВКА: о встрече Мосолова с Треповым см. А.А. Мосолов. «При Дворе последнего императора», стр.42-43.

НАТ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ЗАГОРОДНЫЙ ПРОСПЕКТ. 15 ОКТЯБРЯ 1905 ГОДА.

На экране – надпись «15 октября 1905 года, Санкт-Пе-

тербург, Загородный проспект». На Загородном проспекте – солдаты Семеновского полка, при оружии. Извозчики, тихо ворча, сворачивают на другие улицы. Но и там – отделения солдат. На стенах и тумбах расклеены листовки с приказом Трепова (камера показывает читающих их людей). Группы рабочих и боевиков, подходя к Загородному и завидев Семеновцев, тихо чертыхаются и быстро расходятся по одному в проходные дворы. Начавшие было собираться толпы демонстрантов – на одном конце улицы, и черносотенцев – на другом конце, расходятся. Камера показывает полковника Мина и офицеров полка, на конях, среди солдат. Он спокойно наблюдает за происходящим. К нему, также на коне, подъезжает адъютант, что-то говорит, указывая рукой в сторону казарм. Мин крикает, отдает распоряжение своему заместителю, скачет в казармы. Спешивается, входит в свой кабинет, подходит к телефону.

ИНТ. КАБИНЕТ МИНА В КАЗАРМАХ.

МИН:

Полковник Мин у аппарата. Слушаю Вас, господин премьер-министр.

ИНТ. ВИТТЕ В СВОЕМ КАБИНЕТЕ, В ОКРУЖЕНИИ НЕСКОЛЬКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ (ЛИБЕРАЛОВ).

На экране – Витте на другом конце провода, в своем кабинете, в окружении нескольких представителей либеральной общественности.

ВИТТЕ:

Господин полковник! Григорий Александрович! Кто отдал приказ вывести войска из казарм? По моим сведениям, рабочая демонстрация, назначенная на сегодня, должна носить исключительно мирный характер. (окружающие Витте либералы кивают головами) На днях мы опубликуем Высочайший Манифест – вы в курсе, я думаю. Нельзя озлоблять людей накануне великого события. Вы самовольно заградили улицы в центре столицы Российской империи!

МИН:

Я приказал вывести полк. Для предотвращения кровопролития. Ваши сведения не точны. Только что я сам видел на улицах толпы людей, готовых сцепиться друг с другом.

ВИТТЕ:

Как русский гражданин, любящий свое Отечество, я предлагаю вам убрать войска в казармы и не заграждать улиц!

МИН

(резко):

С вами говорит русский гражданин, любящий свое Отечество так же как вы, если не больше. Я не могу допустить, чтобы часть моего полка была окружена толпой и отрезана от казарм. Самое лучшее, граф, если вы сами бы явились

на площадь. Вы так умеете владеть толпой, говорить с ними: успокойте ее, убедите разойтись. Как это будет торжественно и полезно!

ВИТТЕ

(после продолжительного молчания):

Действуйте так, как найдете нужным.

НАТ. ПЕТЕРГОФ, ЛЕТНИЙ ДВОРЕЦ. ИНТ. КАБИНЕТ НИКОЛАЯ. 19 ОКТЯБРЯ 1905 ГОДА.

На экране – Петергоф, летний дворец Царской семьи. Поздний вечер. Николай в своем кабинете дворца в Петергофе пишет письмо матери, Марии Федоровне. На календаре на его столе видна дата – 19 октября 1905 года (голос Николая за кадром)

ГОЛОС ЗА КАДРОМ (голос Николая Второго):

«Мне кажется, что я тебе написал последний раз год тому назад. Столько мы пережили тяжелых и небывалых впечатлений. Ты, конечно, помнишь январские дни, которые мы провели вместе в Царском... Но они ничто по сравнению с теперешними днями. Забастовки железных дорог, которые начались вокруг Москвы, потом сразу охватили всю Россию. Петербург и Москва оказались отрезанными от внутренних губерний. Единственное сообщение с городом – морем, как это удобно в такое время года! После железных дорог стачка перешла на фабрики и заводы, а потом даже в городские учреждения. Подумай, какой стыд! Только и были

сведения о забастовках, об убийствах городских, казаков и солдат, о беспорядках, волнениях и возмущениях... А господа министры – кроме Трепова – как мокрые курицы рассуждали... вместо того, чтобы действовать решительно. Когда на “митингах” (новое модное слово!) было открыто решено начать вооруженное восстание, я об этом узнал тотчас же. В случае нападения на войска было предписано действовать оружием <...> Нервы у всех были натянуты до невозможности. И, конечно, такое положение не могло продолжаться долго. В течение этих ужасных дней я виделся с Витте постоянно. Наши разговоры начинались утром и кончались при полной темноте. Представлялось избрать один из двух путей – назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться подавить крамолу. И другой путь – предоставление гражданских прав населению, свобода слова, печати, собраний, союзов и т.д. Кроме того, обязательство проводить всякие законопроекты через Государственную думу. Это в сущности и есть конституция. Витте горячо отстаивал этот путь. И все, к кому я обращался, отвечали мне так же, как Витте. Манифест был составлен им и Алексеем Оболенским, я его подписал... Единственное утешение, что такова воля Божия и что это тяжелое испытание выведет дорогую Россию из того невыносимого, хаотического состояния, в котором она находится почти что год...»

СПРАВКА: см. Э. Радзинский. Николай Второй. – М., «Вагриус», 2003, стр.108

В кабинет входит Александра, глаза ее заплаканы.

АЛЕКСАНДРА: Ники, опять... Бэби опять неудачно повернулся во сне, ручка затекла и болит. Ему очень больно! Боткин говорит, что кровь скопилась в суставе и вызывает эту боль. Но ничего не помогает! Боже, Боже! И так по несколько раз в месяц. По несколько часов! У маленького человечка уже и стонать и плакать сил нет! Я сойду с ума, Ники! Я не сплю ночами!

НИКОЛАЙ

(встает, нежно обнимает жену):

Идем к нему, милая, идем.

СЦЕНА 5\5. 1 ноября 1905 года. Первая встреча Николая и Александры с Распутиным.

Действующие лица:

– Николай – Николай Александрович Романов, император;

– Александра – Александра Федоровна, императрица;

– Милица – Милица Николаевна (1866-1951), Великая Княгиня (урожденная Черногорская принцесса), супруга Великого Князя Петра Николаевича;

– Стана – Анастасия Николаевна (1867-1935), Великая Княгиня (урожденная Черногорская княжна), супруга Великого Князя Николая Николаевича (мл.);

– Распутин – Григорий Ефимович Распутин (1869 или 1870 г.р.), одет просто, в чистой крестьянской одежде, умный мужик, в глазах – спокойствие и глубина, при разговоре «окает по-сибирски»;

Место и время действия:

1 ноября 1905 года. Петергоф.

НАТ. ПЕТЕРГОФСКИЙ ПАРК, ЗАГОРОДНЫЙ ДВОРЕЦ (СЕРГИЕВКА). ИНТ. ЗАЛ ВО ДВОРЦЕ. 1 НОЯБРЯ 1905 ГОДА.

На экране – уютная зала во дворце. Вечер, за окном холодно и ветрено, темно. Женщины за столом негромко разговаривают за чаем. Николай подходит к книжным полкам, просматривает корешки книг, вынимает две, подходит к столу, садится, слушает, вступает в разговор.

НИКОЛАЙ:

Милица, ты утверждаешь, что зороастризм – древнейшая в мире религия единобожия, даже более древняя, чем иудаизм. Что христианство восприняло некоторые доктрины зороастризма от загадочной секты ессеев в Палестине, которые отделились от остальных иудеев. Я немного инте-

ресовался этим тоже. Если я прав, на счет зороастризма ученые сильно противоречат друг другу. Вот, у тебя есть книги и Дармстетера, и Мюллера, и Мильса. (листает книги). У них, насколько я понимаю едва ли не противоположное твоему мнению – кое-кто из них считает книги Авесты одним из видов ересей внутри христианства, замаскированной под древность фальсификацией.

МИЛИЦА:

Ники, после того, как я прочитала английские, немецкие, французские комментарии, я специально изучила древнеперсидский язык, чтобы читать главную книгу Зороастра, Авесту, в оригинале. И я прочитала «Зенд-Авесту». Поверь, я знаю, что говорю. Потом, напомню тебе, что некоторые ученики Платона сравнивали своего учителя с Зороастром – это за пять веков до Рождества Господа нашего. Ники, большинство ученых все же теперь признает Авесту древнейшей книгой.

НИКОЛАЙ:

Но Добро и зло там ведь равноправны? Князь Путятин мне как-то говорил об этом. Дуализм?

МИЛИЦА:

Да, многие так считают. Но все же, Ахура-Мазда – Бог-Отец зороастризма – Творец, а Ангрманьо – их Люцифер – лишь раздражитель и злодей, без творческой силы. Они не равны. Победа Творца предрешена. А что до Путятина... Недавно я с ним виделась: Павел Арсеньевич согласился со

мною.

АЛЕКСАНДРА:

А кто были эти восточные волхвы, о которых пишет Матфей?

МИЛИЦА:

Вот именно, Аликс! Ведь это были как раз зороастрийские астрологи, князья-жрецы!

АЛЕКСАНДРА:

Они имели и светскую, и духовную власть?

СТАНА:

Да, по крайней мере во времена раннего зороастризма это было так.

МИЛИЦА:

Матфей написал о них не только потому, что это «красивая история». Зороастрийцы пришли поклониться ожидаемому ими Младенцу-Царю-Мессии. Иоанн Креститель носил одежду зороастрийских жрецов.

АЛЕКСАНДРА:

А что же Ницше? «Так говорил Заратуштра» – Ницше правильно описал зороастризм?

МИЛИЦА:

Нет, он сильно преувеличил волевое начало и идею сверхчеловека. Он привнес в свою книгу свои комплексы. На самом деле, как я поняла из оригинала, идеи Авесты очень близки к христианству, и даже, особенно, к православию.

НИКОЛАЙ:

Сомнительно. Наши старцы вряд ли похожи душою на древних персов. Кстати, где этот ваш человек Божий Григорий? На днях я дал вам согласие познакомиться с ним. Духовник наш, отец Феофан о нем также очень высокого мнения. Очень высокого.

СТАНА:

Он внизу, чаевничает с прислугой.

АЛЕКСАНДРА:

Ники, пусть придет сюда?

НИКОЛАЙ:

Позовите его. Все уши прожужжали мне в этот месяц о нем. И ты, Милица, и ты, Аликс. Зовите уж.

Милица берет колокольчик, звонит, велит прислуге позвать Распутина. Он входит в зал чуть смущенно (без наигрыша), низко кланяется всем. Николай кивает головой, здоровается, жестом приглашает его за стол.

НИКОЛАЙ:

Не смущайтесь, Григорий Ефимович. Мы о вас много хорошего слышали.

МИЛИЦА:

Вот чай, закуски сами выбирайте, Григорий.

РАСПУТИН:

Благодарствую, чай уж попил я внизу. Однакож, у самого Царя-Батюшки чаю отведавать... (берет чашку, пробует на

вкус).

АЛЕКСАНДРА:

Григорий – это имя означает «бодрствующий». В святках более десяти святых Григориев. Вас в честь которого назвали?

РАСПУТИН:

Бодрствующий я, это точно. Каждую весну находит на меня – не сплю вовсе по многу дни и ночи. А имя – по святкам и назван при рождении, на десятое генваря – в честь Григория, епископа Нисскаго.

АЛЕКСАНДРА:

А что вы про него знаете?

РАСПУТИН:

Матушка-Государыня, знаю, что брат он Василия Великаго, – оба Святые Отцы Церкви нашей православной и вся вселенныя. «Шестоднев» Василия и читал и «Толковник на шестоднев» Григория читал, и «Цели жизни по Боге» вместе со старцами в Верхотурье читали. Старцы на Афоне також объясняли мне его книги. И многия другия книги Святых Отцов старцы мне объясняли и в Сибири, и на Святом Афоне.

НИКОЛАЙ:

А можешь ты, Григорий, сказать нам главное из этой книги – какова же «цель жизни по Боге»? Книга-то большая. А главное, что?

РАСПУТИН:

Своими словами кратко и надо о Боге говорить, это так. Чтобы кратко... (задумывается, видит на столе два листа бумаги, – один чистый, другой исписанный; берет в руки исписанный лист).

Вот, две природы веры есть в мире, и цели в Боге. Внешне вроде одинако моляцца. Одначе, один как бы просьбы об своей жизни на листе пишет (изображает) и просит Господа нашего подписать сие свое прошение. О здоровье, о семье, о благе личном или даже обчем благе, – мол, я, Господи, праведен буду, а Ты, Господи, утверди сии мои прошения. И многие хорошие люди так молятся Богу. И многие готовы многае претерпеть и многим пожертвовать ради мольбы своей. А надо, милой, не так.

СТАНА:

А как надо?

РАСПУТИН:

А надо так: ты, милой, возьми чистый лист бумаги (берет другой чистый лист) и вниз листа свою роспись поставь (ставит внизу листа свою закорюку), и отдай сей лист Господу с чистым сердцем (поднимает лист вверх, затем кладет его перед Николаем). А Господа нашего моли о том, чтобы он на сим листе написал тебе, что Он для тебя выбрал! Во как надо! И не ропщи, если не пондравится тебе, что Господь наш для тебя избрал! Как Господь наш Иисус Христос в Гефсимани сказал, падиши на лице свое, в поту кровавом: «Авва Отче! не как Я хочу, но как Ты!». Також и «Отче

наш» ежедневно читаемо.

Николай и Александра молча переглядываются.

АЛЕКСАНДРА:

Как же человек – Царь – может узнать Волю Божью? Что Он для нас на этом листе написал? Через пророков?

РАСПУТИН:

У нас в Расее шутят: пророк – пророчит, а Бог – как хочет! Однако, пророки Израильские знали все, чего Бог хоче. А и наши старцы... есть таки, которы знают многое... Но Царь-Батюшка – Божий помазанник, он сам прямо от Бога знает, чё делать ему должно. А министры ево должны свою работу сполнять так, как ён сказал. Не своевольничать. А умники наши, которы в Бога верят, пусть хоша б помнят, что Царь – Божий помазанник.

НИКОЛАЙ:

Григорий, отчего же смута такая у нас уже почти год идет?

РАСПУТИН:

Смута от умников и от явреев... Хотя есть среди них умные люди. Умный от умника отличается как... навоз от говна. От навоза – польза, хоть и воняет. От говна – одна вонь. (Милица и Александра прикрывают рот рукой, скрывая улыбку и смущение). Умными надо страну унавозживать, а говно... (замечает смущение Александры) Прости-

те, Матушка-Государыня. Мужик, он и есть мужик (крякает).

АЛЕКСАНДРА:

Ничего, ничего, Григорий. Продолжайте.

РАСПУТИН:

Народ Царя любит. Эвон шшо 300 лет назад Михаилу поклялся весь народ как один человек:

«Целовали все Животворный Крест и обет дали, что за Великого Государя, Богом почитенного, Богом избранного и Богом возлюбленного, Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича, всяя России Самодержца, за Благоверную Царицу и Великую Княгиню, и за Их Царские Дети, которых Им, Государям, впредь Бог даст, души свои и головы положити и служить Им, Государям нашим верою и правдою, всеми душами своими и головами. Заповедано, чтобы избранник Божий, Царь Михаил Феодорович Романов был родоначальником Правителей на Руси из рода в род, с ответственностью в Своих делах перед Единым Небесным Царем. И кто же пойдет против сего Соборного постановления – Царь ли, патриарх ли, и всяк человек, да проклянется таковой в сем веке и в будущем, отлучен бо будет он от Святой Троицы».

НИКОЛАЙ:

Ты что же, Григорий, наизусть помнишь Утвержденную грамоту Великого Московского Собора – 1613 года?

РАСПУТИН

(лукаво улыбаясь):

Дух завсегда знаю и помню, а букву... Сёдня ищо раз глянул, к вам идучи.

Все улыбаются.

РАСПУТИН:

И не сумлевайтесь, дух сей клятвы народной жив на Руси и будет жить. Окромя Царя, на Руси никто править не может. Мужик озверееет без Царя. Без Царя Русь сгинет. Душа Расеи – дикая, но дитячья душа. Ей Папа и Мама нужны. Царь и Царица – Папа и Мама.

НИКОЛАЙ:

Григорий, на мое имя сотни писем приходят со всей России. Все прочитать не успеваю, но в канцелярии в Мариинском мне обзоры сих писем регулярно составляют. Канцелярия завалена письмами пожилых матерей и отцов на своих взрослых детей: не призывают родителей, пьют, хулиганят, в «церкву не ходют». Вот, полюбуйтесь, сегодня из Псковской губернии получил, от матери-крестьянки, из Псковской губернии, какие частушки ее сын распевает (читает): «Бога нет, Царя не надо. Губернатора убьем! Подати платить не будем! И в солдаты не пойдем!». Что же, мужик озверел уже, при живом Царе? Смута разливается. Всеобщая забастовка на Руси. Все бастуют. Все железные дороги стоят – и даже требований бастующие не предъявляют. Мы в Царском Селе как в осаде месяц жили. Министры ко мне по заливу на катерах из города добирались. Думали, Манифест всех успокоит... Нет! Смута продолжа-

ется. Что скажете вы, человек жизнь знающий, много выдавший?

РАСПУТИН:

В мужике Бог и дьявол борются не так, как в господах разумных, образованных. Господа все чрез голову пропускают, а мужику – стоит только слабину власти Царской почувать, дьявол в нем верх тут же берет... Однако, Царь-Батюшка, писем-то хульных тебе сотни приходят, а народу – больше ста миллионов! Это как гнойник на здоровом теле – мал, а инда так больно бывает, невтерпеж! Гнойник, пока не созрел, и не выдавший. Надоть терпение иметь и силу, и, главное – веру в Божье благоволение. А Бог Рассею не сдаст! Знаю, веры Вам, Папа и Мама, не занимать – крепки Вы в вере православной – надоть токмо ишо терпение иметь и силу. Гнойник уже вызрел – и манихфестная припарка может помочь – теперь давите смутьянов без жалости.

АЛЕКСАНДРА:

Что же вы про Манифест Царский от 17-го числа скажете, Григорий? Нужен он был?

РАСПУТИН:

Манихфест – это не мужицкого ума дело. Ежели смута так подперла, что без манихфеста никак... Ну, ладно, пусть для умных манихфест будет. Только вот умники говнистые все одно недовольны будут. Им все мало будет, чего не позволъ.

СТАНА:

Григорий Ефимович, вы все же поаккуратнее в выражениях-то будьте. Вы не в трактире чай.

РАСПУТИН

(смущенно):

Простите мя. Как увлекусь, так слова иные и вылетают. А по трактирам я не пьянствую. Вино вообще не пью. Уж боле десяти годов ни капли... А «говно» – это ж не брань. Оно и есть оно. Как ишо сказать? ... Вот умные-то люди Рассею просвятят с годами, мужика от дикости отучат... Вот тогда и Манихфест в силу истинную войдет. И Дума думать будет, радеть о благе народном. Одначе, на это ой как много лет надобно! А покамест Манихфест этот – только к новой смуте. И Дума не думать будет, а только ерничать супротив власти. Ладно, раз тако получилось – надо терпеть тебе, Батюшка-Царь, Манихфест этот и Думу ёрнюю.

НИКОЛАЙ

(с едва заметной иронией):

Почему ты так уверен, Григорий, что Государственная дума будет... «ёрная»?

РАСПУТИН:

А сами скоро увидите и услышите. И старцы сибирские мне о том ишо годков пять тому говорили, что власть царскую «ёрники» поджимать будут на аглицкий манер. И на Афоне тож сказали старцы. На Афоне мне и сказали в первой раз – чтоб я в Питербурх шел.

Николай смотрит на напольные часы. Александра замечает это, что-то тихо говорит Николаю.

РАСПУТИН

(смущенно):

Пора иттить мне? Внизу мне сказали – вы завтра в Царское переезжаете. Надоть собираться вам? Пора иттить мне?

АЛЕКСАНДРА:

Нет. Григорий... Ефимович, расскажите нам сами о себе – что для себя важным считаете. О старцах сибирских, о ваших странствиях по потайным монастырям сибирским, о Святом Афоне.

РАСПУТИН:

Матушка-Государыня, с превеликим удовольствием. Всякому об себе внимание приятно (осторожно улыбается). Однако, сначала дозволю сказать, Государь, скоро в Москвематушке бо-ольшой бунт будет. Кровь ручьями будет литься. Как раз опосля Георгия-победоносца и зачнется бунт. Видение мне было вчера.

НИКОЛАЙ

(скептически):

Спасибо за предупреждение. В декабре, значит, бунт видите? Однако, мы принимаем и примем все необходимые меры к установлению порядка. Расскажите нам теперь о

старцах сибирских, о Святом Афоне.

Григорий по просьбе Николая коротко рассказывает о себе – на экране черно-белые картины его странствий по сибирским скитам, на Святой Афон.

Из дневников Николая 1905 года:

1-го ноября. Вторник.

Холодный ветреный день. От берега замерзло до конца нашего канала и ровной полосой в обе стороны. Был очень занят все утро.

Завтракали: кн. Орлов и Ресин (деж.). Погулял. В 4 часа поехали на Сергиевку. Пили чай с Милицей и Станок. Познакомились с человеком Божиим – Григорием* из Тобольской губ.

Вечером укладывался, много занимался и провел вечер с Аликс.

ШЕСТАЯ СЕРИЯ. 1906 ГОД.

СЦЕНА 1\6. Московское вооруженное восстание. Генерал Мин.

Действующие лица:

– Николай – Николай Александрович Романов (1868 г.р.), император;

- Александра – Александра Федоровна (1872 г.р.), императрица;
- Дубасов – Дубасов Федор Васильевич(1845-1912), адмирал, с ноября 1905 г. – московский генерал-губернатор;
- Мин – Георгий Александрович Мин (1855-1906), командир лейб-гвардии Семеновского полка, флигель-адъютант;

Место и время действия:

14 декабря 1905 года. Царское село, Александровский дворец.

НАТ. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ (ИЛИ ИГРОВЫЕ ЧЕРНО-БЕЛЫЕ) КАДРЫ МОСКОВСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ ДЕКАБРЯ 1905 ГОДА.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

После опубликования Манифеста 17 октября, волны забастовок и бунтов поначалу не спадали. Кажущаяся легкость, с которой была получена полнота гражданской свободы, вызвала у представителей революционного движения крайнюю самоуверенность. Растерянность же правительства, которое ожидало мгновенного умиротворения всех слоев общества Манифестом, была единодушно признана всеми революционными и оппозиционными партиями за признак того, что самодержавие вот-вот рухнет. Особый вос-

торг вызывали в левой печати военные бунты. Цензура была отменена манифестом. В ноябре левая пресса писала: «Кронштадт, Владивосток, Севастополь, Воронеж, Киев, Ревель... И огненной змеей бежит по всей России, от гарнизона к гарнизону, победный клич: армия присоединяется к революционному народу! Одно военное возмущение за другим! Одна кровавая баня за другой! Не умирающему абсолютизму остановить лавину революции. Она докатится до конца». («Новая жизнь», 24 ноября 1905)». ЦК партии эсеров в ноябре 1905 года вынес решение о прекращении индивидуального террора и о переходе к иным, массовым средствам борьбы. Число террористических актов от этого, впрочем, нисколько не уменьшилось. В 1906 году еще будут убиты 768 и ранены 820 представителей власти, в том числе десятки известных губернаторов, градоначальников, прокуроров. Но уже в конце 1905-го и в начале 1906 года, увлеченные собственными речами и статьями, социал-демократы и эсеры не ощущали, не понимали, что почва уходит у них из-под ног, как в народных массах, на втором-третьем месяце дарованных Манифестом свобод, нарастает утомление и пресыщение революцией. Военные бунты быстро подавлялись. Террор начал вырождаться в кровавый бандитизм: боевики убивали не столько виновных в жестокостях высших чиновниках, сколько наиболее работоспособных, даровитых и верных власти людей. В ноябре 1905 года Николай произвел цепь отставок, прежде всего в силовых министерствах,

значительно укрепив их кадровый состав. Ежедневно он проводил у себя в Царском смотре гвардейским войскам, выходя к ним с полуторагодовалым наследником на руках, что вызывало неизменный восторг солдат.

На экране во время этого рассказа – черно-белые кадры бунтов, беспорядков, московского вооруженного восстания – в противовес смотрам гвардейским войскам в Царском селе (Николай с младенцем на руках; солдаты кричат «ура!» – маленький Алексей при этом как бы в ответ радостно улыбается). Затем – черно-белые кадры встречи Николая с делегацией черносотенцев.

НАТ. ЦАРСКОЕ СЕЛО, АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДВОРЕЦ. ИНТ. КАБИНЕТ НИКОЛАЯ. ИНТ. КАБИНЕТ МОСКОВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА (ДУБАСОВА) В КРЕМЛЕ. 14 ДЕКАБРЯ 1905 ГОДА.

На экране – кабинет Николая, за окном – снегопад. Внизу экрана – дата и место действия (14 декабря 1905 года, Александровский дворец в Царском Селе) Звонит телефон. Он поднимает трубку. Камера показывает Дубасова в своем кабинете в Кремле и Николая в своем. Рассказ Дубасова иллюстрируется черно-белыми кадрами начала вооруженного восстания в Москве.

ДУБАСОВ:

Ваше величество, здравствуйте. Адмирал Дубасов.

НИКОЛАЙ:

Слушаю вас, Федор Васильевич. Что в Москве? Беспорядки продолжаютсся?

ДУБАСОВ:

Ваше величество, положение здесь очень... исключительно тяжелое. Это уже не беспорядки. Это вооруженное восстание. Все необходимые и возможные меры приняты, и сверх того, вооружили отряды добровольной милиции из надежного московского люда. Однако, солдаты и казаки измотаны за месяц до предела ежедневными стычками. Полиция тоже измотана. До сотни убитых среди войск за последние дни.

НИКОЛАЙ:

Я знаю, вчера у вас пожар большой был в типографии Сытина. Что там произошло?

ДУБАСОВ:

В воскресенье это было. 600 дружинников, – бандитов, вооруженных бомбами и револьверами, забаррикадировались в типографии Сытина на Валовой улице. Окруженные войсками, находя свое положение безысходным, они подожгли здание, чтобы, воспользовавшись суматохой, уйти. Это им удалось. Но в огне пожара погибло много людей – семьи и дети рабочих, живших в здании, посторонние лица. Кроме того, убытки огромные – более чем в миллион рублей. Сегодня, только что, получил известие: сволочи эти, бое-

вики, явились на квартиру начальника охранного отделения Войлошникова и расстреляли его, несмотря на мольбы жены и маленьких детей.

НИКОЛАЙ:

У вас же большие силы военные! Полицейские силы – как в столице почти! В чем дело, Федор Васильевич? Почему не можете справиться с бандитами?

ДУБАСОВ

(взволнованно):

Войска и полиция в значительной части распропагандированы смутьянами в течение последнего месяца. Я могу положиться только на треть московского гарнизона! Остальные или предельно измотаны, или ненадежны. Не выполняют приказы. Некоторые – даже братаются с революционерами... Ваше величество, здесь необходимы надежные полки. Прошу вас, ради Бога, немедленно вышлите лучшие полки из столицы нам в помощь! Каждый час промедления грозит России непредсказуемыми последствиями!

НИКОЛАЙ:

Понимаю. Федор Васильевич, я сегодня же отдам необходимые распоряжения. Завтра в Москве будут надежные полки. Я еще свяжусь с вами сегодня вечером. До свидания.

Николай видит в окно Александру, гуляющую в парке с детьми, в сопровождении фрейлин. Набрасывает шинель, выходит в парк. Смотрит в серое небо, на падающий снег.

Идет обратно в кабинет. Александра, заметив Николая, покидает детей, входит в кабинет.

АЛЕКСАНДРА:

Что-то случилось?

НИКОЛАЙ:

Аликс, в Москве – вооруженное восстание. Очень тяжелое положение. Сейчас буду телефонировать в Семеновский полк, Мину. Они должны сегодня же – крайне, завтра, отбыть в Москву.

АЛЕКСАНДРА

(задумчиво берет со стола книгу):

Ты читаешь Дантов «Ад»?

НИКОЛАЙ:

Вчера вечером перечитывал.

АЛЕКСАНДРА

(смотрит на обложку):

Дмитрий Мин перевел на русский... Это брат Георгия Александровича?

НИКОЛАЙ:

Дядя, Дмитрий Егорович, проректор Московского университета. Герой Плевны... а 8 лет назад отлично показал себя в Самарканде, во время чумной эпидемии. Принц Ольденбургский с ним приятельствует. Очень высокого мнения о нем. Георгий Александрович и сам человек очень начитанный...

АЛЕКСАНДРА:

О! мнение Александра Петровича дорогого стоит.

НИКОЛАЙ:

Бесстрашный офицер Мин. И везло ему всегда. Столько раз под пулями в атаках бывал – и даже ни одного ранения. Бог его хранит.

АЛЕКСАНДРА:

Ники, революционеры выносят смертные приговоры всем, кто борется с ними... Они стреляют в упор, или в спину... И не промахиваются.

НИКОЛАЙ:

Знаю, милая Аликс, знаю. Что делать? Я должен отправить в Москву самый надежный полк, любимых Семеновцев.... Иди, погуляй еще с детьми. Я очень занят буду сегодня до самого вечера.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Полк собрался в несколько часов. 15 декабря весть о прибытии Семеновцев облетела всю Москву. Главной коммуникационной линией революционеров было Московско-Казанская дорога. Верный помощник и единомышленник генерала Г.А. Мина полковник Николай Карпович Риман с отрядом Семеновцев двинулся вдоль этой дороги, занимая станции и беспощадно расстреливая отказавшихся сложить оружие боевиков. По важнейшей железнодорожной артерии Москвы вновь пошли поезда.

Еще 16 декабря у генерал-губернатора Москвы в присутствии представителей города, земства и сословных учреждений состоялся совет, на котором выяснилось, что войскам даны указания не трогать мирных жителей. Предложение генерала Дубасова отнестись снисходительно к рабочим, готовым сдать оружие, было встречено с полным пониманием и сочувствием. Сразу же после подавления мятежа городскими властями создается фонд безвозмездных пожертвований в пользу пострадавших. Для оказания немедленной помощи обеим категориям пострадавших городской управе разрешили кредит до 10 тысяч рублей. Для выдачи пособий малоимущему населению Москвы Николай II повелел отпустить в распоряжение московского генерал-губернатора 100 тысяч рублей!

Уже 18 декабря всем стало ясно, что "московская революция" провалилась. Возобновилось движение на улицах. Открылись банки. Восстановлено электрическое освещение. Вставлялись окна. Магазины города вновь наполнились продуктами и товарами. Постепенно стали выходить различные газеты, действовать театры и клубы, вернулась нормальная жизнь. Воистину, для Москвы в декабре 1905 года Мин оказался Георгием-Победоносцем.

СЦЕНА 2\6. 1906 год, 11 января. Возвращение Гапона.

Действующие лица:

– Николай – Николай Александрович Романов, император;

– Трепов – Трепов Дмитрий Федорович (1855-1906), с 26 октября 1905 г. – дворцовый комендант (начальник охраны Его Императорского Величества);

– Рачковский – Петр Иванович Рачковский (1851? -1910), в 1884-1903 гг. управляющий Заграничной агентурой, в 1905-1906 гг. – вице-директор Департамента полиции, чиновник по особым поручениям по высшей политике и надзору за правильностью розыскного дела;

Место и время действия:

11 января 1906 года. Александровский дворец в Царском Селе.

НАТ. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДВОРЕЦ. 11 ЯНВАРЯ 1906 ГОДА.

На экране – Александровский дворец зимой, в снегу. Утро, светает. Николай расчищает дорожку от снега. Из дворца выбегают дочери, играют в снежки, затем в меру сил начинают помогать отцу.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Все тяжёлые месяцы зимы 1905-906 годов Николай не изменял своим привычкам и жесткому распорядку дня – ранний подъем, обливание холодной водой, физическая работа

в парке утром и в перерывах между докладами. К этому же распорядку он приучал своих дочерей. Александра, измученная уже начавшимися проявляться признаками роковой болезни маленького Алексея, и сама начала испытывать проблемы со здоровьем, которые уже через два года приведут к серьезным заболеваниям сосудистой системы, к затруднениям при ходьбе и проблемам с сердцем.

В декабре 1905 года начали консолидироваться политические силы правых, стоящие за самодержавие: в начале и в конце декабря он встречался с лидерами Монархической партии, Союза русских людей, Союза землевладельцев, а также с депутацией Союза Русского Народа во главе с Дубровиным и Булацелем. Депутация состояла в основном из рабочих, извозчиков, крестьян. На той встрече Дубровин сказал: «Мы с нетерпением ждем созыва Государственной Думы, которая дала бы возможность нам, русскому народу, избрать уполномоченных, преданных Тебе, Государь, и Отечеству». Император ответил: «Не сомневаюсь, что вы пойдете не по иному, как только по предназначенному Мною пути. Манифест, данный Мною 17 октября, есть полное и убежденное выражение Моей непреклонной и непреложной воли, и акт, не подлежащий изменению... Объединяйтесь, русские люди, я рассчитываю на вас».

ИНТ. КАБИНЕТ НИКОЛАЯ В АЛЕКСАНДРОВСКОМ ДВОРЦЕ.

По окончании рассказа камера следует в Александровский дворец, в кабинет Николая. Он встречается с Треповым и Рачковским.

НИКОЛАЙ:

Господа, я хочу обсудить с вами в этом узком составе особые полицейские и охранные действия для скорейшего подавления беспорядков в стране. Мы должны опираться в борьбе с бунтовщиками не только на силу казачьих нагаек и солдатских штыков, и не только на политические силы, но и на ваши специальные методы. Вы, Петр Иванович, хотя уволены мною от заведования политической частью Департамента, но остаетесь в распоряжении Дмитрия Федоровича для особых поручений и общего надзора за розыскным делом. Я надеюсь, вы понимаете, что с новым министром вы бы все равно не сработались.

РАЧКОВСКИЙ:

Да, Ваше величество, у Дурново ко мне старая неприязнь. Я понимаю ваше решение вполне.

НИКОЛАЙ:

Я ознакомился с докладом Дмитрия Федоровича о вашей декабрьской работе в Москве и вполне удовлетворен вашими усилиями.

ТРЕПОВ:

В Москве ныне ни одного мало-мальски видного революционера на свободе не осталось.

НИКОЛАЙ:

Что в Петербурге?

ТРЕПОВ:

Как вы помните, верхушка петербургского Совета Рабочих Депутатов – совета бунтовщиков – была арестована нами еще в конце ноября. После их воззвания не платить налоги и изъять все вклады из банков арестовали всех членов Совета. Однако, многие руководители среднего звена эсдеков и эсеров еще на свободе, прячутся по окраинам и на финских зимних дачах. В декабре в столицу вернулся Гапон...

НИКОЛАЙ:

Это как понимать? Его ведь амнистия не касалась?!

ТРЕПОВ:

Вернулся нелегально. Японцы после заключения Портсмутского мира прекратили финансирование зарубежных организаций революционеров – деньги кончились, он и вернулся. Многие из бунтовщиков встретили его здесь как национального героя. Он снова владеет инициативой в рабочем движении.

РАЧКОВСКИЙ:

Большинство каналов финансирования бунтовщиков из-за рубежа нами перекрыты. Однако, швейцарские винтовки в декабре в Москву все же поступили.

НИКОЛАЙ:

Знаю, перед Новым годом генерал Мин мне здесь показывал московские трофеи. И что же Гапон? Он с эсерами?

РАЧКОВСКИЙ:

Нет, он им подчиняться отказывается. Они его за ружьем несколько раз обманули. Использовали в своих целях и обманули.

НИКОЛАЙ:

Я читал в газетах, и в левых, и в правых, что он – вор и провокатор. Кто он теперь?

РАЧКОВСКИЙ:

По-прежнему романтик. Но теперь он для нас – открытый враг, которого бунтовщики хотят использовать в своих целях.

ТРЕПОВ:

В столице вновь объявился Рутенберг – помните, Ваше величество, – тот самый эсер, который был с ним 9 января пятого года?

НИКОЛАЙ:

Помню. Почему не арестован Рутенберг?

РАЧКОВСКИЙ:

Мы хотим использовать обоих как приманку для раскрытия всей оставшейся подпольной сети эсеров. Они готовят покушение на нового вашего министра, на Дурново.

НИКОЛАЙ:

Используйте, только не заиграйтесь и не обваляйтесь сами в этой грязи. Эту тему я считаю закрытой. Действуйте по своему усмотрению. Не отвлекайте меня этими специальными делами вашего ведомства от более важных об-

щих вопросов.

ТРЕПОВ:

Более важной сейчас я считаю войну листовок и прокламаций.

НИКОЛАЙ:

Поясните, Дмитрий Федорович.

ТРЕПОВ:

Партии эсеров и эсдеков в своих типографиях печатают сотни пудов революционных листовок и прокламаций. Это очень эффективное оружие крамолы. Наглая ложь, смешанная с полуправдой и хлесткими лозунгами.

НИКОЛАЙ:

На какие средства издаются эти листовки? Кто финансирует? Вы же сказали, что большинство каналов финансирования перекрыты.

РАЧКОВСКИЙ:

Не все, Ваше величество. Мы выявим и перекроем оставшиеся, но независимо от этого мы должны противопоставить пропаганде бунтовщиков нашу агитацию против них. Мы сами должны печатать сотни пудов проправительственных, антиреволюционных листовок и прокламаций, и распространять их среди рабочих и в беспокойных аграрных регионах.

НИКОЛАЙ:

Да... Почему раньше этого не делали?

ТРЕПОВ:

Государь, это ведь впервые мы столкнулись со всеобщими забастовками, с такой широкой смутой. И не только в России – вообще в Европе до сих пор всеобщих забастовок не бывало. Учимся на ходу. Петр Иванович начал было печатать наши прокламации на печатном станке, отобранном в подпольной типографии эсеров, но мощностей не хватает.

НИКОЛАЙ:

Закупите оборудование за границей. Покажите мне образцы ваших листовок.

РАЧКОВСКИЙ

(передает Николаю несколько листов прокламаций, Николай бегло читает):

Ваше величество, некоторые из прокламаций могут показаться вам... призывающими к погромам...

НИКОЛАЙ

(читает):

Да уж... Погромов не допускать. К тому же, вы на меня направите заграничных либералов. Это ни к чему.

РАЧКОВСКИЙ:

Но без известной доли антисемитизма в этом деле не обойтись. Ведь это правда, что евреи управляют в Советях, в революционных партиях. Темный огонь народного антисемитизма будет способствовать очищению России от крамолы.

НИКОЛАЙ:

Правда, но... Погромов – избегать. Необходимо учиты-

вать международную репутацию России. Нас и так считают страной погромов. Удивляюсь вам, Петр Иванович – у вас ведь за границей чуть не все заместители и агенты евреи были. Как же вы с ними ладили?

РАЧКОВСКИЙ:

Очень хорошо ладил, и сейчас отношения с ними хорошие. Антисемитизм – это политика, а рабочие и личные отношения – это другое. Мои помощники и агенты из евреев – умные и преданные России и Царю люди..., впрочем, приходится иногда и сомнительных людей использовать. В нашем деле без этого не обойтись.

ТРЕПОВ:

Ваше величество, сейчас главное – подавить бунтовщиков и отвлечь народ от них. Без правды о еврействе в революции здесь не обойтись. Может, и о «Протоколах Сионских мудрецов» рассказать народу?

НИКОЛАЙ

(спокойно):

Что? Дмитрий Федорович... ну уж нет. Это перебор будет. Тему «Сионских протоколов» я вам в прокламациях использовать запрещаю. Это слишком. Вы ведь сами рассказывали мне, Петр Иванович, историю возникновения этой книги... – столь похожей, однако, на правду... Витте даже думает, что эти протоколы – против него лично, что они его выставляют... «агентом мирового еврейства» (улыбается). Введение золотого обращения, винная монополия,

интенсивное строительство железных дорог, меры, способствующие развитию капитализма в России, – все его реформы, все это ведь якобы из «Протоколов сионских мудрецов»

РАЧКОВСКИЙ:

Да, Государь, я понимаю. Никакого упоминания о Сионских протоколах в прокламациях не было и не будет.

НИКОЛАЙ:

Избегайте призывов к погромам вообще. К тому же, я отправляю Коковцева во Францию – он должен добиться для нас крупного займа. Погромы могут сорвать его миссию... Хорошо, господа. Продолжим теперь о зарубежном финансировании бунтовщиков. Японцы прекратили. Кто теперь?

СПРАВКА: см. В.С. Брачев. Богатыри русского политического сыска. Петр Иванович Рачковский

НАТ. РАБОЧИЕ ОКРАИНЫ ПЕТЕРБУРГА, ЗАТЕМ – ДАЧА ГАПОНА В ТЕРИОКАХ.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Именно в это время по Петербургу стали распространяться слухи, что бывший священник Гапон является тайным агентом охранки и расстрел 9 января был им устроен по сговору с высшими чинами правительства. Сначала робко, а потом открыто стали писать об этом газеты. Гапон возмущался провокационными сообщениями, но не знал,

что предпринять в ответ. У него не было своей газеты, а большинство влиятельных газет принадлежали его злейшим врагам, эсерам.

Поднятая вокруг шумиха окончательно подорвала его здоровье. Жена тайно увезла Гапона в Финляндию, где сняла в Териоках комнату на даче хозяйки Пяткинен. Она не оставляла его ни на минуту одного. Эсеры все-таки выследили его местонахождение... Если в то время невозможно было опровергнуть или подтвердить со стопроцентной уверенностью сговор правительства с Гапоном, то позже, особенно в советское время, это сделать было можно и нужно. Документы тех лет, в том числе совершенно секретные правительства и охранного управления, Департамента полиции, остались неприкосновенными, и любой историк мог их изучить. Каждый осведомитель царской охранки имел псевдоним, все его секретные доносы заносились в «Личное дело» агента. Даже не зная имени такого агента, по доносам можно было вычислить его личность. Но такого дела нет. К тому же существовал закон, по которому священники не могли быть тайными осведомителями. Вероятно, Гапон все же не был агентом охранки. Последние месяцы жизни Гапона и последовавшие за его смертью события полны тайн, которые не раскрыты до сих пор. У Гапона были какие-то весьма важные документы, которым он сам придавал исключительное значение. 28 марта 1906 года он был убит эсерами на даче в Озерках.

СЦЕНА 3\6. 1906 год, 27 апреля. Открытие Государственной Думы.

Действующие лица: НИКОЛАЙ, АЛЕКСАНДРА, их дети (Ольга (1895 г.р.), Татьяна (1897 г.р.), Мария (1899 г.р.), Анастасия (1901 г.р.), Алексей (1904 г.р.)), а также:

- Мария Федоровна – вдова Александра III (вдовствующая императрица, 1847 г.р.), мать Николая II;
- вся Царская фамилия (великие князья и др.), свита;
- члены Государственного Совета, члены Государственной Думы первого созыва.

Место и время действия:

27 апреля 1906 года. Петергоф, Финский залив, Нева, Санкт-Петербург.

НАТ. ПРИЧАЛ В ПЕТЕРГОФЕ, ИМПЕРАТОРСКАЯ ЯХТА, ФИНСКИЙ ЗАЛИВ, НЕВА, ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ И ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ. 27 АПРЕЛЯ 1906 ГОДА.

На экране – посадка в императорскую яхту «Петергоф» на причале в Петергофе (Николай и Александра, Мария Федоровна, свитские). Яхта идет по заливу в столицу. Все – на палубе. От Петергофа яхта идет в устье Невы, к Петропавловской крепости и затем к Зимнему дворцу. Ясное, теплое

весеннее утро 27 апреля 1906 года. На заливе – почти полный штиль.

АЛЕКСАНДРА:

Ники, Ники, мы ведь всю зиму провели здесь – как в осаде!.. Под защитой Дмитрия Федоровича... Хорошо, что ты назначил его Дворцовым комендантом. Он – верный, сильный и добрый.

НИКОЛАЙ

(с наслаждением смотрит на водный простор, вдыхает полной грудью):

Да, как в осаде были... Сколько всего случилось за эти тяжёлые месяцы!

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Ники, Аликс! Я тоже счастлива быть здесь с вами – тем более, в такой торжественный для всей России день. Быть может, великий день...

АЛЕКСАНДРА:

Дай Бог, Мама. Но я с трудом могу поверить в то, что эта Дума будет благом для России.

НИКОЛАЙ:

Как бы то ни было, сегодня – знаменательный день. Конечно. Аликс, Мама, смотрите – вон там уже виден шпиль Петра и Павла, и купол Исаакия!

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Ники, все же, милый, – прости, что отвлекаю тебя, но

потом некогда будет спросить: не слишком ли суров ты был с Сергеем Юльевичем? Ты ведь мог уволить его хотя бы после открытия Думы – три дня не дождался, не позволил увидеть ему свою мечту в прежнем качестве Председателя Света министров.

НИКОЛАЙ:

Мечту? Да, Витте – именно мечтатель оказался, по большому счету! Как финансист и дипломат он хорош, но как политик, как ответственный лидер... Мечтатель и размазня! Мама, я Вам скажу то же, что ему сказал, когда он в декабре мне пытался доказать, что в лице народного представительства государь и правительство найдут опору и помощь.

АЛЕКСАНДРА:

Ты не рассказывал это и мне, Ники. Что ты сказал ему тогда?

НИКОЛАЙ:

Не рассказывал, потому что он был в должности. Теперь скажу, повторю вам те же слова о Думе:

Я отлично понимаю, что создаю себе не помощника, а врага, но утешаю себя мыслью, что мне удастся воспитать государственную силу, которая окажется полезной для того, чтобы в будущем обеспечить России путь спокойного развития, без резкого нарушения тех устоев, на которых она жила столько времени... Мама, прошу Вас, не заставляйте меня сейчас вспоминать неприятные дни прошлых

месяцев. Витте... пока я жив, не поручу я этому человеку самого маленького дела. Довольно с меня опыта этой зимы – на его совести много напрасно пролитой крови. Колебался, где нужно было быть решительным. Был упрям, когда надо было менять решения. Нет, хватит!

СПРАВКА: Николай Второй о Витте: см. С.С. Ольденбург. Царствование императора Николая Второго. (изд-во «Феникс», Ростов-на-Дону, 1998 – стр.283, 285).

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

В Америке он стал бы президентом, Ники...

АЛЕКСАНДРА:

Да, пусть туда и едет... а вот, вот уже Нева, мосты! (бросается обнимать Николая, целует его).

На экране – императорская яхта подходит к Петропавловской крепости. Николай, Александра и Мария Федоровна сходят на берег, проходят в крепость, в усыпальницу династии Романовых. Молятся у гробницы Александра Третьего. Потом Мария Федоровна и Александра отходят от Николая, он остается у гробницы один. Продолжает молиться один. Затем они возвращаются на яхту и пересекают Неву, высаживаются у Зимнего дворца. Охрана сдерживает восторженные толпы.

ИНТ. ГЕОРГИЕВСКИЙ ЗАЛ ЗИМНЕГО ДВОРЦА.

Час и три четверти пополудни (см. Дневник Николая). Выступление Николая Второго перед членами Государственного Совета и Государственной Думы.

Подробное описание – см. С.С. Ольденбург. Царствование императора Николая Второго. – стр.287-288. Если есть документальные кадры – использовать их.

На экране – Георгиевский зал. Трон с красным и золотым балдахином, на нем – императорская горностаевая порфира. Вдоль белых с позолотой стен: справа – члены Госсовета в расшитых золотом и усеянных орденами придворных, и военных мундирах; слева – члены Гос. Думы, в сюртуках и в крестьянских одеждах. Высочайший выход начинается с отдаленных звуков национального гимна («Боже! Царя храни!»). В зал входят скороходы в старинных одеяниях; за ними высшие сановники несут государственные регалии, в том числе привезенные из Москвы: государственное знамя, государственный меч, скипетр, державу и бриллиантами сверкающую царскую корону. Затем идут Государь в мундире Преображенского полка; Александра и Мария Федоровна в белых сарафанах и жемчужных кокошниках; великие князья и княгини, придворные чины. Шествие замыкают фрейлины в русских платьях и военная свита Государя.

После молебствия Николай подходит к трону, неторопливо поднимается на ступени, поворачивается лицом к присутствующим и торжественно, подчеркивая медлительностью движений значение совершающегося, восседает на трон. С

полминуты он сидит неподвижно в молчании, слегка облокотившись на левую ручку трона. Обводит взглядом зал, не поворачивая головы. Зал замер в ожидании.

Министр двора (Фредерикс) подает Государю лист бумаги. Государь, облаченный в горностаевую порфиру, поднимается, говорит (спокойно, размеренно):

НИКОЛАЙ:

Всевышним Промыслом врученное Мне попечение о благе отечества побудило Меня призвать к содействию в законодательной работе выборных от народа. С пламенной верой в светлое будущее России Я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых Я повелел возлюбленным моим подданным выбрать от себя. Трудная и сложная работа предстоит вам. Верю, что любовь к Родине и горячее желание послужить ей воодушевят и сплотят вас. Я же буду охранять непоколебимые постановления, мною дарованные, с твердой уверенностью, что вы отдадите все свои силы на самоотверженное служение отечеству на выяснение нужд столь близкого Моему сердцу крестьянства, просвещения народа и развития его благосостояния, памятуя, что для духовного величия и благоденствия государства необходима не одна свобода, – необходим порядок на основе права. Приступите с благоговением к работе, на которую Я вас призвал, и оправдайте достойно доверие Царя и народа. Бог в помощь Мне и вам.

В зале звучит неоднократное «ура» – мощное со стороны членов Гос. Совета (справа), менее слаженное – со стороны членов Гос. Думы.

НАТ. НАБЕРЕЖНЫЕ НЕВЫ И МОСТЫ, ПАРОХОД С ДЕПУТИТАМИ ДУМЫ.

На экране – набережные Невы и мосты. Толпы восторженных горожан на набережных и мостах. Интеллигенция и рабочие. По мере продвижения камеры от Дворцовой набережной к Литейному мосту толпы становятся все более из рабочих. Напротив Крестов – слышны крики «Амнистия! Амнистия!». Пароход с депутатами проплывает мимо Крестов – видно, что из всех зарешеченных окон тюрьмы высовываются руки арестантов, машущие платками, полотенцами, наволочками. Камера приближается к одному из окон Крестов. В окне, сквозь решетку видно лицо Керенского (от был арестован за издание журнала «Буревестник» 21 декабря 1905 года»). Он также машет платком, кричит: «Да здравствует амнистия!».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Александр Федорович Керенский был арестован 21 декабря 1905 года после обыска на его квартире, где были обнаружены листовки «Организации вооруженного восстания» и за издание антиправительственного журнала «Буревест-

ник»; после амнистии был сослан в Ташкент. В августе 1906 года вернулся в Санкт-Петербург.

СПРАВКА:

1. Этот эпизод описан в воспоминаниях А.Ф. Керенского «Россия на историческом повороте», (изд-во «Терра», Москва, 1996 – стр. 63)

2. Из Дневников Николая Второго за 1906 год:
27-го апреля. Четверг.

Знаменательный день приема Госсовета и Гос. Думы и начала официального существования последней. Мама приехала в 8 час. из Гатчины и отправилась с нами морем в Петербург. Погода была летняя и штиль. На «Петергофе» пошли к крепости и оттуда на нем же к Зимнему. Завтракали в 11 1/2. В час и 3/4 начался выход в Георгиевскую залу. После молебна я (сказал) прочел приветственное слово. Госсовет стоял справа, а Дума слева от престола. Вернулись тем же порядком в Малахитовую. В 3 часа сели на паровой катер и, перейдя на «Александрию», пошли обратно. Приехали домой в 4 1/2. Занимался долго, но с облегченным сердцем, после благополучного окончания бывшего торжества. Вечером покатались.

СЦЕНА 4\6. 1906 год, 12-14 августа. Покушение на Столыпина. Убийство генерала Мина. Террористы в Петергофе.

ЭПИЗОД 1. ПОКУШЕНИЕ НА СТОЛЫПИНА.

Действующие лица:

- Столыпин – Петр Аркадьевич Столыпин (1862-1911), председатель Совета министров;
- его жена (Ольга Борисовна, 1865 г.р.) и дети (пять дочерей: Маша (Матя) 1885 г.р., Наталья 1891 г.р., Елена 1892 г.р., Ольга 1895 г.р., Александра (Ара) 1897 г.р., и сын 1903 г.р.);
- посетители, служащие (более 100 человек);
- террористы (двое, одетые в жандармскую форму);

Место и время действия:

Санкт-Петербург, 12 августа 1906 года.

НАТ. КАЗЕНАЯ ДАЧА СТОЛЫПИНА НА АПТЕКАРСКОМ ОСТРОВЕ. ИНТ. КАБИНЕТ СТОЛЫПИНА, ПРИЕМНАЯ. 12 АВГУСТА 1906 ГОДА, ОКОЛО 2 ЧАСОВ ПОПОЛУДНИ.

На экране – дача Столыпина на Аптекарском острове. Он работает в кабинете не втором этаже. Внизу, в приемной – десятки посетителей. Генерал (А.Н. Замятин) ведет запись на прием. К даче подъезжает экипаж (ландо), из которого выходят двое в жандармской форме, с портфелями в руках. Говорят швейцару при входе: «Посторонись-ка, братец, срочное донесение его высокопревосходительству!». Замятин смотрит на них – замечает, что обувь их не соответствует жандармской форме. Выскакивает из-за стола, быстро идет

им навстречу. Бомбисты переглядываются, пытаются пройти мимо Замятина. Он преграждает им путь. Бомбисты, отталкивая его, бросают портфели к дверям следующей комнаты и, развернувшись, пытаются убежать. В этот момент гремит страшный взрыв. Обрушивается стена дома с балконом, на котором в тот момент были 14-ти летняя дочь Столыпина Наталья, трехлетний сын с няней. Грохот, крики. Стоны раненных, груды камней, обломков. Столыпин в своем кабинете, поколебленном силой взрыва, в дыму, бросается по полуразрушенной лестнице вниз, в детскую. Там уже жена выводит детей через пролом в стене во двор (противоположный приемной).

СТОЛЫПИН:

Наташа, Наточка, где ты?

ОЛЬГА БОРИСОВНА:

Петя! Не видно ее! Все дети тут, со мной. И мальши вроде цел, сам прибежал. Ната на балконе была. Не пройти туда, Петя, все завалено! (Плачет. Вместо коридора – груды камней.)

Столыпин бросается в дым, в груды камней, кричит, зовет дочь. С потолка падают балки. Находит раненную дочь среди обломков. Берет ее на руки (она без сознания). Выносит ее через груды обломков во двор. Кругом крики, стоны, трупы.

СТОЛЫПИН

(подбегающим жандармам):

Сначала, срочно, врачей зовите, и вытаскивайте раненных. Господи! Да сколько ж тут покалечено! Наталья, Наточка!

ЭПИЗОД 2. УБИЙСТВО ГЕНЕРАЛА МИНА.

Действующие лица:

- Мин – Георгий Александрович Мин (1855-1906), командир лейб-гвардии Семеновского полка, флигель-адъютант;
- Екатерина – княжна Екатерина Сергеевна (урожденная Волконская), его жена;
- Натали – их дочь, красивая молодая девушка, незадолго до этого дня назначенная фрейлиной императрицы;
- Коноплянникова – Зинаида Васильевна Коноплянникова, эсерка, убийца Мина; небольшого роста, одетая по-дачному молодая черноволосая женщина с крупными чертами лица и выдающимися скулами;
- люди на платформе вокзала, носильщик (всего более 50 человек);

Место и время действия:

Новый Петергоф, 13 августа 1906 года.

НАТ. ЖУД ПЛАТФОРМА ВОКЗАЛА В НОВОМ ПЕТЕР-ГОФЕ. 13 АВГУСТА 1905 ГОДА.

На экране – платформа вокзала, люди на платформе (в основном дачники), в ожидании поезда. Тихий и теплый вечер. Сидят на скамейках, прогуливаются. На одной из скамеек – генерал Мин с женой и дочерью. Недалеко от них стоит, облокотившись на перила, носильщик.

НАТАЛИ

(тихо рассказывает маме):

Сегодня познакомилась с Наследником, с маленьким Алексеем. За завтраком было человек пятнадцать, и он пришел с Его величеством, с Николаем Александровичем. Мальши... Какая прелесть, мама! Он такой милый! Ползал под столом. А мне туфелька жала, я ее сняла. А он... он ее взял под столом, и – смотрю – вылезает из-под стола с моей туфелькой, и Государю ее показывает! А он ему что-то строго сказал, и мальши опять под стол полез. Потом я ее одела, а там что-то липкое – я взвизгнула от неожиданности! А он, оказывается, успел в нее земляничку подложить!

ЕКАТЕРИНА

(грустно улыбается):

И что Государь?

НАТАЛИ:

Он его шлепнул и вывел из залы. Мне так стыдно было. И смешно.

ЕКАТЕРИНА:

Натали, потом подробнее расскажешь. Не надо здесь, на

платформе.

НАТАЛИ:

Я знаю, но очень уж хотелось тебе рассказать.

СПРАВКА: Алексей под столом снимает туфельку – см. Р. Мэсси. Николай и Александра. – М., изд. «Захаров», стр.163

МИН:

Доченька, не надо сегодня о смешном. Вчера на даче Петра Аркадьевича тридцать убитых, под сотню раненных.

ЕКАТЕРИНА:

Зря ты отказался от охраны.

МИН:

Милая Катя, я и не в таких передрыгах бывал. Унизительно для гвардейца прятаться за чьи-то спины.

В это время какая-то небольшого роста, одетая по-дачному молодая черноволосая женщина с крупными чертами лица и выдающимися скулами несколько раз проходит мимо скамейки, где сидит семья. Вскидывая пенсне, она высокомерно оглядела сидевших. Однако Георгий Александрович даже не удостоил ее взглядом, продолжает беседовать с супругой. Перейдя на другую сторону перрона, неизвестная дама затем незаметно подошла к сидевшим сзади, делая вид, что смотрит на железнодорожный путь. В 8 часов 7 минут показался поезд, в котором должен был ехать Мин. Раздался первый звонок. Неожиданно приблизившись к Геор-

гию Александровичу на расстояние вытянутой руки, молодая особа, выхватив из кармана револьвер, принялась расстреливать генерала в спину. Две пули попали в область живота, три – в область сердца. Генерал, захрипев, медленно падает. Находившийся ближе всех к месту преступления носильщик закричал: "Что вы сделали, барышня?!" Мерзавка бросилась бежать. Первой пришла в себя Екатерина Сергеевна, догнала преступницу, схватила ее за руку. Подоспевшие ротмистр Скалон и жандарм Свиридов отобрали у стрелявшей револьвер. Преступница оставалась совершенно спокойной.

КОНОПЛЯННИКОВА

(с улыбкой):

У меня еще и бомба в кармане.

На вокзале – паника, перрон мгновенно пустеет. А генерал Г.А. Мин лежит, обливаясь кровью. Над ним безутешно рыдают жена и дочь. Бомбу обезвреживают. Убийца по-прежнему сохраняла полное самообладание и лишь при виде кандалов вдруг вся задрожала. Но, быстро совладав с собою, она с легкой улыбкой протянула руки...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Генерала, еще дышавшего, перенесли в железнодорожный приемный покой. Вызванный врач констатировал, что ме-

дицинская помощь уже бесполезна. У раненого были прострелены печень, легкие, желудок и позвоночный столб. Через пять минут, не приходя в сознание, генерал-майор свиты Его Императорского Величества Георгий Александрович Мин скончался.

ЭПИЗОД 3. ТЕРРОРИСТЫ В ПЕТЕРГОФЕ.

Действующие лица:

- Николай – Николай Александрович Романов, император;
- Александра – Александра Федоровна, жена Николая, императрица;
- Трепов – Трепов Дмитрий Федорович (1855-1906), с 26 октября 1905 г. – дворцовый комендант (начальник охраны Его Императорского Величества);

Место и время действия:

Петергоф, 14 августа 1906 года.

ИНТ. КАБИНЕТ НИКОЛАЯ В ЛЕТНЕМ ДВОРЦЕ В ПЕТЕРГОФЕ. 14 АВГУСТА 1906 ГОДА.

На экране – кабинет Николая. За окном – ветреное, пасмурное раннее утро. Николай мрачен. Входит Трепов, у него осунувшийся, больной вид.

НИКОЛАЙ:

Докладывайте, Дмитрий Федорович. Как же не уберегли мы Георгия Александровича?

ТРЕПОВ:

Ваше величество, в последние две недели Георгий Александрович получил два анонимных письма с предупреждением о готовящемся на него покушении. Он сообщил об этом в Охранное отделение. Там настойчиво предлагали приставить к нему охрану. Очень настойчиво предлагали, и не один раз. Он категорически отказался: «Унизительно для гвардейского офицера прятаться за чужие спины». Мне сообщили также, что в июле и августе, наблюдая за работами по сооружению часовни для нижних чинов полка, погибших в ходе подавления декабрьского мятежа в Москве, генерал несколько раз говорил, с грустной улыбкой: «А здесь похороните меня, когда они меня убьют». Похоже, он знал, что смерти ему не избежать.

НИКОЛАЙ

(помолчав):

Что установлено по делу об убийстве?

ТРЕПОВ:

На сей час установлено следующее. Еще в начале июля в деревне Луизино на даче N 39, принадлежавшей Петру Мозелайну и находившейся неподалеку от дачи Асмуса, где жил генерал Мин с семьей, поселился некто Василий Иванович Иванов – как говорят опрошенные свидетели, живой и веселый старичок, большой балагур и любитель анекдотов.

Охранка по описаниям установила, что этот старичок – он же Страхов, он же Терешкин – бывший уголовник, член боевой организации анархистов. У него руки по локоть в крови. 30 июля в деревню Луизино приехала Коноплянникова с документами на имя учительницы Софьи Ивановны Ларионовой, 27 лет, и сняла комнату. Столовалась она у хозяйки Василия Ивановича, а затем выходила читать на крыльцо дома, откуда отлично было видно дачу Мина, и можно было наблюдать, не будучи замеченной, как генерал гулял по саду, и кто к нему приходил. В день убийства Коноплянникова пришла к Василию Ивановичу довольно рано. Они пообедали, затем, запершись, долго беседовали. Вечером того же дня Василий Иванович пошел гулять и больше на дачу не вернулся. Коноплянникова молчит, но из других, агентурных источников мы установили, что бомбистов в Петергофе – несколько человек, и что они имели целью убить не только генерала Мина, но также Великого князя Николая Николаевича, меня... и вас, Ваше величество.

Рассказ Трепова сопровождают черно-белые кадры, иллюстрирующие события.

НИКОЛАЙ:

И что же?

ТРЕПОВ:

Я настоятельно прошу Вас, Ваше величество, не поки-

дать в ближайшие дни дворец. Конечно, эта просьба относится ко всей Вашей семье. Николая Николаевича мы уже предупредили.

НИКОЛАЙ:

И что же?

ТРЕПОВ:

Он отказался выполнить нашу просьбу.

НИКОЛАЙ:

Вы думаете, я соглашусь?

ТРЕПОВ:

Мой долг – просить вас об этом. Хотя бы сегодня и завтра – не выходите из дворца!

НИКОЛАЙ

(спокойно):

Я вас прошу, Дмитрий Федорович, впредь никогда ко мне с такими просьбами не обращаться! Я вас прошу обеспечить безопасность мою и моей семьи без подобных унижительных для нас просьб! Сегодня же вечером я с Ее величеством выезжаю на панихиду в Луцино, на дачу семейства Мин. Завтра мы будем присутствовать там же на выносе тела. Позаботьтесь об обеспечении нашей безопасности другими способами. Без ограничений свободы нашего передвижения... по Петергофу и окрестностям.

ТРЕПОВ:

Так точно! Будет исполнено, Ваше величество. Разрешите идти?

НИКОЛАЙ:

Идите, Дмитрий Федорович... Вы плохо выглядите. Вам бы в отпуск надо. Не сомневайтесь в моем полном доверии и в лучших чувствах к вам лично. Вечером доложите мне еще раз о ходе расследования. В сентябре – идите в отпуск.

ИНТ. ДЕТСКАЯ КОМНАТА ВО ДВОРЦЕ, ЗАТЕМ ВХОД ВО ДВОРЕЦ, ЗАТЕМ СПАЛЬНЯ ИМПЕРАТРИЦЫ.

Трепов уходит. Николай идет в детскую. Там дочери убирают свои кроватки. Николай выводит их на крыльцо. Они ежатся. Он обливает их холодной водой. Визг, смех. Бегут во дворец, обтираясь полотенцами. Николай идет в спальню императрицы. Она почти одета.

АЛЕКСАНДРА:

Я была у Алексея. Он хочет еще немного поспать. Не будем будить?

НИКОЛАЙ:

Будем, чуть позже. И обливать водичкой холодной тоже будем.

АЛЕКСАНДРА:

Ники, ты плохо выглядишь. Бедный Мин. Бедные Катя и Натали! Это ужасно.

НИКОЛАЙ:

Я плохо спал. Бедный Мин. Сегодня вечером едем на панихиду.

АЛЕКСАНДРА:

Аня сегодня уже успела сообщить мне, что по дачным поселкам ходят слухи: бомбисты хотят убить тебя.

НИКОЛАЙ:

Я уже принял сегодня Трепова с докладом. Он обеспечит нашу безопасность. К тому же, – помнишь предсказания Авеля, и Святого Серафима, – до 1917 года нам нечего бояться!

АЛЕКСАНДРА:

Помню, мой единственный, мой милый. Но – Боже! – когда же закончится этот кошмар!

НИКОЛАЙ:

Скоро, скоро. В конце августа мы пойдем на «Штандарте» в ихеры. Там и отдохнем.

ИНТ. КАБИНЕТ НИКОЛАЯ В ЛЕТНЕМ ДВОРЦЕ В ПЕТЕРГОФЕ. 26 АВГУСТА 1906 ГОДА.

На экране – Николай в своем кабинете. Просматривает телеграммы. Возмущенно читает одну из них. Берет телефонную трубку, просит вызвать Мосолова.

НИКОЛАЙ:

Александр Александрович! Сегодня с утренней почтой мне доставили телеграмму, подписанную представителями так называемой «прогрессивной общественности» и либеральных деловых кругов – фамилии называть не буду, не

в них дело – с просьбой о помиловании Зинаиды Коноплянниковой. Да, той самой, убийцы генерала Мина. Так вот, я вас прошу сегодня сообщить командующим войсками, в распоряжение которых в военно-полевые суды первоначально поступают подобные прошения, что я высочайше повелеть соизволил, чтобы они озаботились, чтобы мне никакие телеграммы о помиловании не представлялись! Военно-полевые суды будут работать по закону. Никаких помилований! Хватит! Да, Петр Аркадьевич знает уже. И он того же мнения и полностью с моею волей согласен.

СЦЕНА 5\6. 1906 год, 31 августа – 9 сентября. Яхта «Штандарт».

Действующие лица: НИКОЛАЙ, АЛЕКСАНДРА, их дети, а также:

Орлов – Александр Афиногенович Орлов (1862?-1908), генерал-майор свиты, высокий статный красавец-улан с ранней проседью и обаятельной светской улыбкой, лихой кавалерист, неизменно отличавшийся на маневрах и царскосельских скачках; в 1905 году стал известен всей России жестоким усмирением бунтов в Латвии; «рыцарь», искренне и беззаветно влюбленный в императрицу еще с конца 1880-х годов, со времени первого приезда Аликс в Россию; до знакомства с ней – кутила и кокаинист, после знакомства и ранней смерти жены бросил все гусарские замашки и стал поклон-

ником Александры Феодоровны, получил назначение в полк, шефом которого была императрица; умный мистик с красивыми, никогда не смеющимися глазами;

Аня – Танеева (позднее – Вырубова) Анна Александровна (1884-1964), фрейлина и ближайшая подруга императрицы; находилась также в очень дружеских отношениях с Орловым;

офицеры «Штандарта»;

Ган – А.К. Ганн-Ягельский, личный фотограф и кинохроникер Царской семьи (с 1890 года);

Чагин – Иван Иванович Чагин (? -1912), капитан 1-го ранга, командир «Штандарта»

НАТ. ФИНСКИЙ БЛИЗ КОНШТАДТА, ЯХТА «ШТАНДАРТ». 31 АВГУСТА 1906 ГОДА.

На экране – панорама Финского залива близ Кронштадта, яхта «Штандарт» (4.5 тысячи тонн водоизмещения), ее сопровождают минные крейсера «Украина и «Финн», несколько миноносцев и торпедные катера. На палубе «Штандарта» – вся Царская семья и свита, здесь же офицеры яхты. Ганн с фотоаппаратом, снимает. Дети в восторге бегают и играют на палубе, с офицерами. Николай и Александра, похоже, счастливы.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Каждый год в конце августа – начале сентябре Царская семья на две-три недели покидала столицу для морского пу-

тешества по шхерам и островам южной Финляндии. Они очень любили это время. Конечно, царь не прекращал руководить страной – ежедневно к борту императорской яхты швартовался фельдъегерский катер из Санкт-Петербурга; время от времени на борт яхты прибывали министры для докладов.

АЛЕКСАНДРА:

Ники, милый, я впервые за год чувствую себя спокойной и счастливой! Еще две недели назад... Этот кошмар. Сначала со Столыпиным, его бедная семья! На следующий день – это ужасное убийство добрейшего Мина! Злодеи все же отомстили ему за Москву! ... И вот – этот простор! Этот свежий морской ветер!

НИКОЛАЙ

(вдыхает полной грудью): Да, дорогая! Боже мой! Сколько всего произошло за год!

Дети подбегают к Николаю и Александре, пытаются вовлечь их в свои игры. После короткой беготни они вновь отходят от детей вдвоем, продолжают разговор:

НИКОЛАЙ:

Аликс, помнишь, три дня тому я предложил Петру Аркадьевичу переехать в Зимний дворец. Вчера они переехали. Там он сможет спокойно продолжать свою работу.

АЛЕКСАНДРА:

Как чувствуют себя его дочь и маленький сын? Они еще в больнице после того ужасного взрыва на Аптекарском?

НИКОЛАЙ:

Да, они еще в больнице. Дочь, похоже, останется калеккой. Чудо, что они вообще не погибли. Но Петр Аркадьевич – вот он настоящее чудо! Наконец-то у меня есть человек, на которого я могу полностью положиться!

АЛЕКСАНДРА:

Я читала газеты от 25 августа, – его программа реформ и закон о военно-полевых судах. Революции – беспощадный отпор, стране – реформы.

НИКОЛАЙ

(улыбается):

Милая моя умница! Ты понимаешь больше, чем иные мои прежние министры! Забияка!

АЛЕКСАНДРА:

Я тоже восхищена Столыпиным. Я читаю все, что пишут о нем.

НИКОЛАЙ:

Это первый человек в России, который смог разорвать заколдованный круг. До него всякие реформы вызывали ослабление власти, а всякие суровые меры знаменовались отказом от преобразований. Он смог совместить и беспощадный отпор смуте, и необходимые преобразования. Я спокоен за Россию сейчас.

АЛЕКСАНДРА:

Будем наслаждаться отдыхом, милый Ники! Ты заслужил эти спокойные счастливые дни! (зовет детей): ОТ-МАА, милые мои Ольга и Татьяна, и Машенька, и Настя, и Агунюшка, где вы? Мы тоже хотим играть с вами! Скоро вечер, и наша пушка будет салютовать солнышку. Да, Ники?

МАШЕНЬКА:

Папочка, пушка выстрелит в Англию?

НИКОЛАЙ:

Почему в Англию, Машенька?

ОЛЬГА

(перебивая Машу):

Потому что мы вчера на уроке географии от месье Жильяра узнали, что Англия на Западе.

МАШЕНЬКА:

И солнышко на Западе садится.

ОЛЬГА:

И Англия помогала Японии против нас!

МАШЕНЬКА:

А утром пушка выстрелит на Восток, в Японию!

АЛЕКСАНДРА:

Война кончилась, мои милые! Еще в прошлом году!

НИКОЛАЙ:

Пушка стреляет холостым зарядом, как с Петропавловской крепости.

ТАТЬЯНА:

Что значит «холостым»? Он не женат? Снаряд не женат?

Все смеются. Открытое море. Солнце садится. Николай показывает детям на корабельную пушку, которая каждый закат в море сопровождает ежедневно холостым выстрелом. Маленькая Анастасия делает вид, что она очень боится: затыкает пальчиками уши, закрывает глаза, садится на корточки и высовывает язык. Малыш Алексей удивленно смотрит на нее, тарасит глаза. Александра берет его на руки, целует в обе щечки много раз. Николай берет за руки дочерей. Пушка стреляет.

НАТ. ОСТРОВА БЛИЗ ЮЖНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ФИНЛЯНДИИ, ЯХТА «ШТАНДАРТ». 7 СЕНТЯБРЯ 1906 ГОДА.

Острова на южном побережье Финляндии, остров Васика-сари, туманное утро 7 сентября 1906 года (как в начале каждой сцены и каждого эпизода – на экране внизу – дата, «7 сентября 1906 года, острова у южного побережья Финляндии»).

На экране – красивые острова, видимые с борта «Штандарта» сквозь утренний туман. Полный штиль. Николай обливает детей холодной забортной водой и обливается сам. Визг, смех. Александра набрасывает на детей полотенца, растира-

ет их. Николай, Орлов и несколько офицеров яхты садятся в лодки, туда же спускают байдарку Николая, провизию, охотничьи ружья. Лодки отплывают к островам. С борта яхты Александра, Аня и дети машут отплывающим. Николай тоже гребет. Сквозь туман виден торпедный катер, сопровождающий лодки. Туман рассеивается. Остров Васика-сари предстает во всей красе.

Охота на острове, затем костер, офицеры готовят обед. Николай плавает между островами на байдарке. Потом сбрасывает одежду, с криканьем бросается в прохладную осеннюю воду, энергично плавает. Некоторые офицеры и Орлов присоединяются к нему. Выходят на берег, растираются полотенцами, одеваются, присоединяются к остальным офицерам. Обед, мужской смех, разговоры. Возвращаются на «Штандарт» с охотничьими трофеями. Николай несет зайца и тетерева.

Вечер. Над морем – снова туман.

ИНТ. КАЮТА НА ЯХТЕ «ШТАНДАРТ».

На «Штандарте» в уютной каюте Аня и Александра в четыре руки играют на рояле. Николай, Чагин и Орлов задумчиво слушают. По окончании игры все несколько секунд молчат. Затем Орлов аплодирует, остальные присоединяются. Слышны корабельные склянки. Чагин встает, откланивается.

ЧАГИН:

Благодарю вас, милые дамы, за прекрасные минуты. Прошу прощения, я должен отдать необходимые распоряжения. Ваше величество, возвращаемся ли мы завтра в Кронштадт?

НИКОЛАЙ:

На парад Кавалергардов? (вопросительно смотрит на Александру – она просительно качает головой, – нет). Нет, останемся еще на два-три дня. Телеграфируйте Столыпину по радиосвязи: я буду ждать его завтра к вечеру на борту «Штандарта». Ему придется выйти на миноноске завтра утром, Иван Иванович?

ЧАГИН:

«Сибирский стрелок» выйдет из Кронштадта завтра днем. К вечеру Петр Аркадьевич будет здесь.

НИКОЛАЙ:

Хорошо, идите. Впрочем, я с вами, к телеграфу. Прошу прощения, Аликс, Аня. (оба выходят).

АНЯ:

Опять мы втроем, как бывало до 5-го года, в Петергофе. Помните, Орлов?

ОРЛОВ: Конечно помню, Аня.

АЛЕКСАНДРА:

Анни, я помню, мне рассказывали, что отец Иоанн Кронштадтский исцелил вас в детстве? Как это было? Я хочу услышать это еще раз, из ваших уст.

АНЯ:

Да, милая Сана. Девяти лет я тяжело заболела тифом и умирала, врачи ничем не могли помочь. Я уже с трудом говорила. И вот, в бреду мне привиделся отец Иоанн, Кронштадтский – все знали его уже тогда – и я сказала отцу, едва выговаривая слова, чтобы он позвал отца Иоанна. И он пришел в тот же вечер. Я уже лежала в беспомощности. Папа рассказал мне, что Иоанн взял стакан воды, перекрестился, и брызнул мне водой в лицо – и дальше, я сама уже помню – я открыла глаза и увидела его суровое лицо над собой так ясно, как вижу сейчас вас обоих.

АЛЕКСАНДРА:

Он молился с вами вместе после этого?

АНЯ:

Да, после этого он сказал мне молиться вместе с ним, и мы молились, и с каждой минутой болезнь уходила из меня. Потом я крепко заснула. А утром проснулась уже совсем здоровая, хотя еще и слабая.

ОРЛОВ:

Молитва творит чудеса. Когда искренне веришь. «Имейте веру хоть с горчичное зерно...»

АЛЕКСАНДРА:

«И вы горы сдвинете» ... Да, когда все душевные силы напряжены до предела, и ты знаешь, что спасение твое или любимого тобой человека – только в молитве.

ОРЛОВ:

Отец Иоанн столько исцелил! Вы ведь знаете, есть просто удивительные случаи! Аня знает об этих случаях тоже.

АЛЕКСАНДРА: Аня, милая, будьте добры, принесите мне плед из моей каюты... и скажите, чтобы принесли три ликера для нас троих. Впрочем, четыре – Ники скоро вернется.

Аня выходит, Александра и Орлов остаются вдвоем. Орлов провожает взглядом Аню, затем влюбленными глазами смотрит на Александру. Она садится за рояль, подбирает тихую мелодию.

АЛЕКСАНДРА:

Вы знаете, Саша, как я признательна вам за вашу... надежную дружбу.

ОРЛОВ:

Пусть будет... дружба. Вы знаете, что это. Вы знаете... (Александра делает останавливающий жест)

АЛЕКСАНДРА:

Вы знаете, Саша, вы ведь спасли мою душу... 17 лет назад. Помните, я уезжала из Петербурга после первого приезда сюда? Когда родители Николая отказали нам в помолвке? Каменная улыбка царицы-матери... Ведь все знали это, да?

ОРЛОВ:

Да, Александра... Федоровна. Я помню тот перрон и по-

езд, увозящий вас из столицы.

АЛЕКСАНДРА:

Был очень душный вечер. Собиралась гроза. Я была как убитая. Убитая горем разлуки. Я думала, что покидаю Россию навсегда. Что больше никогда не увижусь милого Ники. И вот, через окно купе я увидела ваше лицо... Сначала увидела несколько улан на перроне – с красными околышами, красивая форма... А потом я увидела ваше прекрасное лицо, ваши глаза..., и вы приложили руку к этому красному околышу фуражки. Отдали мне честь. Один в те дни.

ОРЛОВ:

Да. Я смотрел на вас. Я был очарован вами с первого взгляда. Разве вы не помните, что и во все дни до вашего отъезда я оказывал вам знаки внимания в Петергофском парке? Придвигал стул, несколько раз оказывался вблизи вас. Не помните? Наш полк стоял тогда в Петергофе. А в день отъезда я смотрел на вас, не отрываясь, пока поезд не тронулся. Пока я видел вас в окне вагона.

АЛЕКСАНДРА:

До отъезда? Не помню. До отъезда я вас не замечала. Как вы оказались на перроне в тот вечер?

ОРЛОВ:

Случайность. Мы провозжали кого-то из наших офицеров.

АЛЕКСАНДРА:

Случайность? ... Нет... Вы спасли мою душу. Не знаю по-

чему, но увидев вас, сквозь слезы я поклялась себе, что буду ждать Ники... И что увижу вас еще раз в России. Я ведь родилась под знаком Близнецов. Для полного счастья мне нужны два поклонника (улыбается). Впрочем, это шутка, милый Орлов. А вы под каким Зодиаком родились? ... Ах, да, под Скорпионом...

ОРЛОВ:

Да, вы знаете, вы все знаете про меня.

АЛЕКСАНДРА:

А второй раз я увидела вас в день коронации, в Москве. 14 мая... Десять лет назад. Я заметила вас в конном строю уланского полка. Вы так тарачили на меня свои огромные глаза, что... невозможно было не заметить вас.

ОРЛОВ: Я всю жизнь буду помнить вашу улыбку и кивок мне в тот день, в Москве. Вы дали мне надежду...

АЛЕКСАНДРА

(слегка морщится):

Это было нарушение этикета. Я не имела права ни на один жест никому в толпе. Мать Николая сделала мне тотчас замечание, а потом спросила, кому это я кивала головой. Я сказала: знакомому улану. Она объяснила мне, что это грубое нарушение дворцового этикета.

В этот момент в дверь каюты стучит Аня, она принесла плед и поднос с ликером.

АНЯ:

Какой туман над заливом! Как красиво! Вы играете Шопена? Он очень подходит погоде.

ОРЛОВ:

Да, и настроению.

АЛЕКСАНДРА:

Не надо, дорогой Орлов. Я знаю, Скорпионы никогда не сдаются и не теряют надежду. Как вам нравится Аня, Орлов? Нравится?

ОРЛОВ

(улыбается):

Я очарован вами обоими. Всегда очарован.

Встает, берет у Ани поднос, расставляет рюмки, ухаживает за Аней. Входит Николай.

НИКОЛАЙ:

Аликс, идем на палубу. Дети нас просят поиграть с нами. С офицерами наигрались вдоволь, но им все мало (улыбается). Маленькое сокровище – в центре внимания. Всех веселит. Теперь маму требует. После ужина всех приглашаю в кинематографическую каюту к Гану – он перед отплытием получил новый фильм из Америки. С каким-то новым комиком.

СПРАВКА:

Из Дневников Николая Второго, 1906 год:

31-го августа. Четверг.

Погода была чудная, утром стоял туман над морем; к 11 час. он рассеялся. Принимал с 11 до часа. Завтракал Княжевич (деж.) *. В 2 1/2 всей семьей отправились в Кронштадт и переехали на милый «Штандарт». В 4 часа пошли в море в сопровождении двух мин. крейсеров «Украина» и «финн» и трех больших миноносцев.

В 8 час. стали на якорь у Сескаря. Обедали со всеми офицерами. Вечером все гулял по палубе. Ночь была ясная, но ветреная.

6-го сентября. Среда.

Встали как все эти дни на яхте рано, к подъему флага были наверху. В 9 1/2 отправились большой компанией в байдарках и двойках далеко между островами. Завтракали в 11 1/2. Через час снялись с якоря и пошли в Бьорке мимо Рондо. Море было как зеркало. Пришли в 4 1/2 и застали там «Царевну», «Дозорного» и «Разведчика». Закат солнца был чудесный. Читал. Обедали в 7 1/2.

7-го сентября. Четверг.

Ночью начался туман, продолжавшийся целое утро. В 12 час. он рассеялся. Погода сделалась чудная. В 2 часа отправились на «Разведчике» к острову Бьорке, где мы высадились и охотились на тех же местах, что и в прошлом году. Результат – заяц и тетерка. Вернулись на яхту в 6 1/2, при спустившемся снова тумане. В 7 час. была всеобщая. Ре-

шили отказаться от возвращения в Кронштадт и Петергоф для парада Кавалергардов.

СЦЕНА 6\6. 1906 год, 8 сентября. Столыпин.

Действующие лица: НИКОЛАЙ и СТОЛЫПИН.

– Столыпин – Петр Аркадьевич Столыпин (1862-1911), председатель Совета министров;

Место и время действия:

8 сентября 1906 года. Яхта «Штандарт».

НАТ. ОСТРОВА И ШХЕРЫ БЛИЗ ЮЖНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ФИНЛЯНДИИ, ЯХТА «ШТАНДАРТ». 8 СЕНТЯБРЯ 1906 ГОДА.

На экране – борт «Штандарта», Финский залив; миноносный крейсер «Сибирский стрелок» бросает якорь недалеко от яхты. С него спускают вельбот: Столыпин в сопровождении четырех офицеров и матросов спускается в вельбот. Плывут к яхте, поднимаются на борт. Флаг-капитан Чагин, Николай и Александра, морской министр (Бирилев) и офицеры яхты приветствуют его. После приветствий Николай и Столыпин проходят в каюту императора.

ИНТ. КАЮТА ИМПЕРАТОРА.

НИКОЛАЙ:

Во-первых, дорогой Петр Аркадьевич, как вы устроились

в Зимнем?

СТОЛЫПИН:

Спасибо, Ваше величество. Устроились отлично. И для семьи, и для работы – все самые лучшие условия. Семья теперь успокаивается – до переезда жена и дочь очень боялись новых покушений. Теперь страх прошел. И здоровье дочери немного лучше. Хотя... все еще очень тяжелое. Я не стал говорить это сейчас Ее величеству, чтобы не огорчать ее.

НИКОЛАЙ:

Вы ведь сами вынесли дочь из развалин дачи, из-под обломков?

СТОЛЫПИН:

Не будем вспоминать это сейчас, Государь. Это было ужасно.

НИКОЛАЙ:

Я намеренно вызвал вас сюда, не дожидаясь наших встреч по возвращении, чтобы вы могли здесь хотя бы пару дней отдохнуть с нами. Сможете? Я и Александра будем очень рады, если вы останетесь с нами.

СТОЛЫПИН:

Ваше величество, я искренне благодарен вам за приглашение, но, увы, дел в правительстве так много...

НИКОЛАЙ:

Понимаю. Воля ваша, Петр Аркадьевич. Ну, хотя бы этот день проветритесь на море... Прежде чем приступить к делам, скажу вам еще, что, судя по газетам, которые я

здесь ежедневно просматриваю, в том числе и левые, – судя по газетам покушение на вас, тяжелые ранения ваших детей и гибель при этом 33-х людей, находившихся тогда в вашем доме, произвели на общественное мнение впечатление обратное тому, на что рассчитывали бомбисты. Похоже, в обществе произошел перелом настроений против революции. А вы – вы теперь едва ли не национальный герой!

СТОЛЫПИН:

Наши реформы, Государь, направлены на то, чтобы страна жила и процветала без подобного героизма. Разрешите напомнить вам главные направления?

НИКОЛАЙ:

Я помню, Петр Аркадьевич. Разрешите я сам перечислю главное

(перечисляет, загибая пальцы рук):

Первое: улучшение крестьянского землевладения и быта рабочих, в том числе в части государственного страхования;

Второе: реформа местного самоуправления;

Третье: введение подоходного налога;

Четвертое: введение земства в Прибалтийском и Западном крае;

Пятое: земское и городское самоуправление в Царстве Польском;

Шестое: реформа местного суда;

Седьмое: реформа средней и высшей школы;

Восьмое: свобода вероисповеданий, неприкосновенность личности и гражданское равноправие;

Девятое: объединение полиции и жандармерии и издание нового закона об исключительном положении;

Десятое: ускорение подготовки Церковного собора и восстановление Патриаршества...

Ну вот, на еврейский вопрос и пальцев рук не хватило (улыбается): значит, одиннадцатое – рассмотрение возможности отмены тех ограничений для евреев, которые являются отжившими и вселяют в евреев особое раздражение. Все же, на этот счет мы с вами еще отдельно переговорим. У меня есть сомнения – не преждевременны ли эти меры?

Ничего не забыл?

СТОЛЬПИН:

Ничего не забыли. Все так. Что касается евреев... Вы знаете, что с 1905 года в обществе имеют хождение так называемые «Протоколы сионских мудрецов»

НИКОЛАЙ:

Знаю, читал. Сергей Александрович Нилюс меня с этим удивительным документом познакомил год назад. А в этом году еще и московский губернатор Джунковский прислал экземпляр – он верит в истинность этого документа. Очень похоже на правду, но я пока не дал разрешения использовать эти «Протоколы» ни «Союзу русского народа», ни МВД. К тому же Ее величество, моя дорогая супруга, время от вре-

мени упрекает меня в слишком предвзятом отношении к евреям (улыбается).

СТОЛЬПИН:

Ваше величество, хорошо, что Вы не дали разрешения на использование этих «Протоколов». Еще в январе сего года Лопухин обратился ко мне с просьбой провести детальное расследование происхождения этих «Протоколов». Потом крайне правые депутаты Думы – Шмаков и Марков второй – обращались в МВД с просьбой использовать ссылки на «Протоколы» в газетах черносотенного толка.

НИКОЛАЙ:

И что же? Кому вы поручили провести это расследование?

СТОЛЬПИН:

В феврале я поручил произвести секретное расследование об их происхождении двум очень опытным в части политического сыска жандармским офицерам – Мартынову и Васильеву. Я им полностью доверяю. К тому же, они настоящие патриоты России и не раз доказывали это на деле, в самых сложных обстоятельствах, в том числе за границей.

НИКОЛАЙ:

Алексей Тихонович Васильев из петербургского охранного отделения? Да... Помню. Не сомневаюсь в их честности и профессионализме. И что же?

СТОЛЬПИН:

Неделю назад они представили мне подробный отчет. До-

знание установило совершенно точно подложность «Протоколов сионских мудрецов». Передать отчет Вам, ваше величество?

НИКОЛАЙ

(с некоторой растерянностью):

Однако... Да, перешлите мне пожалуйста их отчет. Я почитаю... Чистое дело нельзя защищать грязными способами...

СТОЛЬПИН:

Какое чистое дело?

НИКОЛАЙ:

Очищение России от крамолы, Петр Аркадьевич. Какое же еще?

СТОЛЬПИН:

Да, конечно. Простите, Ваше величество.

СПРАВКА: о «Протоколах сионских мудрецов» см. Бурцев В.Л. "Протоколы сионских мудрецов". Доказанный подлог. Paris, 1938.

См. также публикации проектной группы по правам человека. Сборник статей 1993. Р.Ш. Ганелин, член-корреспондент РАЕН;

Норманн Кон. Благословение на геноцид (Перевод с английского С.С. Бычкова), М., изд. «Прогресс», 1990.

НИКОЛАЙ:

Вот что, Петр Аркадьевич. Пойдемте-ка на палубу, сыграем в Bull – развеемся немного, прежде чем перейти к следующим вопросам.

СТОЛЫПИН:

В городки? С превеликим удовольствием. Надо размяться хоть немного, Вы правы.

НАТ. ПАЛУБА ЯХТЫ «ШТАНДАРТ».

Оба выходят из каюты на палубу, устанавливают городки, играют. Офицеры яхты и дети с интересом следят за игрой, подбадривают игроков. Николай с явным удовольствием одним махом сбивает все фигуры городков Столыпина. Возвращаются в каюту. Продолжают разговор.

ИНТ. ВНОВЬ КАЮТА ИМПЕРАТОРА.

НИКОЛАЙ

(успокоившись):

Теперь о военно-полевых судах. Очень хорошо, что его публикация предварялась длинным перечнем террористических актов последних месяцев.

СТОЛЫПИН:

Более семисот убийств губернаторов, градоначальников, высших чиновников, прокуроров! 768 тер. актов за неполный год!

НИКОЛАЙ:

Закон о военно-полевых судах вводит в качестве временной меры особые суды из офицеров только по тем делам, где

*преступление было очевидным. Не слишком ли мягко? Почти очевидных преступлений, где нужно лишь небольшое до-
следование – в десятки раз больше!*

СТОЛЬПИН:

Государь, поверьте, эти жесткие рамки оправданы. Нельзя подводить под военно-полевые суды дела, требующие даже минимальных следственных действий. Это будет диктатура, государственный террор. Кроме того, мировое сообщество нас осудит.

НИКОЛАЙ:

М-да. Мы ведь на следующий год намечаем созвать новый Гаагский конгресс... Хорошо. Пусть остается как есть.

СТОЛЬПИН:

Военно-полевые суды уже начали действовать. Первые приговоры уже есть. И реакция народа в местах преступлений и исполнения приговоров – удовлетворительная. Люди начали понимать необходимость этих суровых мер. Политический террор скатился в последние месяцы к кровавому бандитизму против лучших чиновников.

НИКОЛАЙ:

Вы не прикидывали, Петр Аркадьевич, сколько можно ожидать смертных приговоров в течение года?

СТОЛЬПИН:

Еще в середине августа, до публикации закона, я поручил судебным экспертам произвести примерные оценки. На днях жду ответ. Но и так ясно – смертных приговоров будет не

больше, чем террористических актов.

НИКОЛАЙ:

Хорошо. Теперь, Петр Аркадьевич, приступим к подробному обсуждению каждого пункта предстоящих реформ. Но сначала... Меня заинтересовали дальние перспективы развития России, которые вы обрисовали в объяснительной записке к программе реформ. Что это за огромнейшая Днепрпетровская гидроэлектростанция, которую вы планируете построить на Днепровских порогах через 15-20 лет? Это в 1921-25 годах?

СТОЛЫПИН:

Электрическая энергия – это будущее России, и всего цивилизованного мира. Мы можем опередить самые развитые европейские державы и Соединенные американские штаты, если начнем разработку подобных колоссальных проектов в ближайшие годы. Кроме того, Государь, я придаю очень важное значение реформе народного образования. Если мы с года этак 1918-го введем всеобщее среднее образование, то к концу двадцатых годов мы будем не только самой мощной во всех отношениях, но и самой цивилизованной, и самой умной страной в мире! Если бы вы знали, Николай Александрович, каких умных помощников удалось мне найти! Вы еще познакомьтесь с ними. Умнейшие русские люди. Инженеры, строители, электрики!

НИКОЛАЙ

(задумчиво):

Да... да... Только бы не было войны...

СТОЛЫПИН:

Что? Новой войны? Бог с вами, Ваше величество! Никаких признаков новых войн на горизонте. Кроме того, ваши инициативы проведения Гаагских конгрессов... Внешняя политика – не моя епархия, но я думаю, что создание нового мирового порядка – по крайней мере без крупных войн между европейскими державами – возможно.

НИКОЛАЙ:

Да... Хорошо. Давайте начнем обсуждение реформ по пунктам. Итак, улучшение крестьянского землевладения.

СТОЛЫПИН:

Это главное в реформах! Необходимо разорвать порочный круг крестьянской общины. Нынешние славянофилы считают общину едва ли не «священной коровой» крестьянской России, а ведь это вовсе не так! Первые славянофилы, сто лет назад, были и более образованны, и более умны. Они еще помнили, что крестьянская община была навязана свободному русскому крестьянину государством только лишь с одной целью – фискальной! Чтобы лучше собирать налоги. Ввели круговую поруку для этого. Но давно уже община тормозит естественное развитие крестьянского хозяйства. Круговая порука и уравниловка – тормозят....

Николай внимательно слушает. Столыпин увлекается рассказом, достает из портфеля книги, справочники, каты гу-

берний, листаает их, показывает Николаю. Камера постепенно отъезжает от них к окну каюты: за окном густой осенний вечерний туман, сквозь который виден розовый шар заходящего солнца. Палуба яхты. Стреляет пушка «Штандарта». Камера показывает малышку Анастасию: она вновь (как в предыдущей сцене) затыкает уши пальчиками, широко открывает глаза, садится на корточки и высовывает язык. Малыш Алексей указывает на нее пальчиком, вопросительно тарачит глаза на маму (Александру).

СПРАВКА:

Из Дневников Николая Второго, 1906 год:

8-го сентября. Пятница.

Утром туман стал мало-помалу рассеиваться и день сделался чудный – 14° в тени! Многие ходили в кителях. В 10 час. была отслужена обедница, за неимением просфор. Завтракали в 11 1/2 ч. В 2 часа пошли на «Дозорном» к любимому Бирилевым острову Васика-сари. Высадились на двойках и обошли весь остров. Он действительно красив по разнообразию пород деревьев. Вернулись на яхту в 6 час. Столыпин прибыл из Петербурга на мин. крейсере «Сибирский стрелок» и имел у меня доклад до обеда. Читал весь вечер.

9-го сентября. Суббота.

Первый серый день, стало прохладнее. Утром все мы катались в трех байдарках и четырех двойках. Объехали далеко кругом «Азии» и «Генерал-Адмирала». Завтракали в

11 1/2. Около 2 час. отправились на остров Равица, где взяли один загон, в котором ничего не оказалось. Стреляли по воронам далеко и даром. Развели громадный костер. Вернулись на яхту в 4 1/4. Пили чай. Ходили ко всенощной. Обедали в 8 ч. Ган показывал наверху кинематограф.

СЦЕНА 76. 1906 год, 13 октября. Петергоф. Распутин и царские дети.

Действующие лица:

– Николай – Николай Александрович Романов, император;

– Александра – Александра Федоровна, императрица;

– их дети – дочери: Ольга (1895 г.р.), Татьяна (1897 г.р.), Мария (1899 г.р.), Анастасия (1901 г.р.), сын Алексей (1904 г.р.);

– Распутин – Григорий Ефимович Распутин (1869 или 1870 г.р.), одет просто, в чистой крестьянской одежде, умный мужик, в глазах – спокойствие и глубина, при разговоре «окает по-сибирски»;

ЭПИЗОД 1. Место и время действия:

13 октября 1906 года. Петергоф.

НАТ. ПЕТЕРГОФСКИЙ ПАРК. 13 ОКТЯБРЯ 1906 ГОДА.

На экране: дорожки петергофского парка, Марли. Ясный прохладный осенний день. Николай и Александра возвращаются с пешей прогулки. Заметно, что Александра идет с некоторым трудом, опираясь на согнутую в локте руку Николая.

НИКОЛАЙ:

Ты устала сильно?

АЛЕКСАНДРА:

Ничего, Ники. Ничего. Замечательная прогулка. Ты знаешь, я не спала ночью – маленький человечек опять в болезни.

НИКОЛАЙ:

Я тоже почти не спал. Но днем ему стало легче.

АЛЕКСАНДРА:

Боткин опять не может помочь. Он делает все возможное. Он с ним сейчас, но я же видела – он растерян! Я боюсь, что этой ночью наш Солнечный лучик опять будет мучиться. Григорий обещал привести целительную икону из Сибири. Он уже в Петергофе?

НИКОЛАЙ:

Аня должна привести его к шести часам. Наверное, он уже во дворце.

ИНТ. ПЕТЕРГОФСКИЙ ДВОРЕЦ.

Подходят к дворцу, входят в двери. Их встречает Аня

– указывает рукой в анфиладу, что-то говорит. Николай и Александра идут в зал, где их ждет Распутин. Аня остается позади. Камера показывает сидящего на стуле Григория. Он любуется на стоящую на столе икону (небольшая икона с изображением святого в металлической рамке – см. Э. Радзинский. Распутин (изд. «Вагриус», М., стр.90)). При виде Николая и Александры встает, низко кланяется им.

АЛЕКСАНДРА:

Здравствуйте, Григорий. Это та самая целительная икона, о которой вы написали нам из Сибири?

РАСПУТИН:

Та самая, Матушка. Святого Симеона Верхотурского. Настоятель мово монастыря, – Верхотурско-Никольского – в коем я многия годы провел, ён и благословил настоятель меня привести ее Вам.

АЛЕКСАНДРА

(садится в кресло):

Расскажите нам об этом святом.

РАСПУТИН:

Триста лет тому родился он, как раз в годы Смуты прежней. Из древнего рода боярского. Ради спасения души в юношах ишо облекся в крестьянскую одежонку и ушел в Сибирь странствовать и людям бедным помогать во всем. В какой деревне кака семья бедовала, он к тем работником поступал за бесплаты – и али по дому, али в поле помогал.

Поможет в одной деревне, в другую деревню идёт. Так всю жизнь и прожил. 34-х годов помер. Незнамо от чего.

НИКОЛАЙ:

Это в каком же году?

РАСПУТИН:

В 1642 годе. А полста лет спустя мощи его обретенны нетленными были – и до сих пор нетленны лежат в Верхотурье. И сотни людей исцелилися у ентной иконы, и сам я многожды тому был свидетелем! При мне люди совсем больные исцелялись! И – главно – видел я исцеления деток малых болящих от этой иконы!

Николай и Александра переглядываются.

АЛЕКСАНДРА:

Отец Григорий, вы писали из Сибири, что хотите наших деток увидеть. Сегодня вы с ними познакомитесь.

РАСПУТИН:

Матушка-Государыня! Это счастье для меня будить! Тока я для вас – не отец Григорий. Это Вы для меня – как Отец и Мать, как Папа и Мама. Такоуж и для меня Вы – Папа и Мама. Дозвольте так Вас звать.

НИКОЛАЙ:

Григорий Ефимович, давайте вместе помолимся этой иконе (берет ее в руки, рассматривает, ставит на место), потом пойдем к детям.

Молятся иконе. Распутин встает на колени, за ним и Александр, и Николай. Идут в детскую.

ИНТ. ДЕТСКАЯ КОМНАТА ВО ДВОРЦЕ.

Там дочери – тихо играют меж собой в какую-то детскую игру. Радостно бросаются к родителям, с любопытством смотрят на Распутина. Видно, что он сразу вызывает их расположение. Распутин ведет себя с детьми просто и естественно.

РАСПУТИН:

Ты – Олюшка, так? Старшенькая. На Папу похожа. Эка нежна да застенчива. Бери с Папы пример. Будь смелее.

ОЛЯ:

А вы кто?

АЛЕКСАНДРА:

Девочки, это Григорий Ефимович, человек Божий. Русский старец – я вам о них, о таких старцах, рассказывала. Вот, такой к вам и пришел.

АНАСТАСИЯ:

Не старец вовсе! Только борода седая. А сам не старец вовсе!

РАСПУТИН:

Эка егоза! Озорница! Любишь, небось, всех передразнивать? Я тебя знаю, милоя!

АНАСТАСИЯ:

Не знаешь, не знаешь, милой!

РАСПУТИН

(смеётся):

А ты откель знаешь, что я всем «милой» говорю?

АНАСТАСИЯ

(передразнивая его):

Откель – а оттель! Ты уже сказал мне: милой. И ты милой!

НИКОЛАЙ:

Настюша, это все же старец, хоть и не стар на вид. Не надо его передразнивать.

РАСПУТИН:

Пущай резвится! В ее годочки токмо и надо, што резвиться. Так, милая?

АНАСТАСИЯ:

А что ты, старец, про них скажешь? (указывает ручкой на Марию и Татьяну). Как их звать?

РАСПУТИН:

Деточка, а вся Расея знает, что это царские дочери – Мария (берет ее за руку) и Татиана (берет ее ручку в другую руку).

АНАСТАСИЯ:

И что? Что ты про них скажешь?

РАСПУТИН:

Татиана – на Маму очень похожа. Одначе, настоящая Царская дочь! Ишь, кака сурьезна да внимательна! Опора

Маменьке, Папе радость. Ты, милоя, такой и будь. Тебе мои советы не нужны. Ты сам с усам!

МАРИЯ

(смеется, изображает усы):

А я не хочу «сам с усам»! Я – кто?

РАСПУТИН:

Ты – румяные щечки – хоша и Царская дочь, а и будь ты деревенской девахой, любой справный мужик за честь бы пошел за тебя сына просватать. А молодые ба парни вокруг тебя хороводы водили. Ишь, пухляшка – красавицей будешь! Тебе взамуж вовремя поспеть надо – и все у тебя в жизни будет лучше всех! Детишек нарожаешь – на радость всем.

АЛЕКСАНДРА:

Григорий Ефимович! Вы уж... Не надо так-то.

МАРИЯ:

Надо, надо! Хочу «взамуж»! Хочу в хоровод!

Девочки берут за руки Распутина, начинают водить хоровод вокруг Маши. Кричат: «Машка-пухляшка! Машка – румяные щечки!» Николай и Александра переглядываются слегка удивленно и радостно. Повозившись, хоровод распадается. Девчонки жмутся к Распутину. Татьяна берет за руку мать, смотрит на нее.

АЛЕКСАНДРА:

Девочки, вы еще увидите отца Григория, обещаю вам. Мы

должны сейчас с ним идти. Прощайтесь с ним пока.

АНАСТАСИЯ:

Деда-старец, возьми моего зайку себе (протягивает ему маленького игрушечного зайца). И плиходи еще к нам. Ты – хороший.

РАСПУТИН:

Спаси тебя Бог, милоя, озорница!

СПРАВКА: *о царских дочерях см. Р. Мэсси. Николай и Александра. – изд. «Захаров», М., стр.155-156*

ИНТ. КОМНАТА АЛЕКСЕЯ ВО ДВОРЦЕ.

Николай, Александра и Распутин идут в следующую комнату – к Алексею. Он лежит в кровати, постанывает. Видно, что ему очень плохо. Боткин и няня рядом с ним. Александра показывает им, что они могут идти. Уходят. Алексей лежит с закрытыми глазами. Похоже, у него уже плакать нет сил.

РАСПУТИН:

Тако я и знал! Как чувствовал!

НИКОЛАЙ:

Что знали? Мы вам ничего не писали о том, что Алексей приболел.

РАСПУТИН:

*Какое приболел! Тут дело сурьезное. Сурьезная эта бо-
лезнь. Ох как сурьезна!*

АЛЕКСАНДРА:

Григорий Ефимович! Это мы и сами знаем. Что делать то?

НИКОЛАЙ

(недоверчиво):

Чем он, по-вашему, болен? Доктора-то все же поболее вашего знают...

Распутин ставит икону в изголовье ребенка на стол, не до-трагиваясь до него, поднимает над его головой руку):

РАСПУТИН:

Многое дохтур знает. А о многом и понятиев не имеет! Откуль у Маленького така незадача?

Александра вздрагивает, глаза ее наполняются слезами. Николай обнимает ее за плечи.

НИКОЛАЙ:

Что, что, отец Григорий?

РАСПУТИН:

Вы мне скажите, правду я вижусь, аль нет: чуть где царапина – али булавкой ткнешь – што у всякого три капли, три кровиночки выйдет, у него ручейком кровушка пойдет?

АЛЕКСАНДРА:

Да... да...

РАСПУТИН:

Не знаю, как эта болезнь по-научному зовется, но в деревнях очень редко бывает. Но видел я такую болезнь и в деревнях. Всего раз за всю жизнь видел. Кровь не унять. Как какой ушиб – так беда! Или носиком кровь пойдет – а не остановить!

АЛЕКСАНДРА:

Гемофилия. Эта болезнь называется гемофилия.

РАСПУТИН:

Пуцай гемофилия. Лечить можно, хоша и трудно. Молиться надоть. И верить надоть.

Закрывает глаза, сосредотачивается, молча молится. Все застывают в напряженном молчании. Алексей тоже замолкает. Так, в полном молчании, проходит несколько минут. Распутин вдыхает воздух, открывает глаза.

РАСПУТИН: *Солнышко, открывай глазки-то. Боль ускакала зайчиком от тебя. Зайчик в лес ускакал. Больше болеть не будет. Что, видишь меня?*

Малыш открывает глаза, видит Распутина, улыбается, пытается хлопнуть в ладошки.

АЛЕКСЕЙ:

Новый! Новый пришел! Мамочка, Новый пришел!

АЛЕКСАНДРА

(бросается к нему, обнимает, целует):

Господи! Солнышко мое! Больно тебе!

АЛЕКСЕЙ:

Не! Уже не больно! Нисколечко!

РАСПУТИН:

Спи, Маленький, спи...

(обращаясь к Александру):

Мама, ему теперича выспаться надоть. Пусть спит.

Спи, милой мой, спи Маленький.

Алексей тут же спокойно засыпает.

РАСПУТИН:

Проснется завтра, эта болячка ушла. Однако, ушибаться ему нельзя. Беречься надо.

АЛЕКСАНДРА:

Старец, вылечится ли он от этой болезни?

РАСПУТИН

(подумав):

Сейчас сказать не могу. Не знаю. Беспокойства нутрянного в вас много. А ваше беспокойство ему передается. А при этой болезни ему нервничать нельзя. Жить будет, и вырастет. Но вырастет ли он из болезни... Через год-другой смогу вам сказать.

НИКОЛАЙ:

Отец Григорий, врачи считают, что гемофилия неизлечима. Вызнаете об этом?

РАСПУТИН:

Знаю, слышал. Однако, многое доктора знают, но обо многом и понятия не имеют!

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Из Дневников Николая Второго за 1906 год:

13-го октября. Пятница.

Отличный ясный день с легким морозом ночью. Утром успел погулять. Имел три доклада. Завтракали одни. Совершили хорошую прогулку пешком до Марли и обратно. В 6 1/4 к нам приехал Григорий, он привез икону Святого Симеона Верхотурского, видел детей и поговорил с ними до 7 1/2. Обедал Орлов.

ЭПИЗОД 2. Место и время действия:

16 октября 1906 года. Петергоф.

ИНТ. СПАЛЬНЯ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ В ЛЕТНЕМ ДВОРЦЕ В ПЕТЕРГОФЕ. 16 ОКТЯБРЯ 1906 ГОДА, ВЕЧЕР.

На экране: спальня царской семьи в Петергофском дворце. Николай сидит за тумбочкой, пишет письмо. Александра подходит к нему, обнимает за плечи.

АЛЕКСАНДРА:

Ты пишешь Петру Аркадьевичу?

НИКОЛАЙ:

Да, некоторые вещи лучше не по телефонной связи сказать, а написать.

АЛЕКСАНДРА:

Это секрет?

НИКОЛАЙ:

Нет, не секрет. Это о послаблениях для евреев, которые Столыпин предлагает начать вводить уже сейчас.

АЛЕКСАНДРА:

Вот, Ники, я давно говорила тебе, что многие ограничения для них устарели и выглядят... нецивилизованно. Мы – единственная европейская держава, в законах которой права евреев так жестко ограничены.

НИКОЛАЙ:

Милая дорогая женеушка... Конечно, это так. Но сейчас еще не время. Смута еще не закончилась. Я сердцем чувствую, что сейчас послабления будут восприняты революционно настроенными евреями – а их очень много – как моя слабость, как слабость власти. Они обнаглеют. А русский народ сейчас еще не готов на равных соперничать с ними в экономических предприятиях. Надо сначала дать народу образование, а потом уравнивать всех в правах. Это будет, но не теперь, не в ближайшие годы.

АЛЕКСАНДРА:

Хотела бы тебе возразить... Но ты сказал – сердцем чув-

ствуешь... Что же, сердце царя – в руке Бога. Псалом Давида – это из его псалмов. Молчу.

НИКОЛАЙ

(радостно вздыхает):

Милая, милая Аликс! Вот послушай, я так и пишу Петру Аркадьевичу

(читает свое письмо):

«Несмотря на вполне убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала и в данном случае я намерен следовать ее велениям. Я знаю, Вы также верите, что сердце царево в руках Божьих. Да будет так. Я несу за власти, мною поставленные, великую перед Богом ответственность и во всякое время готов отдать Ему в том ответ».

АЛЕКСАНДРА:

Хорошо, Ники... А как его дочь? Уже больше месяца прошло с того ужасного дня, а она все очень плохо, я слышала. Да?

НИКОЛАЙ:

Да, и врачи не обнадеживают. До сих пор даже опасаются за ее жизнь, не только о здоровье. И она сама в депрессии. Никак не вытащить ее из этого состояния.

АЛЕКСАНДРА:

Аня сегодня передала от Григория, что он очень хотел бы

навестить ее с этой иконкой, с образом Святого Симеона Верхотурского. И благословить ее этой иконой. Он и Петра Аркадьевича хотел бы повидать и успокоить. Аня сказала, что Григорий очень просил позволить ему это сделать.

НИКОЛАЙ:

Столыпин в Бога верит, конечно... но к мистике он плохо относится.

АЛЕКСАНДРА:

Это не мистика, Ники. Это христианские чудеса. Православное чудо.

НИКОЛАЙ:

Да, ты права. К тому же, когда дочь при смерти... Да, давай напишем ему (пишет):

«Вот еще что, Петр Аркадьевич. Несколько дней назад я принял крестьянина из Тобольской губернии, который принес мне икону Святого Симеона Верхотурского. Он произвел на Ее величество и на меня замечательно сильное впечатление... и вместо пяти минут разговор с ним длился более часа. Он в скором времени уезжает на родину. У него есть сильное желание повидать Вас и благословить Вашу больную дочь иконой. Я очень надеюсь, что Вы найдете минутку принять его на этой неделе».

СПРАВКА: см. Э. Радзинский. Распутин. – изд. «Вагриус», М., стр.88, 90

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Анна Вырубова в 1917 году в своих показаниях «Чрезвы-

чайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию противозаконных действий министров и прочих должностных лиц царского режима» вспоминала: «Покойный Столыпин... после взрыва на даче вызвал к своей пострадавшей дочери Распутина, и тот будто бы молился над нею, и она поправилась».

СЕДЬМАЯ СЕРИЯ.

СЦЕНА 1\7. 1907 год, 27 мая. Роспуск второй Думы.

Действующие лица:

- Николай – Николай Александрович Романов, император;
- Александра – Александра Федоровна Романова, императрица;
- Столыпин – Петр Аркадьевич Столыпин (1862-1911), председатель Совета министров;

ЭПИЗОД 1. Место и время действия:

27 мая 1907 года. Петергоф.

ИНТ. КАБИНЕТ НИКОЛАЯ В ЛЕТНЕМ ДВОРЦЕ. 27 МАЯ 1907 ГОДА.

На экране – кабинет Николая, он беседует со Столыпиным. Хороший жаркий день с грозой. За окном – сильный

ДОЖДЬ.

НИКОЛАЙ:

Петр Аркадьевич, теперь о левых партиях в Думе. Вы ведь видели последний доклад Охранного отделения? Они пользуются депутатской неприкосновенностью для своей революционной деятельности. Что это за подпольная «военная организация социал-демократической партии»?

СТОЛЬПИН:

Думская фракция эсдеков вошла в связь с группой распропагандированных солдат нескольких полков. Это их организация. Обыски на квартире одного из рижских депутатов доказал это. Там же, прямо в этой квартире, оказались и были арестованы несколько членов этой «военной организации».

НИКОЛАЙ:

И после этого фракция социал-демократов имела наглость внести запрос по поводу этого обыска?

СТОЛЬПИН:

Ваше величество, левые в Думе полагают, что Вы не пойдете на роспуск Думы и изменение избирательного закона. Формально это означало бы, по их мнению, государственный переворот. Поэтому они ведут себя так нагло. По нашим сведениям, в ближайшие дни они намерены отвергнуть бюджет и обратиться к народу с воззванием о свержении власти – якобы для предотвращения государственного пе-

реворота. Им нужны великие потрясения.

НИКОЛАЙ

(улыбается):

«А нам нужна великая Россия», – не только в России, по всему миру ваши слова, Петр Аркадьевич, разнеслись. Итак, новая смута?

СТОЛЬПИН:

Да, если не принять решительных мер.

НИКОЛАЙ:

Роспуск Думы и введение нового избирательного закона. Однако, надо хорошо продумать манифест об этом.

СТОЛЬПИН:

Я подготовил манифест. После перечисления необходимых мер и поправок к избирательному закону, следует разъяснение.

Передает Николаю листы с текстом проекта Манифеста. Николай читает, правит, подчеркивает.

НИКОЛАЙ:

Давайте в такой редакции, я чуть-чуть подправил:

«Все эти изменения в порядке выборов не могут быть проведены обычным законодательным путем через ту Государственную Думу, состав которой признан Нами неудовлетворительным, вследствие несовершенства способа избрания ее членов. Только Власть, даровавшая первый изби-

рательный закон, исторической Власти Русскаго Царя, до-
влет право отменить оный и заменить его новым».

Ну, и далее по вами подготовленному тексту.

СТОЛЬПИН:

Хорошо, Ваше величество.

НИКОЛАЙ:

В ближайшие три дня подготовьте требование к Думе
о снятии депутатской неприкосновенности со всех членов
этой думской фракции за устройство военного заговора.

СТОЛЬПИН:

Они передадут запрос в комиссии и будут волынить.

НИКОЛАЙ:

Не более суток им на комиссии. Если через сутки не со-
гласятся снять неприкосновенность с этих заговорщиков, –
без предупреждения публикуем Манифест о роспуске Думы.
А то ведь обвиняемые разбежаться начнут. Лови их потом
по всей России...

СТОЛЬПИН:

Ваше величество, для упреждения обвинений в государ-
ственном перевороте необходимо будет усилить разъясни-
тельную часть манифеста: сказать, что если спасение го-
сударства не может быть достигнуто на обычном законо-
дательном пути, – за царской властью остаются обязан-
ность и право изыскать иной путь.

НИКОЛАЙ:

Хорошо, Петр Аркадьевич. Идемте теперь на террасу.

Отобедайте с нами. Ее величество также вас приглашает – она меня еще утром просила (улыбается).

НАТ. ТЕРРАСА В ПЕТЕРГОФСКОМ ПАРКЕ.

Идут на террасу. Там накрыт стол на три персоны. Обедают вместе. Идет сильный дождь. Время от времени – раскаты грома.

АЛЕКСАНДРА:

Петр Аркадьевич, помните того старца из Тобольской губернии, который к вам с образом святого Симеона Верхотурского приходил, дочь вашу этой иконой благословить? (удар грома за окнами террасы, дождь усиливается)

СТОЛЬПИН:

Помню, помню. Странный мужик... Странник. А ведь после этого Елене и правда лучше стало. По крайней мере, из беспомощности и тоски вышла. Может, совпадение, впрочем.

АЛЕКСАНДРА:

Не совпадение, Петр Аркадьевич, поверьте, не совпадение. Кстати, этот старец, отец Григорий, он еще в конце 5-го года предсказал, что две Думы «ёрные» будут, а только третья Дума способная будет к нормальной работе.

СТОЛЬПИН:

«ёрная», Ваше величество?

АЛЕКСАНДРА:

Да, он так сказал. И что же, когда третья Дума будет?

НИКОЛАЙ:

Скоро уже, Аликс. Я распушу этих «ёрников» на днях.

АЛЕКСАНДРА:

Тот самый «государственный переворот», о котором трещат эти гадкие левые газеты?

НИКОЛАЙ: *Это не переворот, а поворот.*

АЛЕКСАНДРА:

Я помню, до 1905 года наши либералы, якобы притязая на остроумие, писали, что «Государь готов дать конституцию, только бы при этом сохранилось самодержавие». И это казалось им абсурдом!

СТОЛЬПИН:

Да, жизнь оказалась сложнее готовых социальных лекал и доктрин. Я недавно прочитал в английской «Таймс»: «С 1905 года Россия стала наследственной конституционной монархией, но фактически законодательная, исполнительная и судебная власть продолжают, в значительной степени, соединяться в лице Императора, который продолжает носить титул Самодержца». Верно. То, что казалось несоединимым в теории, совмещается теперь.

НИКОЛАЙ:

Они забыли написать о свободе печати, и о многих других гражданских правах, в которых мы теперь не отстаем от них.

СТОЛЬПИН:

А в части рабочего законодательства и опережаем.

АЛЕКСАНДРА:

Смута закончилась?

НИКОЛАЙ:

Еще два три дня – и все! После роспуска этой Думы. Боже, Боже! Наконец-то!

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

3 июня 1907 года вторая Государственная дума была распущена. Манифест 3 июня положил начало новому государственному устройству – думской монархии. Все депутаты социал-демократической фракции были в тот же день арестованы. Несколько человек успели скрыться накануне.

СЦЕНА 2\7. 1907 год, июль – август. Встречи с Луисом Хамоном.

Действующие лица:

Кайро, он же Луис Хамон(1866-1936), псевдоним Кайро – знаменитый в те годы в Европе английский астролог и хиромант;

Извольский – Извольский Александр Петрович (1865?-1919), министр иностранных дел;

– Николай – Николай Александрович Романов, император;

– Александра – Александра Федоровна, императрица;

– охрана дворца в Петергофе, дежурный офицер;

Место и время действия:

Конец июля, начало августа 1907 года. Санкт-Петербург;

НАТ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, АНГЛИЙСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ. ИЮЛЬ 1907 ГОДА.

В начале этой сцены на экране: причал на Английской набережной. Прибыл пароход из Англии. Среди пассажиров по трапу сходит Луис Хамон (на экране дата: конец июля 1907 года)

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

С весны 1906 года пришедшие к власти в Англии либералы взяли курс на улучшение отношений с Россией, подорванные русско-японской войной. Новый английский посол в России сэр Артур Никольсон прилагал большие усилия для налаживания отношений и встретил в этом сочувствие и поддержку у нового министра иностранных дел Александра Петровича Извольского. Шли активные переговоры о разделе сфер влияния в Тибете, Афганистане и Персии. В Россию зачастили английские дипломаты, высокопоставленные чиновники, представители деловых кругов, промышленники и финансисты, частные лица. В конце июля 1907 года в Санкт-Петербург из Англии прибыл по своим финансовым делам граф Луис Хамон, – широко известный в Европе также под псевдонимом Кайро ирландский астролог и хиромант, – тот самый, с которым встречался (инкогнито) Николай Второй

в Англии в сентябре 1896 года. Луис Хамон был знаком с министром иностранных дел России Александром Петровичем Извольским. В первых числах августа Луис Хамон встретился с ним.

СПРАВКА:

С.С. Ольденбург. Царствование императора Николая Второго. – изд. «Феникс», Ростов-на-Дону, 1998, стр. 340;

Louis Hamon. Fate in the Making Revelations of a Lifetime. – N-Y, London, 1931, стр.61-74

НАТ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. ИНТ. КАБИНЕТ ИЗВОЛЬСКОГО В ЕГО ОСОБНЯКЕ. СПУСТЯ НЕДЕЛЮ ПО ПРИБЫТИИ ЛУИСА ХАМОНА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

На экране – Санкт-Петербург летом, центр; камера показывает особняк Извольского, окна его кабинета; сам кабинет. В нем – Извольский и Луис Хамон (разговор идет на английском).

ИЗВОЛЬСКИЙ:

Итак, граф, с вашими деловыми предложениями мы закончили – спасибо за краткость и точность.

ЛУИС ХАМОН:

Я благодарю вас, господин министр, за время и внимание, которое вы уделили мне, и понимание моих деловых предложений.

ИЗВОЛЬСКИЙ:

Теперь о тех прогнозах на мою будущую карьеру, которые я просил вас сделать неделю назад.

ЛУИС ХАМОН:

Простите, я ведь передал вам эти прогнозы три дня назад.

ИЗВОЛЬСКИЙ:

Да, да, я внимательно прочитал их. Дело вот в чем: вы написали: “В течение 1914-1917 Вы будете играть важную роль в связи с другой российской войной, наиболее ужасной из тех, в которых Россия когда-либо участвовала. Вы будете снова играть очень важную роль, но я не думаю, что Вы увидите конец этих ужасных событий. Вы лично потеряете все в этой будущей войне и умрете в бедности”. Именно эту часть ваших предсказаний я посчитал необходимым сообщить нашему Государю, Николаю Александровичу.

ЛУИС ХАМОН:

О!

ИЗВОЛЬСКИЙ:

Да-с. Оказывается, он слышал о вас ранее – от ваших коронованных клиентов в других странах. Насколько я понял, Государь имеет хорошее мнение о вас. Он заинтересовался вашим предсказанием новой войны – на 1914-1917 годы.

ЛУИС ХАМОН:

Вообще-то мои расчеты указывают на окончание войны в 1918 году... Для России она закончится – очень печально для вашей страны – на год раньше.

ИЗВОЛЬСКИЙ:

Все это вы расскажете лично Его Величеству. Аудиенция вам назначена на сегодняшний вечер. Так что нам пора собираться. Я отвезу вас в Летний дворец в Петергофе на своем моторе.

ЛУИС ХАМОН:

Визит к Монарху – это высокая честь! Но... простите, сэр, я не одет для такого визита... Этот синий костюм – моя ежедневная одежда...

ИЗВОЛЬСКИЙ:

Не волнуйтесь, Кайро – ведь так вы подписываете свои астрологические публикации – это частный визит, приватная встреча. Идемте. Как видите, я тоже не в мундире главы министерства.

НАТ. УЛИЦЫ ГОРОДА, ПЕТЕРГОФСКОЕ ШОССЕ, ПАРК.

Выходят из особняка Извольского. У входа их ждет автомобиль, мотор работает. Водитель выходит из авто, открывает двери для пассажиров. Авто трогается с места. Они выезжают по улицам и проспектам города на петергофское шоссе, въезжают в роскошный парк с каскадами фонтанов. Проезжая через парк, Извольский тихо (чтобы шофер не слышал) говорит Хамону:

ИЗВОЛЬСКИЙ:

Итак, вы будете обедать с Царем сегодня вечером. Я не знаю, будет ли присутствовать Царица, но если она будет там, я хочу, чтобы Вы избегали темы оккультизма. Очень вероятно, она может спросить Вас об этом, – поскольку я выслал ей все ваши книги (по ее просьбе) еще из Лондона, – но помните, я постараюсь сменить тему разговора настолько быстро насколько это возможно, чтобы не говорить ей о предсказаниях, о страхе будущего, или о чем-нибудь в этом роде. С Царем, это совсем другое дело – он для того и пригласил вас.

ЛУИС ХАМОН:

Да, сэ. Мы в Великобритании наслышаны о впечатлительности русской императрицы и об ее интересе к оккультизму.

ИЗВОЛЬСКИЙ:

гмм. Эти слухи сильно преувеличены. Просто дело в том, – насколько я знаю, – что Александра Федоровна не очень хорошо чувствует себя в последние дни. Не стоит, чтобы она волновалась из-за ваших мрачноватых для России предсказаний.

ЛУИС ХАМОН:

Да, сэ. Однако, по моим прогнозам до 1914 года Россия будет успешно и стремительно развиваться во всех сферах. К вам текут капиталы со всего мира – как видите, и я нахожусь теперь в этом потоке (улыбается). Не удивительно: бремя прямых налогов у вас в России в четыре раза меньше,

чем во Франции и Германии, и в восемь с половиной раз меньше, чем у нас в Англии! Кстати, ваше законодательство для рабочих, в части продолжительности рабочего дня, страхования заметно лучше, чем в Америке, в Европе и даже у нас в Великобритании – и я не понимаю, почему ваши рабочие так недовольны правительством Его величества. Я читал вчера ваши левые газеты.

ИЗВОЛЬСКИЙ:

Спросите у вашего известного журналиста Дилона – мы в правительстве возмущены его предвзятыми и прямо провокационными статьями. Наши левые идут вслед за вашими. Но наши гораздо радикальнее.

ЛУИС ХАМОН:

О! Ну, ведь Дилон тоже радикальный социалист. Эти люди ненавидят монархию.

ИЗВОЛЬСКИЙ:

Вот именно. Наши социалисты тоже. Они провоцируют рабочих. Кстати, именно ваш Дилон назвал 9 января 1905 года «Кровавым воскресеньем», и именно он в своей книге «Закат России» написал: «Японцы пересылали деньги русским революционерам и на это были затрачены значительные суммы. Это бесспорный факт». Ненавидит Россию, монархию – и в то же время признает и пишет об этих подлых делах.

ЛУИС ХАМОН:

Это англичанин, сэр. Мы объективны даже в ненависти.

Впрочем, политика – не моя сфера.

ИЗВОЛЬСКИЙ:

Тем не менее, ваши прогнозы полны политических предсказаний.

ЛУИС ХАМОН:

Не совсем так. Я вижу – через данные рождения и на руках моих коронованных клиентов – меты и знаки трагедий и войн, откуда и делаю свои выводы. Это не политика, это предсказания судьбы.

ИЗВОЛЬСКИЙ:

Да... Судьбы монархов – судьбы народов... В этом вы правы.

Тем временем авто подъезжает ко входу в дворец. Их встречает офицер Императорской гвардии.

ИНТ. ЗАЛ В ЛЕТНЕМ ДВОРЦЕ.

Извольский и Хамон проходят через несколько длинных коридоров в красивый зал, напоминающий библиотеку. В кресле перед окном в добротном английском костюме сидит Николай; в руках у него лондонская «Times». Хамон оглядывается по сторонам, видит Николая, понимает, что это царь, но одновременно узнает в нем того самого джентльмена, который приходил к нему инкогнито в сентябре 1896 года в Оксфорде (на экране – черно-белые кадры той встречи; в том числе – крупным планом – лист бумаги с предсказаниями Хамона-Кайро). Хамон стоит в изумлении и нерешительно-

сти. Тем временем Извольский здоровается с царем и представляет ему Хамона. Царь протягивает руку для пожатия, – оторопевший Хамон кланяется, но не берет руку царя. Николай сам, с улыбкой, пожимает ему руку. Часы бьют 8 раз (8 вечера).

НИКОЛАЙ:

Не смущайтесь, граф. Я также хорошо помню вас, ту нашу встречу в Оксфорде. Мы поговорим с вами приватно после обеда, а пока – прошу вас, господа, отобедать с нами.

Все проходят в обеденный зал. Слуга молча обслуживает их. На столе – множество закусок, осетр, но видно, что это не официальный прием. Входит Александра. Она чем-то озабочена. Что-то говорит по-русски Николаю о здоровье трехлетнего наследника, потом переходит на английский.

АЛЕКСАНДРА: Простите, господа, я недолго пробуду здесь с вами. Семейные дела. Я рада видеть вас, господин Хамон. Надеюсь, что скоро прочитаю вашу книгу. Александр Петрович выписал ее из Англии.

Начинают обедать. Идет светский разговор. Хамон несколько смущен.

НИКОЛАЙ:

Граф, вы, вероятно, слышали, что мы готовим с вашей страной договор о разделе сфер влияния в Персии, Афганистане и на Тибете? Вам не приходилось бывать там? – вы ведь много путешествовали.

ЛУИС ХАМОН:

Я был в Иране и на Тибете, после моего длительного пребывания в Индии. Но мои интересы там были отнюдь не политические. Я встречался там с посвященными эзотерических знаний, с монахами и жрецами древних религий. Читал древние манускрипты по хиромантии и астрологии...

НИКОЛАЙ:

Да, конечно, я понимаю. Вы встречались там с другими своими соотечественниками, или, например, с немцами, также ищущими тайных знаний? Я слышал, в горах Тибета есть некая страна, в которую стремятся попасть все жаждущие тайных знаний.

ЛУИС ХАМОН:

Да, Ваше Величество. Я тоже слышал об этой стране. Но до сих пор никто из европейцев не попал в нее. Никто. Что касается встреч... Я встретился в Лхасе – случайно – с неким немцем. Его звали Карл Хаусхофер – военный атташе Германии в Японии. Он, как и я, искал эту самую страну, Шамбалу. Я знаю, что он был посвящен там – в Тибете – в тайный буддийский орден Зеленого Дракона...

Извольский недовольно кашляет, смотрит на Хамона.

АЛЕКСАНДРА:

Зеленого Дракона? Как интересно, граф... Однако, я должна идти к нашему наследнику,

(по-русски, обращаясь к Николаю:)

к нашему «маленькому сокровищу». (вновь переходит на английский) Я прошу простить меня, господа. Я оставляю вас. Ники, ты обязательно расскажешь мне потом обо всем этом. (простой, но величественный поклон; уходит).

НИКОЛАЙ:

Продолжайте, граф. Мои люди в Тибете докладывали мне об этом загадочном Хаусхофере, но о Зеленом драконе я до сих пор не слышал.

Обед заканчивается. Приносят кофе, сигары.

ЛУИС ХАМОН:

К сожалению, это почти все, что я знаю о Карле Хаусхофере и о Зеленом драконе. Мои интересы в Лхасе касались тибетской астрологии, а не тайных обществ. Возможно, посвященные буддисты «Зеленого дракона» тоже занимаются астрологией, но мне не удалось установить отношения с этой сектой. Я даже предполагаю, что именно этот немец расстроил мои планы в Лхасе. Хаусхофер – скрытный человек, и о Зеленом драконе я узнал не от него. Он был недоволен случайной встречей со мной. Немцы – варвары в

Европе, как и их кайзер Вильгельм среди европейских монархов... Простите, Ваше Величество, я забыл, что Вильгельм – ваш кузен.

Николай и Извольский переглядываются и улыбаются.

НИКОЛАЙ:

Ничего, ничего, граф. Мы и сами того же мнения о Вильгельме. Знаете как звал его мой покойный отец? – Он как-то назвал Вильгельма «танцующий дервиш».

ЛУИС ХАМОН

(невольно смеется):

Как точно! Простите, Ваше Величество.

НИКОЛАЙ:

Однако, о «Зеленом драконе» мы поговорим как-нибудь в другой раз, а сейчас я приглашаю вас для приватной беседы. Пройдемте, граф, в другой зал. А вы, Александр Петрович, подождите окончания нашей беседы – я еще должен переговорить с вами о будущем договоре с Англией по Ирану.

ЛУИС ХАМОН:

Ваше Величество, позвольте мне при вас выразить искреннюю признательность вашему министру Извольскому за корректный и четкий подход к моим деловым и финансовым предложениям, которые требовали согласования с ним.

НИКОЛАЙ:

Я в курсе этих дел. Александр Петрович рассказывал мне.

Что же, в добрый путь в Россию! Англичане теперь популярны у нас. Сколько времени вы предполагаете провести в России в этот свой первый приезд?

ЛУИС ХАМОН:

С некоторыми перерывами, не менее шести-семи месяцев.

НИКОЛАЙ:

Хорошо.

(обращаясь к Извольскому):

Александр Петрович, я прошу вас и впредь оказывать графу необходимую помощь... в пределах наших законов.

Извольский откланивается, уходит. Николай и Хамон идут в другую комнату, меньших размеров, неясных очертаний. Стол, кресла, много книг. Камера показывает на столе большую золотую коробку из-под сигар и внутри коробки лист бумаги с записями Кайро – теми самыми, которые показывал ему Николай в Оксфорде в 1896 году. Николай приглашает его сесть, садится сам и подвигает ему эту коробку (украшенную драгоценностями и царскими вензелями). Хамон в волнении, слышно его дыхание – он вспоминает, что на этой бумаге написаны ужасные для монарха слова.

НИКОЛАЙ:

Читайте, читайте вслух!

ЛУИС ХАМОН:

Я помню, Ваше Величество...

(берет письмо, читает с волнением):

Кто бы ни был этот человек, дата его рождения, нумерология и другие данные показывают, что в течение своей жизни он часто будет иметь дело с опасностью ужасов войны и кровопролития; что он сделает все от него зависящее, чтобы предотвратить это, но его Судьба настолько глубоко связана с такими вещами, что его имя будет скреплено с двумя самыми кровавыми и проклятыми войнами, которые были когда-либо известны, и что в конце второй войны он потеряет все, что он любил больше всего; его семья будет вырезана и сам он будет насильственно убит.

НИКОЛАЙ:

Я вижу, вы узнали ваше письмо.

ЛУИС ХАМОН:

Ваше Величество, позвольте спросить, как оно попало к Вам?

НИКОЛАЙ:

Король Эдуард дал это мне, и Вы подтвердили то, что там написано, когда я обратился к Вам – это было почти 10 лет назад, хотя Вы, конечно, не знали, кем был ваш посетитель в Лондоне. Ваши письменные предсказания Извольскому снова подтверждают то, что написано на этом листе бумаги... Я хочу, чтобы сегодня вечером Вы определили судьбу еще двух жизней. Но прежде я хочу знать, готовы ли Вы дать мне слово чести, что никогда и никому не расскажете то, о чем я спрошу Вас сегодня и что Вы сами рас-

скажете мне об этих двух людях.

ЛУИС ХАМОН:

Ваше Величество, я даю Вам слово чести.

НИКОЛАЙ:

Хорошо. Речь идет о моей семье. Что будет с ними в 1918 году, о котором вы так мрачно написали мне и Извольскому? Я не волнуюсь за судьбу дочерей – надеюсь, что даже в самых трагических обстоятельствах никто не посмеет причинить им вреда. Однако, если речь будет идти о моем отречении от трона, тем более об угрозе моей жизни, – в этом случае неприятные коллизии могут быть связаны с Цесаревичем и с Императрицей. Найдутся... люди, которые захотят отодвинуть их от власти в этих предполагаемых – вами предсказываемых обстоятельствах. Что значат ваши слова «его семья будет вырезана и сам он будет убит»?

ЛУИС ХАМОН:

Для ответа на Ваш вопрос я должен знать даты и место рождения Императрицы и Цесаревича.

НИКОЛАЙ:

Конечно, вот эти данные. Я прошу Вас, Кайро, по мере Ваших вычислений и рассуждений объяснять мне их смысл. Я хочу понять, как Вы делаете свои предсказания. Насколько я смогу понять.

ЛУИС ХАМОН:

Да, Ваше Величество. Давайте начнем.

Склоняются над столом. Кайро достает таблицы эфемерид (таблицы ежедневных положений планет и светил); Николай дает ему листы бумаги, циркуль, карандаши. О чем-то разговаривают. Кайро волнуется – все больше и больше по мере течения времени. Николай спокоен, но бледен в конце разговора. Сам разговор (предсказания Кайро) как бы вырезан – сцена идет без звука. Затем звук возвращается:

НИКОЛАЙ:

Кайро, беседа с Вами дала мне самое глубокое удовлетворение. Я восхищаюсь методами и способом, которым Вы достигаете свои умозаключения.

ЛУИС ХАМОН:

Ваше Величество, я надеюсь, что мои заключения в данном случае ошибочны... Хотя... Должен честно сказать Вам, что до сих пор я не ошибался в прогнозах, связанных с угрозой для жизни. К сожалению...

НИКОЛАЙ:

Все в руках Божьих. Вы не думаете, Кайро, что Бог может изменить судьбу человека и судьбу страны... даже вопреки Им же написанным небесным письмам?

ЛУИС ХАМОН:

Я верю в Бога, ваше Величество, но... Ведь это же Он записал небесное послание для всех людей и всех стран... Конечно, астролог может ошибаться, может неверно прочитывать язык планет и звезд. С другой стороны, могут быть

неизвестные факторы. Например, появление неизвестной ранее кометы может возвестить новую Волю Божью. Однако, и кометы многие исчислены уже астрологами... Как комета Галлея. Ее новое появление вблизи Земли ожидается в 1908 году. Но мы не знаем, в каком созвездии она появится, в какой точно день, – а это может внести свои коррективы.

НИКОЛАЙ:

В конечном счете, Кайро, все в руках Божьих. На Него уповаем. Идемте, Кайро. Извольский ждет меня для доклада... о планах Вашего Короля (с трудом улыбается).

НАТ. ТЕРРАСА ЛЕТНЕГО ДВОРЦА.

Выходят на террасу дворца; там к ним присоединяется Извольский. Внизу в летнем море видна императорская яхта, похожая с террасы на красивую игрушку. Тихий летний вечер. Камера приближается к яхте, скользит по ее мачте: на верхушке, на фоне заката сидит черный ворон, едва различимый с террасы.

СЦЕНА 3\7. 1908 год, январь. Встречи Луиса Хамона со Столыпиным и Распутиным.

Действующие лица:

– Кайро, он же Луис Хамон (1866-1936), псевдоним Кайро – знаменитый в те годы в Европе английский астролог и хиромант;

– монах – близкий друг монаха Илиодора, епископа Гермогена и духовника Царской семьи архиепископа Феофана (в миру Василий Дмитриевич Быстров, 1873-1940), ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии, в те годы – покровитель Распутина (позже изменил отношение к нему), этот монах – широко образованный и культурный человек (см. Louis Hamon. Fate in the Making Revelations of a Lifetime. – N-Y, London, 1931, стр.68-70);

– Столыпин – Петр Аркадьевич Столыпин (1862-1911), председатель Совета министров;

– Распутин – Григорий Ефимович Распутин;

ЭПИЗОД 1. Место и время действия:

Январь 1908 года. Санкт-Петербург.

НАТ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ГОСТИНИЦА «ЕВРОПЕЙСКАЯ». ИНТ. НОМЕР В ГОСТИНИЦЕ. ЯНВАРЬ 1908 ГОДА.

На экране – зимний Петербург, гостиница «Европейская» (как называлась тогда? – уточнить). У входа прогуливается монах в простом, но добротном зипуне, из-под которого видна черная ряса. Подъезжают два автомобиля. Из первого выходят офицеры охраны, осматриваются, что-то выясняют у монаха; затем один из них открывает дверь второй машины, выходит Столыпин. Здоровается с монахом, вместе они поднимаются по лестнице на третий этаж. (Все

разговоры с Луисом Хамоном – на английском).

СТОЛЫПИН:

Батюшка, времени у меня очень мало. Проездом в Думу сюда заехал. Спасибо, что встретили – граф предупредил меня, что вы встретите и проводите к нему в его новый номер. Вы-то каким боком к этому англичанину прилепились?

МОНАХ:

Архиепископ Феофан попросил присмотреться к нему – бо я большой интерес имею к тайным знаниям, как-то каббала, астрология. И подобное.

СТОЛЫПИН:

Господь с вами, голубчик! Граф каббалой интересуется?

МОНАХ:

В основном он в астрологии и хиромантии силен. Бывал он также в Индии. Много что знает. Вот, беседуем с ним иногда. Ему, видать, тоже интересно со мною.

СТОЛЫПИН:

Православный монах – и каббала, астрология?

МОНАХ:

Это часть древней культуры человеческой цивилизации. Древние не глупее нас с вами были... Я – референт при отце Феофане по этим вопросам.

СТОЛЫПИН:

А, понятно. Ну, я то к графу по другим делам, по торговым и финансовым.

МОНАХ:

Конечно, Ваше высокопревосходительство, Петр Аркадьевич. Я понимаю.

Подходят к дверям номера на третьем этаже. Монах стучит в дверь, отходит в сторону. Луис Хамон открывает. Здороваются. Столыпин входит в обставленный в английском стиле просторный гостиничный номер

СТОЛЫПИН:

Граф, как договорились с вами – вот, по дороге в Думу к вам заехал. Давайте ваши документы, я скажу, к кому вам надо обратиться. Но сначала я должен на ваши предложения взглянуть. Минутное дело.

ЛУИС ХАМОН:

Прошу вас.

Хамон кладет перед ним на стол несколько документов, Столыпин быстро просматривает их.

СТОЛЫПИН:

хмм. Это несколько сложнее, чем я предполагал. Однако, предложения интересные для нас... Давайте так: я их беру с собой, а вы завтра телефонируйте мне, и заберете их в моей приемной.

ЛУИС ХАМОН:

Хорошо, Ваше высокопревосходительство. Прежде чем вы уедете – не хотите судьбу свою узнать, по линиям руки? – вам ведь монах сказал, чем я еще занимаюсь?

СТОЛЬПИН:

Сказал, сказал. Но, граф, простите, не верю я в эти «окультурные знания».

ЛУИС ХАМОН:

Воля ваша... Я предложил, потому что руку вашу увидел, когда вы документы листали. По-моему, укороченная линия жизни у вас на правой руке.

СТОЛЬПИН:

и что же?.. Ну, что ж, посмотрите внимательнее... Если это не долго

(протягивает ему правую руку).

ЛУИС ХАМОН:

Обе руки, будьте добры, Ваше высокопревосходительство (смотрит обе ладони). На вас ведь уже было несколько покушений, я слышал?

СТОЛЬПИН:

Да.

ЛУИС ХАМОН:

Около 50-ти лет... вернее, около 49-ти лет... Вас могут убить. Сколько вам сейчас?

СТОЛЬПИН:

В апреле 46 будет.

ЛУИС ХАМОН:

Если скажете точную дату и место рождения, я могу уточнить опасную дату.

СТОЛЬПИН:

Благодарю вас, граф. Однако, не стоит. Спасибо за предупреждение. После покушения, которое было полтора года назад, ко мне такую охрану приставили, что – я надеюсь – ваше предсказание все же окажется ошибочно. Впрочем, на все воля Божья...

ЛУИС ХАМОН:

Конечно, на все воля Божья. Но Бог не запрещает нам узнать Свою волю заранее. Для того и сотворил Он звездные письма на небе, и линии на руке нарисовал каждому свои. Что ж, как хотите.

СТОЛЬПИН:

Прощайте, граф. Завтра звоните в мою приемную

Прощаются, Столыпин уходит. Звонит телефон. Хамон разговаривает о своих финансовых делах по телефону. Спустя некоторое время входит монах.

МОНАХ:

Позвольте продолжить беседу, граф? Мы остановились на астрологических толкованиях Откровения Иоанна Богослова.

ЛУИС ХАМОН:

Да... На послании семи церквам.... Однако, называйте ме-

ня Кайро, как прежде. По-гречески – «рука».

МОНАХ:

Знаю, знаю и по-гречески, и по-латыни, и по-персидски, и в европейских языках, как видите, не затрудняюсь.

ЛУИС ХАМОН

(кладет телефонную трубку):

Отец Василий, к сожалению, сегодня я не смогу продолжить нашу интересную беседу. Звонил мой русский деловой партнер, я должен ехать на встречу с ним. Идемте вниз, по дороге переговорим и договоримся о времени новой встречи.

Луис Хамон одевает зимнюю шубу. Выходят из номера, спускаются по лестнице.

МОНАХ:

Как вам наш господин председатель Совета министров?

ЛУИС ХАМОН:

России повезло иметь такого премьера! По-моему, многие у вас это понимают.

МОНАХ:

Да, это правда.

ЛУИС ХАМОН:

Отец Василий, пожалуйста, через два-три дня я смогу с вами встретиться еще раз, чтобы продолжить наши интересные диалоги.

МОНАХ:

Спасибо, Кайро. А вот позвольте спросить вас. Есть у меня один знакомый, очень интересный русский старец, обладающий экстраординарными способностями. Он из сибирских простых мужиков, но предсказывает будущее из видений. И точно предсказывает! Я сам не раз убеждался в этом.

ЛУИС ХАМОН:

Это интересно. Мне интересны такие люди. Я много слышал о «русских старцах», но до сих пор не доводилось встречаться с ними.

МОНАХ:

Хотите я приведу его к вам – через два три дня, как вы сказали?

ЛУИС ХАМОН:

Как его имя?

МОНАХ:

Григорий Ефимов Распутин-Новый.

ЛУИС ХАМОН:

Какие сложные бывают у русских имена! Нет, я не слышал о таком.

МОНАХ:

Поверьте мне, он очень интересный человек.

ЛУИС ХАМОН:

Что же, договорились, приходите с ним.

МОНАХ:

Кайро, по собственным резонам, я хотел бы, чтобы вы

прочитали линии его руки, – даже если он будет изображать из себя скептика. Посмотрите его руки?

ЛУИС ХАМОН:

Посмотрю. Мне и самому интересно. Рук русских старцев в моей коллекции еще не было.

Расстаются у входа в гостиницу. Луис Хамон ловит извозчика. Монах уходит в сторону площади (нынешняя площадь Искусств). Идет снег.

ЭПИЗОД 2. Место и время действия:

Январь 1908 года, три дня спустя. Санкт-Петербург, три дня спустя (пасмурный ветреный зимний день).

НАТ. ЗИМНИЙ ПЕТЕРБУРГ, ГОСТИНИЦА «ЕВРОПЕЙСКАЯ». ИНТ. НОМЕР В ГОСТИНИЦЕ. ЯНВАРЬ 1908 ГОДА, ТРИ ДНЯ СПУСТЯ.

На экране – зимний Петербург, гостиница «Европейская». Ко входу подходят тот же монах и Распутин. Вместе они поднимаются по лестнице на третий этаж.

МОНАХ:

Григорий, ты чем недоволен?

РАСПУТИН:

А зря я с тобой пошел. Ни к чему мне, милой, этот граф.

МОНАХ:

Называй его Кайро – это «рука» по-гречески.

РАСПУТИН:

Пущай Кайро. Все равно, граф. А мне и наших русских графьев довольно. И так коситься на меня начали – что, мол, высоко залетел мужик. Все графья да их жены вокруг крутятся.

МОНАХ:

Ты сам эту дорогу выбрал.

РАСПУТИН:

Не сам, не сам. Старцы сибирские, да монахи со Святого Афона мне дорогу указали. Я не хотел в Санкт-Петербурх иттить. Бог привел.

МОНАХ:

Бог привел, так терпи. И Бога не гневи.

РАСПУТИН:

А этот-то граф мне зачем нужон?

МОНАХ:

Пришли уж, заходи.

Входят в номер графа, здороваются. Распутин произносит несколько слов на плохом французском, но сразу переходит на русский. Монах переводит его слова на английский.

РАСПУТИН:

Мусью, я в херомантию не верю – сразу скажу. Я верю в Судьбу.

КАЙРО:

А в астрологию вы верите?

РАСПУТИН:

«И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, и для знамений...» Как же не верить. Сам я звездословие не знаю хорошо, но эту науку уважаю. Однако, кому хочет, Бог будущее кажет прямо, – и не надо ни астрологии, ни херомантии для избранных. А прочие любопытствующие пуцай по звездам читают, кто может.

КАЙРО:

Вы – избранный?

РАСПУТИН:

Я тебя, мусью, только щас первый раз увидел, и ты уже хочешь это знать?

КАЙРО:

Простите, отец Григорий, если мой вопрос показался вам некорректным. Меня очень интересуют русские старцы. Я много слышал о них еще в Англии, на моей родине. И вот – быть в России, и не воспользоваться возможностью увидеть русского старца ... (слово «старец» Кайро произносит все время по-русски)

РАСПУТИН:

Я не «старец». Старцы по лесам глухим в скитах живут. Старцы в города содомные не ходят.

КАЙРО:

А вы зачем в городе живете?

РАСПУТИН:

Ты чего от меня хочешь, Кайро? Василий сказал, руки мои хочешь посмотреть?

КАЙРО:

Отец Григорий, я вижу, вы не очень расположены рассказывать мне о себе. Это ваше право. Мы уважаем право на частную жизнь.

РАСПУТИН:

Ты, мусью, в Европе, я вижу, человек известный. Все с королями да с принцами, да с министрами знаешься. Их руки смотришь. Зачем тебе мужицкие руки смотреть.

КАЙРО

(обращается к Василию):

Это вы ему рассказали о моих европейских клиентах?

ВАСИЛИЙ:

О каких клиентах, Кайро? Вы мне ничего о них сами не говорили. Первый раз от Григория об этом слышу.

КАЙРО:

Отец Григорий, откуда вы узнали, что я предсказываю королям и министрам?

РАСПУТИН:

А я все и без рук твоих вижу, мусью.

Кайро с удивлением смотрит на Распутина.

РАСПУТИН

(довольный собой):

Ну, на – смотри (протягивает ему ладони обеих рук). То-ка ты сначала скажи, чего со мною раньше было, чтоб я тебя проверить мог.

Кайро внимательно смотрит на руки Распутина. Камера укрупняет линии на ладонях, они как бы превращаются в дороги и реки. Из тумана проявляются черно-белые картины детства Распутина и его дальнейшей жизни – то, что как бы видит Кайро. В частности, гибель брата Распутина (утонул в реке) и страдания Гриши, что он не мог его спасти. Кайро что-то говорит Распутину. Распутин напряженно смотрит на Кайро.

РАСПУТИН:

Хватит, Кайро. Убедил.

(выдергивает свои руки из рук Кайро)

КАЙРО:

Вы беспокоились о том, что я скажу вам о вашем будущем?

РАСПУТИН

(овладев собой, снисходительно улыбаясь):

Кайро, даже если ты увидишь мое будущее, ты его не поймешь. Ты его по-своему увидишь. А Бог по-Своему видит.

КАЙРО:

Но ведь вы тоже предсказываете будущее?

РАСПУТИН:

Предсказываю. Но мне Бог показывает. А тебе – рука. От моей руки – до Божьей... Чувешь разницу, граф?

КАЙРО:

Отец Григорий, пожалуйста, не думайте, что я настолько самоуверен и что я не верю в Бога.

РАСПУТИН:

*В Бога ты веришь, знаю. Но не Он тебе будущее говорит, а рука... Ну, Бог с тобой, на – смотри
(снова протягивает ему ладони)*

Во все время этого разговора отец Василий переводит его, как бы чуть снижая накаляющиеся было страсти. Кайро вновь смотрит ладони Распутина. Снова на экране линии на них превращаются в реки – в потоки времени. На этот раз Кайро видит, абсолютно неожиданно для себя, Царя и Царицу, стоящих во дворце на коленях перед Распутиным и целующих ему руки. Кайро вздрагивает, с изумлением смотрит на Распутина – тот жестко встречает его взгляд. Взгляд Распутина напряжен и неприязнен.

КАЙРО:

Что?

РАСПУТИН:

Я же тебе сказал, Кайро – увидишь, но поймешь не так, как надоть понимать.

КАЙРО:

А как это понимать?

РАСПУТИН:

Я не знаю, что ты увидел. Знаю только, что неправильно понял.

КАЙРО:

Первый раз вижу и слышу такое...

(с беспокойством смотрит на Распутина)

Мои выводы и предсказания до сих пор всегда были точны.

РАСПУТИН

(нервно):

Молчи, Кайро. Смотри дальше. Как я жизнь кончу? Вот это ты, может, и верно увидишь. Это я не знаю об себе. А что Им жизнь спасу – знаю!

ВАСИЛИЙ:

Кому «им»?

РАСПУТИН:

Не твое дело, Василий. Переводи, раз взялся, а в разговор не суйся, ученый поп!

Кайро напряженно изучает ладони Распутина. Колеблется.

КАЙРО:

Ваше будущее... это будущее, которое заполнено чудесами. Вы были подняты от самого низа, чтобы связаться с

самым высоким; уйдя от крайней бедности, Вы будете командовать богатством; Вы предназначены для обладания огромной властью над другими – но это будет власть для зла. Вы хотите услышать больше?

ВАСИЛИЙ:

Да, да, хотим!

РАСПУТИН

(удивленно смотрит на Василия):

Экой ты любопытной, Васька! Ну, ладно, Кайро, говори дале... «Власть для зла» ... Ни хрена ты, англичанин, не понимаешь. Свое понятие у тебя. Рази добро или зло ты видишь? Это только Бог знает! А ты кто такой? Ну, и что дале? ... Переводи, Василий! Что замолчал!

Василий переводит. Кайро кивает головой.

КАЙРО

(помолчав):

Вообще-то каждый человек должен сам судить о Добре и зле... Но пусть так. В вашем случае, пусть так: Добро или зло – это Бог рассудит, тут вы правы... А далее... Я предвижу для Вас насильственный конец в каком-то дворце. Вам будут грозить яд, нож, и также пуля. Наконец я вижу ледяные воды Невы, смыкающиеся над Вашей головой...

Распутин, скрестив было руки на широкой груди, вздра-

гивает, приходит в сильное нервное возбуждение. Несколько секунд – полная тишина. Смотрит на Кайро с яростью. Кайро вздрагивает, но выдерживает его взгляд.

РАСПУТИН:

Врешь, мусью! Знаю, что по краю буду ходить, по самому краю.... Чтоб врагов ихних Им показать – по краю мне ходить придется! И грязью меня поливать будут – это сам я знаю про свое будущее! Но ты – врешь! Кто ты есть, чтобы предсказать конец Распутину? Распутин никогда не умрет от ножа, или пули, или яда, это не может вредить ему. Я – Спаситель моих Людей. Я – Защитник Царя....

Кажется, между ними грохнет сейчас электрический разряд, что Распутин вот-вот бросится на Кайро с кулаками. Василий, обеспокоенный за Кайро, бросается между ними, и поднимает между ними большой серебряный крест. Кайро первый успокаивается и выдерживает огненный ненавидящий взгляд Распутина. Распутин спохватывается, обмякает, разворачивается и уходит спокойным шагом. Ошеломленный Василий, совершая на ходу крестное знамение, выскакивает вслед за ним. Кайро мотает головой, как бы встряхивая с себя наваждение.

СПРАВКА: о встречах Луиса Хамона со Столыпным и Распутиным см.:

Louis Hamon. Fate in the Making Revelations of a Lifetime. –

СЦЕНА 4\7. 1915\1916 годы. Переписка Николая и Александры.

Действующие лица: НИКОЛАЙ, АЛЕКСАНДРА и их дети (Ольга (1895 г.р.), Татьяна (1897 г.р.), Мария (1899 г.р.), Анастасия (1901 г.р.), сын Алексей (1904 г.р.);

НАТ.\ИНТ. НИКОЛАЙ – В СТАВКЕ В МОГИЛЕВЕ, АЛЕКСАНДРА С ДЕТЬМИ – В АЛЕКСАНДРОВСКОМ ДВОРЦЕ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

С 23 августа 1915 года и до конца 1916 года Николай почти безвыездно находился в Ставке, под Могилевом, где принял на себя пост Верховного Главнокомандующего – главнокомандующего отступающей армии, отстранив от этого поста Великого Князя Николая Николаевича («Николаша» – как называли он его в своих дневниках и письмах Александре). За исключением Александры, весь «ближний круг» родственников Николая, включая его мать (Марию Федоровну) считали это его решение безумным и его самого – неспособным командовать армией. Однако, к лету 1916 года стало ясно, что ошибались все, кроме Александры Федоровны и Распутина. Положение на фронтах выравнивалось и стабилизировалось, значительно улучшилось снабжение армии, «снаряд-

ный голод» был преодолен. В мае-июне 1916 года знаменитое наступление Брусилова вызвало всеобщее воодушевление в стране и спасло армии союзников по Антанте в Италии и во Франции (под Верденом). Тем временем, заговор Высшего света против Распутина и Александры Федоровны приобретал все более четкие очертания; их яркими врагами стали многие влиятельные депутаты Думы: Родзянко, Гучков, Львов, Милюков и другие. Фактически, став Верховным Главнокомандующим, Николай поручил Александре руководство правительством и все дела в Петрограде. В этом не было бы ничего необычного, если бы Александра была «своей» в Высшем свете Петрограда – как ее свекровь, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Но, во-первых, Александра и Высший свет уже давно ненавидели друг друга и, во-вторых, в Петрограде начали распространяться слухи о том, что всеми действиями царицы руководит Распутин. Враги Царской семьи многократно преувеличивали его влияние на царицу. Конечно, они изредка встречались – за весь 1916 год один раз! – и общались через Анну Вырубову, но сплетни о том, что «мужик крутит царицей как хочет» не имели под собой основания. Около десяти записок с советами или просьбами, которые Распутин передал Александре на протяжении года, превращались в сплетнях в сотни записок. На протяжении всего 1916 года заговор против Царской семьи вызревал и активно подогревался масонами, которые создали уже и «Военную ложу» (ее магистром был лидер октябристов

в Думе, Гучков), чтобы вести работу и пропаганду против Царской семьи в армии.

Фактически в Ставке в Могилеве во второй половине 1916 года уже не было ни одного генерала, который бы был полностью лоялен Николаю в человеческом плане. Иногда к нему в Ставку приезжал сын 11-летний сын Алексей. Александра с дочерьми до июля 1916 года находилась в Александровском дворце в Царском селе. Они ежедневно писали письма друг другу. Из переписки Николая и Александры этого года:

На экране попеременно Николай (в своем вагоне в Ставке, в версте от Могилева (за окном зима сменяется весной, затем летом) и Александра с детьми в Александровском парке, в Александровском дворце. Художественные кадры иллюстрируют письма.

АЛЕКСАНДРА–НИКОЛАЮ (30 августа 1915):

Мой любимый, дорогой... Следовало бы отделаться от Гучкова, но только как – вот в чем вопрос. В военное время нельзя ли выудить что-нибудь, на основании чего его можно было бы засадить? Он добивается анархии, он против нашей династии, которая, как говорит наш Друг, под защитой Господа...

(в комнату вбегают дочери, она разговаривает с ними, затем продолжает письмо).

Боткин рассказывал мне, что Городинский (друг Ани) в поезде услышал разговор двух господ, говоривших обо мне мерзости. Он дал им обоим пощечины.

НИКОЛАЙ–АЛЕКСАНДРЕ (31 августа 1915):

Как я благодарен тебе за твои письма. В моем одиночестве они являются единственным моим утешением – с нетерпением я жду их прибытия... Твои милые цветы, которые ты дала мне в поезде, еще стоят на столе...»

АЛЕКСАНДРА–НИКОЛАЮ (15 сентября 1915):

Я нахожу, что Николаша берет на Кавказ слишком большую свиту. Нехорошо, что у него там будет целый двор и клика – я очень опасаясь, что они будут пытаться продолжать там свои интриги...

АЛЕКСАНДРА–НИКОЛАЮ (1 октября 1915):

Всегда больно провозжат тебя, а теперь еще и Бэби уезжает с тобой первый раз в жизни. Это нелегко для меня – это ужасно тяжело. Но за тебя и за него я рада. Наш Маленький будет горд путешествовать с тобой, без эсэцин, совсем большой мальчик... Благословляю, целую и ласкаю тебя, нежно, с любовью смотрю в твои милые глубокие глаза, которые меня так давно и совершенно покорили.

НИКОЛАЙ–АЛЕКСАНДРЕ (6 октября 1915):

Горячее спасибо за твои любящие письма. Я в отчаянии, что не писал ни разу с тех пор, как мы уехали. Но право же, здесь я занят каждую минуту. А присутствие Крошки тоже занимает часть времени, о чем я, разумеется, не жа-

лею... Ему страшно понравился смотр, он следовал за мной и стоял, пока войска проходили маршем. Это было великолепно! Перед вечером мы выезжаем на моторе либо в лес, либо на берег реки, где разводим костер... Утром он просыпается рано... Садится в постели и начинает тихонько беседовать со мною. Я отвечаю ему спросонок, он ложится и лежит спокойно, пока не приходят будить меня.

АЛЕКСАНДРА–НИКОЛАЮ (28 января 1916):

Опять поезд уносит от меня тебя – мое сокровище, но я надеюсь, что ненадолго. Знаю, что не должна так говорить, что со стороны женищины, которая давно замужем, это может показаться смешным, но я не в состоянии удержаться. С годами любовь усиливается ... О, если бы наши дети могли быть также счастливы в супружеской жизни... О, каково мне будет ночью одной!

АЛЕКСАНДРА–НИКОЛАЮ (6 апреля 1916):

Бэби весь день был весел и радостен, пока не лег спать. Ночью он проснулся от боли в левой руке и с 2 часов не спал. Девочки сидели всю ночь с ним. Это такое отчаяние, нельзя выразить: он уже беспокоится о Пасхе, как он будет стоять в церкви со свечой... По-видимому, он скалывал ломом лед (как ты) и переутомился. Он такой сильный, что ему очень трудно помнить, что ему нельзя делать сильных движений... Теперь о другом. Сегодня в своем госпитале я разговаривала с раненым солдатом-евреем. Будучи в Америке, он не забыл Россию и очень страдал от тоски по родине, и как

только началась война, примчался сюда, чтобы вступить в солдаты и защищать свою Родину. Теперь, потеряв руку на службе в нашей армии и получив Георгиевскую медаль, он желал бы остаться здесь и иметь право жить в России где он хочет. Право, которое не имеют евреи... Я вполне понимаю его... Не следует озлоблять его и давать чувствовать жестокость своей прежней Родины.

НИКОЛАЙ – АЛЕКСАНДРЕ (7 июня 1916):

На прошении раненого еврея я написал: разрешить повсеместное жительство в России.

НИКОЛАЙ – АЛЕКСАНДРЕ (13 июля 1916):

Я должен возблагодарить тебя за твой приезд с девочками, за то, что ты принесла мне жизнь и солнце. Я, конечно, как всегда не успел сказать тебе и половины того, что собирался, потому что при свидании с тобою после долгой разлуки я всегда становлюсь как-то глупо застенчив. Я только сижу и смотрю на тебя – это уже само по себе для меня огромная радость.

СПРАВКА: Э. Радзинский. Николай Второй. – М., «Вагриус», 2003, стр.178-185

СЦЕНА 5\7. 1916 год, 1 августа. Гора Арарат. Ноев Ковчег.

Действующие лица:

– Заболоцкий – Владимир Заболоцкий, ст. лейтенант,

авиатор (летчик), около 30 лет;

– Лесин – Петр Лесин, лейтенант, авиатор, около 25 лет;

– Курбатов – командир опорной авиабазы, около 45 лет;

– Коор – Александр Коор, полковник 19-го Петропавловского полка (дислоцировавшегося тогда вблизи от Арарата для защиты Араратского перевала, после того как турецкая армия частично нарушила русские пограничные линии), около 45 лет;

– другие авиаторы (летчики) и техники (обслуживающий персонал) опорной авиабазы близ горы Арарат;

Место и время действия:

Авиабаза близ горы Арарат, 1 августа 1916 года.

**НАТ. АВИАБАЗА В 25 МИЛЯХ ОТ ГОРЫ АРАРАТ.
ИНТ. ПАЛАТКА. 1 АВГУСТА 1916 ГОДА.**

На экране – панорама пейзажа северо-западнее Арарата. Сухой и ужасно жаркий день. Даже ящерицы прячутся в тени скал, открыв рот и высунув язык – как будто от невыносимой жары. Лишь изредка легкое движение воздуха колыхает скудную растительность и вздымает легкое облачко пыли. Камера показывает вид Арарата – выше по склону горы виднеются грозовые тучи, а еще выше сияет белоснежная вершина Арарата. Камера возвращается к месту действия и показывает глинобитный одноэтажный домик и военные палатки рядом с ним. Дальше виден полевой аэродром и около

десяти самолетов (бипланов) на нем. Камера въезжает в палатку. Там полулежат, изнывая от жары Заболоцкий и Лесин.

ЗАБОЛОЦКИЙ:

Местные говорят, такой жары даже их деды не припомнят... Петя, ты спишь, что ли? Не привык еще к жаре этой за две недели? Я-то привык уже. Второе лето здесь.

ЛЕСИН:

Языком лень шевелить даже. Успенский пост начался сегодня. Можно и помолчать лишку.

ЗАБОЛОЦКИЙ:

Скорей бы в воздух подняться – на воздушных наше спасение. Вчера только командир и «пятерка» Иванова летали. Турки успокоились вроде, никаких передвижений не было.

ЛЕСИН:

Скучно, жарко...

(черпает кружкой воду из бачка, пьет).

Володя, расскажи про Арарат, что знаешь. Ты ведь любишь древнюю историю.

ЗАБОЛОЦКИЙ:

Про Арарат... Праотец наш Ной здесь спасся от Потопа. Ноев Ковчег на этой горе... Под ледниками где-то.

ЛЕСИН:

Близ вершины? Что-то не верится. И из авиаторов наших никто ведь не видел в полете там никакого корабля.

ЗАБОЛОЦКИЙ:

Петя, во-первых, мы здесь не для того, чтобы Арарат исследовать, и никто из наших в том направлении и не летал в этом году. А во-вторых, наши бипланы не летают выше 3 тысяч футов. Вот, «семерку» третью неделю техники оборудуют для высотных полетов – до 15 тысяч – вот на «семерке» можно было бы слетать туда, посмотреть. Курбатов вчера сказал мне, что мы будем испытывать «семерку».

ЛЕСИН:

Ты про Ноя расскажи. Библию я и сам читал. А что древняя история о нем говорит?

В палатку входит Курбатов. Офицеры встают, командир лениво машет им рукой, вытирает пот со лба.

КУРБАТОВ:

Господа офицеры, вольно. «Семерка» готова к высотным испытаниям. Провести их я приказываю вам. Набираете высоту сначала 5, потом 10, потом 14 тысяч футов. На высоте 14 тысяч футов барражируете вдоль границы не более получаса. Не более. Через два часа жду вашего доклада о полете у себя.

ЛЕСИН:

Капитан, разрешите вопрос?

КУРБАТОВ:

Слушаю вас, Петр.

ЛЕСИН:

Какова высота Арарата и видел ли его до сих пор с высоты 14 тысяч футов?

КУРБАТОВ:

Большая вершина, «Большой Арарат» – это 15 тысяч футов. Персы называют эту вершину Кухи-Нут – гора Ноя. Кстати, и на местном наречии долина к юго-востоку от Арарата называется Нахичевань – «земля Ноя». А аэропланы... Аэропланы до сих пор на этой высоте не летали... Что, Петр, хотите облететь Арарат?

ЛЕСИН:

Разрешите, командир!

ЗАБОЛОЦКИЙ

(улыбается):

Вдруг... Ковчег Ноя увидим...

КУРБАТОВ:

Облетать Большой Арарат не разрешаю. Этот полет – испытательный для оборудования. Война идет, а вы – молодые люди – мечтаете невесть о чем. Впрочем, к седловине между пиками можете приблизиться. Кстати, там в этом году ледники растаяли. Неделю назад в Эриване ученые люди мне сказали, что сотни три лет такой жары здесь не было. И ледники на Арарате так высоко никогда не отступали.

ЗАБОЛОЦКИЙ:

Так может, все же облетим?

КУРБАТОВ:

Никаких «облетим», Владимир! К тому же, если даже – предположим! – Ной и причалил здесь пять тысяч лет назад, то через пару сотен лет от его деревянного судна вряд ли что осталось. А теперь ни бревна, ни щепки не сыщешь! Глупости, господа офицеры! Все, разговор окончен. Приступайте к выполнению полета! Мечтатели!

ЗАБОЛОЦКИЙ, ЛЕСИН

(радостно):

Есть приступить, господин капитан!

(Радостно и быстро идут к аэроплану).

Через десять минут в прохладе будем купаться!

Садятся в аэроплан, одевают кислородные маски и летные очки. Техник крутит винт. Двигатель чихает сизым дымом, винт крутится все быстрее. Аэроплан трогается с места, поднимается в воздух, набирает большими кругами над аэродромом высоту; затем летит в сторону Арарата.

НАТ.ЛИНТ. КАБИНА АЭРОПЛАНА ВО ВРЕМЯ ОБЛЕТА ГОРЫ АРАРАТ.

СПРАВКА: см. журнал «Наука и религия», №1, 1994, В. Росковицкий. Искатели Ноева ковчега. Также см. Н. Непомнящий. Притяжение Арарата. – журнал «Вокруг Света», 1999, №3

Авиаторы кругами набирают высоту, разворачиваются к Арарату. Заболоцкий указывает рукой на вершины. Лесин

согласно машет головой, кричит ему что-то. Сквозь шум мотора почти ничего не слышно. Внизу видны гигантские каменные крепости, окружающие подножие горы... Аэроплан приближается к седловине между вершинами. Заболоцкий закладывает вираж, чтобы совершить круг вокруг вершины – она лишь немного выше аэроплана. Лесин вопросительно смотрит на него (командир запретил облет), но Заболоцкий показывает большой палец вверх – мол, летим! Пара кругов вокруг снежного купола, длинный плавный спуск к южному склону, – и внезапно авиаторы видят озеро, подобное маленькому драгоценному камню, изумрудного цвета, но еще покрытое льдом с теневой стороны.

Заболоцкий делает еще один круг и возвращается еще раз взглянуть на него. Внезапно Лесин что-то громко кричит, возбужденно показывая туда, где озеро переливается через край. Заболоцкий смотрит туда же и чуть не теряет управление аэропланом. Что там? – Огромная подводная лодка? Нет, видны короткие толстые мачты, но верхняя часть судна округлена, и только плоский выступ в пять дюймов высотой виден вдоль корпуса. Странная конструкция! Как будто проектировщик ожидал, что через верхнюю палубу будут почти все время перекатываться волны, и сделал свое судно так, чтобы оно бултыхалось в море, как бревно, а короткие мачты с парусами лишь помогали держать его против волны.

Заболоцкий снижается насколько возможно и делает несколько кругов над озером. Они видят огромное судно

(около 300 м длиной): длиной с городской квартал, и его можно сравнить с современными боевыми кораблями. Оно лежит на берегу озера, а его кормовая часть (примерно на четверть общей длины) уходит в воду, причем самый край на три четверти в нее погружен. Судно частично разобрано спереди (и с кормы) и имеет огромный дверной проем – около двадцати квадратных футов, – но дверь отсутствует. Пром кажется непропорциональным – ведь даже сейчас корабли редко имеют дверь даже в половину такой.

Осмотрев все, что можно увидеть с воздуха, Заболоцкий и Лесин бьют все рекорды скорости, возвращаясь на аэродром.

НАТ. ТОТ ЖЕ АЭРОДРОМ, АВИАБАЗА.

Обеспокоенные странным поведением аэроплана в воздухе, на аэродроме собираются авиаторы. Курбатов очень обеспокоен – резко идет навстречу садящемуся аэроплану; не дожидаясь остановки винта подбегает к кабине летчиков, что-то громко спрашивает. Шум двигателя стихает. Заболоцкий и Лесин снимают кислородные маски, очки, выходят из кабины; их окружают все авиаторы и техники аэродрома (около тридцати человек). Слышны возгласы: «Что случилось?»

ЗАБОЛОЦКИЙ:

Мы увидели на южном склоне, на краю ледника, огромный корабль... в озере...

ЛЕСИН:

Не корабль, а подводную лодку огромную – с городской квартал.

ЗАБОЛОЦКИЙ:

Да, деревянная подводная лодка, кажется. С короткими мачтами.

Всеобщий продолжительный смех. Все смеются. Слышны возгласы: «Кислорода надышались!», «Привиделось им черт знает что!», «Чудо-юдо-рыба-кит!». Из штаба, услышав громкий смех, выходит полковник Коор.

КУРБАТОВ

(внимательно смотрит на летчиков):

Отставить смех! Тише! Лейтенант, расскажите спокойно и по порядку. Что случилось? Что вы увидели?

Заболоцкий возбужденно рассказывает, Лесин иногда что-то уточняет. Все удивленно слушают. Под конец рассказа вновь раздаются смешки. Курбатов останавливает смеющихся жестом руки. Камера во время рассказа показывает Арарат: утренняя туча ушла далеко от вершины. Где-то вдали прошла гроза – и в небе сияет радуга (символ Завета Бога с Ноем).

КООР: *удивительно! Это очень серьезно! Не надо смеяться, господа!*

КУРБАТОВ: вот что, господа офицеры! Заправьте баки бензином – я летаю с Заболоцким туда же еще раз, посмотреть на это чудо... Чудо-юдо... Рыба-кит...

НАТ.ЛИНТ. ШТАБ АВИАТОРОВ. ВЕЧЕР ТОГО ЖЕ ДНЯ (1 АВГУСТА 1916).

Глинобитный дом вблизи аэродрома, штаб части; вечер 1 августа 1916 года. В штабе – офицеры части. Все внимательно слушают Курбатова.

КУРБАТОВ:

Итак, господа офицеры, это странное судно – Ноев ковчег! Конструкция и размеры совпадают с описанными в Библии, в первой книге Ветхого Завета. Он находится там около пяти тысяч лет. Девять или десять месяцев в году он заморожен в лед и не может истлеть. Скорее даже вот что: он все эти пять тысяч лет был заморожен в лед – или почти все пять тысяч лет – и только в этом году, из-за редчайшей даже по местным меркам жары, ледник растаял, и обнажил Ковчег! Вы совершили самое изумительное открытие века! Вряд ли до конца этого века можно ожидать более великого археологического открытия!

ЗАБОЛОЦКИЙ:

И что теперь?

КООР:

Необходимо составить депешу в Петроград, в канцеля-

рию Его Императорского Величества. В моем Петропавловском полку есть рота горных стрелков, хорошо подготовленных для горных походов... Если Государь сочтет возможным..., впрочем, во время войны...

КУРБАТОВ:

Сегодня же я составлю подробный доклад для Его Императорского Величества и завтра отбуду в Эриван – телеграфировать Государю об открытии. Завтра также отправлю доклад фельдъегерской почтой в столицу.

ЛЕСИН:

Надо идти туда, к вершине. Обмерить, взять образцы, сделать фотографии.

КУРБАТОВ:

Государь решит, когда и какими силами это делать. Вероятно, по окончании войны. Впрочем, насколько я знаю, он очень заинтересованно и внимательно относится к археологическим и научным открытиям. Я подчеркну в докладе, что только это очень жаркое лето позволило обнаружить Ковчег. Что будет в следующем году – Бог весть... Если Его величество сочтет возможным организовать экспедицию в этом году – что же... Значит, к октябрю-ноябрю будем знать уже все подробности от самой экспедиции.

СЦЕНА 6\7. 1916 год, 25 августа. Ставка Николая Второго в Могилеве. Август-ноябрь 1916 года.

Действующие лица:

- Николай – Николай Александрович Романов (1868 г.р.), император;
- Александра – Александра Федоровна (1872 г.р.), императрица;
- их дети – дочери: Ольга (1895 г.р.), Татьяна (1897 г.р.), Мария (1899 г.р.), Анастасия (1901 г.р.), сын Алексей (1904 г.р.);
- офицеры и генералы Ставки;
- Николай Николаевич – Великий Князь (внук Николая Первого) Николай Николаевич Романов (1856-1929), с 1914 по 23 августа 1915 года – Верховный Главнокомандующий, затем наместник на Кавказе; с 1916 года – фактически участник заговора по отстранению Николая Второго от власти;
- Алексеев – Алексеев Михаил Васильевич (1857-1918), с августа 1915 г. – начальник штаба Верховного Главнокомандующего, в 1916 году – уже член масонской «Военной ложи», предавшей Николая в феврале 1917 года;
- Раев – Раев Николай Павлович (1857-?), действительный статский советник, член Совета министра народного просвещения, обер-прокурор Святейшего Синода. Находился в хороших отношениях с Г. Распутиным и даже посещал его;

ЭПИЗОД 1. Место и время действия:

25 августа 1916. Ставка Верховного Главнокомандующего

в версте от Могилева.

НАТ. НЕБОЛЬШОЙ ЛЕС, ПОЕЗД, ПАЛАТКИ. ИНТ.
ПАЛАТКА ИМПЕРАТОРА. 25 АВГУСТА 1916 ГОДА.

На экране – лес, поезд, палатки, хороший солнечный день, офицеры, охранение. В одной из палаток – Николай Николаевич и Алексеев.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ:

Михаил Васильевич, я попросил вас зайти ко мне для продолжения наших прежних обсуждений общего положения в России. Михаил Васильевич, у вас через час второй доклад Николаю?

АЛЕКСЕЕВ:

Точно так.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ:

Вчера исполнился год, как Николай принял у меня Верховное командование, а вы возглавили Его штаб. Я с удовлетворением отмечаю, что за этот год положение на фронтах и, главное, снабжение армии боеприпасами значительно улучшились – а это есть главный залог будущих успехов и будущей победы. Однако, общее положение дел в России и, главное, в близком окружении Государя, вызывает у меня большое беспокойство. Давайте, будем откровенны. Будем более откровенны, чем в прежние наши встречи.

АЛЕКСЕЕВ:

Сочту за честь, Ваше Высочайшее Превосходительство.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ:

Можете называть меня по имени отчеству. Тема, которую я с вами хочу обсудить, предполагает полное доверие.

АЛЕКСЕЕВ:

Тем более сочту за честь, Николай Николаевич.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ:

Я знаю, что вы состоите в активной переписке с Гучковым и Родзянко.

АЛЕКСЕЕВ:

Да. Это не такой уж большой секрет. Недавно я встречался еще и с господином Маклаковым, из их прогрессивного блока. Депутаты Думы вправе переписываться и встречаться с начальником главного штаба Его Императорского Величества – Верховного главнокомандующего... Хотя... Надо сказать, до меня доходят слухи, что Ее Императорское величество недовольна моими контактами с этими людьми. Впрочем, Государь мне ничего на это не пенял. Что касается переписки и встреч с депутатами, то они несколько раз говорили мне о том, что Вы до некоторой степени разделяете их беспокойство и их усилия... по искоренению негативного влияния близкого окружения на Государя. Правда, я до сих пор не знаю, насколько широка поддержка планов Гучкова и Родзянко другими влиятельными кругами, кроме их единомышленников в Думе.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ:

Поверьте, поддержка очень широка, не только в Думе. У меня на Кавказе часто собираются недовольные Николаем очень влиятельные люди нашего круга. Кроме того, в Министерстве Внутренних дел многие сочувствуют нам; Земгоры, Военно-промышленные комитеты, Красный Крест – все на нашей стороне. Имен называть вам не буду, их очень много. Скажу только, что даже родная сестра Александры – Элла – настроена действовать решительно. Николай и Александра давно противопоставили себя большинству прежних друзей. Николаем давно командует Александра, а в последние годы, через нее – Распутин! Самое малое, что мы обязаны сделать ради блага России – это покончить с Распутинным и изолировать Александру Федоровну. Затем Царь должен отречься от престола в пользу Цесаревича, при регентстве брата Царя.

АЛЕКСЕЕВ:

Николай Николаевич, я – человек военный...

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ:

как и я.

АЛЕКСЕЕВ:

Как и вы, да. Я полагаю, что военные в данной ситуации, во время войны, не должны участвовать в этом деле, в политическом перевороте фактически, непосредственно. Предположим, Государь отречется от престола... Если в армии узнают, что военное руководство принимало в этом участие... Это может расколоть армию.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ:

Согласен. Однако, мы должны скрытно помогать нашим гражданским друзьям и быть готовыми изолировать Николая от верных ему частей в решительный момент. Кто еще из генералов Ставки посвящен в наши планы?

АЛЕКСЕЕВ:

Генерал-адъютант Рузкий, Николай Владимирович. Вы его хорошо знаете.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ:

Да, конечно.

АЛЕКСЕЕВ:

Разрешите, Николай Николаевич, высказать мою личную точку зрения на план относительно Государя, в целом.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ:

Конечно, Михаил Васильевич. Прошу вас.

АЛЕКСЕЕВ:

Я полагаю, оздоровления власти в России можно достичь, не требуя отречения Государя. Достаточно покончить с Распутиным и изолировать Государя от супруги. Например, арестовать ее здесь в Ставке – благо она сюда частенько приезжает – и выслать в монастырь, запретив переписку с Царем. Общество, я думаю, воспримет этот шаг положительно. Армия – тоже. И так всюду ходят слухи о ее связях с немецкими родственниками. Говорят даже о предательстве. Все будут довольны. А Государю придется покориться обстоятельствам.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ:

Вы все же плохо знаете Государя. Он не потерпит этого. Кроме того, честно говоря, ни прямых, ни даже косвенных улик о ее немецких связях нет. Она – патриот России не меньше, чем... Чем мы с вами (натянута улыбается). Однако, весь ее патриотизм направлен на изоляцию Николая от здоровых сил общества и против нас. Нам не нужны патриоты, которыми командует Гришка Распутин. Если бы против нее или хотя бы против Гришки были хотя бы минимальные косвенные улики – прямых и не надо – за нами дело уже давно не стало бы.

АЛЕКСЕЕВ:

Что же... Это все... Вам виднее. Я, со своей стороны, обещаю вам сделать все, что необходимо в армии, чтобы изолировать Государя в нужное время. Когда оно наступит?

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ:

Сначала необходимо убрать Распутина. Это тоже не так просто. Но это мы сделаем до Рождества. В Петрограде много желающих покончить с этим грязным мужиком... До сих пор не пойму, чем он так покори́л их! ... Вам пора идти на доклад?

АЛЕКСЕЕВ:

Точно так, Ваше Высочайшее Превосходительство.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ:

Николай ничего не подозревает?

АЛЕКСЕЕВ:

Он – ничего. Но вот Александра Федоровна... Она ненавидит Гучкова и Родзянко. И других наших друзей. Государь находится под ее влиянием.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ:

Это я знаю. Ничего. Счет пошел на месяцы, если не на недели. Сначала покончим с ее милым другом Гришкой, а потом и до нее доберемся... Вам необходимо готовиться к докладу у Николая, Михаил Васильевич?

АЛЕКСЕЕВ:

Да, необходимо дополнительно уточнить некоторые данные.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ:

Что же, готовьтесь. До свидания, Михаил Васильевич. Завтра я отбываю в свой штаб, на Кавказ – до следующей встречи.

Прощаются, Николай Николаевич выходит из палатки, идет к поезду.

СПРАВКА: см. В. Кобылин. Анатомия измены. Истоки антимоноархического заговора. – СПб, 2005

НАТ.\ИНТ. ПОЕЗД НИКОЛАЯ, ИМПЕРАТОРСКИЙ ВАГОН. ТОТ ЖЕ ДЕНЬ.

На экране – поезд Николая Второго. В императорском вагоне – Николай и Раев (в облачении обер-прокурора Св. Си-

нода).

НИКОЛАЙ:

Итак, с формальностями, связанными с вашим вступлением в должность обер-прокурора мы покончили. Еще раз, Николай Павлович, я прошу вас большее внимание уделить подготовке к проведению Поместного Собора – для восстановления Патриаршества. Я уверен, я вижу – вы понимаете всю огромную важность этого события для России.

РАЕВ:

Да, Государь. Я понимаю. Позвольте еще раз уточнить: считаете ли Вы возможным провести Поместный собор еще до окончания войны?

НИКОЛАЙ:

Я не думаю, что война продлится более года. Мы преодолели все трудности первых лет. Наши союзники по Антанте также набирают силу. Брусиловское наступление спасло их армии под Верденом. Скажу вам по секрету, что в начале следующего года возможно вступление в войну против Германии Американских Соединенных Штатов. В любом случае – экономика Германии не выдержит войны на два фронта более полутора лет.

РАЕВ:

Предварительно я полагаю, что подготовка Поместного собора займет у нас около года.

НИКОЛАЙ:

Чем раньше, тем лучше, Николай Павлович. Если – не дай Бог – война затянется или начнется в тылу новая Смута, вроде 1905 года... Только независимая Церковь, только Патриарх и соборное единство смогут умиротворить общество.

РАЕВ:

Смирить всех в вере.

НИКОЛАЙ:

Да, смирить всех в вере и окончательно победить врагов.

РАЕВ:

Как внешнего супостата, так и внутренних смутьянов.

НИКОЛАЙ:

Да, да... Теперь о другом, Николай Павлович... В начале августа мне передали телеграмму из Эривана, от командира нашей авиационной базы, расположенной близ Арарата. Он телеграфировал, что наши авиаторы, облетая Арарат, обнаружили на его южном склоне... Как вы думаете, что они там увидели?

РАЕВ

(потрясенно):

Поскольку вы мне об этом рассказываете, а не военным, то... Неужели... Неужели Ноев Ковчег?!

НИКОЛАЙ:

Да, Николай Павлович, да! Неделю назад я получил подробный отчет командира этого отряда авиаторов, который видел Ковчег своими глазами, с высоты 14 тысяч футов – на южном склоне Арарата. Он пишет, что это лето

в Армении на редкость жаркое, ледники отступили высоко к вершине и обнажили то, что было скрыто ранее льдами. Он предполагает, что именно это обстоятельство – льды – сохранило Ковчег чуть ли не в полной сохранности. Сверху было видно, что только часть кормы разрушена.

РАЕВ

(взволнованно):

Как же он выглядел?

НИКОЛАЙ

(берет письмо, передает его Раеву):

Смотрите, Николай Павлович, здесь и рисунок есть.

РАЕВ

(читает, смотрит рисунок):

Удивительно! Давайте, глянем в книгу Бытия, глава шестая, я помню – там ведь размеры Ковчега указаны..., да я и так помню: «длина ковчега триста локтей, ширина его пятьдесят локтей и высота – тридцать локтей». Я помню, митрополит Филарет двадцать лет тому назад вычитывал в Писании о мерах локтей... И, помнится, высчитал он, что в футах это будет... Длина 500 футов, ширина – 80 футов и высота – 50 футов. Около того и этот полковник, Курбатов, теперь пишет... Вот... А в метрах – 150 на 30 на 15, или около того.

НИКОЛАЙ:

Что вы знаете об исторических источниках? Кто-либо ранее видел Ковчег? Есть ли письменные упоминания о нем?

РАЕВ

(задумавшись):

Насколько я помню, письменные источники поисков Ковчега восходят к 1269 году, когда Марко Поло упомянул о том, что «на далекой земле Армении во льдах высокой горы покоится Ноев ковчег». В прошлом веке, кажется, дважды до нас доходили слухи о том, что неким искателям-одиночкам – кажется, туркам – удавалось найти его, но материальных свидетельств их успеха не сохранилось. Иначе об этом знал бы весь мир!

НИКОЛАЙ:

Дорогой Николай Павлович, я распорядился организовать экспедицию на Арарат, из Туркестанского военного округа отобрать 150-200 хорошо физически подготовленных офицеров и солдат, и не менее 50-ти со специальной горной подготовкой. Они уже собираются в экспедицию. Я прошу вас откомандировать в Эриван немедленно двух священников, физически готовых и образованных отлично именно по части легенды и всех сведений исторических о Ноевом ковчеге. Я предполагаю, что в сентябре экспедиция будет готова к восхождению. Надеюсь, что не позже января-февраля мы получим подробнейший отчет. Со всеми обмерами, с фотографиями, с образцами использованных в судне материалов. Это вторая к вам просьба – составить полный перечень того, что необходимо сделать экспедиции с точки зрения Церкви.

РАЕВ:

Сегодня же начну!

НИКОЛАЙ:

Да, на днях это закончите и со священниками передайте в экспедицию. Встретьтесь также с князем Путятыным по этому делу – он много занимается всякими древностями и в ученном мире уважаем. Надеюсь, что более недели все эти дела у вас не займут.

РАЕВ:

Не сомневайтесь, Государь!

НИКОЛАЙ:

Теперь еще один вопрос, Николай Павлович... Мне здесь в Ставке, конечно, некогда особенно размышлять об этом удивительном Знамени... Но все же... Что вы думаете, что это Знамение значит для России? Для мира?

РАЕВ

(задумавшись):

Конечно... Не может быть случайной такая находка... Такое открытие... Это знамение...

НИКОЛАЙ:

Не спешите с ответом, Николай Павлович. Будете в Петрограде, обсудите это с Григорием Ефимовичем. Вы ведь время от времени встречаетесь с ним по-прежнему?

РАЕВ:

Да, конечно, встречаюсь с превеликим удовольствием и интересом каждый раз. Я Григория Ефимовича называю про

себя... Последний Волхв Империи. Первый, как Вы, Государь, помните, при Вещем Олеге был, тысячу лет назад. Да, ровно тысячу.

НИКОЛАЙ

(задумчиво):

Последний Волхв Империи? Волхв – да, пожалуй, ... А почему – «Последний»?

РАЕВ:

По времени... Может, в далеком будущем и еще такие будут, но такие как Григорий Ефимович очень редко рождаются... Разве что монах Авель вот был сто лет назад..., впрочем, простите, Государь, вспомнил ваш указ 1902 года – это имя не упоминать в печати.

НИКОЛАЙ:

Ничего, ничего. Времена изменились. Что касается Авеля... О нем печать давно благополучно забыла. Их волнует и притягивает всякая грязь, слухи и сплетни. Стыдно читать левые газеты... Однако, мы не о том. Прощайте, Николай Павлович. До следующей встречи.

На экране – поезд Николая Второго. Он выходит из своего вагона, к нему подходит сын Алексей, показывает рукою на большой автомобиль, стоящий недалеко.

АЛЕКСЕЙ:

Папа, господин Кегресс показывал мне новый автомобиль,

который по бездорожью может ездить! Поехали к Орше, на Днепр! Там Мама и девочки, на нашем месте. Есть у тебя часик для этого?

НИКОЛАЙ

(смотрит на брелочные часы, спрашивает что-то у г. Кегресса):

Что же, за час-полтора вполне управимся, туда и обратно. И искупаться успеем. Поехали!

(подзывает дежурного офицера):

Передайте Алексеву, что я жду его доклад через полтора часа. Господин Кегресс, разрешите я сяду за руль – я сам проведу испытания вашего вездехода в полевых условиях.

АЛЕКСЕЙ:

Папа, а мне можно будет порулить?

НИКОЛАЙ:

Когда снова выедем на шоссе... Попробуешь, обещаю.

Садятся в автомобиль, трогаются с места, съезжают с дороги, едут вдоль обочины, сворачивают в поле.

НАТ. БЕРЕГ ДНЕПРА. ТОТ ЖЕ ДЕНЬ.

Далее на экране – берег Днепра, небольшой уютный пляж, окруженный лесом. На пляже – Александра (сидит в кресле), дочери бегают по берегу, по краю воды. Автомобиль с Николаем и Алексеем подъезжает к краю небольшого обрыва, за рулем – гордый Алексей. Николай кладет ему руки на плечи. Дочери в восторге подбегают к автомобилю, окружают

Алексея, снимают с него шоферскую фуражку, краги – примеряют на себя. Старшая, Ольга, просит Николая пустить ее за руль. Николай отрицательно качает головой. Вместе идут к пляжу. Николай и Алексей раздеваются.купаются, вместе с девочками. Александра ходит по краю воды.

НИКОЛАЙ

(обтираясь полотенцем):

Я покидаю вас до ужина. У меня еще доклад Алексеева и совещание со штабными. Господи, как хорошо с вами со всеми!

Идет к автомобилю Кегресса, садится за руль. Отъезжают.

ИНТ. ШТАБНОЙ ВАГОН ЦАРСКОГО ПОЕЗДА. ВЕЧЕР ТОГО ЖЕ ДНЯ.

На экране – поезд Николая Второго. В штабном вагоне – Николай и Алексеев.

НИКОЛАЙ:

Итак, Михаил Васильевич, оперативную обстановку вы мне доложили. Похоже, румыны все же не удержат фронт против германцев.

АЛЕКСЕЕВ:

Да, это вопрос времени. Три-четыре месяца, не более.

НИКОЛАЙ:

Теперь о другом. Меня беспокоит нехватка людей для работы в прифронтовой полосе армии. Что в Казахстане? Как идет мобилизация инородцев на тыловые работы в прифронтовой полосе?

АЛЕКСЕЕВ:

Согласно Вашему указу от 25 июня 1916 г. о мобилизации на тыловые работы в районы действующей армии из Туркестана и Казахстана должно быть мобилизовано до пяти-сот тысяч инородцев из коренных жителей; в основном из Казахстана. В начале августа в Семиречье и затем в Верненском уезде произошли бунты недовольных начавшейся мобилизацией. Общее число восставших туземцев доходило 10 тысяч человек. К настоящему времени бунтовщики усмирены силою восьми рот из Андижана и Верного. Приходилось применять даже артиллерию.

НИКОЛАЙ:

О восстании туземцев мне докладывал вчера Николай Николаевич. Он уже отбыл на Кавказ?

АЛЕКСЕЕВ:

Завтра отбывает.

НИКОЛАЙ:

Мобилизованные начали прибывать к местам назначения?

АЛЕКСЕЕВ:

Точно так, Ваше величество. По состоянию на вчерашний день в прифронтовые районы прибыли и уже приступили к

работе до 150 тысяч туземцев. Остальные будут прибывать и размещаться во временных строениях на протяжении сентября.

НИКОЛАЙ:

Михаил Васильевич, поручите нашим тыловым службам особо озаботиться тем, чтобы к началу холодов временные строения были утеплены, а туземцы – тепло одеты.

АЛЕКСЕЕВ:

Точно так, Государь. Я уже отдал соответствующие распоряжения. Хотя, должен заметить, казахи терпеливы и привычны к морозам – это не диковинка для них.

НИКОЛАЙ:

Ну да, поэтому и мобилизуем в основном казахов, а не туркмен или кыргизов... Теперь, Михаил Васильевич, более общие вопросы. Я просил вас подвести итоги нашим общим потерям за два года войны и общему анализу положения в стране с военной точки зрения. Я вас слушаю.

АЛЕКСЕЕВ:

Общие военные потери к настоящему времени таковы: без малого 1.5 миллиона убитых, около 4 миллионов раненных, немного более 2 миллионов пленных. К настоящему времени было призвано в армию 15 миллионов человек.

НИКОЛАЙ

(после некоторого молчания):

Ужасные цифры. Ужасные потери... Каковы примерные потери австро-германской армии? Намного меньше?

АЛЕКСЕЕВ:

Конечно, в этой части данные гораздо менее точные, но примерно можно сказать, что наши потери соотносятся с потерями австро-германских войск на восточном фронте как 1.7 к 1. Немцы умеют воевать.

НИКОЛАЙ:

17 к 10-ти... Да, и отношение потерь прискорбное для нас...

АЛЕКСЕЕВ:

Правда, основные наши потери имели место в первые полтора года войны. В последние полгода соотношение потерь почти равное.

НИКОЛАЙ:

Каков качественный состав войск теперь по сравнению с первым годом войны?

АЛЕКСЕЕВ:

Кадровые офицеры, геройски водившие наших солдат в атаку в первый год войны, почти все – на 80% выбиты... Погибли. Они ведь, по старым традициям нашей армии, шли впереди солдат, а не за ними... Военные офицерские училища не обеспечивают армию качественным и опытным офицерским составом. На командирских должностях низшего звена теперь в основном призванные из запаса прапорщики. Конечно, они воюют беззаветно, но недостаток военного образования все же часто сказывается.

НИКОЛАЙ:

И тем не менее, воевать стали лучше?

АЛЕКСЕЕВ:

Да, лучше. Я полагаю, это связано со значительным улучшением в вооружении и снабжении. «Снарядный голод» полностью преодолен. Ну, и опыта все же набрались наши высшие офицеры и генералы. Если бы такое снабжение армии было обеспечено с самого начала войны... Мы бы уже в Германии воевали бы.

НИКОЛАЙ:

Я слышал, что резервные части, расквартированные в столице – новобранцы, запасные и ополченцы – ни по боевому духу, ни по обучению не соответствуют требованиям военного времени. Я слышал, что среди них активно агитируют смутьяны. Что эти части ненадежны. Какие у вас сведения?

АЛЕКСЕЕВ

(с некоторой запинкой, чуть смущенно):

У меня таких сведений нет. По моим сведениям, части петроградского гарнизона надежны, Ваше Величество.

НИКОЛАЙ

(внимательно смотрит на Алексеева):

Я прошу вас, генерал, обратить на состояние петроградского гарнизона и его резервов особое внимание. Вы понимаете важность надежного тыла в столице?

АЛЕКСЕЕВ:

Так точно, Ваше величество. Понимаю. Однако, разреши-

те вопрос?

НИКОЛАЙ:

Я слушаю.

АЛЕКСЕЕВ:

Вы, Государь, вероятно знаете о множестве слухов и сплетен вокруг Григория Распутина?

НИКОЛАЙ

(смотрит в окно вагона):

Я слушаю вас.

АЛЕКСЕЕВ:

Петроград полон слухами о его влиянии на Ее Императорское величество. Левая печать подхватывает все эти слухи. Все это доходит до солдат, даже на передовой. Говорят, что Распутин диктует Государыне состав правительства, что пишет ей и министрам ежедневно записки с требованиями кого-то снять, кого-то назначить, кому-то помочь... Я не глуп и понимаю, что слухи могут быть преувеличены. Возможно, он написал не сотни, а лишь десяток записок с просьбами кого-то назначить, кому-то помочь... Возможно, лишь несколько из этих просьб были выполнены Вами или Государыней... Но слухи расползлись слишком широко. И я не вижу возможностей противостоять этим слухам. Надо что-то делать, Государь! Зачем Вам и Ее Величеству нужен этот грязный темный мужик?

НИКОЛАЙ

(поворачивается к нему лицом, возмущенно, но тихо и уверенно):

И вы, генерал, смеете здесь повторять мне эти мерзкие сплетни?!

АЛЕКСЕЕВ:

Простите, Государь! Но я должен сказать вам это!

НИКОЛАЙ:

Что еще?!

АЛЕКСЕЕВ:

Через него, через Григория, вокруг вас собирается клубок темных личностей, недостойных своих высоких постов или близкой дружбы с вами: Вырубова, Штюрмер, Раев, Питирим... Все они – друзья Гришки! О них в Петрограде говорят на каждом углу. У многих на устах зреет слово «измена» ...

НИКОЛАЙ

(резко, но спокойно):

Михаил Васильевич... Генерал, замолчите. Вы лезете в сферы, которые вас совершенно не касаются.

АЛЕКСЕЕВ:

Последнее, Государь! Не позволяйте Ее Величеству вмешиваться в политику! Через нее Россией правит Гришка Распутин!

НИКОЛАЙ

(очень тихо, в окно вагона):

вон отсюда!

(оборачиваясь к Алексею, громче, спокойно)

*Идите исполнять ваши непосредственные обязанности!
Вы свободны!*

Алексеев уходит. Николай садится на стул, закрывает лицо рукой.

ИНТ. ШТАБНОЙ ВАГОН АЛЕКСЕЕВА.

На экране – вагон Алексеева. Он пишет себе в дневник (повторяет вслух):

«Ну, что можно сделать с этим ребенком! Пляшет над пропастью и... спокоен. Государством правит безумная женщина, а около нее клубок грязных червей: Распутин, Вырубова, Штюмер, Раев, Питирим...»

СПРАВКА: см. В. Кобылин. Анатомия измены. Истоки антимоноархического заговора. – СПб, 2005, стр.252

НАТ. ИНТ. ЦАРСКИЙ ПОЕЗД, ВАГОН НИКОЛАЯ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР ТОГО ЖЕ ДНЯ.

В императорском вагоне – Николай и Александра. Алексей, пожелав родителям спокойной ночи, уходит. Александра идет пожелать доброй ночи дочерям. Возвращается в вагон.

АЛЕКСАНДРА:

Ты чем-то сильно расстроен, Ники?

НИКОЛАЙ:

Алексеев доложил мне о наших потерях с начала войны...

Потери огромны...

АЛЕКСАНДРА:

Это ужасная война.

НИКОЛАЙ:

Боюсь, что наши умники в Думе и их друзья из наших родственников не дадут мне довести эту войну до победы... Они не остановятся ни перед чем. Думаю, что жизнь Григория в опасности.

АЛЕКСАНДРА

(тихо, со слезами на глазах):

Он давно знает срок своей гибели. Он сам один раз говорил мне об этом – но не назвал срок. Неужели Бог попустит злодейство?!

НИКОЛАЙ:

На все Воля Божия.

АЛЕКСАНДРА

(очень нервно):

После... они потребуют твоего отречения? Или потребуют, чтобы ты отправил меня в монастырь?

НИКОЛАЙ:

Милая, милая Аликс! Как ты можешь так думать!

АЛЕКСАНДРА:

Этот Ноев ковчег... Это знамение не только для России, но и для нас: спасайся кто может!

НИКОЛАЙ:

Я тоже так думаю. Но ведь Бог заключил Завет с Ноем. Бог спас его и заключил с ним Завет.

АЛЕКСАНДРА:

Быть может, это знак, что Бог спасет Россию?

НИКОЛАЙ:

Ты ведь знаешь, я готов принести себя в жертву ради спасения России. Если для этого понадобится мое отречение...

АЛЕКСАНДРА:

Ники! Нет! Мы сделаем все, что мы должны делать для России! Отречение – это поражение. Мы будем сражаться с этими скотами! Я чувствую, что за ними, за этими родзяками и гучковыми стоит какая-то страшная сила... Дьявольская сила. Нельзя допустить, чтобы они победили в России! Им мало будет твоего отречения. Им нужна республика! Они не понимают, что вслед за этим Россия погрузится в бездну Смуты, анархии!

НИКОЛАЙ:

Да, еще покойный Дурново, за полгода до войны – в феврале 14-го – предупредил, что война закончится революцией, а революция – бунтом и анархией. Я недавно перечитывал его записку

(достает из стола папку, открывает ее, читает):

«Война эта чревата для нас огромными трудностями и не может кончиться триумфальным шествием в Берлин. Неизбежны и военные неудачи – будем надеяться, частичные – неизбежными окажутся и те или иные недочеты в

нашем снабжении. При исключительной нервности нашего общества этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение... Начнется с того, что все неудачи будут приписываться правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него... В стране начнутся революционные выступления. Армия, лишившаяся наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить основой законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные авторитета в глазах населения оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые

(Николай поднимает голову, повторяет):

Ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению».

АЛЕКСАНДРА:

Петр Николаевич... Куда делись такие люди? Верные, умные, решительные! Во власть рвутся всякие скоты, а то и просто... Как это по-русски?.. Рвань... Как мы не хотели этой войны! Но судьбу не переломить. Этот английский астролог, потом Авель, потом Святой Серафим – все они предсказали эту войну... А ты помнишь, как Григорий молился о том, чтобы не было войны, какие отчаянные теле-

граммы он слал нам летом 1914-го из Покровского?

НИКОЛАЙ:

Конечно помню... Но война началась, и он сильно переменялся: много пьет, дебоширит. Попадает в скандальные газетные хроники. Он повел себя все же не как мудрый старец, а по мужицки: мол, снова пропадать!

АЛЕКСАНДРА:

Нет, милый, не так. Он приносит себя в жертву ради нас. Он вызывает на себя огонь наших врагов, чтобы показать их нам! Каждый его скандал как прожектор высвечивает наших врагов.

НИКОЛАЙ:

Может быть... Может быть и так. Но эти скандалы делают врагами также некоторых из тех, кто был ранее предан нам.

АЛЕКСАНДРА:

Нам не нужны друзья, которые из-за скандального мужика могут стать нашими врагами! И потом, ты говоришь, что он много пьет. Но, заметь, все его советы по-прежнему толковы и точны.

НИКОЛАЙ:

Все же... Мнения нашего Друга о людях бывают иногда очень странными. Ты сама это знаешь. Поэтому надо быть осторожным, – особенно при назначении на высокие должности... Лет десять назад Вильгельм говорил мне, что при назначении на высокие должности он выбирает из несколь-

*ких равноценных кандидатур. А мы... И одного-то с трудом
найдешь. о-интеллигентские партии будут не в силах сдер-
жат*

АЛЕКСАНДРА:

И это в нашей огромной России! ...

(Встает, подходит к окну вагона):

*Через десять дней я с девочками возвращаюсь в Царское.
Я спрошу нашего Друга. Кто может стать министром
внутренних дел? Кстати, он рассказывал мне, что несколь-
ко раз к нему приходил Пуришкевич – просил поставить на
это министерство его. Но Григорию он не нравится.*

НИКОЛАЙ:

*Пуришкевич?! Ну уж нет. Он склонен к истерикам. Воз-
можно... Протопопов? Он, по-моему, порядочный человек.
И лоялен нам. Он пользуется авторитетом в Думе – это
важно. Он возглавлял думскую делегацию в Англию и имел
там большой успех. К нему благоволит Родзянко – это то-
же важно. Протопопов может примирить нас с Думой.*

АЛЕКСАНДРА:

*Протопопов? Я спрошу у нашего Друга. Я попрошу его по-
говорить с Протопоповым. Григорий скажет, тот ли это
человек.*

ВОСЬМАЯ СЕРИЯ. 1916 год.

СЦЕНА 1\8. Корнилов в 1916 году

Место и время действия:

2 сентября 1916 года; Ставка Верховного Главнокомандующего в версте от Могилева, в небольшом густом лесу (как всегда, в начале каждой сцены или эпизода – место и время действия обозначено внизу экрана и голосом за кадром).

Действующие лица:

– Николай – Николай Александрович Романов (1868 г.р.), император;

– Корнилов – Корнилов Лавр Георгиевич (1870-1918), генерал, командир 48-й пехотной дивизии 8-й армии (генерал Брусилов). При общем отступлении 48-я дивизия попала в окружение и получивший ранение генерал Корнилов в апреле.1915 у Дуклинского перевала (Карпаты) был захвачен в плен; в плену у австрийцев с апреля.1915 по июнь 1916. Переодевшись в форму австрийского солдата, в июне.1915 бежал из плена. Командир 25-го стрелкового корпуса с июня.1916 по апрель 1917. Худощавый, загорелый, небольшого роста, с монгольским лицом.

– Александра – Александра Федоровна (1872 г.р.), императрица;

НАТ. ЦАРСКИЙ ПОЕЗД В ЛЕСУ. ИНТ. САЛОН-ВАГОН НИКОЛАЯ. 2 СЕНТЯБРЯ 1916 ГОДА.

На экране – поезд Николая Второго. Камера показывает великолепную отделку обшивки вагонов. В императорском

вагоне – Николай и Корнилов, недавно бежавший из плена. На его груди – ордена Св. Георгия 4-й и 3-й степеней, орден Св. Владимира, другие награды. За окном – дождь, затем солнце.

НИКОЛАЙ:

Лавр Георгиевич, вы – и такие как вы – слава и гордость нашей армии и России. Я читал все статьи в наших газетах, посвященные вам и вашему удивительному побегу из замка Эстергази. Однако, все же, как вам удалось настолько убедительно изобразить тяжелое нервное расстройство, что австрийцы поверили и перевели вас в тюремную больницу под Будапештом?

КОРНИЛОВ:

Ваше Императорское Величество... Спасибо за добрые слова, во-первых. Что до симуляции нервного расстройства... Я ведь в начале века, до Русско-японской, пять лет военным разведчиком был – в Персии, в Афганистане, в Китае, в Индии. Кого я там только не изображал! И путешественника, и купца, и мусульманина... Уж на что хитра и сильна в тех краях английская разведка, а ни разу они меня там не заподозрили (довольно улыбается).

НИКОЛАЙ:

Святого Владимира вы ведь за военную разведку и получили?

КОРНИЛОВ:

Так точно, Ваше Императорское Величество!

НИКОЛАЙ:

А Святого Георгия, первый раз, за бои под Мукденом?

Так?

КОРНИЛОВ:

Три пехотных полка я вывел из той мясорубки... Однако, японскую кампанию я – простите – не люблю вспоминать. Простите за откровенность. Да и к орденам я никогда не стремился, Ваше Величество.

НИКОЛАЙ:

Знаю, знаю, генерал! За это вас и любит вся Россия! ... Лавр Георгиевич, вы ведь не только боевой генерал, но и ученый. Мне рассказывал князь Путятин о вашей книге «Кашгария и Восточный Туркестан». Я знаю, что и ваши статьи о Востоке высоко оценены в научных кругах.

КОРНИЛОВ:

Спасибо, Ваше Императорское Величество... Но это – в прошлом. Теперь надо немцев и австрийцев бить.

НИКОЛАЙ:

С такими генералами как вы – не сомневаюсь в победе!

КОРНИЛОВ

(резковато):

А вот в армии – сомневаются! Я после плена месяца в войсках – и уже убедился... Армия полна слухами о головопашестве в правительстве и об измене в верхах!

НИКОЛАЙ:

Вы о чем, Лавр Георгиевич? Снарядный голод преодолен. Снабжение армии налажено. Фронты стабильны. Мы скоро пойдем в новое наступление. Вы о чем?

КОРНИЛОВ:

Простите, Ваше Императорское Величество! Я человек простой, из сибирских казаков. Позвольте прямо сказать, что думаю.

НИКОЛАЙ

(спокойно):

Конечно, генерал. Для этого я вас и пригласил, для откровенного разговора.

КОРНИЛОВ:

Думаю, Ваше Величество, Вы и сами догадываетесь, что я скажу.

НИКОЛАЙ:

Догадываюсь... Но... хочу от вас услышать. Именно от простого мужика из Сибири. От казака, прошедшего весь путь до боевого генерала.

КОРНИЛОВ:

Вот именно, Ваше Величество! Другой сибирский мужик теперь все дело портит! В Петрограде Вашей супругой командует! В армии уже и о прямой измене говорят! Всякие Рубинштейны да Манусевичи к войне присосались через него, через Гришку Распутина! Пьют русскую кровь! Зачем Вам этот подлый мужик, Ваше Величество? Прогоните его!

НИКОЛАЙ

(слегка побледнев, но спокойно):

И вы, генерал... У вас есть личные друзья?

КОРНИЛОВ:

Конечно, Ваше Величество.

НИКОЛАЙ:

И что же, если вам солдаты говорить начнут, чтобы вы от них избавились! Вы что солдатам скажете?

КОРНИЛОВ:

Мои друзья во время войны не трутся по салонам петроградским и в ресторанах пьяные дебоши не устраивают!

НИКОЛАЙ:

Вы верите слухам и сплетням?

КОРНИЛОВ: *Когда отовсюду одно и то же говорят... Когда во всех газетах об этом пишут... Когда его имя связывают с именем Ее Величества? Когда депутаты в Думе об этом говорят – этого мало, Ваше Величество?*

НИКОЛАЙ

(тяжело вздохнув):

И вы... Вместо того, чтобы пресекать слухи и сплетни... Верите им. Вот и депутаты верят.

КОРНИЛОВ:

Если это сплетни – найдите тех, кто их распускает. Арестуйте их. В военное время сплетни о Царской Семье, о правительстве – это преступление!

НИКОЛАЙ:

Этак мне половину Думы арестовать придется...

КОРНИЛОВ:

Распустите Думу! Но Вы же ничего этого не делаете, Государь!

НИКОЛАЙ:

Спасибо за советы, генерал. Не смею вас больше задерживать. Последний вопрос. Вы хорошо знаете Восток, Кавказ... Бывали и в Армении?

КОРНИЛОВ:

Так точно.

НИКОЛАЙ:

Слышали легенды о том, что Ноев Ковчег находится на горе Арарат, под ледниками?

КОРНИЛОВ:

Слышал. Однако, думаю, это миф, Ваше Императорское Величество. Был ли Всемирный Потоп вообще? Это легенда. Как ученый, я не верю в мифы.

НИКОЛАЙ:

Но ведь об этом рассказано в Священном Писании! Как же можно не верить?

КОРНИЛОВ:

Я верю в Бога и служу Царю и Отечеству!

НИКОЛАЙ

(чуть помедлив):

Благодарю за службу, генерал. Вы свободны, Лавр Георгиевич.

Корнилов встает, отдает честь, разворачивается и уходит. Над лесом после дождя сияет радуга. Корнилов на ходу вытирает вспотевший лоб, смотрит на радугу.

КОРНИЛОВ

(тихо, про себя):

Радуга... В сентябре? ... Ноев ковчег... Сами вы – Ноев ковчег со своим Гришкой! А Россию затопит скоро... Слаб, слаб Николай...

На экране – вновь поезд Николая Второго. В императорском вагоне – Николай, разбирает документы. Корнилов недавно ушел. Входит Александра.

АЛЕКСАНДРА:

Ники, Корнилов уже ушел? Я так хотела встретиться с ним!

НИКОЛАЙ:

Да, ушел. Он сегодня отбывает на фронт, в свой корпус.

АЛЕКСАНДРА:

Ты чем-то огорчен?

НИКОЛАЙ

(помолчав):

Не более, чем обычно в последние недели.

АЛЕКСАНДРА:

И он? И Корнилов тоже?

НИКОЛАЙ:

Да, Аликс. Вновь о Распутине, вновь сплетни..., и я должен выслушивать сплетни от моих генералов! Не говоря уже о «милых» родственниках и Великих князьях!

АЛЕКСАНДРА:

Ты поставил его на место?

НИКОЛАЙ:

Лавра Георгиевича? Боевого генерала? Русского героя, только что бежавшего из плена?

АЛЕКСАНДРА:

*Что же делать, Ники? Так не может продолжаться! Эти сплетни ищрятся, растекаются по России, проникают в армию! Во время войны! ... Аня пишет, что в Петрограде молодые аристократы забавляются тем, что **ВЫДУМЫВАЮТ** новые сплетни о нашем Друзе и о нас! Они распускают нелепые сплетни, газеты подхватывают их, скоты из Думы кликушествуют, делают все новые и новые запросы... И все это мутной грязной волной растекается по России!*

НИКОЛАЙ:

Ты же знаешь, чтобы прекратить это, я встречался с министром юстиции, еще ранее – с Коковцевым. Недавно – с Мосоловым...

АЛЕКСАНДРА:

И что же Александр Алексеевич? Он ведь начальник придворной цензуры. Он должен следить за тем, чтобы не допускать оскорблений в наш адрес!

НИКОЛАЙ:

Да, он цензурирует все статьи, где имя Григория сопоставляется с нашей семьей. Но газетчики изощряются в полунамеках – и этого достаточно для читателей. Мосолов советовал подавать в суд на каждую газету, распространяющую грязные слухи. Но...

АЛЕКСАНДРА:

Этого не хватало! Унижаться до судов со скотами?!

НИКОЛАЙ:

Да, конечно, Аликс. Это невозможно.

АЛЕКСАНДРА:

Боже, Боже! ... Предположим, Григорий не был бы нашим Другом. Предположим, он не был бы полезен нам своими точными предсказаниями и проницательностью. Предположим, – прости Господи, только предположим, – мы могли бы порвать с ним все связи и отослать в Покровское навсегда... Но как же Алексей?! Он ведь столько раз спасал мальчика от смерти! Без него мальчик погибнет!

НИКОЛАЙ:

Мы не можем никому сказать о болезни Алексея, ни полуслова... Григорий – наш настоящий Друг. Я сильно надеюсь на его слова...

АЛЕКСАНДРА:

Что после 18-ти лет он «вырастет из болезни». Да! Я верю в это!

НИКОЛАЙ:

Остается только терпеть.

АЛЕКСАНДРА:

Нет, Ники! Это невозможно терпеть! Идет война! Клевета и сплетни против правительства и нашей семьи – это преступление! Ты должен распустить Думу и арестовать эту гнусную кампанию – Гучкова, Львова, Милюкова и всех этих «прогрессистов».

НИКОЛАЙ:

Газеты поднимут такой вой, что будет только хуже...

АЛЕКСАНДРА:

Закрой эти газеты!

НИКОЛАЙ:

Аликс, Аликс! Милая моя забияка... Распустить Думу, арестовать чуть не половину депутатов, закрыть газеты... Это будет рассматриваться нашими союзниками по Антанте как государственный переворот, как возвращение к абсолютной монархии. Они расторгнут многие соглашения с нами... К тому же и у нас в России это вызовет волнения... Алексеев говорит, что в этом случае и в армии могут начаться волнения. Я думаю, он прав. Это невозможно.

АЛЕКСАНДРА:

Алексеев... Гучков, умная скотина, опутывает его как паук. Боже, помоги нам...

Камера показывает окно вагона; осенний вечер за окном, люди в военной форме. Темнеет. Затем на экране – отъезд

Александры с дочерьми из Ставки, уходящий поезд. Поезд подходит к Царскому селу; Александра с дочерьми идет к Александровскому дворцу.

Николай пишет ей письмо в Ставке, в своем вагоне. Она пишет письмо ему из Царского села. Ее голос за кадром:

АЛЕКСАНДРА:

22 сентября 1916... Я почти всю ночь не спала – каждый час, каждые полчаса смотрела на часы (не знаю почему, т.к. провела очень приятно и спокойно вечер) ... Мы проговорили с Протопоповым целых полтора часа... Очень умен, вкрадчив, великолепные манеры, говорит по-французски и по-английски... Я очень откровенно говорила с ним, что твои приказы систематически не выполняются, кладутся под сукно, о том, как трудно верить людям... Я больше уже ни капли не стесняюсь и не боюсь министров и говорю по-русски с быстротой водопада! И они имеют любезность не смеяться над моими ошибками. Они видят, что я полна энергии и передаю тебе все, что слышу и вижу, что я твоя твердая опора в тылу... Твои глаза и уши. Глубоко любящая тебя, твоя старая солнышко

12 октября 1916... Ты так одинок среди толпы, так мало тепла кругом. Как бы я хотела, чтоб ты приехал хотя бы только на два дня, чтобы получить благословение нашего Друга. Это придало бы тебе сил... Я знаю, что ты храбр, терпелив, но все же ты человек, а Его прикосновение к твоей

грудь очень бы утешило твои горести и даровало бы тебе новую мудрость и энергию свыше. Это не пустые слова, но глубочайшее мое убеждение... Я знаю и верю в успокоение, которое наш Друг способен дать, а ты утомлен морально и тебе не удастся скрыть это от старой женеушки!

СЦЕНА 2\8 (39). Распутин и Мосолов. 11 ноября 1916.

Действующие лица:

– Мосолов – Мосолов Александр Александрович (1854-1939), генерал-лейтенант, начальник канцелярии министра Двора Его Императорского Величества;

– Трепов – Трепов Александр Федорович (1862-1928, один из пяти сыновей Федора Трепова, убитого Верой Засулич), с 1915 г. – министр путей сообщения, в ноябре-декабре 1916 г. – председатель Совета министров (не путать с другими Треповыми);

– Распутин – Григорий Ефимович Распутин (1869 или 1870 г.р.-1916); в отличие от довоенного времени – теперь взгляд его недоверчив, колюч, хотя по-прежнему пронизателен;

Место и время действия:

11 ноября 1916 года, Петроград.

НАТ. ПЕТРОГРАД, МИНИСТЕРСТВО ПУТЕЙ СООБ-

ЩЕНИЯ. ИНТ. КАБИНЕТ МИНИСТРА. 11 НОЯБРЯ 1916,
8 ч. УТРА.

На экране – хмурая петроградская поздняя осень, утро. Невский проспект. Мотор Мосолова подъезжает к зданию министерства. Мосолов выходит из автомобиля, входит в здание, поднимается в кабинет Трепова. Здравуются.

ТРЕПОВ:

Александр Александрович, я тебе вчера подробно рассказывал о перемещениях в Совете министров. Государь из Ставки вчера днем телеграфировал согласие по трем портфелям... Но главное, чего мы здесь все хотим – отставки Протопопова – нет!

МОСОЛОВ:

Может, предложит Государю не отставку Протопопова, а переместить его с министерства внутренних дел на менее важное?

ТРЕПОВ:

А то мы не догадались! Гурко и это предлагал Государю. Гурко – наш человек в Ставке..., впрочем, там теперь – почти все наши! Алексеев колебался, колебался... И разболелся всерьез. Вернется – еще будет с ним серьезный разговор. Впрочем, это не мое дело, – это дело Гучкова и его «прогрессистов».

МОСОЛОВ:

И что насчет Протопопова?

ТРЕПОВ:

Гурко телефонировал сегодня ночью, что ответ Государя – уклончивый.

МОСОЛОВ:

Значит, не даст он согласия. Это в его манере – прямо не отказывать, а тянуть резину.

ТРЕПОВ:

Да, так. А между тем, пока мы Протопопова с внутренних дел не уберем, Дума и общественность не успокоятся.

МОСОЛОВ:

Что Василий Иосифович рассказал о положении в Ставке? Он ведь теперь Алексева там замещает – начальник штаба.

ТРЕПОВ:

А положение там такое, что... Николай уже всем надоед. Без него – спокойнее. Так в Ставке говорят.

МОСОЛОВ:

Александр Федорович... Я хотя и с вами всей душой, но все же... Мы ведь все присягу Государю принимали...

ТРЕПОВ:

Я и сам вижу, что не по чести дела идут... Давно уже не по чести... Но что делать? Ты скажи мне, что делать? Дума и общество ненавидят Государыню и Распутина... Фактически он через нее правит страной, назначает министров. Ее даже в измене подозревают. Слухи ходят, что через банкира этого, через Рубинштейна она деньги в Герма-

нию пересылала, а Протопопов на своем посту прикрывает это дело. В Думе подозревают также, что через Распутина она наводит мосты с немцами, чтобы сепаратный мир заключить. Так и в Ставке многие считают! Я лично – не верю во все эти слухи, но вынужден считаться с Думой. Да и дыма без огня не бывает.

МОСОЛОВ:

Распутин «наводит мосты» с немцами? Помилуй Бог, Александр Федорович! Как этот мужик может вести переговоры о сепаратном мире?! Это уж слишком!

ТРЕПОВ:

Вокруг него столько авантюристов крутится! Ты не представляешь!

МОСОЛОВ:

Представляю. Я ведь с ним встречался несколько раз. Он – мужик очень умный и очень проникательный. И был против войны, это верно. Но чтобы «наводить мосты» с немцами... Нет! Не верю.

ТРЕПОВ:

И я тебе говорю – и я не верю. Но половина Думы – верит! И газетчики как псы в Распутина вцепились, особенно после ареста дружка его – Рубинштейна и Манусевича-Мануйлова. Не отпустят теперь!

МОСОЛОВ:

Это я не хуже тебя знаю. Как никак каждый день цензурирую на предмет оскорбления Их Величеств.

ТРЕПОВ:

В общем, Александр Александрович, пока я Протопопова с МВД не сниму – весь Петроград трясти будет... А Протопопова без согласия Распутина не снять – это его протезе.

МОСОЛОВ:

Ну, насколько я знаю, Государь сам его предложил. Как компромисс с прогрессистами в Думе.

ТРЕПОВ:

Теперь это уже не важно. Важно, что Распутин за него... Это хорошо, что ты с ним знаком... Вот что, Александр Александрович... Зачем я тебя и пригласил... Ты можешь поехать к Распутину? Прямо сейчас? Он ведь к тебе хорошо относится, я слышал.

МОСОЛОВ:

Да, хорошо. Однако, что же я могу ему предложить – в обмен на «сдачу» Протопопова?

ТРЕПОВ:

Не только о Протопове речь... Я хочу, чтобы он вообще не вмешивался в назначения министров. Относительно духовенства... Если он будет настаивать, пусть вмешивается. Пусть. Но не через меня.

МОСОЛОВ:

А что я могу ему предложить в обмен?

ТРЕПОВ:

Житье в Петрограде с оплатой его расходов на квартиру и содержание хозяйства, с той охраной, которая нужна

ему для его личной безопасности... И 200 тысяч рублей одновременно, если Протопопов будет уволен.

МОСОЛОВ:

Ну и прижало тебя, Александр Федорович, с этим Протопоповым! ... Ну, хорошо... Переговорю я с ним. Но имей в виду – если он не согласится, то дело станет хуже, чем теперь... Он ведь немедленно телеграфирует Государю, что его пытались подкупить!

ТРЕПОВ:

Что же. Я и так, и иначе уйду. Ставлю ва-банк на одну карту. Все равно с Протопоповым на МВД я в кресле председателя не усижусь.

МОСОЛОВ:

Мое положение при отказе Гришки будет еще хуже. А он вполне может отказать. Я его знаю.

ТРЕПОВ:

Если кто и сумеет Гришку уговорить, то только ты. Что до твоей дальнейшей судьбы – не волнуйся. Я точно знаю, что Государь еще весной решил назначить тебя в Румынию – туда и поедешь скоро, при любом исходе. Не теряй времени – поезжай на Гороховую к нему и вернись мне сказать.

Мосолов встает, выходит из кабинета. Недовольно морщится. Тихо говорит: «Дернул меня черт про Гришку вспомнить». Выходит из министерства, садится в мотор. Едут на

Гороховую.

СПРАВКА: о встрече А. Трепова с Мосоловым и Мосолова – с Распутиным: см. А.А. Мосолов. При дворе последнего императора. – СПб, изд. «Наука», 1992; стр.16-19.

НАТ. ПЕТРОГРАД, ГОРОХОВАЯ УЛИЦА, д.64. ИНТ.
КВАРТИРА РАСПУТИНА.

Мосолов поднимается по лестнице, стучит в дверь. Дверь открывает дочь Распутина (Матрена, 18-ти лет), проводит его к отцу.

РАСПУТИН

(настороженно):

Здравствуй, Мосолов. Ты чего? Просто навестить, али по делу?

(Вздыхает)

Вижу, по делу – и сам ты не рад.

Мосолов снимает шинель и фуражку уже в комнате Распутина.

МОСОЛОВ:

Вот что, Григорий Ефимович. Как ты знаешь, назначен председателем Совета министров мой друг и шурин, Александр Федорович Трепов. Я хотел бы, чтобы вы жили в мире друг с другом...

РАСПУТИН:

Я разве против его?

МОСОЛОВ:

И он против тебя не предубежден. Лишь бы ты ему не мешал – тогда и он против тебя ничего не предпримет.

РАСПУТИН:

И хорошо... Пусть себе работает... Чего ему от меня надоть? Говори сразу.

МОСОЛОВ:

Видишь ли, он готов устроить так, чтобы тебе ежемесячно платили за квартиру, на содержание твоего дома и семьи, чтобы у тебя оставалась надежная охрана, без которой ты обойтись не можешь. Принимай кого хочешь, делай что хочешь. Только одно – не вмешивайся в назначения министров и высших чинов... Относительно духовенства он перечить тебе не станет, да и мелкие твои протекции будет по возможности исполнять.

РАСПУТИН

(сузив глаза и побледнев):

Эвон какой добрый, твой шурин! Может мне лучше в Покровское насовсем уехать, раз не нужен я здесь?

МОСОЛОВ

(слегка опешив):

Ты... Не волнуйся, Григорий Ефимович. Поговорим по добру, по-хорошему. Ты же сам управлять Россией не можешь! Не Трепов – будет другой, который тебе ничего не предло-

жит, а на казенный счет отправит в твое Покровское...

РАСПУТИН

(зло):

Экие вы умные все, господа хорошие! А что Папа и Мама скажут, вы подумали? Эка! «Распутин Россией управлять хочет»! Это вы так думаете! Вы это Папе и Маме скажите! Они знают! Чо ко мне-то приперся?

Мосолов собирается одеть фуражку, собравшись уходить, но берет себя в руки.

МОСОЛОВ:

Знаешь что, зря ты расхорохорился! Брось! Пойдем в столовую и дай мне мадеры. Поговорим по-хорошему.

Распутин с полминуты молчит, ходит по комнате вокруг Мосолова. Успокаивается. Улыбается.

РАСПУТИН:

Пойдем.

Идут в столовую, садятся за стол. Выпивают молча по две рюмки. Распутин спокойно ждет, что ему скажет Мосолов.

МОСОЛОВ:

Что же ты хочешь?.. Чтобы Трепов приходил к тебе

спрашивать, кого назначить министром? Ты ведь понимаешь сам, что это невозможно. Ты хочешь, чтобы Протопов остался министром? Ну, пусть будет министром, но не внутренних дел, а торговли, например. Чего же ты хорохоришься, не выслушав меня?

РАСПУТИН:

Мосолов, ты ведь умный... А простого не понимаешь. Не я министров назначаю. Врут все это. Папа поручил Маме выбирать людей. Мама со мною советуется. Я ведь друг ихний. Имеет она – Царица! – право с другом посоветоваться?

МОСОЛОВ:

Конечно имеет право... Но...

(наливает вино в обе рюмки) ...

а Дума на что? Если Дума с твоим мнением не согласна?

Что делать?

РАСПУТИН:

Я разве против Думы? Я не против. Это они против меня. И против Мамы. Что Мама ни решит – им все не так!

МОСОЛОВ:

Потому что Царица выбирает тех, кто предан ей и Государю, а Дума хочет тех, кто умен и дело умеет делать. Кроме преданности, надо дело уметь делать.

РАСПУТИН:

Эх, да что дело... По нынешним временам, главное дело – кто истинно Папу любит! Умников много, а Папа – один. Без него Россия погибнет!

МОСОЛОВ:

Да кто ж тебе сказал, что Дума против Папы?

РАСПУТИН:

Не хитри Мосолов, не хитри! Наливай-ка исчо, лучшие...

Вот так. Вы все ныне против Мамы, а завтра – и против Папы будете. Ишь как против Протопопова все взвились! Все осиное гнездо! Стоило ему за Папу вступиться.

МОСОЛОВ:

Григорий Ефимович... Не обижайся на меня, но... Надоел ты всем и озлобил... И Думу, и общественность... Против себя озлобил. Если ты уйдешь в тень, все успокоятся. Ты сам-то это понимаешь?

РАСПУТИН:

Ишь ты! Сами выдумывают, сами озлобляются! ... Я-то все понимаю, а вот ты и друзья твои... Что я? Ты что думаешь – я уйду, и все успокоятся? Шиш! Умники не успокоятся, пока Маму не упрячут в монастырь. А ты что думаешь, Папа им это позволит? – Нет! Конечно нет! Значит, и Папу надо задвинуть куда подале?

МОСОЛОВ:

Григорий Ефимович, ты не прав. Против Государя никто и не думает. Все скандалы и озлобление в обществе с тобой связаны. Поверь мне, уж я-то знаю.

РАСПУТИН:

Ты все же хороший человек, Александр Александрович... Но не видишь вдаль. А я вижу. Я тебе по секрету скажу:

я знаю, что до Рождества этого уже не доживу.

МОСОЛОВ:

Господь с тобой, Григорий Ефимович!

РАСПУТИН:

Молчи, слушай. Наливай еще...

(открывает вторую бутылку)

Ты видишь, я не пьян нисколько. И я тебе точно говорю: меня скоро не будет. А лучше не станет... Умники ваши власть возьмут, и начнет Россия рушиться. Видение мне было: всех вас, господ, постреляют. Нева красная от крови господской будет. И я тут ни при чем. Я этого видеть не хочу. Страшно мне от этих видений. И не хочу дожить до этих времен. На заклание пойду. Палачи найдутся. Но моя жертва Россию не спасет... Понимаешь?

МОСОЛОВ:

Нет, Григорий Ефимович. Не понимаю. Я знаю, что ты умный и проникательный мужик, но в видения всякие я не верю.

РАСПУТИН:

Знаю, что не веришь. И зря я тебе это говорю... Что ты хочешь от меня?

МОСОЛОВ:

Пошли Государю телеграмму, что ты согласен Протопопова с МВД убрать. Хоть это сделай, если не хочешь все предложения Трепова принять – насчет денег и насчет охраны твоей. Двести тысяч Трепов тебе сразу заплатит.

РАСПУТИН

(смеется):

Зачем мне деньги? Мне любой купец даст столько, сколько я попрошу! А я их бедным раздам. У меня денег больших нет, поверь мне! Мне много не надо. Да и дурацкой охраны мне не нужно. Не надоть мне от твоего Трепова ничего... А телеграмму Папе... Ну, отстань, Мосолов. Ну, пошлю я эту телеграмму.

МОСОЛОВ

(недоверчиво смотрит на него):

Пошлешь?

РАСПУТИН

(с хитрецей):

Скажи ему, что пошлю. Чтобы отстал от тебя. А с тобою... Останемся друзьями. Ты все же хороший... И с твоим Треповым другом останусь, если он не будет моих друзей трогать. Если же тронет... То уеду в Покровское... А Мама его прогонит, а меня назад позовет. Ну, выпьем еще стакан и разойдемся. Ничего ты не понял. Или делаешь вид, что не понял...

МОСОЛОВ:

Не понял я, пошлешь ли ты телеграмму Государю о Протопопове?

РАСПУТИН: *Экой ты упрямый... Я же тебе сказал – и отстань от меня с этим... Тебе не жаль Папу и Маму? Они ж почитай во вражьем окружении в родной стране оказа-*

лись. Все «общество» против Мамы. Что я! Ты о Маме подумай! Она вся на нервах, жилы рвет, о себе не думает. Здоровье давно потеряла. Все по лазаретам своим, да с осиным гнездом вашим воюет, чтобы Россию под Царем сохранить. Нашли умного, сильного, верного – Протопопова – так и его вы у Папы и Мамы отнять хотите...

МОСОЛОВ:

Григорий Ефимович! Да знаешь ли, что про него в Думе говорят?

РАСПУТИН:

А то не знаю! Что мозги у него набекрень? – Так пока Папа его не позвал и не приблизил, всем хорош был! А тут сразу – и это не то, и то не так. Ээ-эх! Чего там говорить! Совести ни на грош у продажных писак. А вы, господа хорошие, под их дудку пляшете. А они под чью дуду пляшут, знаешь ли? Россия – страна мужицкая. Для нас Царь – Богом поставлен. Мы по-ихнему, без Царя, жить не сможем.

МОСОЛОВ:

Григорий Ефимович, опять ты про это... Да разве ж мы против Царя?

РАСПУТИН:

Против Мамы – значит и против Папы.

МОСОЛОВ:

Слухи ходят, что Протопопов с немцами тайные переговоры о мире ведет... А ты ему в этом помогаешь.

РАСПУТИН:

Опять двадцать пять. Иди-ка ты, Александр Александрович, обратно... К шуринау своему, пока не поругались.

Мосолов, удрученный разговором, уходит.

СЦЕНА 3\8. 19 ноября 1916 года. Речь Пуришкевича в Думе.

Действующие лица: НИКОЛАЙ, а также:

– Протопопов – Протопопов Александр Дмитриевич (1866-1917), член партии октябристов, депутат Третьей и Четвертой Думы (с 1914 г. – товарищ председателя Думы); с 16 сентября 1916 года – министр Внутренних дел; энергичен, умное волевое лицо, живые глаза – однако в его облике есть что-то нервическое;

– телеграфисты в МВД и в Ставке;

– Жевахов – Жевахов Николай Давидович (1874-193?), князь, потомок российской ветви древнего рода грузинских князей Джаваховых, камер-юнкер, в 1916-17 гг. – товарищ обер-прокурора Св. Синода; друг Протопопова, был знаком с Царской семьей; «реакционер», твердый монархист, член «Союза русского народа»; после 1922 года и до конца жизни сочувствовал нарождающемуся германскому фашизму;

Телеграфная аппаратная в МВД в Петрограде (Эпизод 1); квартира Жевахова (Эпизод 2); покои Николая во дворце в

Могилеве (Эпизод 3). 19 ноября 1916 года, 2 часа ночи (как всегда – место и время действия обозначены надписью внизу экрана и голосом за кадром),

ЭПИЗОД 1.

Место и время действия:

19 ноября 1916, Петроград.

НАТ. ПЕТРОГРАД. ИНТ. ТЕЛЕГРАФНАЯ АППРАТ-
НАЯ МВД. 19 НОЯБРЯ 1916, 2 ч. НОЧИ.

На экране – телеграфная аппаратная МВД. Протопопов диктует телеграфисту телеграмму в Ставку. Протопопов взбешен.

ПРОТОПОПОВ:

В Ставку, Государю!

(диктует телеграфисту):

Сегодня в Думе Пуришкевич позволил себе выходящее за всякие рамки выступление против Вас и Ее Величества – Александры Федоровны. Цензура не пропустила в печать наиболее оскорбительные места, но к ночи списки его выступления без купюр уже активно распространяются в Петрограде. Считаю необходимым немедленно довести до Вашего сведения его наиболее возмутительные слова, по оригиналу стенограммы... Открой кавычки.

«Зло идет от тех темных сил и влияний, которые... и за-

ставляют взлетать на высокие посты людей, которые не могут их занимать. От влияний, которые возглавляются Гришкой Распутиным (в Думе шум, голоса: «Верно! Позор!») ... В течение двух с половиной лет войны я полагал, что домашние распри должны быть забыты во время войны... Теперь я нарушил этот запрет, чтобы дать докатиться к подножию трона тем думам русских масс и той горечи обиды русского фронта, в которые ее поставили царские министры, обратившиеся в марионеток, нити от которых прочно забрали Распутин и императрица Александра Федоровна – злой гений России и царя... оставшаяся немкой на русском престоле... чуждая стране и народу!»

ТЕЛЕГРАФИСТ

(с опаской глядя на взбешенного Протопопова):

Кавычки закрываем?..

ПРОТОПОПОВ:

Да! Далее передавай: Ваше Величество! Дальше – некуда! Дума неоднократно аплодировала Пуришкевичу. Считаю необходимым распустить Думу. Жду Вашего решения. Тчк. Протопопов.

НАТ. ПЕТРОГРАД, ЛИТЕЙНЫЙ ПРОСПЕКТ. ИНТ. КВАРТИРА ЖЕВАХОВА.

Протопопов выходит из министерства, садится в мотор. Водитель спрашивает его, куда ехать. Протопопов: «На Литейный, к Жевахову!». Водитель: «К товарищу обер-проку-

рора?»». Протопопов кивает головой. Едут по ночному Петрограду, на Литейный проспект. Протопопов поднимается по лестнице, звонит в дверь. Спустя минуту Жевахов открывает ее, он в ночном халате.

ЖЕВАХОВ:

Что так поздно, Александр Дмитриевич? Ночь на дворе...

ПРОТОПОПОВ:

Прости за поздний визит... Душа горит! Не могу успокоиться!

ЖЕВАХОВ:

Ты из-за речи Пуришкевича? Я уже читал, листовки по всему городу ходят. Пуришкевич... Истеричная скотина... Проходи, снимай шинель.

Протопопов снимает шинель, проходит в столовую, крепится на икону в красном углу, садится.

ПРОТОПОПОВ:

Куда мы катимся, Николай Давидович?! Дума – сборище скотов!

ЖЕВАХОВ:

Налить тебе стопку, Александр Дмитриевич?

ПРОТОПОПОВ:

Налей одну.

Жевахов разливает водку в маленькие стопки. Перекре-
стившись, выпивают.

ПРОТОПОПОВ:

Ты не думай, что я всегда так думал, как думаю сейчас... Нет, я был... левым; а теперь, видишь ли, не снимаю с себя формы шефа жандармов... Она для Думы то же, что красное сукно для быка. О, я великий предатель в глазах Думы... Но зато и Дума в моих глазах – еще большая предательница и преступница. Царя я не знал: я слышал лишь то, что угодно было жидам, чтобы я слышал; но Царя не видел, проверить слухов не мог и горения любви к Помазаннику Божьему не проявлял, хотя всякое предубеждение относительно кого или чего-либо всегда было мне чуждо... И это спасало меня...

ЖЕВАХОВ:

Как ты первый раз с ним встретился, при назначении министром? Ты ведь в блок «прогрессистов» входил... Которых теперь скотами называешь.

ПРОТОПОПОВ:

Скоты и есть. Ты ведь много раз бывал у меня в приемной. Видел в вестибюле – каждый раз, толпа?

ЖЕВАХОВ:

Видел, каждый раз. Просители? Хорошо одеты, в большинстве...

ПРОТОПОПОВ:

В большинстве – члены Думы! ... В Думе они, как звери, готовы растерзать меня; а сюда ходят, некоторые из них даже с черного хода, чтобы их никто не заметил, и проявляют аттенцию ко мне свыше меры... Ну, и людишки же!.. Посмотри, в следующий раз, как они съежатся, когда я подойду к ним; а выйдут на улицу, будут бранить меня... Вот где та гниль, которая разъедает Россию и может свести ее в могилу...

ЖЕВАХОВ:

А как же ты Царя возлюбил? Ведь сам говоришь – горения любви не было.

ПРОТОПОПОВ:

Я же тебе сказал, что всякое предубеждение мне чуждо... Это и спасло меня, при той встрече. Царь позвал меня... Я явился, предстал пред Его небесными глазами и... расплакался. Всем существом своим я ощутил, что вижу пред собою Божьего человека, и я поклялся умереть, но не дать Его никому в обиду... Воистину он был помазан на царство Самим Богом... Это не было минутное впечатление: нет, в этом я убеждался с каждым днем, с каждым часом, и что бы ни случилось с Россией, какие бы несчастья ни суждено было претерпеть ей в будущем, но я уже знаю, почему это совершилось бы. Потому, что Господь праведен, милостив и справедлив, и наказывал Россию и еще будет наказывать ее за то, что и помыслами своими и делами Россия обижала Его Помазанника. Я знаю, что делать...

Никакое соглашательство с Думой невозможно. Это шайка преступников, которую нужно разогнать, и чем скорее, тем лучше, ибо иначе она разгонит нас и казнит Царя...

ЖЕВАХОВ:

Что же Государь?

ПРОТОПОПОВ:

Государь не решается принимать резких мер, пока не кончится война... И не решится...

ЖЕВАХОВ:

Но ведь есть армия! Можно опереться на нее... Ты часто бываешь в Ставке. Что там?

ПРОТОПОПОВ:

Ставка... о ней лучше не говорить. Государь Император там, точно кроткий агнец в клетке диких зверей... Господи, спаси его! Спаси Россию!

Крестятся на икону в углу комнаты.

СПРАВКА: о беседах Жевахова с Протопоповым см. Н.Д. Жевахов. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. – М., «Родник», 1993.

ЭПИЗОД 2. Место и время действия:

19 ноября 1916 года; Могилев.

НАТ. МОГИЛЕВ, ДВОРЕЦ ГУБЕРНАТОРА (СТАВКА

ВЕРХОВНОГО). ИНТ. ПОКОИ НИКОЛАЯ. ОКОЛО 3ч.
НОЧИ 19 НОЯБРЯ 1916.

На экране – покои Николая в доме губернатора в Могилеве; ночь 19 ноября 1916. Он снимает мундир, собирается спать. Стучит в дверь и входит адъютант.

АДЪЮТАНТ:

Простите, Ваше величество: срочная телеграмма.

НИКОЛАЙ:

Давайте.

Николай берет телеграмму, кивает адъютанту, тот выходит; читает телеграмму; некоторое время молчит.

НИКОЛАЙ:

Н-да... Это ультиматум... Или трон... Или Аликс... Они хотят, чтобы я выбрал: или трон, или Аликс... Они плохо знают меня... Здесь нет выбора... для меня.

Наливает себе полный фужер водки. Пьет залпом. Смотрит в темное окно.

СПРАВКА: о телеграмме см. Э. Радзинский. Распутин. – М., «Вагриус», 2003, стр.486-487.

СЦЕНА 4\8. 11 декабря 1916 года. Новгород. Встреча со

старицей.

Действующие лица:

- Александра – Александра Федоровна (1872 г.р.), императрица;
- ее дочери: Ольга (1895 г.р.), Татьяна (1897 г.р.), Мария (1899 г.р.), Анастасия (1901 г.р.);
- небольшая свита – фрейлины и офицер охраны;
- горожане Новгорода на улицах, монахи в монастырях, игуменья Десятинного монастыря;
- Старица – старица Десятинного монастыря в Новгороде, Мария Михайловна (107-ми лет);

Место и время действия:

11 декабря 1916 года, Новгород.

НАТ. НОВГОРОД. ИНТ. ЛАЗАРЕТЫ, ЗАТЕМ СОБОРЫ И МОНАСТЫРИ. 11 ДЕКАБРЯ 1916.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Бесконечно уставшая императрица Александра Федоровна с дочерьми 11 декабря 1916 года выехала в Новгород, чтобы отвлечься от ежедневных политических стычек и интриг вокруг Протопопова и Распутина, и отдохнуть душой.

На экране – Новгород. Императрица с дочерьми посещают лазареты, общаются с ранеными нижними чинами; за-

тем идут в Софийский собор, где присутствуют на обедне (церковная музыка). Затем едут в Юрьевский, затем в Десятинный монастырь, молятся в церкви святой Варвары; общаются с монахинями, с игуменьей монастыря в ее покоях. Затем вместе с игуменьей и двумя монахинями (слегка позади них) идут по подворью Десятинного монастыря.

ТАТЬЯНА:

Мама, вот видите, в Новгороде сотни лет была республика... А вы говорите... и все у нас говорят, что Русь без Царя погибнет.

АЛЕКСАНДРА:

Новгородское вече выбирало себе князя – он и был Царь для них. И первого Романова – Михаила, тоже избрал Земский собор. Помните, милые мои, три года назад мы с вами обо всем этом очень подробно читали?

ОЛЬГА:

Конечно помним... Таня, у тебя мысли всегда скачут, как кони норовистые! Но все же, Мама, ведь главные вопросы новгородцы решали на вече – что-то вроде древней Думы. Так?

АЛЕКСАНДРА

(улыбается):

Вы, Ольга и Татьяна, в своих комитетах благотворительных наслушались, наверное, вольнодумцев наших... Но если серьезно... Новгородцы ведь были очень хорошо образо-

ванные люди. Новгород на всю Европу славился своими умными и честными купцами, и посадскими людьми. Очень высокая культура горожан здесь была. Так, матушка-игуменья?

ИГУМЕНЬЯ:

Так, Государыня Александра Федоровна. Пол города по Европам ездили, языки иностранные многие знали. Образование и культура были много выше, чем в Европе.

АЛЕКСАНДРА:

Ваш Папа, и я, мы считаем, что ныне народ наш ни по уровню образования, ни по культуре не готов к парламентским формам управления. Через год намечена реформа образования – всеобщее школьное образование будет введено. Вот, и считайте: когда будущие школяры во взрослую жизнь начнут входить, тогда и можно будет Думе больше прав дать... Когда народ весь не только читать сам научится, но и думать станет самостоятельно... А не верить слухам да сплетням, да смутьянам.

ОЛЬГА:

Но ведь наш народ в Бога верит. Это – главное! Этого недостаточно?

АЛЕКСАНДРА

(подумав, глядя на игуменью):

Петр Первый для своих царских нужд уничтожил патриаршество. До него наша Православная церковь была независима от Царя и могла и Царю свою правду сказать, и Вече

народное поправить.

ОЛЬГА:

Папа не очень-то любит память Петра Первого.

АЛЕКСАНДРА:

Да, именно поэтому... И по другим причинам – не любит он время Петрово.

ТАТЬЯНА:

И что? Необходимо восстановить патриаршество?

АЛЕКСАНДРА:

Да. Папа так считает. Я, правда, не думаю, что это возможно и полезно во время войны. Не уверена, что и вообще это необходимо. Здесь мы с ним расходимся во мнениях. Но Папа и Священный Синод готовят всероссийский архиерейский собор для восстановления Патриаршества. На следующий год уже собор намечен!

ИГУМЕНЬЯ:

И до нас эти письма из Синода дошли. По всем монастырям готовят настоятели и иерархи церковные свои предложения. Это великий поворот для России православной будет! (крестится)

АЛЕКСАНДРА

(крестится вместе с дочерьюми):

Вот, милые мои девочки, с образованным и культурным народом, с независимой Церковью – вот тогда и можно возродить древние новгородские традиции. Или, по-европейски – парламентаризм, конституционную монархию.

АНАСТАСИЯ:

Это уж Алексей наш императором тогда будет! Не скоро!

ИГУМЕНЬЯ:

Дай-то Бог, деточки, здоровья и Царю-Батюшке, и всем вам!

МАРИЯ:

Как красиво здесь! Мама, какое счастье, что мы сюда приехали хоть на денек!

АНАСТАСИЯ:

Вот кончится война, мы сюда на неделю поедем! И все-все подробно посмотрим, а не бегом!

АЛЕКСАНДРА:

Оля, Таня – вы помните, как мы здесь в 1904 году с Папа были?

ОЛЬГА:

Я чуть-чуть помню Софийский собор.

ТАТЬЯНА:

И я Софийский запомнила, но больше – ничего.

АНАСТАСИЯ:

Мама, а что там?

(показывает рукой на пристройку к зданиям близ Наворной церкви).

ИГУМЕНЬЯ:

Там, деточка милая, блаженная старица наша, Мария Михайловна живет.

АНАСТАСИЯ:

Кто такая – Старица?

ИГУМЕНЬЯ:

Это не монахиня, мирянка, но постоянно живущая в монастыре. Старица Мария Михайловна... Ей уж 106 годков минуло...

МАРИЯ:

О!

АЛЕКСАНДРА:

Матушка, расскажите нам о ней – мне вчера князь Жевахов о ней коротко сказал, а я про нее еще год назад слышала, когда нам большую икону в Царское привезли из Новгорода. Крестный ход в июле 15-го года большой был.

ОЛЬГА:

и я помню это!

ДРУГИЕ ДОЧЕРИ:

И мы помним!

АЛЕКСАНДРА:

Эта икона теперь в церкви 4-го Стрелкового полка... Я помню, нам сказали, что это по настоянию какой-то новгородской Старицы эту икону нам в Царское передали. Так?

ИГУМЕНЬЯ:

Так, так, Матушка-Государыня. Это как раз Мария Михайловна и настояла.

АНАСТАСИЯ:

Ну, расскажите про Старицу эту!

АЛЕКСАНДРА:

Не «нукай», Настенька!

ИГУМЕНЬЯ

(улыбаясь):

Коли так, слушайте... Сама-то она из дворянской семьи. Ушла. Служить Богу она с детства начала. Потом 30 лет по Тихвинским лесам с тяжелыми веригами скиталась, плоть укрощала. Волсцем и акридами питалась.

ТАТЬЯНА:

Чем-чем?

ИГУМЕНЬЯ:

Травами, ягодами, да жучками лесными – почитай ничего почти зимой и не ела. Чистая голубица. Пастухи ее в лесу нашли и отвели в монастырь. С тех пор она почти до последних лет каждый год летом пешком в Тихвин ходила, на поклонение Тихвинской иконе Божьей Матери... А так – шьет каждый Божий день белье для арестантов и раненных, для лазаретов здешних – без очков до сих пор шьет! А по ночам – молится, в железных веригах стоит...

АНАСТАСИЯ:

А чем она знаменита? Старцы ведь прозорливы, я читала. А старицы?

ИГУМЕНЬЯ:

Да, деточка. И она прозорлива. Многим людям многое точно предсказала. За советом к ней, почитай, почти каждый день до сих пор приходят. И в духе она многим людям

являлась.

АНАСТАСИЯ:

Что значит «в духе являлась»?

ИГУМЕНЬЯ:

Значит, телом здесь она, в своей келье, а кто-то – кому она хочет помочь – видит ее совсем в другом месте, в другом городе даже. Мне рассказывали про несколько таких случаев. Четыре года назад, Скородумов мне это сам рассказывал – как она его семье явилась в Петербурге, на Среднем проспекте, в квартире их. И советы им важные сказала. Ну, вы его не знаете.

АЛЕКАНДРА:

Матушка-игуменья, а известным людям она предсказывала?

ИГУМЕНЬЯ

(подумав):

А вот известная вам певица Анастасия Вяльцева в январе 13-го года внезапно тяжело заболела... Один из хористов – не помню как его звали... Василий, кажется... – решил съездить к старице и спросить: «Скоро ли поправится больная?» К нам он приехал, помню, 1 февраля. Я с ним была у нее. А старица рукой показала к небу: «Вот, скоро там будет петь Вяльцева». И что же?.. Не прошло трое суток, как Вяльцева скончалась, чтобы пением своим восхвалять Господа в загробном мире. Три года уж тому...

ОЛЬГА:

Мама, Таня, Машка – помните, в Маршинском мы ее слушали... Несравненная Вяльцева...

АЛЕКСАНДРА:

Меццо-сопрано... Кармен... Амнерис в Аиде...

МАРИЯ:

Далила...

ТАТЬЯНА:

Самсон и Далила? Сен-Санса? И я помню...

АНАСТАСИЯ:

А давайте пойдём к ней сейчас? К Старице!

ИГУМЕНЬЯ:

Это как Государыня скажет... Однако, Мария Михайловна еще год назад мне сказала: Царица у нас будет в Десятинном... А я тогда, помню, рукой ей махнула – подумала, мол, Старица-то невесть что говорит. Мы ж не знали, что вы к нам в Великий Новгород приедете!

ТАТЬЯНА:

Ой, как интересно! Мама, Мама, пойдёмте к ней!

АЛЕКСАНДРА:

Можно?

ИГУМЕНЬЯ: *Отчего ж нельзя? Вам, милые мои, все можно.*

Идут к келье Старицы. Дочери немного робеют у самой двери.

АНАСТАСИЯ:

Мама, а она ведь совсем старенькая... И из кельи не выходит... Там пахнет, наверное, скверно?

ИГУМЕНЬЯ:

Не бойся, деточка... Она – чистая голубица. Идите, я вас здесь подожду...

Игуменья и две монахини остаются близ полу прикрытой двери. Александра с дочерьми входит в полутемную келью Старицы.

ИНТ. КЕЛЬЯ СТАРИЦЫ МАРИИ МИХАЙЛОВНЫ.

Она лежит на кровати, почти во тьме. Видны, однако, хорошо видны ее как бы совсем молодые лучистые бирюзовые глаза. Милое тонкое овальное лицо в обрамлении седых волос, высохшие тонкие руки. В углу кельи близ маленькой свечи на тумбочке стопкой лежит мужское белье для лазаретов, отдельно – для арестантов.

Старица Мария Михайловна приподнимается на постели, говорит не очень ясно, иногда переходя на церковно-славянский.

СТАРИЦА:

Ты ли матушка-царица?

Александра целует ее, помогает сесть на кровати.

СТАРИЦА:

вот... вот и сподобилась я Вас увидеть! Аще ране бы...

Здравствуй, Царица! Здравствуйте, голубицы!

(по очереди целует дочерей, называет их имена).

Александра напрягает слух – видно, что она не понимает некоторые слова Старицы.

АЛЕКСАНДРА:

Здравствуйте, Мария Михайловна!

(дочери тоже что-то говорят, смущаясь)

СТАРИЦА:

Матушка-царица, возьми-ка вот это яблоко

(подает ей красное яблоко) ...

Люби батюшку-царя, не обижай его; ему очень трудно; да вот свежи ему от меня яблоко.

АЛЕКСАНДРА:

Милая моя, я не обижаю его...

СТАРИЦА:

Не обижай. Он не слаб. Он знает, что будет. Знает, что ждет его. Не обижай... И сама не страшись... Не бойся, Лёшеньку не убьют, цел будет... Просфорку от меня ему передай (передает Александре просфорку). Он – хороший. Спасется.

АЛЕКСАНДРА

(глядя на дочерей, пытается перевести тему разговора):

Мария Михайловна, милая... Что с девочками моими будет? За кого замуж выйдут?

СТАРИЦА

(смотрит на дочерей грустно и внимательно):

Невестушки... Невестушки неневестные! Невесто Невестная! Ты – Олюшка – за румынского принца не захотела идти... Ну так повенчает тебя судьба... с Судьбою вашей обчей. У тебя, Танюшка, ум на 15 дорог бегаёт... А той же дорогой пойдешь. И ты, Мария, милая моя. Кого возлюбите – с Тем и повенчаетесь. Выше нету радости небесной. Возлюбите судьбу свою в смиреннии ангельском. Не бойтесь.

Александра и дочери напряженно слушают. Видно, что они не все понимают – старица говорит не очень разборчиво, переходя на церковно-славянский.

АЛЕКСАНДРА:

А что же Настя? Повенчается по любви?

Старица гладит Анастасию, благословляет ее, затем дру-
гих.

СТАРИЦА:

Ты, Настёнка, не шали и учись прилежней... Тебе в жизни пригодится. Боле тебе ничего не скажу, милая деточка... Теперь тебе, матушка-царица... Дочам твоим все сказала,

что Господь дозволяет. Теперь тебе...

АЛЕКСАНДРА

(просит дочерей выйти, они выходят):

Мария Михайловна... Долго ли война продлится?

СТАРИЦА

(очень грустно):

Скоро, скоро! А реки наполнятся кровью, еще долго ждать, когда наполнятся... Выступят из берегов и зальют землю.

АЛЕКСАНДРА:

Неужели же и конца войне не видно?

СТАРИЦА:

Войне конец будет скоро... А мира на Руси долго не будет... Ты – Царица-мученица. Красавица ты. Тяжелый крест примешь... Не страшись! Не страшись, милая!

АЛЕКСАНДРА:

Когда... Когда беда начнется?

СТАРИЦА

(подзывает ее ближе, говорит на ухо):

Через месяц, как я помру.

АЛЕКСАНДРА:

Неужели никак не избежать, того... Что Авель и святой Серафим предсказали?

СТАРИЦА:

В конце февраля начнется беда...

АЛЕКСАНДРА:

Что начнется?

СТАРИЦА:

Ох, бо-о-ольшая каша будет... Не могу видеть. Устала. Но ты, милая, не страшись! Как Ной с семейством поплывете... в Потопе... Среди моря крови.

АЛЕКСАНДРА:

Спасемся?

СТАРИЦА:

Пред Богом – спасетесь. Не страшись, милая! Прощай! Устала я...

Александра прощается со старицей. Выходит из кельи. Монахини заходят туда, помочь уставшей от разговора старице. На глазах Александры – слезы. Она тщательно вытирает их, выходя из кельи.

НАТ. ДВОР МОНАСТЫРЯ.

ТАТЬЯНА:

Мама, вы плакали?

АЛЕКСАНДРА:

Нет, дорогие мои. Просто устала сегодня. Много пешком ходили.

АНАСТАСИЯ:

Почему Мария Михайловна не сказала, за кого я замуж выйду? Учиться и не шалить – это я сама знаю.

АЛЕКСАНДРА:

Потому что тебе рано еще о замужестве думать.

МАРИЯ:

А я не поняла, за кого я замуж выйду.

АЛЕКСАНДРА:

Она же сказала – по любви венчаться будешь. Это – главное! Господи! Если бы Бог дал вам – каждой – такую любовь, которую подарил мне ваш Папа! Я была бы счастливее всех женщин на свете!

ОЛЬГА:

Да, она мне сказала, что я по любви венчаться буду.

ТАТЬЯНА:

И мне сказала! Что 15 дорог у меня будет, а потом одна. По любви?

АНАСТАСИЯ

(передразнивает старших сестер):

«Ой по любви, ой по любви!» Ничего она толком никому не сказала! Ничего я не поняла! Она – старая. Совсем старенькая... Но хорошая. Хотя и не сказала толком ничего. Да, Мама?

АЛЕКСАНДРА:

Нет, Настенька. Ты не поняла. Тебе еще рано по гадалкам ходить. А девочкам она все верно – я думаю – сказала. Да, Татьяна?

ТАТЬЯНА:

Да, Мама. По крайней мере про Ольгу я поняла: не любила румынского принца, и правильно сделала, что не приняла его

предложение. И про меня верно сказала она. А вам, Мама, что она сказала?

АЛЕКСАНДРА:

Много будете знать...

ДОЧЕРИ

(хором):

Скоро состаримся! (смеются).

СПРАВКА:

1. Жизнеописание в Бозе почившей рабы Божией высокой подвижницы и дивной прозорливицы, старицы Марии Михайловны, скончалась 29 января 1917 г. С 2 рис. в тексте. Сост. Л.Т. Трофимов. 2-е изд., испр. и доп. Пг. Издание М.Г. Кривошлыка. 1918. 24 с. Петроград (Сергей Фомин. Старица новгородского Десятинного монастыря Мария Михайловна. – Православно-аналитический сайт Правое.ru)

2. Э. Радзинский. Николай Второй. Глава 7 («Роман в письмах»).

3. Житие преподобного Авеля прорицателя. – Издание Свято-Троицкого Ново-голутвинского монастыря, 1995, стр.170-173.

НАТ. ПОЕЗД В ПЕТРОГРАД. ИНТ. КУПЕ ИМПЕРАТРИЦЫ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР ТОГО ЖЕ ДНЯ (11 ДЕКАБРЯ 1916).

На экране – купе Императрицы. Она пишет письмо Нико-

лаю. Ее голос за кадром (под музыкальное сопровождение – что-то из Чайковского).

АЛЕКСАНДРА:

Сейчас полночь, дочери уснули в своих купе, мы возвращаемся из Новгорода. Все подробности нашей чудесной поездки я опишу тебе завтра. Поехали отдохнуть душою – потому, что и я, и Ольга с Таней очень устали за последние месяцы и, особенно, в последнюю неделю. Возможно, я давно не писала тебе, что Оля и Таня начинают свой день с восьми утра в лазаретах в Царском и в Петрограде. Иногда со мною, но часто уже и одни. Три дня назад мы присутствовали (я всегда помогаю, передаю инструменты, а Ольга продевает нитки в иглы) при первой нашей большой ампутации (целая рука была отрезана) молодому солдатику, потом мы все делали перевязки... очень серьезные в большом лазарете. И так – каждый день до двух или трех пополудни. После этого все три старшие девочки или идут в лазареты чистить инструменты, или Оля и Таня едут председательствовать в свои благотворительные комитеты для сбора пожертвований раненым воинам. Теперь уже они самостоятельно ездят в Петроград. Ольге приходится преодолевать свою застенчивость, общаясь там с самыми разными людьми. Это так хорошо для девочек: они учатся самостоятельности, и они разовьются гораздо больше, раз им приходится самостоятельно думать и говорить без моей

постоянной помощи.

За два дня до этой нашей поездки Ольга и Татьяна в отчаянии отправились в город, на концерт в цирке, в пользу Ольгинского комитета – в отчаянии, потому что без ее ведома пригласили всех министров и послов, так что Оля вынуждена была поехать больная (простуда); потом Плевницкая принесла Ольге деньги от концертов, которые она давала; она пела для Ольги в Киеве... И вот, после этих ежедневных поездок и волнений – позавчера вечером у Ольги был комитет, но он не продолжался долго. Злые мерзкие слухи и сплетни о нашем Друзе делают свое дело. Володя Волков, который всегда имеет для нее одну – две улыбки, избегал ее взгляда и ни разу не улыбнулся. Ты видишь – наши девочки научились наблюдать людей и их лица, – они очень сильно развились духовно через все это страдание, – они знают все, через что мы проходим, – это необходимо и делает их зрелыми. К счастью, они по временам большие дети, но у них есть вдумчивость и душевное чувство гораздо более мудрых существ

Как это страшно, когда наши беды начинают касаться наших детей – и они чувствуют холод прежних друзей или приятелей!

Завтра я напишу тебе подробности нашей чудесной поездки. Глубоко любящая тебя, твоя старая женеушка.

СПРАВКА:

См. Светлана Макаренко. Великая княжна Ольга Никола-

СЦЕНА 5\8. 13 декабря 1916 года. Английское посольство в Петрограде.

Действующие лица:

- Бьюкенен – лорд Джордж Бьюкенен (1854-1924), посол Великобритании в России;
- Протопопов – Протопопов Александр Дмитриевич (1866-1917), член партии октябристов, депутат Третьей и Четвертой Думы (с 1914 г. – товарищ председателя Думы); с 16 сентября 1916 года – министр Внутренних дел; энергичен, умное волевое, но нервное лицо, живые глаза;
- сотрудники английского посольства;

Место и время действия:

13 декабря 1916 года. Петроград

НАТ. ПЕТРОГРАД, АНГЛИЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.
ИНТ. КАБИНЕТ ПОСЛА. 13 ДЕКАБРЯ 1916.

Камера показывает кабинет английского посла Бьюкенена. Он пишет донесение в Лондон. Голос за кадром читает строки письма (примерно с середины страницы); на экране – черно-белые кадры под кинохронику, иллюстрирующие его письмо.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Теперь об общей обстановке в Петрограде. В столичном обществе царят очень противоречивые настроения, среди которых самые важные два – глубокое возмущение известным вам по моим прежним сообщениям Григорием Распутиным и, во-вторых, странное необъяснимое безразличие к войне. Нравственная атмосфера в Петрограде более нездоровая, чем когда бы то ни было. Лучшие гостиницы города переполнены офицерами, место которым на фронте. По нашим сведениям, большинство из них всеми правдами и неправдами продлевает себе отпуск или срок лечения по ранению. Избегать фронта уже не считается бесчестным даже среди офицеров. Блестящая петербургская публика ежедневно заполняет все рестораны и театры. Представления, оперы и спектакли великолепны! Из известных вам лиц блистают Киесинская и Шаляпин. В ресторанах и салонах шампанское льется рекою, несмотря на формально введенный сухой закон. Все более и более это начинает напоминать пир во время чумы.

Все слои общества, включая высший свет, переполнены слухами о предательстве Императрицы Александры – иначе как «немка» ее не называют; распространяются сплетни, что она ведет секретные переговоры с Германией о сепаратном мире. Эти сплетни распространяют прежде всего левые газеты и революционно настроенные лидеры левых в своих листовках, даже на фронте. Мы полагаем, что все

это организуется германской резидентурой в Петрограде.

Между тем, по нашим точным сведениям, Императрица не только не работает в интересах Германии, как это часто утверждают, но она более других предана идее войны против Германии до полной победы. Конечно, при этом она более всех других предана также идее сохранения и укрепления русской монархии.

Распространяются грязные сплетни о ее связях с Распутиным – разумеется, наглое вранье. Что касается этого «мужика», то, по моему мнению, именно он представляет сейчас наибольшую опасность для стабильности России и ее дальнейшей способности вести войну с нашим общим противником. Кроме того, что я сообщал вам о нем ранее, добавлю, что в последние два-три месяца он каждую среду бывает на вечеринках у известного петроградского банкира Мануса (по приглашению последнего), где собирается публика, настроенная против войны с Германией. Как я вам сообщал, наша и французская агентурная сети считает Мануса главным германским резидентом в России. Я не исключаю, что Распутин посещает Мануса всего лишь с целью быть в курсе всех событий, но не исключаю и его возможного участия в подготовке секретных переговоров. Распутин не поддается никакому контролю и с ним невозможно договориться – это опасно. Мне известно, что месяц назад он категорически отверг предложение нового председателя Совета министров России (А. Трепова) отказаться от участия

в политике в обмен на постоянное (и высокое) денежное содержание и обеспечение ему необходимой охраны.

Если заговор существует, то каковы могут быть его очертания? Я или мои сотрудники ежедневно бываем в Яхт-клубе, где высший свет столицы, в том числе Великие князья, высказываются в последний месяц предельно откровенно. Нам известно, что в ноябре Великие князья специально собирались для обсуждения ультиматума Императору, и этот ультиматум был ему предъявлен: удалить из Петрограда Распутина и полностью отнять у Императрицы право влияния на внутреннюю и внешнюю политику, на назначение министров и высших чиновников. Этот ультиматум был отвергнут – равно как и увещевания о том же вдовствующей императрицы (Марии Федоровны) и родной сестры императрицы – Великой княгини Эллы, которая приехала из Москвы в Царское село 1 декабря и уехала оттуда весьма огорченная, в тот же день. Царская семья примерно с ноября находится фактически в полной моральной изоляции, даже от своих ближайших родственников.

Крупные промышленники также весьма обеспокоены развитием ситуации. Известный русский магнат Путилов (безусловно, умный патриот России), начиная с весны прошлого года, неоднократно предупреждал меня и посла Франции (г-на Палеолога) о грядущей опасности революции. Цитирую его слова из последних бесед с представителями Антанты: «...необходима коренная перестройка всего админи-

стративного механизма России; дни царской власти сочтены, и революция неизбежна, но она будет гибельна потому, что от буржуазной революции мы тотчас перейдем к революции рабочей, а немного спустя к революции крестьянской. Тогда начнется ужасная анархия, бесконечная анархия... анархия на десятки лет... Мы увидим вновь времена Пугачева, а может быть и ещё худшие... Поводом для революции послужит военная неудача, голод или стачка в Петрограде, мятеж в Москве или дворцовый скандал. Революция будет исключительно разрушительной, ввиду того, что образованный класс в России являет собой незначительное меньшинство населения. Он лишен организации и политического опыта, а главное, не сумел создать надежных связей с народом. Режим настолько зависит от бюрократии, что в тот день, когда ослабнет власть чиновников, распадется русское государство. Парадокс заключается в том, что сигнал к революции дадут буржуазные слои, интеллигенты, кадеты, – думая, что спасают Россию. Но от буржуазной революции Россия тотчас перейдет к революции рабочей, а немного позже к крестьянской. Начнется ужасающая анархия длительностью в десятки лет».

Текущая ситуация такова: наша агентурная сеть доносит, что по всему Петрограду – от светских салонов до грязных трактиров – ходят слухи о заговоре офицеров с целью убийства Распутина, его подруги (фрейлины Императрицы) некоей Анны Вырубовой и о том, что после это-

го Императрица будет отправлена в монастырь. С другой стороны, сам Распутин (вместе с лояльным ему министром внутренних дел Протопоповым), по косвенным данным, разрабатывают план провокации революционных выступлений в столице и их немедленного и жесткого подавления – с целью роспуска русского парламента (Думы) и реставрации в России вновь абсолютной монархии. Так или иначе, любые действия Распутина ведут к нежелательным для нашей Короны и нашей внешней политики последствиям.

Что касается Императрицы Александры, то я уже написал выше свое мнение о ней – она честна. Мое мнение о Распутине – всем будет лучше, если от него удастся избавиться, и чем скорее, тем лучше – буквально в ближайшие дни. Я поручил нашему военному атташе (Вильямсу) и нашим сотрудникам (Стив Эймс, Джон Снэйл, Освальд Райнер) войти в контакт с заговорщиками, которых возглавляет князь Феликс Юсупов (младший). Освальд Райнер приятельствовал с князем Юсуповым еще во время его учебы в Оксфорде.

Со всеми уверениями
Лорд Джордж Бьюкенен.

На экране – вновь кабинет Бьюкенена. Входит сотрудник посольства (вся беседа идет на английском; голос за кадром – синхронный перевод).

СЕКРЕТАРЬ:

Господин посол, внизу – министр Протопопов. Он просит принять его.

БЬЮКЕНЕН:

Я приму его в нашей большой приемной. Проводите его туда.

Идет в большую приемную. Входит Протопопов.

БЬЮКЕНЕН:

Здравствуйте, господин министр. Садитесь. (вежливо предлагает ему кресло). Разрешите сказать вам, что вы произвели очень хорошее впечатление в Лондоне летом этого года, когда возглавляли парламентскую делегацию вашей страны в качестве заместителя спикера русской Думы.

ПРОТОПОПОВ

(садится):

Благодарю вас... Господин посол... Сэр Джордж! Я буду краток и... разрешите, я буду откровенен с вами.

БЬЮКЕНЕН:

Мы ведь союзники.

ПРОТОПОПОВ:

Конечно. Но я имею в виду такую степень откровенности, которая выходит за рамки дипломатических отношений.

БЬЮКЕНЕН:

Хорошо, я готов.

ПРОТОПОПОВ:

Вы знаете, что лидеры самого влиятельного блока «прогрессистов» в нашем парламенте в последние месяцы очень резко – и даже в недопустимо резкой форме – выступают уже не только против политики правительства, но и против Царствующих особ – прежде всего против Императрицы Александры Федоровны. Эти выступления основаны на грязных сплетнях, не имеющих под собою никакого основания. Я думаю, вы хорошо понимаете, что в нашей стране – в России – возбуждение общественного мнения против Царствующих особ может иметь самые пагубные последствия, тем более во время тяжелой войны.

БЬЮКЕНЕН:

Я знаю. Поскольку вы просили меня быть откровенным, скажу вам, что не далее как сегодня я написал письмо в защиту вашей Императрицы в Лондон.

ПРОТОПОВ:

Я рад, что правильно понимаете ситуацию. Речь о другом. Не секрет, что вы часто встречаетесь с Великими князьями и влиятельными политиками либерального направления здесь, в посольстве, и в Яхт-клубе.

БЬЮКЕНЕН:

Не вижу здесь ничего предрассудительного. Мы – союзники в войне.

ПРОТОПОПОВ:

Вот в этом пункте нам нужна большая степень открытости. Позвольте?

БЬЮКЕНЕН:

Буду рад.

ПРОТОПОВ:

Вы... Ваша страна, ее традиции и ваш многовековой опыт парламентаризма имеют большое влияние на наших политиков либерального направления и на многих Великих князей. Многие из них хотят изменить наше государственное устройство по образцу вашей страны. Причем – изменить немедленно! Но Россия – не Англия! Нам до вас нужны хотя бы... двадцать-тридцать лет спокойного развития. Вы могли бы оказать положительное влияние на этих людей. Вы могли бы со свойственным вам умом и тактом объяснить им это.

БЬЮКЕНЕН:

Вы хотите, чтобы я посоветовал им быть более лояльными к Царской семье и прежде всего к вашей Императрице?

ПРОТОПОПОВ:

Да, господин посол! Да! Ведь у вас, и оппозиция называется «оппозиция Его Величества» ... Не «оппозиция Его Величеству», а «оппозиция Его Величества»!

БЬЮКЕНЕН

(улыбается):

Да, вы правы. Но... мои советы... В какой бы тактичной форме я их не сделал... Я думаю, вы преувеличиваете сте-

пень моего влияния на умы ваших политических лидеров в Думе.

ПРОТОПОПОВ:

Сэр Джордж, я думаю, это вам виднее. Я думаю, что по крайней мере не преуменьшаю степень вашего влияния.

БЬЮКЕНЕН:

Александр Дмитриевич... Я понимаю, что напряжение в общественном мнении России чрезвычайно велико и может даже вызвать недопустимые беспорядки. Я обещаю вам в меру своих сил содействовать установлению более спокойного... образа мыслей тех персон, с которыми встречаюсь.

ПРОТОПОВ:

Благодарю вас, Сэр Джордж! Я очень рад, что мы достигли взаимопонимания в этом остром вопросе.

БЬЮКЕНЕН:

Однако... Насколько я понимаю, корень проблемы все же не в вашей Императрице, а в этом мужике... в Григории Распутине, который активно вмешивается в политику и замешан во множестве некрасивых скандалов. В нем – корень проблемы! Так?

ПРОТОПОПОВ:

Сэр Джордж... Я не готов обсуждать с вами эту проблему. Поверьте мне на слово, что грязные слухи о Григории Распутине не имеют под собой никаких оснований. Начиная с 1907 года – а особенно в последние годы – проводились тщательные расследования всех сплетен, связанных с

ним. Ничего не подтвердилось.

БЬЮКЕНЕН:

Видимо, в этом пункте мы не поймем друг друга. Пока вы не решите проблему Распутина, вы не решите проблему в целом.

ПРОТОПОПОВ:

Сэр Джордж, разрешите откланяться. Я благодарю вас за откровенный разговор.

Прощаются. Протопопов покидает посольство.

СПРАВКА: о встрече Протопопова с Бьюкененом см. А. Бушков. Распутин. Выстрелы из прошлого. – СПб, изд. «Нева», стр. 375

СЦЕНА 6\8. Последний день Распутина, 16 декабря 1916.

Действующие лица:

– Распутин – Григорий Ефимович Распутин (1869 или 1871 г.р.-1916); в отличие от довоенного времени – теперь взгляд его недоверчив, колюч, хотя по-прежнему пронизателен;

– Матрена – Матрена Распутина (1898 г.р.), старшая дочь Распутина;

– Варя – Варвара Распутина (1901 г.р.), младшая дочь Распутина;

- Катя – Катя Печеркина, прислуга в квартире Распутина;
- Вырубова – Вырубова Анна Александровна (1884-1964), фрейлина и ближайшая подруга императрицы; располневшая и несколько постаревшая, сильно хромает (после ж\д катастрофы 1915г);
- Протопопов – Протопопов Александр Дмитриевич (1866-1917), член партии октябристов, депутат Третьей и Четвертой Думы (с 1914 г. – товарищ председателя Думы); с 16 сентября 1916 года – министр Внутренних дел; энергичен, умное волевое лицо, живые глаза – однако в его облике есть что-то нервическое;
- Мария – одна из мимолетных женщин Распутина, посетительниц «комнаты с диваном»; пышная миловидная блондинка;

Место и время действия:

16 декабря 1916 года, Петроград,

НАТ. ПЕТРОГРАД, ГОРОХОВАЯ УЛИЦА. ИНТ. КВАРТИРА РАСПУТИНА. 16 ДЕКАБРЯ 1916 ГОДА, ВЕЧЕР.

На экране –квартира Распутина на Гороховой 64. Его дочери в своей комнат, что-то обсуждают; камера показывает тумбочку и на ней часы-будильник (время – около 18 часов). Слышен голос Распутина в прихожей – видно, что он пришел из бани.

МАТРЕНА

(выходит в прихожую):

Папа, ты в бане был?

РАСПУТИН

(невесело):

Да, доча, в баньке.

МАТРЕНА:

Сегодня ж пятница – не урочный банный день твой. И что невеселый? Не помню тебя после бани в плохом настроении.

РАСПУТИН:

Надо было... Помыться-попариться мне... А невеселый...

Чего ж веселиться мне...

ВАРЯ

(тоже выходит в прихожую):

Папка, а мы из гостей только что!

РАСПУТИН:

Я помню, помню. Вижу, довольны... Ну, идите к себе, за ужином пообщаетесь еще.

Раздевается, идет в свою комнату, затем в столовую. Прислуга (Катя) ставит на стол бутылку мадеры, легкую закуску. Звонок в дверь. Прислуга открывает дверь, входит Вырубова. Матрена встречает ее, принимает подарки. Они проходят в столовую. Матрена уходит.

РАСПУТИН:

Здравствуй, Аннушка... Ты из Царского, от Мамы? Как там ножка у Алеши? Надо ль мне ехать?

(наливает ей бокал, она пригубливает)

ВЫРУБОВА:

Ножка лучше. Он не ходит еще, но опухоль спала, и почти не болит. Ее величество считает, что положение не так серьезно, чтобы тебе надо было ехать в Царское.

РАСПУТИН:

И слава Богу... Ножка пройдет. Только врачей к нему не подпускайте. Я сегодня приглашен к Маленькому на ужин, к полночи поеду к нему на Мойку... Во дворец его.

ВЫРУБОВА:

К Феликсу? Григорий! Я прошу тебя, не ездь к нему!

РАСПУТИН

(грустно):

Феликс просит меня его жену исцелить... По женским делам. Ирину.

ВЫРУБОВА:

Ты же знаешь, ему женщина в постели не нужна. Он Ирину «диетой» называет. Ему мальчики нужны.

РАСПУТИН:

Знаю, Аннушка, все знаю. И более твоего знаю. Но – должен ехать я... Я ему нужен.

ВЫРУБОВА:

Ты надеешься его исцелить от порока? Брось, Григорий!

Он играет с тобой в опасную игру. Ты – в опасности! Он порочен безвозвратно, он всех за собой потянет!

РАСПУТИН:

И это знаю. И более твоего знаю... Надо ехать мне...

ВЫРУБОВА

(помолчав, внимательно глядя на него):

Мы с тобой изменились, Григорий Ефимович...

РАСПУТИН:

Все меняется, Аннушка... Время не красит... А такое время (машет рукой)

ВЫРУБОВА:

Я помню, как первый раз увидела тебя рядом с Царем, в комнате больного царевича. Рядом с Николаем ты казался великаном...

В столовую заглядывает Варя, благодарит Вырубову за подарки.

РАСПУТИН:

Спасибо за подарки, Аннушка. Дети рады.

ВЫРУБОВА:

Григорий Ефимович, не езжай к Юсуповым. Сам подумай – не унижительно ли тебе ездить в гости ночью к тем, кто стыдится принять тебя в днем или вечером!

РАСПУТИН:

Не затем он меня ночью приглашает, чтоб унижить...

ВЫРУБОВА:

А зачем же? Почему ночью?

РАСПУТИН:

Ну, Аннушка... Может, и не поеду. Успокойся.

ВЫРУБОВА:

Обещай, что не поедешь к нему!

РАСПУТИН:

Обещаю, милая. Обещаю.

Вырубова прощается, уходит. Прислуга (Катя) собирает ужин на стол: рыба, черный хлеб, мед. Входят Матрена и Варвара, садятся ужинать. Распутин разламывает хлеб руками, пьет мадеру, постепенно веселеет.

МАТРЕНА:

Любимая еда твоя – рыба и мед. И хлебушек черный. Вкусно! Я тоже люблю.

РАСПУТИН:

Вот, замуж за своего Бориса выйдешь – будешь готовить чего ему нравится.

МАТРЕНА

(краснеет):

Я с Соловьевым только месяц как познакомилась. Какая свадьба, папа?

РАСПУТИН:

Через годок свадьбу сыграете, я знаю.

Обедают, затем Распутин вновь обращается к Матрене.

РАСПУТИН:

Идем ка со мною. Надоть мне тебе сказать.

Идет с Матреной в свою спальню, открывает бюро, вынимает пачку ассигнаций.

МАТРЕНА:

Что?

РАСПУТИН:

Это твое приданное. Три тыщи рублей тут. Бери и спрячь в своей комнате.

МАТРЕНА:

Папа, свадьба-то через год... Зачем сейчас?

РАСПУТИН:

Так надоть. Завтра поймешь.

МАТРЕНА

(недоуменно пожимает плечами, берет деньги):

А ты что, в гости сегодня собираешься? Вон, рубашку какую красивую приготовил (показывает на лежащую красивую шелковую рубашку, вышитую голубыми васильками).

РАСПУТИН:

Собираюсь. А рубашка – да, любимая. Царица сама василечки вышивала...

Матрена берет деньги, идет в свою комнату. Камера показывает будильник – время около 19 часов. Раздается звонок в дверь, Варя открывает, входит Протопопов. Здравуются. Вид у него подавленный. Она провожает его в столовую. Там – Распутин и Матрена.

ПРОТОПОПОВ

(дочерям Распутина):

Барышни... Девушки, у меня с Григорием Ефимовичем серьезный разговор.

Матрена и Варя уходят к себе. Через дверь приглушенно слышны голоса. Матрена и Варя прислушиваются.

РАСПУТИН:

Здравствуй, Александр Дмитриевич... Что скажешь?

ПРОТОПОПОВ:

Григорий Ефимович, тебя хотят убить.

РАСПУТИН:

Знаю.

ПРОТОПОПОВ:

Я советовал бы тебе несколько дней не выходить из дома.

Здесь ты в безопасности.

РАСПУТИН:

Не могу.

ПРОТОПОПОВ:

Отмени все встречи.

РАСПУТИН:

Поздно.

ПРОТОПОПОВ:

Ну так скажи, по крайней мере, куда ты собрался?

РАСПУТИН:

Не могу, это не моя тайна.

ПРОТОПОПОВ:

Ты не понимаешь, насколько все серьезно. Весьма влиятельные особы замыслили посадить на трон царевича и назначить регентом великого князя Николая Николаевича. А тебя либо сошлют в Сибирь, либо казнят. Либо просто убьют. Я знаю заговорщиков, но сейчас не могу назвать. Все, что я могу – это удвоить охрану в Царском Селе. Может, ты сегодня все же останешься дома? Твоя жизнь нужна Их величествам. Подумай.

РАСПУТИН:

Ладно.

(тихо, про себя):

я умру, когда Богу будет угодно.

Протопопов прощается, уходит такой же подавленный, как пришел.

РАСПУТИН:

Матрена, Варя, подите сюда. Матрена, возьми-ка Евангелие Иоанна, почитай мне с начала.

Матрена читает Евангелие Иоанна («В начале было Слово, и Слово было у Бога, и слово было Бог...»). Камера отъезжает вновь в комнату дочерей, сквозь дверь слышен приглушенный голос Матрены, на который накладывается тиканье часов («Он сказал: Я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу, как сказал пророк Исайя... А посланные были от фарисеев...»). Камера показывает циферблат: 22, 23 часа. Дочери ложатся спать. Видно, что Матрена боится за отца. Варвара засыпает. Матрена лежит, смотрит на часы. В тишине – тиканье часов. Матрена тоже засыпает, вздрагивает во сне.

Распутин в тишине собирается в гости. Не может застегнуть ворот рубашки (пальцы дрожат); Катя из кухни видит это, подходит к нему и застегивает ворот. Катя уходит на кухню, за перегородку, тоже ложится спать. Распутин ложится на кровать, что-то шепчет (не слышно что). Часы в комнате дочерей продолжают тикать часы.

Около часа ночи раздается звонок в дверь.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

В ночь с 16 на 17 декабря 1916 года во дворце Юсуповых Григорий Распутин был зверски убит заговорщиками, в число которых входили князь Феликс Юсупов, Великий князь

Дмитрий Павлович, Пуришкевич, Сухотин, Лазаверт и, вероятно, один из сотрудников английского посольства.

ДЕВЯТАЯ СЕРИЯ. АНАТОМИЯ ИЗМЕНЫ.

СЦЕНА 1\9. 30 декабря 1916 года. Встреча Николая с английским послом Бьюкеноном.

Действующие лица:

- Николай – Николай Александрович Романов (1868 г.р.), император;
- Бьюкенон – лорд Джордж Бьюкенон (1854-1924), посол Великобритании в России;
- Александра – Александра Федоровна (1872 г.р.), императрица;
- их дети – дочери: Ольга (1895 г.р.), Татьяна (1897 г.р.), Мария (1899 г.р.), Анастасия (1901 г.р.), сын Алексей (1904 г.р.);
- камергеры и слуги Александровского дворца;

Место и время действия:

30 декабря 1916 года. Александровский дворец.

НАТ. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДВОРЕЦ. ИНТ. ПРИЕМНАЯ. зала 30 ДЕКАБРЯ 1916, 11 УТРА.

На экране – Александровский дворец, большая приемная

(из окон виден парк). Зимний день, туман. Бьюкенен ожидает приема, о чем-то разговаривает с высокопоставленными придворными. Из окна виден Николай, быстро шагающий по снегу в парке – как обычно, он прогуливается в промежутках между докладами.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Из мемуаров посла Великобритании в России лорда Джорджа Бьюкенена:

«Революция носилась в воздухе, и единственный спорный вопрос заключался в том, придет ли она сверху или снизу. Дворцовый переворот обсуждался открыто, и за обедом в посольстве один из моих русских друзей, занимавший высокое положение в правительстве, сообщил мне, что вопрос заключается лишь в том, будут ли убиты и император, и императрица или только последняя; с другой стороны, народное восстание, вызванное всеобщим недостатком продовольствия, могло вспыхнуть ежеминутно. У меня не было никакого повода просить об аудиенции, но я не хотел быть свидетелем развития событий, не сделав последнего усилия спасти императора, вопреки ему самому.

Во всех предыдущих случаях его величество принимал меня без особых формальностей в своем кабинете и, пригласив меня сесть, протягивал свою табакерку и предлагал курить. Поэтому я был неприятно удивлен, когда был на этот раз введен в комнату для аудиенции и нашел его величество ожидающим меня здесь, стоя посреди комнаты. Я тотчас по-

нял, что он угадал цель моей аудитории, и что он нарочито придал ей строго официальный характер, как бы намекая мне, что я не могу касаться вопросов, не входящих в компетенцию посла. Сознаюсь, что у меня упало сердце, и на минуту я серьезно задумался, не отказаться ли мне от первоначальной цели».

Во время чтения этого текста Бьюкенен и Николай начинают разговор – начало разговора (о предстоящей союзной конференции) как бы опущено. (на экране только видеоряд их встречи). Они разговаривают стоя.

НИКОЛАЙ:

Итак, я надеюсь, что предстоящая союзная конференция будет последней перед нашей совместной окончательной победой в этой войне.

БЬЮКЕНЕН:

Ваше величество... К сожалению, я сомневаюсь в этом, так как политическое положение в России очень серьезно и тревожно.

НИКОЛАЙ:

Почему вы столь пессимистичны?

БЬЮКЕНЕН:

Мы не имеем никакой гарантии того, что настоящее русское правительство останется на своем посту, или что решения конференции будут уважаться его преемниками.

НИКОЛАЙ:

Ваши опасения безосновательны.

БЬЮКЕНЕН:

Координации наших усилий будут достаточны лишь в том случае, если в каждой из союзных стран будет существовать полная солидарность между всеми классами населения. Мы признали этот факт в Англии, и именно ради того, чтобы обеспечить сотрудничество рабочих классов, г. Ллойд-Джордж включил представителя труда в свой малый военный кабинет. В России дело обстоит совсем иначе, и я боюсь, что его величество не видит, как важно, чтобы мы представляли единый фронт перед лицом врага, не только коллективно как союзники, но и индивидуально как нации.

НИКОЛАЙ

(перебывает посла):

Я и мой народ едины в нашем решении выиграть войну.

БЬЮКЕНЕН:

Но не едины в оценке компетентности людей, которым Ваше величество доверяете ведение войны. Желаете ли вы, Ваше величество, чтобы я говорил со своей обычной откровенностью?

НИКОЛАЙ:

Извольте.

БЬЮКЕНЕН:

В настоящее время между Вами и народом выросла стена, и, если Россия все еще едина как нация, то она едина в оп-

позиции Вашей нынешней политике. Народ, который столь блестящим образом объединился вокруг своего государя в начале войны, увидел, как сотни и тысячи жизней были принесены в жертву вследствие недостатка винтовок и военного снабжения; как вследствие неспособности администрации разразился жестокий продовольственный кризис...

НИКОЛАЙ:

И железнодорожная разруха...

БЬЮКЕНЕН

(удивленный согласием Николая):

Да... Все, чего народ хочет, это правительства, которое довело бы войну до победного конца. Дума, я имею основания говорить это, удовлетворилась бы, если бы его величество назначил председателем совета министров человека, к которому питали бы доверие как он сам, так и народ, и позволил бы ему избрать своих коллег... В последние месяцы Вы меняете своих министров столь часто, что послы никогда не знают, останутся ли завтра на своих постах сегодняшние министры, с которыми они имели дело...

(замолкает, ожидая ответа Николая).

НИКОЛАЙ

(спокойно, но постукивая косточкой пальца по столу):

Продолжайте... Я слушаю вас.

БЬЮКЕНЕН:

Во главе правительства следует иметь сильного человека. Конечно, сильный человек во время войны должен воз-

главлять и министерство внутренних дел.

НИКОЛАЙ:

Министр Протопопов именно таков.

БЬЮКЕНЕН:

Что касается Протопопова... Позвольте обратить Ваше внимание на то, что германские агенты не только стремятся посеять раздор между союзниками, но и внести отчуждение между Вами и русским народом. Их агенты работают повсюду. Они дергают за веревочки и пользуются, как бессознательным орудием, теми, кто обычно дает советы вашему величеству о выборе ваших министров. Они косвенно оказывают влияние на императрицу через окружающих ее лиц, и в результате, вместо того, чтобы пользоваться подобающей ей любовью, ее величество окружена недоверием и обвиняется в том, что работает в интересах Германии.

НИКОЛАЙ:

Чушь! Я сам выбираю своих министров и никому не разрешаю влиять на мой выбор. Относительно же Ее величества... Я удивлен, что вы, господин посол, повторяете грязные сплетни!

БЬЮКЕНЕН:

Протопопов – прошу простить Ваше величество за мои слова – привел Россию на край гибели. Пока он будет занимать пост министра внутренних дел, до тех пор не может быть того сотрудничества между правительством и Думой, которое является существенным условием победы.

НИКОЛАЙ

(вновь прерывает посла):

Я избрал господина Протопопова из рядов оппозиции в Думе, с целью быть с ней в согласии, и вот, – как только я его избрал, – он стал всем неуютен!

БЬЮКЕНЕН:

Но, государь, Дума едва ли может питать доверие к человеку, который изменил своей партии ради официального поста, который имел беседу с германским агентом в Стокгольме и который подозревается в том, что работает в пользу примирения с Германией.

НИКОЛАЙ:

Господин Протопопов, – не германофил, и циркулирующие слухи относительно его стокгольмской беседы грубо преувеличены. Я не имею права поддаваться грубому давлению Думы и общественности в выборе министров.

БЬЮКЕНЕН:

Видит ли Ваше величество в полной мере опасности положения, и знаете ли Вы, что на революционном языке заговорили не только в Петрограде, но и по всей России?

НИКОЛАЙ:

Мне отлично известно, что люди позволяют себе говорить таким образом, но вы, господин посол, впадаете в ошибку, придавая этому слишком серьезное значение.

БЬЮКЕНЕН:

За неделю до убийства Распутина я слышал о предсто-

ящем покушении на его жизнь. Я счел эти слухи пустой сплетней, но тем не менее они оказались верными. Поэтому я и сейчас не могу оставаться глухим к доходящим до меня слухам об убийствах, замышляемых, как говорят, некоторыми экзальтированными личностями. А раз такие убийства начнутся, то нельзя уже сказать, где они кончатся. Несомненно, в этом случае с Вашей стороны будут приняты репрессивные меры, и Дума будет распущена. Если это случится, то я должен буду оставить всякие надежды на Россию...

(замолкает, ожидая ответа).

НИКОЛАЙ

(вновь постукивает косточкой пальца по столу):

Продолжайте, господин посол.

БЬЮКЕНЕН:

Ваше величество, мы должны вспомнить, что народ и армия – одно целое, и что в случае революции можно рассчитывать лишь на небольшую часть армии для защиты династии. Я отлично знаю, что посол не имеет права говорить тем языком, которым я заговорил с Вашим величеством, и я должен был собрать всю свою смелость, чтобы заговорить с Вами так. Я могу сослаться в свое оправдание лишь на то обстоятельство, что меня побуждают сделать это исключительно мои чувства преданности к Вашему величеству и к императрице. Если бы я увидел друга, идущего темной ночью в лесу по дороге, которая, как я знаю, кончается

пропастью, то не было ли бы, государь, моим долгом предостеречь его от угрожающей ему опасности? И не такой же ли мой долг – предостеречь ваше величество от пропасти, которая находится перед Вами? Вы находитесь, государь, на перекрестке двух путей, и Вы должны теперь выбрать, по какому пути Вы пойдете. Один приведет Вас к победе и славному миру, другой – к революции и разрушению. Позвольте мне умолять Ваше величество избрать первый путь. Сделайте это, государь, и Вы обеспечите своей стране осуществление ее вековых стремлений, а себе самому – положение наиболее могущественного монарха в Европе.

НИКОЛАЙ:

Спасибо за Ваши благие пожелания... Вы знаете русскую поговорку относительно благих пожеланий?

БЬЮКЕНЕН:

Знаю, Ваше величество! Но позвольте мне сказать, что перед Вами открыт только один верный путь, это – уничтожить стену, отделяющую вас от вашего народа, и снова приобрести его доверие.

В это время из окна комнаты для аудиенции, в глубине парка, видны Александра Федоровна, дочери и царевич. Бьюкенен замечает их, Николай как бы чувствует их спиной. В начале разговора немного сутулившийся, он выпрямляется во весь рост, жестко глядит на посла.

НИКОЛАЙ:

Так вы думаете, что я должен приобрести доверие своего народа, или что он должен приобрести мое доверие?

БЬЮКЕНЕН

(после короткого замешательства):

И то, и другое, государь, – ибо без такого обоюдного доверия Россия никогда не выиграет этой войны. Ваше величество действовали под влиянием удивительного вдохновения, когда посетили Думу в феврале прошлого года. Не пожелаете ли вы явиться туда снова? Не пожелаете ли вы говорить со своим народом? Не скажете ли вы ему, что Ваше величество, будучи отцом своему народу, желаете работать вместе с ним, чтобы выиграть войну? Вам стоит, государь, только поднять свой палец, и они снова падут на колени у ваших ног, как это я уже видел в начале войны в Москве.

НИКОЛАЙ

(жестко):

А не так ли обстоит дело теперь, что Моему народу следовало бы заслужить мое доверие? ... До свидания, господин посол.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

(голосом Бьюкенена):

«Великий князь Сергей Михайлович, которого я встретил затем через несколько часов за обедом в Яхт-клубе, в ответ на мой рассказ об аудиенции, заметил, что если бы я был

русским подданным, то был бы сослан в Сибирь. Не придавая этим словам серьезного значения, я все же с облегчением нашел, что на русском новогоднем приеме, происходившем несколько дней спустя после моей аудиенции, император проявил ко мне такое же дружеское расположение, как и всегда. В коротком разговоре, который я имел с ним, ни один из нас не вспомнил о моей недавней аудиенции. Я больше ничего не сказал о внутреннем положении, но, так как я слышал, что его величество подозревает молодого англичанина, школьного товарища князя Феликса Юсупова, в соучастии в убийстве Распутина, я воспользовался случаем заверить его, что подозрение это совершенно неосновательно. Его величество поблагодарил меня и сказал, что он очень рад слышать это».

СПРАВКА:

Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. Глава XXI.

Также см. В. Кобылин. Анатомия измены. – СПб, «Царское дело», 2005, стр.213

СЦЕНА 2\9. 22 февраля 1917 года. Отъезд Николая в Ставку.

Действующие лица:

- Николай – Николай Александрович Романов (1868 г.р.), император; в этой сцене он простужен, неважно выглядит;
- Александра – Александра Федоровна (1872 г.р.), импе-

растрица; выглядит также постаревшей, нездоровой;

– их дети – дочери: Ольга (1895 г.р.), Татьяна (1897 г.р.), Мария (1899 г.р.), Анастасия (1901 г.р.), сын Алексей (1904 г.р.); Ольга немного простужена;

– камергеры и слуги Александровского дворца;

Место и время действия:

22 февраля 1917 года, Александровский дворец.

НАТ. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДВОРЕЦ, ЦЕРКОВЬ ЗНАМЕНИЯ, ВОКЗАЛ. 22 ФЕВРАЛЯ 1917.

На экране – Александровский дворец. Морозный солнечный день, вечерет. Николай прощается с детьми, выходит из дворца и вместе с Аликс садится в мотор; в сопровождении конного взвода конвоя Его Императорского Величества (казаки в черных бешметах) едут к вокзалу (Николай за рулем).

Стоящие у главных ворот чины Конвоя, Собственного полка, Дворцовой полиции дружно кричат: «Здравия желаем Ваше Императорское Величество». Едут в церковь Знамения. Прикладываются к чудотворной иконе Божией Матери. Едут к Царскому павильону. Белая пелена расстилается кругом. Блестит на солнце купол Федоровского собора. Переливается веселый звон его колоколов. Там только что окончили напутственный молебен. Потом едут на станцию.

АЛЕКСАНДРА:

Ты сказал Голицыну, что отменил свое решение?

НИКОЛАЙ:

Сказал... Милая забияка, сказал.

АЛЕКСАНДРА:

Явиться в Думу и объявить о даровании министерства, ответственного перед русским парламентом – перед этими скотами! Как ты мог!

НИКОЛАЙ:

Аликс, милая эсенушка... Ты же сама знаешь, что теперь это все равно – соглашусь я на их требования, или не соглашусь. Счет до Потопа пошел на дни! Святой Серафим ни разу не ошибся в своем письме... В своих предсказаниях...

АЛЕКСАНДРА:

Я помню. И старица в Новгороде, Мария Михайловна... Она тоже говорила, что в начале марта начнется... «Большая каша и крестный путь» ... Но Ники, Господь все может изменить в один миг! Я молилась об этом сейчас в нашем соборе.

НИКОЛАЙ:

Помнишь, как Григорий во время первой нашей встречи сказал? О том, о чем молиться надо... в такие дни?

АЛЕКСАНДРА:

Ты тоже помнишь?

НИКОЛАЙ

(цитирует по памяти):

А надо так: ты возьми чистый лист бумаги и внизу ли-

ста свою роспись поставь, и отдай сей лист Господу с чистым сердцем...

АЛЕКСАНДРА:

Он взял тогда чистый лист со стола, расписался на нем, и положил тот лист перед тобою, Ники... Я помню.

НИКОЛАЙ

(продолжает):

А Господа нашего моли о том, чтобы он на сём листе написал тебе, что Он для тебя выбрал! И не ропщи, если не понравится тебе, что Господь наш для тебя избрал!

АЛЕКСАНДРА:

Да, милый, да.

НИКОЛАЙ:

Я должен ехать в Ставку именно сейчас, надо готовить весеннее наступление, мы это и с союзниками согласовали... а с началом наступления я разберусь и со смутьянами в Думе. Десять-пятнадцать главарей из заговорщиков придется арестовать... И с Земгором, с их взяточниками, тоже. С наступающей армией никто не посмеет возражать против жесткого наведения порядка. До этого еще, перед Пасхой в апреле сниму все ограничения для евреев – пора уже и это сделать. Так что и евреи перестанут воду мутить. В общем, у заговорщиков-либералов от силы месяц остается для попытки бунта... Однако, ускорить ничего я не могу.

Больше двух месяцев не был Ставке. Но я вернусь до 1 марта, самое позднее. Постараюсь раньше. Сегодня я вручил

Голицыну указ о роспуске Думы, я подписал его с открытой датой. Если волнения в городе начнутся до моего приезда, он обнародует этот указ. Еще вот что, тебе надо знать: вчера я приказал отозвать в Петроград с фронта два верных полка. Вообще-то и двух батальонов хватило бы... Но так вернее.

АЛЕКСАНДРА:

Когда они прибудут в Петроград?

НИКОЛАЙ:

Самое позднее – через четыре дня.

АЛЕКСАНДРА:

Ники, проконтролируй выполнение этого приказа в Ставке. Не доверяй полностью Алексееву.

НИКОЛАЙ:

Милая... Если и ему не доверять, то... Мы обречены тогда.

АЛЕКСАНДРА:

Кому еще из высших чинов в Ставке ты полностью доверяешь?

НИКОЛАЙ

(кашляя):

Еще Рузскому я доверяю. Нельзя без доверия своим генералам воевать. Если и в Ставке измена... Тогда мы обречены.

АЛЕКСАНДРА:

Нет, милый, нет. Верные полки раздавят бунтовщиков! Мы возродим царство силы и мощи!.. Вот и вокзал... Как я

ненавижу расставания! Ты будешь там совсем один! ... И Рузскому – я не верю! Он – хуже Алексеева.

НИКОЛАЙ:

Всего неделю, милая. Даже меньше!

Выходят из автомобиля, прощаются на перроне. Лицо Александры – в красных пятнах, она сильно нервничает. Николай и несколько офицеров заходят в поезд. В два часа Императорский поезд трогается в путь. По сторонам, как вкопанные, часовые Железнодорожного полка. Вдали на лыжах «охрана второй линии».

Поезд трогается, свистит паровозный свисток. Камера показывает паровоз, дым из трубы; камера поднимается выше, выше; показывает сверху панораму вечернего зимнего Петрограда, над ним дымят трубы заводов, начинают раздаваться заводские гудки. (Смысловая параллель кадров – Петроград тоже «поехал» – поехал в революцию...)

СЦЕНА 3\9. 23-26 февраля 1917 года. Февральская революция в Петрограде. Заседание Св. Синода 26 февраля.

Действующие лица:

– Жевахов – Жевахов Николай Давидович (1874-193?), князь, потомок российской ветви древнего рода грузинских князей Джаваховых, камер-юнкер, в 1916-17 гг. – товарищ обер-прокурора Св. Синода; друг Протопопова, был знаком

с Царской семьей; «реакционер», твердый монархист, член «Союза русского народа».

– митрополит Владимир – киевский митрополит Владимир;

– архиереи Макарий (Московский), Питирим (Петроградский), Георгий (Варшавский); другие члены Св. Синода;

– Яцкевич – Яцкевич Владимир Иванович, директор канцелярии Св. Синода;

– люди на улицах, горожане, солдаты;

Место и время действия:

26 февраля 1917 года, Петроград.

Улицы и площади Петрограда, здание Св. Синода на Сенатской площади.

НАТ. УЛИЦЫ И ПЛОЩАДИ ПЕТРОГРАДА, ЗДАНИЕ СВ.СИНОДА НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ. 26 ФЕВРАЛЯ 1917.

На экране – утро 26 февраля 1917 года в Петрограде. Грязные улицы, очереди у булочных и лавок; на улицах начинают собираться толпы людей; среди них видны и солдатские шинели. Ни трамваев, ни извозчиков. Над собирающимися толпами – красные флаги. Камера показывает Литейный проспект, подъезжает к дому товарища обер-прокурора (Жевахова). Он выходит из квартиры, звонит соседу, Яцкевичу (директору канцелярии). Яцкевич выходит, уже оде-

тый. Здороваются.

ЯЦКЕВИЧ:

Здравствуйте, Николай Давидович. Пешком в Синод пойдём?

ЖЕВАХОВ:

Трамваи вчера не ходили, но извозчики были. Не знаю, что сегодня увидим. Слышали ночью выстрелы?

ЯЦКЕВИЧ:

Да, по-моему с Выборгской стороны...

Разговаривая, выходят из дома, ищут глазами извозчика. Не видя его, идут к Невскому, через возбужденные и озлобленные толпы— по ходу их следования они встречаются все чаще.

ЖЕВАХОВ:

Ну вот, и извозчиков не видно. Идемте пешком.

ЯЦКЕВИЧ:

Вон, опять в лавки хвосты длинные... Четвертый день уже очереди! Неужели хлеб и керосин не могли вовремя в город подвести?

ЖЕВАХОВ:

Я вчера разговаривал с Протопоповым по телефонной связи. Он сказал, что снабжение ни на день не нарушалось. На складах всего в достатке. Да я ведь сам-то в Петроград

вернулся два дня назад – пол России объездил. Поезда везде ходят по расписанию. Везде спокойно, всего хватает. Ну, цены, конечно, заметно меньше, чем здесь у нас. Я для сестры два куля белой муки привез с юга. Вот, как раз пригодится.

ЯЦКЕВИЧ:

А настроение людей?

ЖЕВАХОВ:

Спокойное. В Киеве и в Екатеринодаре, и в Таганроге видел новобранцев – на фронт их отправляли. Веселые, румяные – любо-дорого смотреть... Все надеются, что в этом году дождем немца. И верят в скорую победу. Я много с людьми общался. А здесь – черт знает что происходит!

(крестятся)

ЯЦКЕВИЧ:

Я слышал, на Марсовом поле уже три дня с утра до вечера митинги под красными знаменами. Полно смутьянов. А там ведь Павловские полки расквартированы..., и никто этих смутьянов не разгоняет! Что происходит?

ЖЕВАХОВ

(оглядывается назад, в начало Литейного):

Вон извозчик, давайте подождем.

Машут рукою извозчику, однако, наперерез ему бросаются подросток и солдат в шинели – заворачивают извозчика обратно. Народу на улицах становится больше. За извозчиком едет автомобиль с солдатами, под красным знаменем

– его беспрепятственно пропускают, приветственно машут. Жевахов подходит к подростку (солдат скрылся в подворотне):

ЖЕВАХОМ:

Милый, ты чего делаешь? Зачем извозчика завернул?

ПОДРОСТОК:

Проходи, дядя, не мешай.

ЯЦКЕВИЧ:

Вы что делаете?

ПОДРОСТОК:

Не твое дело! Завтра узнаете, «чего» ... Идите, попы, своей дорогой, пока вас не трогают

(также идет в подворотню)

Проходят еще несколько метров, слышат разговор городского обывателя и солдата.

ОБЫВАТЕЛЬ:

Братец, ты из какого полка?

СОЛДАТ:

Вольнского запасного... В увольнении я...

ОБЫВАТЕЛЬ:

Иди в казармы, расскажи, что тут творится. Пусть солдаты к нам присоединяются. С солдатами – мы точно победим! Если вы на улицы выйдете...

СОЛДАТ:

Ишь-ты, какой быстрый! Мы, конечно, тоже против войны, и против царя и господ... Но вы-то побунтуете и по домам разойдетесь, а мы, ежели что – под расстрел пойдем!

Обыватель увлекает солдата с собой, что-то горячо доказывает ему.

ЖЕВАХОВ

(удивленно):

Кто-то ведь организует все это безобразие!

ЯЦКЕВИЧ:

Я слышал, Петроградский совет какой-то... Рабочих и солдат.

ЖЕВАХОВ:

Слышите? На Выборгской опять стреляют!

ЯЦКЕВИЧ

(вздрагивает от звука близкого выстрела):

И ближе уже! Это у Окружного суда. Здесь уже, на Литейном!

ЖЕВАХОВ:

Идемте-ка дворами, Владимир Иванович! Так спокойнее будет.

Близ Невского заворачивают в проходные дворы. Идут,

иногда выглядывая на Невский. Там собираются толпы под красными знаменами.

ЖЕВАХОВ:

Жидков-то сколько... Довольные... Ранее никогда на Невском столько жидков не видел...

ЯЦКЕВИЧ:

Довольных...

ЖЕВАХОВ:

Вот что, Владимир Иванович... Надо будет сегодня на заседании Синода обращение к народу принять...

ЯЦКЕВИЧ:

От лица Православной церкви?

ЖЕВАХОВ:

Да, конечно. Обращение к православным. Чтобы не принимали участия в беспорядках.

ЯЦКЕВИЧ:

Как в 5-м году обращение?

ЖЕВАХОВ:

Пожалуй, еще и посильнее надо сформулировать.

ЯЦКЕВИЧ:

Павел Иванович будет председательствовать?

ЖЕВАХОВ:

Нет, он мне вчера вечером из Царского телефонировал, что его на сегодняшнем заседании не будет. Мне придется внести это предложение.

ЯЦКЕВИЧ:

Да, надо принять. Примет ведь Синод!

ЖЕВАХОВ:

Если Владимир во фронду не войдет. Первенствующий митрополит – у него много сторонников в Синоде.

ЯЦКЕВИЧ:

Ну да, обижен он на Государя с 15-го года.

ЖЕВАХОВ:

Да, не ожидал он, что Государь удалит его из столицы. Киев он ссылкой считает. Сильно обижен.

ЯЦКЕВИЧ:

Я слышал, он Распутина считал главным инициатором своего удаления? Ведь он с Распутиным «на ножках» был.

ЖЕВАХОВ:

Да, конечно... Я ему говорил: не надо в личную жизнь Государя встречать. Его и Государыни друзья – это Их Величеств личное дело...

ЯЦКЕВИЧ:

Да уж... Убили Распутина, а толку... Еще хуже стало! Даже его враги теперь это признают. Что ничего не изменилось, только хуже. А про Государыню – еще большие сплетен. Вранья больше... Прости Господи!

ЖЕВАХОВ:

Я на это, на убийство Распутина, еще строже смотрю. Ведь Царь – Помазанник Божий. И сказано Господом: не тронь Моих! А полезли с грязными сплетнями в Их личное!

Он же друг их был! Ох, грех! Грех – не только убийство, но и это хамство народное. И еще хуже стало! Беда идет! Накажет народ Господь, что не защитили Друга Царева.

ЯЦКЕВИЧ:

А что же наши Высший свет... Аристократия наша...

ЖЕВАХОВ:

и Царь, и Царица... они не похожи на наших современных аристократов, ... если бы Они не были Царями, то наше великосветское общество даже не приняло бы Их в свою среду. Они слишком хороши, слишком просты и естественны, слишком искренни...

Переходят Невский, идут мимо Адмиралтейства на Сенатскую площадь, к Св. Синоду. На Сенатской спокойнее, меньше народу. Нет красных флагов. Входят в здание правительствующего Синода.

ИНТ. ЗАЛ ЗАСЕДАНИЙ СВ.СИНОДА.

Там уже собрались митрополиты, архиереи – члены Св. Синода. Здороваются, проходят в зал заседаний, рассаживаются. Жевахов берет слово перед началом заседания.

ЖЕВАХОВ:

Господа синодалы! Позвольте слово перед началом заседания... Вы все знаете и видите, что творится в Петрограде. Народ пошел в смуту. Все происходящее в последние два дня начинается напоминать начало января 1905 года, и осень

того года. Новой революции Россия не выдержит. Положение очень серьезно. Тем более, что новая смута поддерживается германскими агентами и их деньгами. Как 12 лет назад – японскими деньгами. Я предлагаю принять Обращение к православному народу, от имени нашей Церкви – с воззванием не участвовать в уличных беспорядках, поддержать в эти сложные дни правительство и Государя Императора. При этом, надо избегать общих мест, общих слов, а говорить конкретно о событиях этих дней!

Возгласы с мест: почему само правительство ничего не делает? Где городовые? Почему хлеба и керосина в лавках нет?

МАКАРИЙ:

Николай Давидович прав. В новую смуту идем! Обращение необходимо. И надо жестко его написать. Предупредить надо, что каждый примкнувший к революционному движению будет отлучен от святого причастия!

ГЕОРГИЙ:

Верно, верно. Это должно быть грозное предупреждение Церкви!

ВЛАДИМИР:

Верно вам из зала кричат, что власти бездействуют. Власти виноваты, и они сами должны навести порядок.

ПИТИРИМ:

Церковь не должна стоять в стороне. Вразумляющий го-

лос всегда уместен, а ныне – просто необходим!

ВЛАДИМИР:

Теперь уж извольте не перебивать! Это всегда у нынешней власти так: когда мы не нужны, тогда нас не замечают, а в момент опасности к нам первым обращаются за помощью. Городские власти не могут людей хлебом и керосином обеспечить, а мы к народу взывать будем?

Вновь возгласы с мест: верно. Где власти? Пусть сами порядок наводят!

ВЛАДИМИР:

Обер-прокуратура хочет перед властью выслужиться. Почему Священный Синод должен идти на поводу обер-прокуратуры?

ЖЕВАХОВ:

Господа! В такие дни недопустимо сводить счеты между собою, интриговать, или вспоминать старые обиды!

ВЛАДИМИР:

Дело не в обидах. И не об интригах я говорю, а о необходимости твердой власти! Народ возмущен ее слабостью и бездействием. Власть должна увидеть это, и исправить свои ошибки. Народ побузит немного – пусть власть почешется! Пока не вижу необходимости выступить с Обращением к народу.

ЖЕВАХОВ:

Завтра поздно может быть!

ВЛАДИМИР:

Не надо нас запугивать, Николай Давидович! Не принимать обращение! К тому же, я вижу, многих иерархов нет сегодня в зале. И обер-прокурора, кстати, не вижу! Не считаю возможным в таких условиях принимать обращение. Перейдем, господа, к обсуждению прежней повестки дня.

НАТ. УЛИЦЫ ПЕТРОГРАДА.

Место и время действия – те же. Синодалы расходятся после заседания. Жевахов и Яцкевич возвращаются тем же путем на Литейный. На экране – кадры, иллюстрирующие голос Жевахова за кадром.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ (голос Жевахова):

Возбуждение на улицах, между тем, все более разрасталось. Предположение, что войска откажутся повиноваться и присоединятся к бунтовщикам, превратилось в факт, ужасные последствия которого трудно было даже учесть. Серые солдатские шинели все чаще и чаще стали появляться в толпе; вместо вчерашней стрельбы из-за угла, шла открытая перестрелка вдоль и поперек улиц, и каждый прохожий чувствовал себя точно в западне, не зная, как выбраться из опасного места... Я то и дело сворачивал то в один переулок, то в другой, и затем возвращался обратно, скрываясь в подворотнях. Прошло много времени, пока я добрался

до Литейного проспекта, пользуясь всевозможными потайными ходами и внутренними дворами. Ночь прошла крайне тревожно. В различных частях города виднелись зарева пожаров; Литейный проспект был окутан густыми облаками дыма: горело здание Окружного Суда... Трещали пулеметы, гудели мчавшиеся в карьер грузовики, с высоко поднятыми красными флагами.

... А ведь Католический приход принял обращение к своей пастве – не принимать участия в демонстрациях и беспорядках – и католики в февральской революции не участвовали...

СПРАВКА: о заседании Св. Синода 26 февраля 1917 г. и событиях тех дней – см. Н.Д. Жевахов. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. – М., «Родник», 1993.

СЦЕНА 4\9. 1917 год, 26 февраля – 1 марта. Перед Потопом.

ЭПИЗОД 1.

Действующие лица:

– Николай – Николай Александрович Романов (1868 г.р.), император;

– Алексеев – Алексеев Михаил Васильевич (1857-1918), с августа 1915 г. – начальник штаба Верховного Главнокомандующего, в 1916 году – уже член масонской «Военной ложи», предавшей Николая в феврале 1917 года;

– телеграфист Ставки;

Место и время действия: 26 февраля 1917 года. Могилев.

НАТ. ДОМ ГУБЕРНАТОРА В МОГИЛЕВЕ. ИНТ. ПО-
КОИ И КАБИНЕТ НИКОЛАЯ. ВЕЧЕР 26 ФЕВРАЛЯ 1917.

На экране: Николай пишет письмо Александре.

ЕГО ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Пожалуйста, не переутомись, бегая между больными детьми. Корь – откуда она взялась? Я был вчера у образа Пречистой Девы и усердно молился за тебя, моя любовь, за детей, за нашу страну, а также за Аню... Сегодня утром во время службы почувствовал мучительную боль в середине груди, продолжавшуюся четверть часа. Я едва выстоял, и лоб мой покрылся каплями пота, я не понимаю, что это было, потому что сердцебиения у меня не было. Но потом оно появилось и прошло сразу, когда я встал на колени перед образом пречистой Девы.

ИНТ. ТЕЛЕГРАФНАЯ АППАРАТНАЯ В СТАВКЕ,
ШТАБ АЛЕКСЕЕВА.

Телеграфист принимает телеграмму, идет в штаб Алексева. Он собирается ко сну.

АЛЕКСЕЕВ:

Что у тебя?

ТЕЛЕГРАФИСТ:

Ваше Высокопревосходительство, срочная телеграмма Его Величеству, от Родзянко. В столице – анархия. Войска переходят на сторону восставших. Как велели – все телеграммы я сначала вам показываю. Отнести Государю?

АЛЕКСЕЕВ

(вполголоса читает телеграмму):

«Всякое промедление смерти подобно... Молю Бога, чтобы ответственность в этот час не пала на венценосца... Председатель Думы Родзянко» ...

ТЕЛЕГРАФИСТ:

Отнести Государю?

АЛЕКСЕЕВ

(внимательно смотрит на телеграфиста):

Не надо будить Государя... Я ему утром покажу. Свободен!

Телеграфист уходит.

АЛЕКСЕЕВ:

Началось... А он – равнодушен, по-моему. Как сфинкс. Что ему не скажешь – бровью не поведет. То ли поглупел, то ли все равно ему... Странно.

ЭПИЗОД 2.

Действующие лица:

Александра – Александра Федоровна (1872 г.р.), императрица;

Лили – Ден Юлия Александровна, жена капитана первого ранга (командира крейсера), подруга Императрицы – по отзывам ее знавших, воплощение здравого смысла и порядка;

Вырубова – Вырубова Анна Александровна (1884-1964), фрейлина и ближайшая подруга императрицы; располневшая и несколько постаревшая, сильно хромот (после ж\д катастрофы 1915г); в эти дни – больна корью, как и все царские дети (кроме дочери Марии);

Место и время действия:

27 февраля 1917 года, Александровский дворец в Царском Селе.

НАТ. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДВОРЕЦ. ИНТ. ПОКОИ ИМПЕРАТРИЦЫ. УТРО 27 ФЕВРАЛЯ 1917.

На экране: Александра во дворце читает телеграмму Юлии Ден (Лили) и Ане Вырубовой.

АЛЕКСАНДРА

(взволнованно читает):

от Ники, телеграмма. «Выезжаю в 2.30. Конная гвардия получила приказание немедленно выступить из Новгорода в Петроград. Генералу Хабалову приказано немедленно навести порядок в городе. Бог даст, беспорядки в войсках будут скоро прекращены».

ЛИЛИ

(спокойно):

Два наших казака ездили с утра в город, переодетые. Я подробно расспрашивала их. Чернь вышла на улицы. Бьют стекла, витрины. Трамваи не ходят. Извозчики боятся ездить по городу. Везде – перестрелки. Освещения нет. Солдаты гарнизона и даже казаки распропагандированы революционерами. Волнения в Вольнском полку. На Литейном горит здание Окружного суда. Толпа не пропустила к зданию пожарников. Тюрьмы открыты. Толпы разоружают полицейских. Есть убитые. Хабалов беспомощен.

АЛЕКСАНДРА:

Я знаю. Все очень плохо. Если на улицы выйдут солдаты – они до конца пойдут... Протопопов телефонировал недавно... Он успокаивает, но теперь я и ему не верю. Он оказался слишком экзальтированным оптимистом. Не только правительство, но и Дума уже ничего не контролируют.

ЛИЛИ:

Гарнизон в Царском тоже ненадежен. Кажется, изменники уже заняли вокзал.

АЛЕКСАНДРА:

Аня, Лили... я иду к детям... Все, все больны! Только Маша на ногах – чудом не заболела. Эта корь! Откуда она взялась... Вечером я соберу оставшиеся верные нам войска у дворца.

ЭПИЗОД 3.

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ к этому эпизоду:

1. В. Кобылин. «Анатомия измены» – СПб, «Царское дело», 2005, стр.280-282.
2. С.С. Ольденбург. Царствование Императора Николая Второго. – Ростов-на-Дону, изд. «Феникс», 1998, стр.554-557.
3. Е.Е. Алферьев. Император Николай Второй как человек сильной воли. – Свято-Троицкий монастырь, Джорданвиль, 1983, стр. 121-123.

Действующие лица:

Николай, Алексеев, телеграфисты;

– Дубенский – Дубенский Дмитрий Николаевич (1857-1923), генерал-лейтенант Свиты, военный историк; один из генералов Свиты, остававшихся верным Присяге;

– полковники, офицеры Свиты;

Место и время действия:

28 февраля 1917 года. Свитский и Царский литерные поезда (Царский – литерный «А», свитский – литерный «Б»).

НАТ. ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА К МАЛОЙ ВИШЕРЕ, СВИТСКИЙ И ЦАРСКИЙ ЛИТЕРНЫЕ ПОЕЗДА. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР 28 ФЕВРАЛЯ 1917.

На экране, с высоты птичьего полета, железная дорога в заснеженных лесах, два литерных поезда (впереди Свитский, за ним, в нескольких прогонах, Царский) быстро идут

на север; замедляют ход на станциях, где на платформах выстраивается местное начальство, урядники, войска, отдающие честь проезжающему Императору. Камера показывает вагоны царского поезда – аккуратные, отлично покрашенные.

ИНТ. САЛОН-ВАГОН ИМПЕРАТОРА.

В Царском поезде Николай диктует офицеру телеграмму.

НИКОЛАЙ:

Начальнику штаба Алексееву. Назначить Генерал-адъютанта Иванова Главнокомандующим Петроградским Военным Округом. Послать от войск Северного фронта в Петроград: 67-й и 68-й пехотный полки, 15-й уланский Татарский и 3-й уральский казачий полки; с Западного – 34-й и 36-й пехотный полки, 2-й гусарский Павлодарский и 2-й донской казачий; с Юго-Западного фронта – лейб-гвардии Преображенский, 3-й и 4-й гвардейские стрелковые полки. Также – одну пулеметную команду Кольта для Георгиевского батальона (отряда генерала Иванова), который идет из Ставки. Гвардейские полки: Преображенский, 3-й и 4-й Гвардии стрелковые назначить в распоряжение Генерал-адъютанта Иванова. Всего – до 40 тысяч штыков.

ОФИЦЕР:

Разрешите исполнять, Ваше Величество?

НИКОЛАЙ:

Срочно. Передайте с ближайшей станции.

Офицер уходит.

НИКОЛАЙ

(тихо, про себя):

Ну-с, Михаил Васильевич... Не подведи. Впрочем, ...

НАТ. СТАВКА В МОГИЛЕВЕ. ИНТ. КАБИНЕТ АЛЕКСЕЕВА.

В Ставке Алексеев получает телеграмму Николая. Читает. Диктует телеграфисту.

АЛЕКСЕЕВ:

Передавайте генералу Данилову, для командующего Северо-Западным фронтом, в штаб Рузского: Государь Император повелел Генерал-адъютанта Иванова назначить...

(диктует телеграмму Государя) ...

... Всего – до 40 тысяч штыков.

ТЕЛЕГРАФИСТ:

Разрешите исполнять, Ваше Высокопревосходительство?

АЛЕКСЕЕВ

(кушая губу, задумчиво):

Добавь-ка вот что в конце...

ТЕЛЕГРАФИСТ:

Что?

АЛЕКСЕЕВ:

Отправление войск должно быть произведено по получении от Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего особого уведомления. Все, иди.

Телеграфист уходит.

АЛЕКСЕЕВ

(тихо, про себя):

Посмотрим, посмотрим... Чья возьмет...

НАТ. СВИТСКИЙ ПОЕЗД. ИНТ. КУПЕ ВАГОНА.

В вагоне Свитского поезда Дубенский читает циркулярную телеграмму из Петрограда. В купе – полковник Свиты.

ДУБЕНСКИЙ

(полковнику Свиты):

Только что принесли... Какое-то циркулярное обращение, из Петрограда

(читает):

«Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху во всех областях государственной жизни, оказалась безсильной! Комитет Государственной Думы, взяв в свои руки оборудование новой власти, обращается к вам от имени отечества: от вас зависит спасение Родины! ... Немедленно задержать литерный царский поезд... депутат Государ-

ственной Думы, от Временного исполнительного комитета
Думы – Директор железных дорог Бубликов» ...

ПОЛКОВНИК:

Дума ведь распущена до апреля! Что за чушь? Кто такой
Бубликов?

ДУБЕНСКИЙ:

Это – революция. Они пытаются взять власть.

ПОЛКОВНИК:

Кто – они?

ДУБЕНСКИЙ:

Масоны и, с другой стороны, всякая левая... рвань.

ПОЛКОВНИК:

Какие масоны? Какая разруха? Что за чушь!

ДУБЕНСКИЙ:

Они сами создают разруху... Вот что... В Малой Вишере
подождем литерный Его Величества. Надо прорываться в
Царское Село.

ПОЛКОВНИК:

Где уже отозванные Государем с фронта войска? Четы-
ре полка?! Где конная гвардия из Новгорода?

ДУБЕНСКИЙ:

Боюсь, что приказ Государя до них не дошел. Кругом –
измена.

ПОЛКОВНИК:

А что же Его Высокопревосходительство, генерал-адъ-
ютант Алексеев? Его ведь все уважают, и в Думе его слово

– закон. У него ведь, пожалуйста, все нити управления страной в руках! Он мог бы на себя управление дорогами взять! И никто пикнуть бы не посмел!

ДУБЕНСКИЙ:

Я не понимаю Михаила Васильевича. Не понимаю. В последние дни – не понимаю.

ЭПИЗОД 4.

Действующие лица:

– Александра – Александра Федоровна (1872 г.р.), жена Николая, императрица; в этом эпизоде она спокойна, с царственной осанкой;

– Мария – дочь Николая и Александры, Великая княгиня Мария (1899 г.р.), единственная из детей, не заболевшая в эти дни корью;

– офицеры и войска в Царском Селе, генералы Ресин и фон Гротен;

Место и время действия:

28 февраля 1917 года. Царское Село и Александровский дворец,

НАТ. ЦАРСКОЕ СЕЛО, АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДВОРЕЦ. ВЕЧЕР (20-21ч) 28 ФЕВРАЛЯ 1917.

На экране: солдаты различных частей Царскосельского гарнизона выбегают из казарм на улицы с ружьями. Музыка

играет Марсельезу. Кричат ура, стреляют в воздух. В Царском Селе начался военный бунт. При полной на улицах темноте, вследствие прекращения электрического света, все происходившее кажется особенно зловещим. Вооруженная толпа освобождает арестантов из тюрьмы, громит несколько магазинов. С музыкой и песнями, с криками и со стрельбой, направляется ко дворцу.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Ко дворцу, при первом слухе о бунте, вызываются по тревоге: Собственный полк, Конвой Его Величества, рота Железнодорожного полка и батарея воздушной охраны. Отряд выстраивается в ограде дворца; раскинута цепь по ограде и против главных ворот внушительно смотрят два орудия. Подходят две роты Гвардейского экипажа, вызванные из Александровки. Отряд, которым командует генерал Гротен готов к какому угодно нападению. Настроение солдат и офицеров – великодушное. А шумевшие толпы то приближаются к дворцу, то удаляются, не смея, начать нападение.

Вдали слышится беспорядочная стрельба. Со стороны Софии виднеется зарево.

Во дворце тревога и переполох.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

При первых же слухах о начавшихся в городе беспорядках

во дворец приезжает обер-гофмаршал граф Бенкендорф, с супругой – кавалерственной дамой. Приезжают начальник дворцового управления князь Путятин с помощником генералом Добровольским. Кроме обычно живших во дворце лиц, там теперь находятся: состоящий при Ее Величестве граф Апраксин, фрейлина баронесса Буксгевден, и флигель-адъютант граф Замойский. Последний случайно оказался в те дни в Царском Селе и, увидав опасность для Царской семьи, счел своим долгом, как флигель-адъютант Его Величества, явиться в распоряжение Императрицы.

Военное начальство дворца, понимая, что всякое столкновение сторон опасно для жизни Царской семьи, входит в переговоры с мятежниками. Мятежники заявляют, что, если войска охраны начнут стрелять, они тяжелой артиллерией разнесут дворец. Мятежникам отвечают, что войска охраны первыми не начнут стрелять, но если гарнизон попытается сделать нападение – он получит решительный отпор.

НАТ. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДВОРЕЦ.

Трубачи во дворе играют тревогу.

Перед главным подъездом дворца выстроились: лейб-гвардии Вторая Кубанская сотня, лейб-гвардии Третья Терская сотня, казаки конвоя – развернутым строем. Рядом с казаками – батальон Гвардейского экипажа под командованием Великого князя Кирилла; далее – батальон сводного

пехотного полка и зенитная батарея (два орудия на автомобильных платформах). Горят фонари у подъезда дворца. Молча стоят несколько сот верных Присяге защитников в морозной ночи. Звучат команды генералов Ресина и фон Гротена (Императрица поручила им оборону дворца): «От конвоя – постоянные разъезды на линии вокзал – казармы. Зенитной батарее и пулеметам занять позицию, удобную для открытия огня – вдоль улиц, ведущих ко дворцу...».

Все (войска в парке) смотрят на высокое крыльцо подъезд номер первый. Распахиваются широкие двери. Два нарядных лакея, держа высоко серебряные канделябры со свечами, встают по сторонам. Появляется Императрица с Великой Княжной Марией Николаевной. Раздается негромкая команда войскам.

Спокойная и величественная Императрица тихо спускается по мраморным ступеням, держа дочь за руку. За Ее Величеством идут: граф Бенкендорф, граф Апраксин, граф Замойский и еще несколько лиц. Есть что-то сказочное в этом необычайном выходе Русской Императрицы к войскам, ночью, при мерцающем свете канделябров, в покрытый снежной пеленою парк.... Тишина полная. Лишь снег скрипит под ногами. Издали доносится стрельба. Со стороны же Петрограда и Софии зарево. Императрица медленно обходила ряды за рядами, кивая с улыбкой солдатам. Солдаты молча восторженно провожали Царицу глазами. Многим из офицеров Государыня тихо говорила что-нибудь: – «Как холодно, ка-

кой мороз» Великая княжна, настоящая русская красавица, которую пощадила болезнь, улыбается офицерам, особенно морякам.

Вдвоем они обходят строй. Затем идут в караульное помещение дворца – Александра приглашает туда офицеров. Великий князь Кирилл не идет в караульное. Александра замечает это, но молчит. Идет с офицерами в караульное помещение.

СПРАВКА:

Э. Радзинский. Николай Второй. – М., «Вагриус», 2003, стр. 218-219

А.И. Спиридович. Великая Война и Февральская революция. – Нью-Йорк, 1961. (http://militera.lib.ru/memo/russian/spiridovich_ai/03.html.)

АЛЕКСАНДРА:

Господа офицеры... Я знаю, что гарнизон Царского Села изменил присяге. Вы – наши последние, верные присяге защитники... Я благодарю вас за верность. Но, господа... только не надо стрелять. Что бы ни случилось. Я не хочу, чтобы из-за нас пролилась кровь.

Офицеры встают по стойке смирно, отдают честь. Александра и Мария выходят из караульного помещения, идут во внутренние покои дворца.

МАРИЯ:

Мама, еще два дня назад Вы готовы были повесить всех изменников... А теперь – не стрелять?

АЛЕКСАНДРА:

Я готова была повесить скотов из Думы. А стрелять в русских солдат... хотя бы и изменивших присяге... Нельзя. И потом, теперь уже поздно, милая Маша... Потоп начался.

МАРИЯ:

Какой потоп?

АЛЕКСАНДРА:

Папа приедет, расскажем тебе все подробно. Сейчас идем к нашим больным...

ЭПИЗОД 5.

Действующие лица:

– Алексеев – Алексеев Михаил Васильевич (1857-1918), с августа 1915 г. – начальник штаба Верховного Главнокомандующего, в 1916 году – уже член масонской «Военной ложи», предавшей Николая в феврале 1917 года;

– Кисляков – генерал, товарищ министра путей сообщения, член масонской «Военной ложи», активный участник заговора против Николая;

– телеграфист Ставки;

Место и время действия:

28 февраля 1917 года. Могилев.

НАТ. СТАВКА В МОГИЛЕВЕ. ИНТ. ШТАБ АЛЕКСЕЕВА. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР 28 ФЕВРАЛЯ 1917.

На экране: штаб Алексеева, в его кабинете – Кисляков.

АЛЕКСЕЕВ:

Что происходит на железных дорогах в последние два дня? Кто такой Бубликов? Я принимаю командование всеми железными дорогами на себя!

КИСЛЯКОВ:

Ваше Высокочрезвычайство! В Петрограде – революция. Сформирован Временный исполнительный комитет Думы. Он назначил депутата Бубликова Директором железных дорог. Формируется новое правительство, которое заменит царских министров.

АЛЕКСЕЕВ:

Что?! Откуда это все Вам известно, генерал?

КИСЛЯКОВ:

Только что я получил вторую телеграмму Бубликова – она воспрещает движение каких-либо воинских поездов в районе 250 верст кругом Петрограда. По проводу Бубликов сообщил мне, что инженер Ломоносов, по его поручению, устанавливает место нахождения Императорских поездов и возьмет их движение в свои руки, чтобы поступить с ними, как прикажет Временный Комитет. Ломоносов должен войти в связь с начальством Николаевской, Северо-Запад-

ной и Московско-Виндавской железных дорог, по которым должны следовать Императорские поезда.

АЛЕКСЕЕВ:

Откуда вам все это известно, генерал?!

КИСЛЯКОВ:

Ваше Высокопревосходительство... Михаил Васильевич!

Разрешите откровенно...

АЛЕКСЕЕВ:

Я уже догадываюсь. Закройте дверь в кабинет плотнее – она приоткрыта.

Кисляков плотно закрывает дверь, продолжает.

КИСЛЯКОВ:

Вы – член «Военной ложи» с конца прошлого года. Я – давно там. Мы – активные участники происходящих событий. Вы – пока нет. Независимо от того, какую позицию относительно царя Николая Вы займете сейчас, события уже не остановит. С Вами, или без Вас – мы уже почти победили в Петрограде. С Вашим участием, при Вашей поддержке – будет меньше крови. Мы – не самые радикальные. Петроградский совет рабочих требует отречения Николая – они ненавидят Государыню.

АЛЕКСЕЕВ:

Ее многие ненавидят... Ваша цель – отречение Николая? В пользу Наследника? Я думаю, сначала необходимо попы-

таться уговорить Государя на ответственное перед Думой министерство – может, этой уступки хватит?

КИСЛЯКОВ:

Вряд ли. Дело зашло слишком далеко. Лидеры революционеров в Петрограде не удовлетворятся ответственным министерством. Возможно, несколько дней назад... Еще можно было. Но теперь наиболее вероятно – да, отречение. И передача всей полноты власти правительству. Царь будет царствовать, а править будет правительство, ответственное перед Думой.

АЛЕКСЕЕВ:

Война до победного конца, но без Верховного Главнокомандующего, без Царя?

КИСЛЯКОВ:

Великий князь Николай Николаевич вновь возглавит армию. Все мы уверены в этом. Впрочем, если он откажется... В этом случае мы будем надеяться на вас.

АЛЕКСЕЕВ

(после паузы):

Командующий Северо-западным фронтом... Русский тоже... Активный член? Он с вами?

КИСЛЯКОВ:

Да. Вас мы берегли (улыбается) как... козырного туза.

(Алексеев недовольно хмурится)

Простите, Ваше Высокочтимейство!

АЛЕКСЕЕВ:

Подождите меня в приемной. Я должен телефонировать с Рузским и Брусиловым.

Кисляков выходит. Спокойно ждет за дверью. Через некоторое время Алексеев приглашает его войти.

АЛЕКСЕЕВ:

Итак, война до победного конца, но без Николая.

КИСЛЯКОВ:

Так точно, Михаил Васильевич.

АЛЕКСЕЕВ:

Вы уверены, что отречение Николая пройдет... гладко?

КИСЛЯКОВ:

Уверен. Я думаю, Вы и сами это понимаете. Вы ведь больше всех с ним общались здесь, в Ставке.

АЛЕКСЕЕВ:

Да... Он отречется в пользу Цесаревича. Вероятно, при регентстве Михаила.

КИСЛЯКОВ:

Вероятно.

АЛЕКСЕЕВ:

Хорошо. Пусть этот... Бубликов управляет... железными дорогами. Я так понимаю, он перекрывает литерному «А» путь в Царское?

КИСЛЯКОВ:

Так точно. В Петрограде уже готовят текст отречения.

АЛЕКСЕЕВ:

Я думаю, Его Величество... Государь... сам захочет Манифест написать..., впрочем, это детали. Кто поедет к нему из думцев?

КИСЛЯКОВ:

Наверняка Гучков. Недаром же он с 5-го года в военных комиссиях Думы все 12 лет работал...

АЛЕКСЕЕВ:

Вы что, думаете он с Первой Думы эту революцию готовил?

КИСЛЯКОВ:

Ну... Я тоже не все знаю. Многие готовили.

ЭПИЗОД 6.

Действующие лица:

– Валуев – камергер, начальник Северо-Западных железных дорог; 28 февраля пытался выехать навстречу Государю для обеспечения беспрепятственного проезда Его Величества в столицу (в Царское Село);

– Жена и дочь Валуева (работали в госпитале на Варшавском вокзале);

– Священник (отец Митрофан);

– Возбужденная толпа на Варшавском вокзале;

– Восставшие солдаты, чернь;

Место и время действия:

28 февраля 1917 года, Петроград,

НАТ. ПЕТРОГРАД, ВАРШАВСКИЙ ВОКЗАЛ И ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПРОСПЕКТ. ИНТ. ГОСПИТАЛЬ ПРИ ВОКЗАЛЕ. ВЕЧЕР 28 ФЕВРАЛЯ 1917.

На экране – Варшавский вокзал, возбужденные обыватели и солдаты вокруг. К зданию вокзала подъезжает автомобиль с Валуевым и одним из его чиновников. Валуев выходит из автомобиля, идет в госпиталь, подзывает жену и дочь.

ВАЛУЕВ

(спокойно):

Варенька, Маша, я отъезжаю на день в Малую Вишеру. Встречу там Государя и обеспечу его беспрепятственный проезд до Царского Села. Завтра буду здесь. Или даже сегодня ночью. Сразу зайду к вам, милые мои.

ЖЕНА:

Ты один едешь? Зачем?

ВАЛУЕВ:

В министерстве беспорядок. Приказы по проводу не выполняются. А на всех станциях – начальники станций меня лично знают. Ну, я пошел. Не волнуйтесь, милые мои.

Целует жену и дочь, выходит из госпиталя, идет по перрону к паровозу под парами, приготовленным для его отъезда. Кто-то из служащих узнает его, показывает пальцем, громко

говорит: «Это начальник Северо-Западных дорог, держите его! Он против революции! Он – за Николашку!». Несколько человек оборачиваются, один из солдат спрашивает: «Куда, Вашбродь, собрался?!» Хватает Валуева за рукав шинели.

ВАЛУЕВ:

Я по служебным делам. Не мешайте мне.

СОЛДАТ

(зовет кого-то):

*Эй, Василий! Тут Вашбродь куда-то собрался, надо про-
верить!*

Валуев продолжает идти к паровозу, но почти у кабины его настигают двое, хватают за рукава: «Э, нет! К Царю собрался? К Николашке?!» Его обыскивают, достают документы. Подходит рабочий-железнодорожник.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ РАБОЧИЙ:

*Камергер! Начальник Северо-Западных дорог! Ну, Вашб-
родь, куда ехать собрался? Не читал приказ – 250 верст от
Петрограда только по специальным пропускам!*

ВАЛУЕВ:

Я по служебным делам! Пустите же, господа!

Вокруг начинает собираться толпа. Дважды Валуеву почти удается сесть в кабину паровоза, и дважды солдаты стас-

кивают его оттуда. Из толпы слышны громкие возгласы: «Не пускать его, он хочет увести Царя к немцам!». Его вытаскивают из кабины паровоза в третий раз. Толпа вопит. Готовится самосуд. Жена и дочь в госпитале слышат шум на перроне, выбегают из госпиталя – видят происходящее. Бегут в ближнюю часовню, просят священника заступиться за него. Священник, в облачении, с крестом в руках, быстро подходит к толпе.

СВЯЩЕННИК:

Православные! Братцы рабочие! Солдатушки!

Толпа оборачивается, слушают священника, держа помятого Валуева, уже без шубы.

СВЯЩЕННИК:

Православные, опомнитесь! Нельзя кровь проливать! В чем виноват он?

РАБОЧИЙ:

Царя к немцам хочет увести! Вона – паровоз уже готов! Сволочь!

СВЯЩЕННИК:

Вот что, православные... Если есть у вас подозрения, что он – изменник, за немцев – так везите его в Думу, в Таврический, или в Маринский – там разберутся... А самосуд – негоже!

СОЛДАТ:

Арестован ты, Вашибродь! Сволочь! Иди-ка за нами!

Ведут его к выходу с вокзала, солдат подзывает стоящий недалеко автомобиль с красным флагом; Валуюева усаживают в автомобиль между двумя солдатами, автомобиль трогается через мост, к Измайловскому проспекту. Жена и дочь Валуюева крестятся, благодарят священника.

В начале Измайловского проспекта с крыши слышны выстрелы. Несколько пуль взбивают снег и пыль рядом с автомобилем. Автомобиль останавливается.

ОХРАННИК:

Что за черт! Его ослобонить пытается кто-то! Сволочи! Вылезай, сволочь!

СОЛДАТ

(стреляет по крышам):

Не уйдешь, гад!

Вытаскивают Валуюева из машины. Сбивают с ног, потом ставят к стене дома.

СОЛДАТ:

Именем революции!

Солдат видит проходящих вооруженных винтовками солдат с красными бантами, обращается к ним.

СОЛДАТ:

Братцы, я здесь от Петроградского Совета представитель, на вокзале... Поймали вот сволочь, министр... Почти у паровоза перехватили. К Николашке хотел ехать, чтобы к немцам его переправить!

ВАЛУЕВ:

Господь с вами! Что вы такое говорите! Опомнитесь! Никто меня не пытается освободить! Везите меня в Ваш Комитет!

СОЛДАТ:

Молчи, сволочь!

(проходящим солдатам):

Его только что ослобонить пытались – с крыши по нам стреляли. Надоть кончать его тут же. Именем революции! Есть желающие кончить гадину?!

Несколько солдат вскидывают винтовки, целятся в Валуева. Вокруг вновь собирается толпа, раздаются одобрительные возгласы. Валуев снимает шапку.

ВАЛУЕВ

(крестится, тихо говорит):

Ну, коли так... Значит, умираю за Государя Императора...

Солдаты стреляют. Валуев падает. Несколько человек из

толпы подходят к трупу, обшаривают карманы, снимают часы.

СПРАВКА: А.И. Спиридович. Великая Война и Февральская революция. – Нью-Йорк, 1961. (http://militera.lib.ru/memo/russian/spiridovich_ai/03.html.)

ЭПИЗОД 7.

Действующие лица:

– Александра – Александра Федоровна (1872 г.р.), жена Николая, императрица;

– Лили – Ден Юлия Александровна, жена капитана первого ранга (командира крейсера), подруга Императрицы – по отзывам ее знавших, воплощение здравого смысла и порядка;

– офицеры и войска в Царском Селе;

Место и время действия:

1 марта 1917 года. Александровский дворец.

НАТ. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДВОРЕЦ. ИНТ. ПОКОИ БОЛЬНЫХ ДОЧЕРЕЙ. 1 МАРТА 1917, ПОЛДЕНЬ.

Александра ухаживает за больными детьми. Входит Лили.

ЛИЛИ:

Александра Федоровна... Аликс...

АЛЕКСАНДРА:

Что, Лили? Я иду. Выйдем.

Выходят из комнаты. Там ее ждет телеграфист, передает ей телеграмму.

ЛИЛИ:

Телеграфист принес обратно твою последнюю телеграмму Его Величеству...

АЛЕКСАНДРА:

Что значит «принес обратно»?

ТЕЛЕГРАФИСТ:

Ваше Величество, телеграмма возвращена с пометкой «Место пребывания адресата неизвестно».

АЛЕКСАНДРА:

Место пребывания Царя неизвестно?! Что это значит?

ТЕЛЕГРАФИСТ:

Не могу знать.

АЛЕКСАНДРА:

Идите, голубчик.

Телеграфист уходит.

ЛИЛИ:

Утром ушел из казарм Гвардейский экипаж – в Петроград.

АЛЕКСАНДРА:

Я видела. Кирилл – с красным бантом на кителе... И с царскими вензелями на погонах! Какой позор! Это – прямая измена внутри династии!

ЛИЛИ:

Вслед за его гвардией ушла рота железнодорожного батальона.

АЛЕКСАНДРА:

Значит, остались...

ЛИЛИ:

Две сотни казаков и батальон пехотинцев.

АЛЕКСАНДРА:

И два орудия... Лили, я иду к детям. Алеше хуже всех. У него и рот обложен корью. Вызови князя Павла... Он должен знать, где Ники и что с ним. У него – связи с заговорщиками. Потом я спущусь к нашим казакам, подбодрю их.

СЦЕНА 5\9. 1917 год, 1-2 марта. Накануне отречения.

СПРАВКА: см. В. Кобылин. Анатомия измены. – СПб, изд. «Царское дело», стр.288-307.

ЭПИЗОД 1.

Действующие лица:

– Мордвинов – Мордвинов А.А. (1870-?), флигель-адъютант, полковник Лейб-гвардии Кирасирского полка; остался верен Присяге в эти дни;

– Воейков – Воейков Владимир Николаевич (1868-1947), генерал-майор Свиты Его Величества, последний Дворцовый комендант; остался верен Присяге в эти дни;

– Нилов – Нилов Константин Дмитриевич (1856-1919), адмирал, генерал-адъютант, флаг-капитан Императорской яхты «Штандарт»; остался верен Присяге в эти дни;

– Дубенский – Дубенский Дмитрий Николаевич (1857-1923), генерал-лейтенант Свиты, военный историк; один из немногих генералов в Ставке, остававшихся верным Присяге;

– Фредерикс – Фредерикс Владимир Борисович (1838-1927?), граф, министр Императорского двора и уделов;

– Рузский – Рузский Николай Владимирович (1854-1918), командующий Северо-Западным фронтом, генерал от инфантерии, член «Военной ложи», масон;

– Данилов – Данилов Юрий (Георгий) Никифорович (1866-1937), генерал-квартирмейстер, начальник штаба Северного фронта; масон, был близок с Гучковым;

НАТ. ПСКОВСКИЙ ЖУД ВОКЗАЛ, ЗИМНИЙ ВЕЧЕР,
ОКОЛО 19ч. 1 МАРТА 1917 ГОДА.

Литерный «А» (Царский поезд) подходит к Пскову. Морозный зимний вечер, безветрие. Солнце заходит за горизонт, быстро темнеет, падает легкий снежок. Мордвинов (дежурный флигель-адъютант) стоит на открытой площадке ва-

гона, смотрит на приближающуюся платформу: она почти не освещена и совершенно пустынна. Ни военного, ни гражданского начальства – никто не встречает Царский поезд! Посередине платформы одиноко стоит помощник начальника станции, на отдаленном конце виднеется силуэт караульного солдата. Поезд останавливается. Проходит несколько минут. На платформу выходит какой-то офицер; смотрит на поезд, уходит. Еще спустя несколько минут Мордвинов видит генерала Рузского, переходящего рельсы и направляющегося в сторону Царского поезда. Он идет медленно, как бы нехотя: голова его опущена, как бы в раздумье. За ним, немного отступя, идут генерал Данилов и несколько офицеров его штаба.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

В ночь на 1 марта, близ Малой Вишеры, всего в двухстах верстах от столицы, в литерных поездах получили сообщение от офицеров связи, что революционные солдаты с артиллерией и пулеметами перегородили железнодорожные пути на ближайших станциях, в Любани и Тосно. Прямой путь на Петроград и Царское Село был отрезан. Николай принял решение двигаться в Псков, где находился штаб Северо-Западного фронта генерала Рузского и имелся мощный телеграфный узел с буквопечатными аппаратами Юза.

Мордвинов в двери поезда, на площадку выходят также

Воейков и Нилов.

ВОЕЙКОВ:

Что за черт! Где губернатор?! Где местное начальство?! Почему платформа пуста?!

НИЛОВ:

Русский как черепаха идет!

МОРДВИНОВ

(Воейкову):

Я – к Государю, доложу о Русском.

Русский молча поднимается в поезд, проходит в сторону вагона Государя. За ним – Данилов и офицеры, остаются в вагоне Мордвинова.

ИНТ. ВАГОН и КУПЕ СВИТЫ В ЭТОМ ПОЕЗДЕ.

НИЛОВ

(Данилову):

Что здесь происходит?! Почему платформа пуста?

ДАНИЛОВ

(мрачный, машет рукой):

Только что получили известие, что в Луге беспорядки – весь город в руках взбунтовавшихся солдат.

ВОЕЙКОВ:

Там же Бородинский полк, снятый с фронта должен про-

езжать сейчас на Петроград...

ДАНИЛОВ:

Полк разоружен восставшими.

ВОЕЙКОВ:

А Георгиевский батальон Иванова – они ведь уже в Царском Селе должны быть?

ДАНИЛОВ:

Насколько мне известно – почти прибыли. Они в Вырице, ждут указаний от Алексеева.

НИЛОВ:

Что?! Каких указаний?! Государь их направил подавить смуту в Петрограде! Какие еще указания нужны?!

ДАНИЛОВ

(мрачно, с заминкой):

Это вы у Алексеева спросите. Или у Государя...

В вагон возвращается Рузский, раздраженный и как бы нарочито утомленный. Все толпятся вокруг него («Что Государь? Что сказал Государь?»). Проходят в купе, где сидит в полудреме граф Фредерикс. Рузский садится, несколько надменно откидывается на спинку дивана.

НИЛОВ

(Рузскому):

Генерал! Николай Владимирович! Что происходит в Петрограде? Какого Вы мнения о всем происходящем?

РУЗСКИЙ:

Вам ведь Данилов уже рассказал. Самые последние сведения – озверевшие толпы в Кронштадте убивают офицеров. В Петрограде – не дают пожарным тушить поджоги дворцов, любят... Как дворцы горят. Всей чернью управляет Совет рабочих и солдатских депутатов – революционеры. Председатель Думы, Родзянко, уже не владеет ситуацией в столице... Ненависть к Государыне достигла предела – все хотят убить ее. Гарнизон Царского тоже перешел на сторону революции.

ФРЕДЕРИКС

(с ужасом):

Кто защищает Государыню?!

РУЗСКИЙ:

Не волнуйтесь. Николай Иудович с георгиевским батальоном вот-вот прибудет в Царское... Они в Вырице...

НИЛОВ:

Где отозванные с фронтов войска? Почему они не разгонят бунтовщиков в столице?!

РУЗСКИЙ

(чуть усмехаясь):

Эти вопросы – к Государю... И к Алексею. Не ко мне. Вообще... Господа офицеры... (раздраженно) Теперь уже трудно что-нибудь сделать. Дума и прогрессивная общественность давно настаивали на реформах – вся страна требовала... Не слушались...

ВОЕЙКОВ:

Какая это «вся страна»? О чем вы, генерал? Кто не слушался?

РУЗСКИЙ:

Кто не слушался? А то вы не знаете? Государыня командовала Николаем, а ею – Распутин управлял. Голос этого хлыста большой вес имел! Вот и докатились до Протопопова, до чехарды министерской... До всего того, что сейчас происходит...

НИЛОВ:

Распутин – прости Господи! (крестится) – сорок дней как в могиле. А бунт три дня назад начался. При чем тут Гришика! Одного Распутина убили, так теперь их тысячи взбунтовались в столице. Тысячи Распутиных!

ВОЕЙКОВ:

Только в столице! А вся Россия спокойна и верна Государю! Подавить бунт беспощадно – и все придет в норму.

РУЗСКИЙ:

Посылать войска в Петроград уже поздно... Выйдет лишнее раздражение и лишнее кровопролитие... Надо вернуть войска на фронт.

ВОЕЙКОВ

(также Ниллов, Мордвинов, Фредерикс, возмущенно):

Что?! Что же делать, по-Вашему, генерал?!

РУЗСКИЙ:

Что делать? Теперь придется, может быть, сдавать-

ся на милость победителя... Вот что... Я должен идти в свой штаб. Прощайте, господа офицеры. Данилов останется здесь для связи со мной.

Молча уходит. Все молчат – кто подавленно, кто возмущенно.

ВОЕЙКОВ:

Это – измена!

НИЛОВ:

«Сдаться на милость победителя» – это измена!

ДУБЕНСКИЙ

(пытается успокоить офицеров):

Спокойно, господа офицеры! Надо спокойно вразумить командующего фронтом. Георгий Никифорович (обращаясь к Данилову) – мы ведь давно друг друга знаем! Повлияйте на Рузского! Вы ведь друг его! Это невозможно, что он говорит!

ДАНИЛОВ:

Дело зашло слишком далеко. Я ничего не могу сделать, меня не слушают. Вы многого не знаете...

В купе заглядывает офицер штаба Рузского.

ОФИЦЕР:

Генерала Данилова – к командующему!

Данилов прощается, уходит.

НИЛОВ

(возмущенно и удрученно, задыхаясь):

Этого предателя, Рузского, надо немедленно арестовать и расстрелять! И это – командующий фронтом!

ДУБЕНСКИЙ:

Государь не пойдет на это.

ФРЕДЕРИКС

(грустно):

Вся Россия за Царя... Только в Петрограде бунт... А мы здесь – как в плену уже.

В купе заходит Мордвинов.

МОРДВИНОВ:

Воейкова к Государю!

Воейков уходит.

СПРАВКА (к эпизоду 1): см. В. Кобылин. Анатомия измены. – СПб, изд. «Царское дело», стр.288-307.

ЭПИЗОД 2.

Действующие лица:

– Алексеев – Алексеев Михаил Васильевич (1857-1918), с августа 1915 г. – начальник штаба Верховного Главнокомандующего, в 1916 году – уже член масонской «Военной ложи», предавшей Николая в феврале 1917 года;

– Лукомский – Лукомский Александр Сергеевич (1868-1939), генерал-квартирмейстер Ставки (блестяще провел мобилизацию в августе 1914 г.), член «Военной ложи»;

– Русин – Русин А.И. (1861-1956), адмирал, начальник Морского штаба при Ставке; остался верен Присяге;

– Рузский – Рузский Николай Владимирович (1854-1918), командующий Северо-Западным фронтом, генерал от инфантерии, член «Военной ложи», масон;

– телеграфист Ставки;

ИНТ. ШТАБ АЛЕКСЕЕВА (СТАВКА) В МОГИЛЕВЕ,
УТРО 2 МАРТА 1917 ГОДА.

Штаб Алексеева. Утро. Звонит телефон, Алексеев снимает трубку. Слышен голос Рузского.

РУЗСКИЙ

(взволнованно):

Михаил Васильевич! Я только что имел продолжительный разговор с председателем Думы, с Родзянко.

АЛЕКСЕЕВ:

Я слушаю вас, Николай Владимирович.

РУЗСКИЙ:

Сегодня ночью он получил телеграмму Николая... Его Величества... о согласи на ответственное перед Думой министерство. Зачитываю его ответ, его телеграмму мне.

АЛЕКСЕЕВ:

Я слушаю.

РУЗСКИЙ:

«Ни Его Величество, ни Вы сами, по-видимому, не в состоянии вообразить, что происходит в столице. Разразилась ужасная революция. Ненависть к императрице достигла предела. Для того, чтобы предотвратить кровопролитие, я вынужден был взять под стражу всех министров прежнего правительства. Не присылайте больше никаких войск. Я сам вишу на волоске. Власть ускользает из моих рук. Предлагаемые Вами уже опоздали. Время для них прошло. Возврата нет».

АЛЕКСЕЕВ:

Ночью я уже послал направленным в Петроград войскам телеграммы о возвращении на прежние позиции...

РУЗСКИЙ:

Как формулировали причину отмены приказа?

АЛЕКСЕЕВ:

«Ввиду наступившего в Петрограде спокойствия и минования надобности» ... Ночью я полагал, что в Петрограде спокойнее стало...

РУЗСКИЙ:

Хорошо. Так или иначе – войска не должны идти на Петроград. Я также остановил телеграммами подчиненные мне полки. В Вырицу направил нарочного – Георгиевский батальон Иванова тоже вернется – к вам, в Ставку.

АЛЕКСЕЕВ:

Кто будет во главе нового правительства?

РУЗСКИЙ:

После получения телеграммы я телефонировал ему и спросил об этом. Он не смог ответить на этот вопрос. Вместо этого начал говорить о том, что он давно предсказывал революцию... и тому подобное... Ругал Государыню... в общем, не смог... Потом сказал, что все решили войну до конца, но Государь должен отречься.

АЛЕКСЕЕВ:

Кто – «все»?

РУЗСКИЙ:

Комитет Думы и Петроградский совет рабочих.

АЛЕКСЕЕВ

(после паузы):

Что Вы предлагаете? Ваше мнение?

РУЗСКИЙ:

Нельзя оставлять власть Николаю...

АЛЕКСЕЕВ:

Нельзя. Нельзя оставлять власть Государыне...

РУЗСКИЙ:

Да, Николай не согласится на ее арест или ссылку в мо-

настырь. Она вновь начнет перетряхивать министров. И за армию возьмется...

АЛЕКСЕЕВ:

Да, она не простит никому нынешнего унижения. Это точно...

РУЗСКИЙ:

Я абсолютно уверен, что Николай должен отречься. Родзянко сказал мне, что Гучков готовит текст отречения, и что он и Шульгин готовятся выехать в Псков.

АЛЕКСЕЕВ:

Все же... Николай Владимирович, Вы знаете, я тоже с Вами, но... Я не могу советовать Государю отречься от Престола. Положение на фронтах по-прежнему стабильно. Да и вся Россия спокойна. Бунт в Петрограде – для него, для Николая – еще не причина для отречения.

РУЗСКИЙ:

Михаил Васильевич... Вы же знаете, большинство командующих фронтами и корпусами настроены против Николая... Из-за Государыни, из-за ее влияния на него. Запросите их согласие на отречение.

АЛЕКСЕЕВ:

Не все согласятся..., например, Келлер точно не согласится... И Хан-Нахичеванский вряд ли согласится... Сахаров – тоже сомневаюсь. Начальник Морского штаба при моем штабе, Русин – тоже сомневаюсь...

РУЗСКИЙ:

Мы представим Николаю телеграммы от тех, кто согласится... Келлер... Кто такой?

АЛЕКСЕЕВ:

Федор Артурович... Командир Третьего Кавказского корпуса...

РУЗСКИЙ:

Ну, он – не командующий фронтом. Не надо командиров корпусов запрашивать. Сахаров с Румынского фронта... Посмотрим. Русина – уговорите, он ведь у вас, в Ставке.

АЛЕКСЕЕВ:

Большинство будут согласны, все же.

РУЗСКИЙ:

Михаил Васильевич, запрашивайте командующих и готовьте проект Манифеста об отречении. Я иду на доклад к Николаю. Из-за Государыни, из-за ее влияния на него. все настроены против Николая.

АЛЕКСЕЕВ

(вызывает дежурного офицера):

Лукомского и Русина – пригласите ко мне.

Входит Лукомский.

АЛЕКСЕЕВ:

Александр Сергеевич, подготовьте телеграмму Главнокомандующим фронтам с подробным изложением всего происходящего в Петрограде, с указанием того, что ставит-

ся вопрос об отречении Государя от Престола в пользу Наследника Цесаревича с назначением регентом Великого Князя Михаила Александровича, и с просьбой, чтобы Главкомы срочно сообщили по последнему вопросу свое мнение. Срочно! Вопросы есть?

ЛУКОМСКИЙ:

Никак нет, Михаил Васильевич. Я полностью в курсе. У меня был подробный разговор с начштаба Даниловым. Он полностью в курсе предложений Рузского.

Лукомский уходит. Входит Русин. здороваются. Русин садится.

АЛЕКСЕЕВ:

Вы в курсе того, что происходит в Петрограде в последние дни?

РУСИН:

В курсе, как и все в Ставке. Надеюсь, что снятые с фронтов полки и Георгиевский батальон генерала Иванова сегодня-завтра разгонят бунтовщиков.

АЛЕКСЕЕВ:

Положение в Петрограде вчера вечером и сегодня значительно ухудшилось. Там – революция. Комитет Думы не контролирует ситуацию. Родзянко советует во избежание крупного кровопролития отозвать присланные для умирения войска.

РУСИН:

*Что?! Отдать власть черни?! Сдаться бунтовщикам?!
Где Государь? Он ведь выехал вчера в столицу?*

АЛЕКСЕЕВ:

Дороги в районе Тосно, Любани и Луги перекрыты революционерами. Государь – в Пскове. Он задержан в Пскове главкомом Рузским.

РУСИН:

Как это – «задержан» ?!

АЛЕКСЕЕВ:

(внимательно смотрит на Русина)

Ему из Петрограда предъявлены требования.

РУСИН:

Что же требуют? Ответственного министерства?

АЛЕКСЕЕВ:

Нет. Больше. Требуют отречения...

РУСИН:

Что?! Какой ужас!

Русин начинает понимать ситуацию. Возмущенно смотрит на Алексеева. Алексеев молчит. Входит Лукомский, передает Алексееву текст подготовленной телеграммы.

РУСИН:

Какое несчастье...

Демонстративно встает и молча уходит. Алексеев смотрит ему вслед.

АЛЕКСЕЕВ

(Лукомскому):

Рассылайте, срочно!

Камера поднимается над штабом Ставки, показывает телеграфные столбы и провода, блестящие под солнцем на морозе. На столбах сидят черные вороны. Одна из них громко каркает и взлетает. Затем другая, третья...

Над штабом в Ставке – стая ворон. Камера вновь в штабе, кабинет Алексеева. Входит Лукомский с телеграммами от главкомов.

ЛУКОМСКИЙ:

Получены положительные ответы: от Великого Князя Николая Николаевича, от генерал-адъютанта Брусилова, от генерал-адъютанта Эверта. Все – за отречение. Великий князь – «коленипреклоненно просит» Николая отречься.

АЛЕКСЕЕВ:

Хан-Нахичеванский, Колчак?

ЛУКОМСКИЙ:

Колчак не ответил. Генерал-адъютант Хан-Нахичеванский... Его телеграмму я отложил от остальных. Вот она (передает Алексею).

АЛЕКСЕЕВ

(читает, морщится):

«... Прошу Вас не отказать повергнуть к стопам Его Величества безграничную преданность гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожжаемого Монарха».

ЛУКОМСКИЙ:

Эту отложим. Русин подпишет обращение?

АЛЕКСЕЕВ

(вздыхает, вызывает адъютанта):

Верните Русина!

Входит Русин. Алексеев передает ему ответ Великого Князя Николая Николаевича.

РУСИН

(читает с возмущением):

«Я, как верноподданный, считаю по долгу присяги и по духу присяги необходимым коленопреклонённо молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знаменем, передайте ему – Ваше наследие. Другого выхода нет»

АЛЕКСЕЕВ:

Адмирал, я предлагаю вам присоединить свой голос к единому мнению Главнокомандующих... Брусилов, Эверт и другие – уже прислали свое согласие на отречение...

РУСИН:

Это – измена!

АЛЕКСЕЕВ:

Великий Князь изменил?! Главкомы изменили? Вы о чем, адмирал?

РУСИН:

Я не буду подписывать такое обращение к Государю. За несколько месяцев до победы, ради которой Государь отдал столько сил, и в которой никто теперь не сомневается, требовать его отречения?! Это безумие... Или предательство.

АЛЕКСЕЕВ:

А после победы над Германией – вы подписали бы?

РУСИН:

Посмотрел бы я на вас после победы! Государь возглавил отступающую, терпящую катастрофу армию в 15-м году... И, кстати, сменил на посту Верховного как раз Великого Князя – и вот теперь, накануне победы?!

АЛЕКСЕЕВ:

Вы свободны, адмирал!

РУСИН:

Россия не простит вам измены!

Разворачивается, уходит

СПРАВКА: о разговоре Алексеева с Русиным см.

В.С. Кобылин. Анатомия измены. – СПб, изд. «Царское

дело», 2005, стр.306-307.

ДЕСЯТАЯ СЕРИЯ. ОТРЕЧЕНИЕ.

СЦЕНА 1\10) 2 (15 н.с.) марта 1917 года. Станция Киверцы.

Действующие лица:

- Зубов – Зубов Ю.В., капитан, командир 2-го батальона Лейб-гвардии Преображенского полка;
- Ознобишин – полковник, командир Лейб-гвардии Преображенского полка;
- офицеры и солдаты полка; дежурный по станции.

Место и время действия:

2\15 марта 1917 года. Станция Киверцы (близ Луцка), Юго-Западный фронт.

Е.Е. Алферьев. Император Николай Второй как человек сильной воли. – Свято-Троицкий монастырь, Джорданвиль, 1983, стр. 122.

НАТ. СТАНЦИЯ КИВЕРЦЫ (БЛИЗ ЛУЦКА, ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ). РАННЕЕ УТРО 2\15 МАРТА 1917.

На экране – ж\д станция Киверцы. Раннее утро. На путях стоят составы, один из них – под парами. В вагонах – лейб-гвардейцы, солдаты 2-го батальона Лейб-гвардии Преобра-

женского полка. Одна из рот батальона строевым шагом, с песней (марш полка – см. Приложение в конце сцены) подходит к вагонам и садится в один из них. Капитан Зубов в сопровождении ротных командиров проходит вдоль вагонов, шутит с солдатами.

ЗУБОВ:

Братцы, через пять минут – отправление. Через сутки будем в Петрограде. За сутки наведем там порядок, день отдыха – и обратно, сюда, на фронт. Подробные инструкции получите от ротных в дороге.

Солдаты одобрительно шумят, улыбаются. Слышны возгласы: «Разгоним смутьянов», «Постоим за Государя!», «Раздавим гадину!». В это время из здания вокзала к Зубову бежит офицер, дежурный по станции.

ДЕЖУРНЫЙ:

Господин капитан, вам срочная телеграмма, из Ставки...

Зубов читает телеграмму, удивленно смотрит на дежурного. Ротные спрашивают его, в чем дело. Зубов смотрит на семафор: там зеленый свет сменяется на красный.

ЗУБОВ

(ротным):

Телеграмма из штабверта, из Ставки. Задержать отправление на Петроград. Я иду к командующему полком. Успокойте солдат. Это какое-то недоразумение. Генерал Алексеев подписал. Я не знаю в Ставке никакого генерала Алексева. Генерал-адъютант Алексеев – начальник штаба. А кто этот генерал? ...

Идет в здание вокзала. Сюда же верхом на черном коне подъезжает полковник Ознобишин. Входят в комендатуру.

ОЗНОБИШИН:

Капитан, зачитываю вам телеграмму из Ставки:

«Начальнику отряда Особаго назначения от юго-западного фронта. Ввиду минования надобности в отряде Особаго назначения и наступившего спокойствия в гор. Петрограде – движение отряда отменяется. Полкам заступить на свои позиции. Генерал-адъютант Алексеев».

ЗУБОВ:

Господин полковник! В Петрограде – смута только усиливается! Мы газеты тут читаем! Вчера уже и солдаты-запасники там бунтовали. Там же их – 200 тысяч! Бездельников в казармах! Кто такой – генерал Алексеев! У меня телеграмма – за подписью генерала Алексева. Начштаба – генерал-адъютант!

ОЗНОБИШИН:

Капитан... Юрий Сергеевич... Я и сам понимаю, что это

глупость какая-то. Я эту телеграмму два часа назад получил, раньше вас. И запрос в Ставку послал. Только что получил подтверждение, за подписью генерал-адъютанта Алексева.

ЗУБОВ:

Что за черт! У нас уже и солдаты два дня как знают – в Петрограде бунт! Вы думаете – мне охота в столицу «прокатиться»? В солдат русских же там стрелять? Нисколько неохота. Но – присяга есть присяга! И солдаты наши – все это понимают! Преображенцы! Опора государева! И что – теперь?

ОЗНОБИШИН:

Юрий Сергеевич... Я все это не хуже тебя понимаю. Тяжело на сердце. Но – дисциплина нам не позволяет ослушаться приказания начальника штаба Его Величества...

ЗУБОВ: Чую измену! Ох, тяжело! Что я ротным скажу?

ОЗНОБИШИН:

Может, Георгиевский батальон Иванова один там справится? Я слышал, они вчера уже на Вырицу шли. Это ж час езды от столицы... Вот, это и скажи.

ЗУБОВ:

Не верю. Телеграмма-то циркулярная, я же вижу!

ОЗНОБИШИН:

Капитан, вы что думаете, я слепой? Я тебе объясняю, что надо ротным сказать. Пусть личному составу объяснят, что, мол (тяжело вздыхает) надобность отпала...

ЗУБОВ:

Ротным врать не буду! Как я могу офицерам лгать! Солдатам... да, придется так объяснить... Эх! Может, прорываться в Петроград все же?

ОЗНОБИШИН:

Тебя на следующей же станции в тупик загонят. Слышал – железными дорогами какой-то Бубликов из Думы командует...

ЗУБОВ:

Что?! Что за черт! Что происходит?!

ОЗНОБИШИН:

Юрий Сергеевич! Я отдаю тебе приказ разгрузаться. Мы – люди военные. Если и мы, здесь на фронте, начнем приказам не подчиняться...

ЗУБОВ

(сокрушенно):

Есть разгрузаться, господин полковник!..

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Все воинские части, отозванные с фронта для подавления бунта в Петрограде, грузились в эшелоны и продвигались 1 марта к столице. 67-й пехотный полк (с Северного фронта) 1 марта прибыл уже на станцию Александровская, в нескольких верстах от Царского Села. 68-й полк был остановлен под Лугой. С фронта продвигались другие воинские части. Все они были остановлены и развернуты обрат-

но телеграммами изменивших Присяге генерал-адъютантов Алексеева и Рузского.

В Петрограде в штабе восставших, в Таврическом, несколько раз поднималась паника. Тот самый депутат Бубликов (директор железных дорог в марте 1917-го) в своих воспоминаниях писал: «Достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено. Больше того, его можно было усмирить простым перерывом железнодорожного движения с Петербургом: голод через три дня заставил бы Петербург сдаться. В марте еще мог вернуться царь. И это чувствовалось всеми: недаром в Таврическом дворце несколько раз начиналась паника».

1 марта в Пскове Государь попал в западню...

СПРАВКА:

1. С.С. Ольденбург. Царствование императора Николая Второго. – изд. «Феникс», Ростов-на-Дону, 1998, стр. 559-560;
2. А. Бубликов. Русская революция. – Нью-Йорк, 1918.

ПРИЛОЖЕНИЕ (для СПРАВКИ):

Марш Лейб-гвардии Преображенского полка

Пойдем, братцы, за границу
Бить Отечества врагов.

Вспомним матушку-царицу,
Вспомним век ее каков!

Славный век Екатерины
Нам напомним каждый шаг;
Те поля, леса, долины,
Где бежал от русских враг!

Вот Суворов где сражался!
Там Румянцев где разил!
Каждый воин отличался,
Путь ко славе находил.

Каждый воин дух геройский
Среди мест сих доказал,
И как славны наши войски,
Целый свет об этом знал.

Другой вариант Марша Лейб-гвардии Преображенского
полка.

Знают турки нас и шведы,

И про нас известен свет.

На сраженья, на победы

Нас всегда Сам Царь ведет!
С нами труд Он разделяет,

Перед нами Он в боях,

Счастьем всяк из нас считает

Умереть в Его глазах.
Славны были наши деды,

Помнят их и швед, и лях.

И парил орёл Победы

На Полтавских на полях!
Знамя их полка вверяет

Русский штык наш боевой.

Он и нам напоминает

Как ходили деды в бой.
Твёрд наш штык четырёхгранный,

Голос чести не замолк,

Так пойдём вперёд мы славно,

Грудью первый Русский полк.
Государям по присяге

Верным полк наш был всегда.

В поле брани, не робея,

Грудью служит он всегда.

СЦЕНА 2\10. 2-3 (15-16 н.с.) марта 1917 года. Отречение.

ЭПИЗОД 1

Действующие лица:

– Николай – Николай Александрович Романов (1868 г.р.), император; не выспавшийся, бледный, с мешками под глазами, но спокойный и, как всегда, очень вежлив; одет в темно-серую черкеску, с кинжалом в серебряных ножнах на поясе;

– Рузский – Рузский Николай Владимирович (1854-1918), командующий Северо-Западным фронтом, генерал от инфантерии, член «Военной ложи», масон;

– Данилов – Данилов Юрий (Георгий) Никифорович (1866-1937), генерал-квартирмейстер, начальник штаба Северного фронта; масон, был близок с Гучковым;

– Савич – Савич (Саввич) Сергей Сергеевич (1863-?), генерал-адъютант, начальник снабжения армий Северо-Западного и Северного фронтов;

НАТ. ПСКОВ, ВОКЗАЛ. ИНТ. ВАГОН-САЛОН ЦАРСКОГО ПОЕЗДА. 14ч.30м 2 (15 – нового стиля) МАРТА 1917 ГОДА.

Пустынный перрон вокзала (лишь одинокий караульный солдат) и стоящий на путях поезд. Тишину нарушают лишь редкое карканье ворон. Камера въезжает в зеленый салон царского вагона. Небольшой четырёхугольный стол, несколько стульев. Окна вагона плотно занавешены. Николай стоит у одного из окон. В вагон входят Рузский, Данилов и Савич.

НИКОЛАЙ

(спокойно, садясь за стол):

Садитесь, господа.

Рузский садится за стол напротив Императора, Данилов и Савич продолжают стоять. Николай еще раз приглашает их сесть, они отрицательно кивают головами. Савич очень волнуется, переживает происходящее. Рузской нервен, но говорит выпренно, медленно и четко, изредка повышая голос. Николай, закуривает, предлагает закурить вошедшим гене-

ралам. Рузский закуривает. Затем в продолжении разговора Николай и Рузский много курят.

РУЗСКИЙ:

Государь, за последние несколько часов положение в столице еще более осложнилось. Ненависть к царствующей династии бьет через край. На улицах убивают не примкнувших к революции офицеров. Фактически положение контролирует только Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Гвардейский Экипаж Великого Князя Кирилла в полном составе, под красными знаменами, пришел в Таврический, к штабу восставших. Все министры Вашего правительства арестованы. Протопопов также арестован. Временный Комитет формирует новое правительство. Ваше отречение от Престола – единственный выход, который позволит избежать кровопролития и спасти Россию. По решению Временного Комитета, Гучков и Шульгин уже выехали сюда, в Псков, принять Манифест о Вашем отречении от Престола.

НИКОЛАЙ:

Это все новости?

РУЗСКИЙ:

Об остальном я вам докладывал сегодня утром, за завтраком.

НИКОЛАЙ:

Вы уверены, что вся Россия желает моего отречения?

РУЗСКИЙ:

Ваше Величество, заниматься сейчас анкетой обстановки не представляет возможности, но события несутся с такой быстротой и так ухудшают положение, что всякое промедление грозит неисчислимыми бедствиями. Я вас прошу выслушать мнение моих помощников, они оба в высшей степени самостоятельные и притом прямые люди.

НИКОЛАЙ:

Я выслушаю, чуть позже... Я не уверен, что русский народ будет рад моему отречению. Казаки, старообрядцы – не простят мне этого никогда. И в Армии – все ли поймут и примут?

РУЗСКИЙ:

Сегодня утром начитаба Алексеев разослал Главнокомандующим фронтами телеграмму следующего содержания – о необходимости Вашего отречения – и к настоящему времени мы получили ответы от всех Главнокомандующих: от Великого Князя Николая Николаевича, от генерал-адъютантов Брусилова, Эверта. Сахаров, а также адмиралы Колчак и Нелепин телефонировали свое ответное ходатайство о Вашем отречении. Я прошу Ваше Величество ознакомиться с телеграммами Великого Князя и генерал-адъютантов.

Протягивает Николаю наклеенные на синих бланках ленты телеграмм. Николай начинает читать. Бледнеет. Встает,

отходит к занавешенному окну, молча смотрит в него. Он понимает, что попал в западню. Снова садится за стол, продолжает читать.

НИКОЛАЙ

(прочитав):

Итак, восемь...

РУЗСКИЙ:

Что «восемь»?

НИКОЛАЙ:

Восемь командующих, включая Вас и Наштаверха считают, что я должен отречься от Престола...

РУЗСКИЙ

(нагло перебивая Николая и громко отчеканивая каждое слово):

За этими «восемью» стоит вся армия, а в Петрограде – революция! Пора уже Вам понять это! Митинги под красными знаменами начались в Москве. Ваша семья в Царском Селе – в опасности (Николай чуть заметно вздрагивает). Царское Село – в руках восставших. Они ненавидят Ее Величество и готовы на все! На все!

НИКОЛАЙ

(подавляя возмущение наглым поведением Рузского, после паузы):

Итак, каково Ваше мнение?

РУЗСКИЙ:

Ваше Величество, для Вас невозможно никакое иное решение, кроме немедленного – немедленного! – отречения от Престола в пользу Наследника Цесаревича, при регентстве Великого Князя Михаила Александровича! Ради блага Родины, для спасения России и для победы над внешним врагом!

НИКОЛАЙ

(еще раз встает, тут же садится; обращаясь к Данилову и Савичу):

Ваше мнение, господа? Только прошу Вас, откровенно.

ДАНИЛОВ

(сильно волнуясь, тихо):

Государь, Вы не можете сомневаться в моих верноподанных чувствах (Николай кивает головой), но выше всего долг перед родиной и желание спасти отечество от позора... Это унижительные предложения от желающего нас покорить ужасного врага... Но... Ради блага Родины... И победы над внешним врагом... Необходимо сохранить династию. Ваше Императорское Величество... я не вижу другого решения для Вас, как согласиться с ходатайствами наших верхов и Главнокомандующих Действующей армии. Это – единственный выход. Отречение в пользу Наследника Цесаревича.

САВИЧ

(сдерживает подступающие рыдания, с трудом говорит):

Ваше Величество... Вы меня почти не знаете... Но... я –

согласен с ними...

Савич отворачивается к стенке, неслышно рыдает, всхлипывает. Николай снова встает. Видно, что он сломлен, что он принял решение. С минуту молчит. Слышно приглушенное рыдание Савича.

РУЗСКИЙ

(нагло и громко, почти кричит):

Ну же! Решайтесь!

Николай едва заметно вздрагивает от неожиданно грубого выкрика Рузского, внимательно смотрит на него, потом снова встает, подходит к окну, смотрит в плотно занавешенное окно вагона. Все в вагоне молчат. Перед ним встают видения:

Японский отшельник Теракуто в роще близ Киото вновь говорит ему: «Великие скорби и потрясения ждут Тебя и страну твою. Ты будешь бороться за ВСЕХ, а ВСЕ будут против тебя... Нет блаженной жертвы Твоей за весь народ Твой...»

Английский предсказатель Луис Хамон в Кембридже вновь говорит ему: «Его имя будет скреплено с двумя самыми кровавыми и ужасными войнами... В конце второй войны он потеряет все, что любил...

Монах Авель из Гатчинского дворца как будто сейчас

смотрит на него: «Святому Царю, Иову Многострадальному подобному... На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим; как некогда Сын Божий. Испытатель будет, искупит собой народ свой... Война будет, великая война... Накануне победы рухнет трон Царский. Измена же будет расти и умножаться»

Паша Саровская в своей келье в Дивеево сбивает со стола девять глиняных солдатиков...

Святой Серафим Саровский из своей кельи в лесу под Дивеево отрывается от письма, поднимает голову, смотрит на него, прямо в глаза: «В 1917-м, в конце войны, в преддверии победы, будешь предан Великими Князьями и военачальниками... Принесешь великую жертву за народ русский, за Россию... Но не спасешь ее... До скончания века...»

Святой Иоанн Кронштадтский крестит его: «Кайтесь, ибо приближается ужасное время. Столь ужасное, что вы и представить себе не можете»

Между тем в полном молчании, в гробовой тишине проходят в вагоне эти минуты.

НИКОЛАЙ

(шепчет чуть слышно):

Я приношу России несчастья... Две войны...

Отходит от окна, оборачивается к генералам.

НИКОЛАЙ

(спокойно):

Я решился. Я отказываюсь от Престола в пользу своего сына Алексея! ... Благодарю Вас всех за доблестную верную службу. Надеюсь, что она будет продолжаться и при моем сыне.

Крестится. Вслед за ним крестятся генералы. Полная тишина. Николай выходит из вагона. У него – странное лицо. Генералы стоят, ошеломленные. Рузский приходит в себя, сдерживает довольную улыбку.

СПРАВКА:

1. А.И. Спиридович. Великая Война и Февральская революция. – Нью-Йорк, 1961.
2. С.С. Ольденбург. Царствование императора Николая Второго, Ростов-на-Дону, изд. «Феникс», 1998
3. В. Кобылин, «Анатомия измены», СПб, изд. «Царское дело», 2003
4. В.Н. Воейков. С Царем и без Царя. – М., «Терра», 1999.

ЭПИЗОД 2

НАТ. ПСКОВ, ВОКЗАЛ. ИНТ. ВАГОН СВИТЫ ЦАРСКОГО ПОЕЗДА, КУПЕ ВРАЧА ФЕДОРОВА. 15ч. 2\15 МАРТА 1917 ГОДА.

Действующие лица:

те же и

– Федоров – Федоров Сергей Петрович (1869-1936), профессор, лейб-медик;

– Мордвинов – Мордвинов А.А. (1870-?), флигель-адъютант, полковник Лейб-гвардии Кирасирского полка; остался верен Присяге в эти дни;

– Воейков – Воейков Владимир Николаевич (1868-1947), генерал-майор Свиты Его Величества, последний Дворцовый комендант; остался верен Присяге в эти дни;

– Нилов – Нилов Константин Дмитриевич (1856-1919), адмирал, генерал-адъютант, флаг-капитан Императорской яхты «Штандарт»; остался верен Присяге в эти дни;

– Дубенский – Дубенский Дмитрий Николаевич (1857-1923), генерал-лейтенант Свиты, военный историк; один из немногих генералов в Ставке, остававшихся верным Присяге;

– Фредерикс – Фредерикс Владимир Борисович (1838-1927?), граф, министр Императорского двора и уделов;

В купе – Федоров и свита (Фредерикс, Мордвинов, Нилов, Воейков, Дубенский). Близ купе толпятся другие лица свиты, скороходы. Все очень расстроены, некоторые почти в истерике. Слышны вскрики: «Как он мог?!», «Не посоветовав-

шись со свитой!», «Сдался аксельбантам!». Кому-то в коридоре близ купе становится дурно.

ДУБЕНСКИЙ

(рыдая):

Как же так! Никого не спросить, и сдать, как сдают эскадрон!

ВОЕЙКОВ:

А ведь это вы, Дмитрий Николаевич, на станции Дно посоветовали Его Величеству ехать в Псков, к Рузскому!

ДУБЕНСКИЙ:

Кто ж знал! Да, надо было в Гвардию ехать, в Особую армию!

ФРЕДЕРИКС

(качает головой, никого не слушая):

Вот что бывает... Когда переживешь самого себя...

НИЛОВ:

Господа! Прекратите! Надо что-то делать! Сергей Петрович! Может быть, Вы пойдете сейчас к Государю? Может, ему нужна помощь врача?

Федоров (также чрезвычайно расстроенный), встает, собирается выйти из купе.

ВОЕЙКОВ:

Попросите Государя забрать отречение обратно! Его

вынудили!

Федоров грустно кивает головой, идет в вагон Николая.

ЭПИЗОД 3.

ИНТ. ВАГОН-САЛОН НИКОЛАЯ В ЦАРСКОМ ПОЕЗ-
ДЕ.

Федоров просит разрешения войти. Николай спокойно приглашает его сесть. Вообще в этой сцене он уже спокоен. Федоров – на грани нервного срыва.

ФЕДОРОВ:

Как Вы себя чувствуете, Ваше Величество?

НИКОЛАЙ:

Не могу сказать, что хорошо... Но врачебная помощь мне не нужна. Спасибо.

ФЕДОРОВ:

Государь, простите... как Вы могли отречься? Мы все в отчаянии. И в возмущении. Они вынудили Вас? Как?

НИКОЛАЙ:

Сергей Петрович... Что мне оставалось делать, когда мне все изменили. Первый – Николаша. Читайте.

Протягивает ему телеграммы Главнокомандующих.

ФЕДОРОВ

(смотрит на Николая):

Николаша... Это кто?

НИКОЛАЙ

(пытаясь улыбнуться):

Великий Князь... Николай Николаевич. Это мы с Ее Величеством так его между собой называем.

ФЕДОРОВ

(прочитав телеграммы):

Это... все лишь мнение нескольких военных, хотя бы и самых высокопоставленных...

НИКОЛАЙ:

Мое решение не подлежит обсуждению, Сергей Петрович. Есть еще причины, – о которых ни Вы, никто другой не знаете.

ФЕДОРОВ:

Цесаревич Алексей?

НИКОЛАЙ:

Нет... Хотя, и его здоровье – тоже... Кстати, Сергей Петрович... О здоровье Алексея... Распутин несколько раз говорил нам, что если наследник проживет до 17 лет, то он совершенно выздоровеет... Вы знаете, я человек земной, терр-а-терр (французское идиоматическое выражение – Б.С.). Я, конечно, не смотрел на Распутина как на святого, но то, что он нам предсказывал – обычно сбывалось. То есть, через четыре года... Правда ли это? Будет ли Наслед-

ник здоров?

ФЕДОРОВ:

Государь, я в предсказания и чудеса не верю... Врачебная же наука не знает полного исцеления от гемофилии. Одни умирали в детстве, другие семи лет, иные двадцати... Дольше всех с этой болезнью прожил, насколько известно, герцог Абрюзкий – до 42 лет. Может быть, Его Высочество проживет и дольше, чем мы с вами, Ваше Величество, но может и умереть каждую минуту от самой простой незначительной случайности. Таково свойство его болезни.

СПРАВКА:

1. А.И. Спиридович. Великая Война и Февральская революция. – Нью-Йорк, 1961.

2. Егоров Г.Б., Лысенко И.В., Петров В.В. Спасение Цесаревича Алексея. – СПб, «Блиц», 1998, стр.17

НИКОЛАЙ:

Значит, Вы считаете болезнь неизлечимой?

ФЕДОРОВ:

Да, Ваше Величество. Кроме того, в любом случае он не сможет ездить верхом и всякие действия, связанные с напряжениями в суставах для него будут опасны.

НИКОЛАЙ:

Что же... Мы всей семьей уедем теперь в Крым, в Ливадию. Крымский климат очень благотворно действует на него, и он там, Бог даст, окрепнет. По крайней мере до 17

лет Алексей Николаевич будет с нами. Все же надеюсь, что его здоровье поправится, что он «вырастет из болезни» ...

ФЕДОРОВ:

Ваше Величество... Я сомневаюсь, что новое правительство разрешит оставление Наследника в Вашей семье... Они ненавидят Александру Федоровну.

НИКОЛАЙ:

Не до такой же степени, чтобы разлучить нас с больным ребенком до его вступления на Престол?

ФЕДОРОВ:

Боюсь, что Вы недооцениваете степень ненависти новых правителей в Петрограде... Они идут на поводу черни. Они потребуют, чтобы Алексей Николаевич воспитывался в семье регента – Великого Князя Михаила Александровича...

НИКОЛАЙ:

О, нет! Мой брат – ему бы я доверил сына... Но его супруга... Нет! Нет!

ФЕДОРОВ

(вытирая покрасневшие глаза):

Увы, Государь. Не надейтесь на совесть и честь новых правителей России из Думы и Петроградского Совета! Ваш брат, Михаил Александрович, вынужден будет подчиняться им. Он будет царствовать, а править будут – они...

НИКОЛАЙ

(после паузы, спокойно):

Спасибо, Сергей Петрович, за этот разговор. Вы свобод-

ны. Я должен отправить сейчас пару телеграмм и подумать над текстом Манифеста... Успокойте, пожалуйста, всех относительно моего здоровья. Я здоров.

В это время в дверь стучит скороход: запоздавшая телеграмма от Главнокомандующего Сахарова. Николай читает ее, затем передает Федорову.

ФЕДОРОВ

(читает):

«Генерал-адъютант Алексеев передал мне преступный и возмутительный ответ председателя, Государственной Думы Вам на высоко милостивое решение Государя Императора даровать стране ответственное министерство и пригласить главнокомандующих доложить Его Величеству через Вас о решении данного вопроса в зависимости от создавшегося положения.»

Горячая любовь моя к Его Величеству не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнусного предложения, переданного Вам председателем Гос. Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся Царя своего, задумал это злодейство, а разбойничья кучка людей, именуемая Государственной Думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных Целей.

Я уверен, что армии фронта непоколебимо встали бы за

своего державного вождя, если бы не были призваны к защите родины от врага внешнего и если бы не были в руках тех же государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни армии.

Таковы движения сердца и души. Переходя же к логике разума и утя создающуюся безысходность положения, я, непоколебимо верноподданный Его Величества, рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом, является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало пищу к предъявлению дальнейших, еще гнуснейших притязаний. Ясы. 2 марта. № 03317. Генерал Сахаров».

ФЕДОРОВ:

Я могу показать это Свите? Это – тоже измена... «Рыдающая и коленопреклоненная» измена.

НИКОЛАЙ:

Конечно. Можете показать. И пригласите ко мне Фредерикса, Нарышкина и Воейкова. Нарышкина – попросите взять том законов, о престолонаследии...

Федоров с поклоном уходит.

ЭПИЗОД 4.

Действующие лица:

Те же и

- Гучков – Гучков Александр Иванович (1862-1936), основатель и лидер партии октябристов, председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне, глава «Военной ложи», масон;
- Шульгин – Шульгин Василий Витальевич (1878-1976), лидер фракции прогрессивных националистов в Думе, редактор газеты «Киевлянин», член Временного комитета Думы, монархист – но активный участник февральской смуты;
- Нарышкин – Нарышкин Кирилл Анатольевич (1868-1924), генерал-майор, начальник военно-походной канцелярии Его Императорского Величества;
- охрана и члены Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (агитаторы с листовками), приехавшие с поездом Гучкова и Шульгина;
- скороход Свиты;

НАТ. ПСКОВ, ВОКЗАЛ. ВЕЧЕР (от 21ч до полуночи) 2\15 МАРТА 1917 ГОДА.

Время от времени камера показывает часы – или вокзальные, или настенные часы в салоне царского вагона. Панорама вокзала. На путях стоят литерные поезда «А» (Царский поезд) и «Б» (Свитский поезд). Тускло горят два фонаря у вокзала. Освещены окна в литерном «Б». Морозный и ветреный зимний вечер. По перрону медленно прогуливается Николай. Смотрит на свой вагон – покраска местами как бы

слегка потрескалась. Изредка проходят офицеры. Николай спокойно отвечает на их приветствия, прикладывая руку к папахе. Глубоко и спокойно вдыхает морозный воздух. Перрон пустеет, Николай идет по нему один. Камера показывает вокзальные часы (21ч40м). В это время, прямо навстречу Николаю из темноты показывается поезд с двумя вагонами. Поезд украшен красными флагами. В темноте все это производит мрачное, даже жуткое впечатление. Кроме Николая, этого пока никто не видит. Поезд выплывает из темноты как одноглазое чудовище. Николай разворачивается, медленно идет к своему вагону.

Подходящий к перрону поезд дает свисток. Из соседнего с царским вагоном литерного «А» выскакивает флигель-адъютант Мордвинов. Они обмениваются парой слов. Николай входит в свой вагон, Мордвинов бежит к замедляющему ход поезду, на ходу вскакивает в последний вагон, рывком открывая дверь.

ИНТ. ВАГОН ПРИШЕДШЕГО ИЗ ПЕТРОГРАДА ДЕПУТАТСКОГО ПОЕЗДА. НАТ. ПСКОВ, ВОКЗАЛ.

В вагоне – полутьма, горит лишь огарок свечи. У дальней стены две фигуры – Гучков и Шульгин, в помятых и нечищенных пиджаках, грязноватых крахмальных рубашках, невымытые и небритые уже несколько дней, взволнованные и подавленные, не знающие чего ждать. Здороваются. Мордвинов

замечает, что руки у них дрожат. Вид у них не столько усталый, сколько растерянный.

МОРДВИНОВ:

Его Величество ждет Вас.

Гучков и Шульгин одевают пальто, шапки.

МОРДВИНОВ:

Что делается в Петрограде?

ШУЛЬГИН

(волнуясь):

Творится что-то невообразимое... Мы находимся всецело в руках Петроградского Совета... Нас, наверное, арестуют, когда мы вернемся.

Поезд останавливается. Они выходят из вагона, осматриваются, идут к литерному «А». Гучков всю дорогу идет молча, опустив голову.

МОРДВИНОВ:

С каким поручением Вы приехали, на что надеетесь?

ШУЛЬГИН

(тоскливо и смущенно, понизив голос почти до шепота):

Приехали за отречением в пользу Алексея Николаевича... Знаете, мы надеемся только на то... что, может быть,

Государь нам поможет...

СПРАВКА:

Мордвинов А. Отрывки из воспоминаний. – см. В. Кобылин, «Анатомия измены», СПб, изд. «Царское дело», 2003, стр.316-317

Мордвинов хочет сплюнуть, но воспитание не позволяет. Он только дергает головой и глотает слюну. Из другого вагона прибывшего поезда выскакивает несколько субъектов в военной форме с винтовками, встают у подножки вагона. За ними выходит с десятков депутатов Петросовета (рабочие), с пачками прокламаций. Осматриваются, идут к вокзалу, размахивая листовками. Там начинает собираться публика, местные левые (чиновники, рабочие, обыватели). Некоторые из них приветствуют их и Гучкова и Шульгина криками «ура!» Депутаты Петросовета раздают им прокламации.

Мордвинов видит Гучкова и Шульгина в царский вагон литерного «А».

ИНТ. ВАГОН-СТОЛОВАЯ ЦАРСКОГО ПОЕЗДА.

Входят в вагон-столовую. Скороход помогает им снять верхнюю одежду и проводит в салон. Там их встречает престарелый министр Двора, граф Фредерикс – тщательно причесанный, безукоризненно одетый, с портретами императоров (усыпанных бриллиантами, на голубом банте) на груди, бодрый, безукоризненный. Около него – начальник военно-походной канцелярии, генерал-майор Свиты Нарышкин.

В салон входит Николай, в пластунской черкеске, спокойный и бледный. Вокруг голубоватых глаз коричневая кожа, вся разрисованная белыми черточками морщин. Подает руку депутатам.

НИКОЛАЙ:

А где Рузский?

ВОЕЙКОВ:

Сейчас придет, за ним пошли.

Воейков дает указания скороходу, затем по его распоряжению, комендант царского поезда (Гомзин) занимает пост в столовой, сам Воейков занимает пост на площадке, ведущей в салон из царского вагона через прихожую. Отсюда слышно, что происходит в салоне. Николай садится у стены вагона по одну сторону придвинутого вплотную к стене небольшого четырехугольного стола и жестом предлагает всем занять места, указав Гучкову стул справа от себя. Напротив поместились Фредерикс и Шульгин. В углу, за маленьким столом устроился начальник Военно-походной канцелярии Нарышкин – чтобы записывать всё происходящее. Николай делает знак Гучкову – начинать.

Гучков сильно волнуется, опустив голову, положив на стол правую руку и глядя на стол, но спокойно и корректно, говорит глухим голосом:

ГУЧКОВ:

Ваше Величество, к моменту нашего отъезда положение в столице начало улучшаться. Временный Комитет Государственной Думы контролирует ситуацию. Мы прибыли сюда по поручению этого комитета, чтобы дать те советы, которые могут вывести страну из тяжелого положения...

Николай слушает, слегка прислонившись к стене, глядя перед собой. Лицо его спокойно и непроницаемо.

ГУЧКОВ:

Петроград – в руках движения. Борьба с ним безнадежна. Борьба поведет лишь к напрасным жертвам. Попытки послать для усмирения войска с фронта не будут иметь успеха. Ни одна воинская часть этого не выполнит. Как бы ни была верна и надежна воинская часть, соприкоснувшись с атмосферой Петрограда, она перейдет на сторону движения и поэтому... Всякая борьба для Вас, Государь, бесполезна. Чтобы мое утверждение не выглядело голословным, я приведу один пример: в ночь на 1 марта в Государственную Думу явилась депутация из Царскосельского дворца, в которую входили представители Конвоя, Собственного полка, Железнодорожного полка и Дворцовой полиции, всего 25–30 человек. Все они заявили, что всецело присоединяют-

ся к новой власти, что будут по-прежнему охранять имущество и жизни Ее Величества и всей Вашей Семьи, которые им доверены, но просят выдать им документы с удостоверением, что они находятся на стороне движения. По этому примеру, Ваше Величество, видно, что Вы не можете ни на кого рассчитывать. Необходимо последовать совету Временного Комитета – отречься от престола.

В это время в вагон входит Рузский. Раздеваясь в прихожей, недовольно обращается к скороходу

РУЗСКИЙ:

(скороходу)

Ведь я ясно приказал направить депутатов сначала прямо ко мне. Отчего это не сделано? Вечно не слушаются.

Входит в салон. Поклонившись, он занимает место у свободной стороны стола, оказавшись между Гучковым и Шульгиным.

НИКОЛАЙ

(обращаясь к Гучкову и Шульгину):

Что именно Вы считали бы желательным?

ГУЧКОВ: Большинство пославших нас членов Временного Комитета стоит за конституционную монархию. Мы по их поручению советуем Вам, помолвившись Богу, отречься в

пользу Наследника Алексея Николаевича с назначением регента Великого Князя Михаила Александровича.

Николай при словах Гучкова «помолившись Богу», впервые за все время встречи одно мгновение смотрит прямо на него – странным взглядом, с таким видом, что, мол, этого можно было бы и не говорить.

РУЗСКИЙ

(привстает с места, довольным тоном, как подчиненный начальнику):

Александр Иванович, это уже сделано.

НИКОЛАЙ

(Гучкову, делая вид, что не слышит слов Рузского):

Считаете ли Вы, что своим отречением я внесу успокоение?

ГУЧКОВ, ШУЛЬГИН:

Да, да, Ваше Императорское Величество.

ГУЧКОВ

(взволнованно продолжает):

Я знаю, Ваше Величество, что я Вам предлагаю решение громадной важности, и я не ждущу, чтобы Вы приняли его тотчас. Если Вы хотите несколько обдумать этот шаг, я готов уйти из вагона и подождать, пока Вы примете решение, но, во всяком случае, все это должно совершиться сегодня вечером.

При последних словах Гучкова Рузский нагибается к Шульгину, шепчет:

РУЗСКИЙ:

Это дело решенное. Вчера был трудный день. Буря была...

НИКОЛАЙ

(спокойно, на этот раз с гвардейским акцентом):

Я этот вопрос уже обдумал и решил отречься.

Гучков и Шульгин переглядываются – они не ожидали согласия.

ГУЧКОВ

(вновь волнуясь):

Ваше Величество, я думаю, Вы понимаете, что Вам придется расстаться с сыном, потому что никто не решится доверить судьбу и воспитание будущего государя тем, кто довел страну до настоящего положения.

НИКОЛАЙ:

В три часа дня я принял решение отречься от Престола в пользу моего сына Алексея Николаевича; но теперь, подумав, пришел к заключению, (в этом месте голос Николая впервые слегка дрогнул) что я с ним расстаться не могу, и передаю

*Престол брату моему – Михаилу Александровичу. (тихо:)
Надеюсь, Вы поймете чувства отца.*

ГУЧКОВ

(несколько опешив, после паузы):

*Но мы к этому вопросу не подготовлены. Разрешите нам
подумать.*

НИКОЛАЙ:

Думайте.

ГУЧКОВ:

*Мы останемся в Пскове час или полтора и просим Вас,
Ваше Императорское Величество, сейчас же составить
акт об отречении, так как завтра мы должны быть в Пе-
тербурге с актом в руках. Разрешите передать Вам проект
Манифеста, написанный нами в поезде, по дороге сюда.*

Гучков передает Николаю помятые три листа. Николай берет листы, выходит из салона в то время как Рузский вновь наклоняется к Шульгину, громко шепчет:

РУЗСКИЙ:

*Из Петрограда сюда идут грузовики с вооруженными
людьми, наши? Из Государственной Думы?*

Николай, вновь как будто не слышит Рузского. Выходит из салона, обращается к Воейкову, стоящему на площадке вагона.

НИКОЛАЙ

(обращаясь к Воейкову, негромко):

Вы заметили, Гучков был совершенно приличен в манере себя держать. Я готовился видеть с его стороны совершенно другое...

ВОЕЙКОВ:

Да, Государь. Я здесь мог только слышать, но то, что я слышал... Да.

НИКОЛАЙ

(не сдержавшись, с гримасой отвращения):

Но Рузский! Вы заметили его поведение?

ВОЕЙКОВ

(негромко):

Стыд и позор! Для него Гучков – Верховный главнокомандующий! А сами то, Гучков и Шульгин... Как одеты... Немыты..., наверное, для них главное – «товарищам» из Петросвета, с которыми они ехали, понравиться!

НИКОЛАЙ

(слегка машет рукой в знак согласия; затем громко, Нарышкину):

Кирилл Анатольевич! Пожалуйста, перепишите ранее написанное мной отречение с поправкою о передаче Престола моему брату.

СПРАВКА:

1. А.И. Спиридович. Великая Война и Февральская революция. – Нью-Йорк, 1961.
2. С.С. Ольденбург. Царствование императора Николая Второго, Ростов-на-Дону, изд. «Феникс», 1998
3. В. Кобылин, «Анатомия измены», СПб, изд. «Царское дело», 2003, стр. 315-318 (большая библиография – 485 наименований)
4. В.Н. Воейков. С Царем и без Царя. – М., «Терра», 1999, стр.184-190.
5. В. Шульгин. Дни. – Белград, 1925.
6. А. Блок. Последние дни императорской власти. – Петроград, «Алконост», 1921.
7. Э. Радзинский. Николай Второй. –М., «Вагриус», 2003

НАТ. ПСКОВ, ВОКЗАЛ. ИНТ. ВАГОН ДЕПУТАТСКОГО ПОЕЗДА. НОЧЬ С 3 на 4 МАРТА 1917 ГОДА.

На экране – привокзальный перрон, часы показывают полночь. До сотни местных жителей слушают речь Гучкова. Он выступает уверенно, красноречиво. Его слушают молча. Молча расходятся после окончания речи; некоторые крестятся. Гучков и Шульгин идут в свой вагон. Полутемный вагон депутатского поезда, Гучков и Шульгин входят в него с Манифестом в руках.

ШУЛЬГИН:

вот, совершилось... Но... Какое царственное спокой-

ствие... Я не ожидал! ... Однако, гмм... Он не стал вступать с нами в переговоры – он просто объявил свою волю.

ГУЧКОВ:

По-моему, у него атрофированы эмоции. Такая нечеловеческая выдержка... Это невероятно... Однако, Василий Витальевич, все же... Нет ли здесь подвоха?

ШУЛЬГИН:

Какой подвох? В искренности ему нельзя отказать.

ГУЧКОВ:

По закону Империи о престолонаследии, он может отречься только в пользу Наследника... Отречение в пользу брата – недействительно. Вы, как монархист, должны знать.

ШУЛЬГИН:

Я абсолютно уверен в том, что он просто не захотел расстаться с сыном. Только поэтому отрекся в пользу Михаила.

ГУЧКОВ

(после паузы):

Пожалуй, Вы правы... Надо брать, что дают, Василий Витальевич!

ШУЛЬГИН:

Я все еще потрясен... Просто не верится...

ГУЧКОВ:

Русского я еще с русско-японской знаю, с 5-го года... Не даром же я столько лет работал с ним, потом с Алексее-

вым, с командующими фронтами... В Военных комитетах Думы... в Особом совещании... Мы долго к этому шли... И вот – совершилось то, что должно было совершиться...

НАТ. ПСКОВ, ВОКЗАЛ. ИНТ. ЦАРСКИЙ ПОЕЗД, САЛОН-ВАГОН НИКОЛАЯ.

Панорама вокзала. Вокзальные часы показывают 1 час ночи. На путях стоят литерные поезда «А» (Царский поезд) и «Б» (Свитский поезд). Тускло горят два фонаря у вокзала. Освещены все окна вагонов. Морозная и ветреная ночь. Оба поезда под парами. Воейков идет по перрону вдоль царского поезда, обращает внимание на внешний вид вагонов: камера показывает вагоны – с царапинами и изъязмами; покраска потрескалась и большими слоями начинает отваливаться: на стенах вагонов как будто следы мелких снарядных осколков (см. В. Кобылин. Анатомия измены, стр.322)

ВОЕЙКОВ:

Что за чертовщина? ... Вчера еще как новенькие были... Первый раз такое вижу на литерных...

Воейков заходит в царский вагон. Литерный «А» тихо трогается с места. В купе Николая входит Воейков. Купе освещено одной лампадою, перед иконой.

ВОЕЙКОВ:

Вызывали, Ваше Величество?

НИКОЛАЙ:

Владимир Николаевич, с ближайшей станции – Сиротино? – отправьте, пожалуйста, эту телеграмму – Михаилу. Прочитайте.

ВОЕЙКОВ

(читает):

«Его императорскому величеству Михаилу. Петроград. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Останусь навсегда верным и преданным братом. Возвращаюсь в Ставку и оттуда через несколько дней надеюсь приехать в Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей родине. Ника».

НИКОЛАЙ

(видя, что Воейков хочет сказать слова сочувствия и поддержки):

Не надо слов, Владимир Николаевич... Давайте, просто обнимемся.

По-мужски обнимают друг друга за плечи.

ВОЕЙКОВ:

Лишь одно, Государь... Разрешите мне остаться при Вас...

Николай молча кивает головой. Воейков выходит из купе. Николай раскрывает свой дневник, записывает (его голос за кадром читает):

ГОЛОС ЗА КАДРОМ (ГОЛОС НИКОЛАЯ):

«2-го марта. Четверг. Утром пришёл Рузский и прочёл свой длинейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, т. к. с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 21/2 ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжёлым чувством пережитого. Кругом измена и трусость и обман!»

Камера показывает крупно руку Николая, записывающего в дневнике последние слова (крупно, во весь экран): «Кругом измена, и трусость, и обман!»

ЭПИЗОД 5.

Действующие лица:

- Дубенский – Дубенский Дмитрий Николаевич (1857-1923), генерал-лейтенант Свиты, военный историк; один из генералов Свиты, остававшихся верным Присяге;
- Крестьянин – состоятельный крестьянин, лет 40-ка на вид;

НАТ. СТАНЦИЯ БОГУШЕВСК (между Витебском и Оршей). ИНТ. Ж\Д ВОКЗАЛ НА СТАНЦИИ БОГУШЕВСК. БЛИЖЕ К ВЕЧЕРУ 3\16 МАРТА 1917 ГОДА.

Литерный «Б» (Свитский поезд) подходит к станции Богушевск. Морозный, солнечный день. Сильный ветер. Панорама вокзала. Поезд замедляет ход. Из вагона выходят офицеры и генералы Свиты – размяться. Дубенский идет в здание вокзала, заходит в зал ожидания первого класса, осматривается – в зале никого, кроме хорошо одетого человека, по виду состоятельного крестьянина. Он подходит к Дубенскому, кланяется.

КРЕСТЬЯНИН

(тихо):

Простите, позвольте узнать... Тут перед вашим поездом литерный прошел – неужели это Государя повезли?

ДУБЕНСКИЙ:

Да, это проследовал Его Величество в Могилев, в Ставку.

КРЕСТЬЯНИН:

Да ведь у нас здесь читали, что его отрешила Дума и теперь сама хочет управлять...

ДУБЕНСКИЙ:

Вы сегодняшние газеты читали? Там ведь подробно написано. Про Временное правительство, про восстание в Петрограде, про Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов...

КРЕСТЬЯНИН:

Да, здесь начальник станции еще нам все подробно рассказывал. Но как же так можно?

ДУБЕНСКИЙ:

Что можно?

КРЕСТЬЯНИН:

Как же это так? Не спросясь народа, сразу Царя Русского Помазанника Божия и отменить, и заменить новым?

С этими словами крестьянин отходит от Дубенского, не дожидаясь ответа, качая головой. Дубенский грустно смотрит ему вслед, затем идет к поезду, тихо говорит сам себе:

ДУБЕНСКИЙ:

Словно нарочно... Случайный человек, из народа... В первый же день по отречении...

СПРАВКА:

В. Кобылин, «Анатомия измены», СПб, изд. «Царское дело», 2003, стр. 321 (название станции там не указано, но, вероятно, где-то между Витебском и Оршей)

ЭПИЗОД 6.

Действующие лица: НИКОЛАЙ, МАРИЯ ФЁДОРОВНА (вдовствующая императрица), свита, а также:

– Сандро – Великий Князь Александр Михайлович Романов (1866-1933), друг детства и юности Николая; муж сестры Николая (Ксении), отец Ирины, жены Феликса Юсупова; внук императора Николая Первого; в 1916-17гг – генерал-инспектор военно-воздушного флота; называл себя «мистическим масоном» и розенкрейцером, занимался спиритизмом;

Сергей – Великий Князь Сергей Михайлович (1869-18.7.1918), брат Сандро, генерал-адъютант артиллерии;

– Свита Николая;

– генералы и офицеры;

НАТ. МОГИЛЕВ: ДОМ ГУБЕРНАТОРА, ЗАТЕМ ВОКЗАЛ. 4\17 МАРТА 1917, ОКОЛО ПОЛУДНЯ.

На экране – дом губернатора в Могилеве (напротив городской управы), откуда Николай выехал в конце февраля. На здании городской управы – большие красные флаги (они видны из окон кабинета и покоев Николая). Он в сопровож-

дении флигель-адъютанта (Мордвинкина) выходит из дворца, садится в автомобиль; едут на вокзал – встречать прибывающую из Киева Марию Федоровну. Солнечно, сильный мороз, очень сильный ветер. На улицах встречаются то тут то там подвыпившие писаря, обыватели в красных шарфах, с красными бантами. В отличие от дореволюционных пейзажей – на улицах грязно, мусорно.

К императорской платформе прибывает поезд. Автомобиль Николая подъезжает к платформе. Николай медленно идет по платформе, здоровается с двумя казаками конвоя (у входа в вагон матери), входит в вагон. Объятия, поцелуи, слезы – горькие слезы. Выходят из вагона (Мария Федоровна, Сандро и Сергей, Николай). Обходят встречающих (офицеров и генералов Свиты). Николай и Мария Федоровна идут в деревянный барак (отдельное строение на станции у императорской платформы); Сандро и Сергей возвращаются в поезд.

ИНТ. ДЕРЕВЯННЫЙ БАРАК (УКРЫТИЕ ОТ ВЕТРА И СНЕГА) НА ИМПЕРАТОРСКОЙ ПЛАТФОРМЕ.

В деревянном бараке – Николай и его мать, Мария Федоровна. Николай бледен, кожа лица – желтоватая, но он уверен в своей правоте. Мария Федоровна едва сдерживает рыдания.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Ники, Ники... Ты знаешь, что Миша отрекся? Нам в поезде сообщили...

НИКОЛАЙ:

Знаю, Мама, знаю...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Как ты мог... Как ты мог подписать этот Манифест?!

Николай закуривает, молчит (в дальнейшем курит одну папиросу за другой)

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Одним росчерком пера... Ты уничтожил 300-летнюю династию!

НИКОЛАЙ:

304-летнюю... Мама, Миша не должен был этого делать. Удивляюсь, кто дал ему такой странный совет...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Кто? Вероятно, те же, кто заставил тебя подписать Манифест!

НИКОЛАЙ:

Гучков был против отречения Михаила... Это не он...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Ники! О чем мы говорим? О ком?! Ты! Милый мой сын! Как ты мог?

Мария Федоровна плачет; Николай садится рядом и об-

нимает ее, целует в голову.

НИКОЛАЙ:

Мама, я расскажу Вам все подробно-подробно... Но чуть позже. Сначала – о другом.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Нет, Ники, нет! Сначала об этом!.. Сергей в поезде, как только увидел в окна красные флаги, напомнил мне слова Петра Аркадьевича... Он сохранил газету с его речью в Думе.

Николай закуривает папиросу, в дальнейшем курит почти непрерывно, одну за другой.

НИКОЛАЙ

Столыпин много чего умного говорил... Он почти всегда был прав...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Послушай, Ники... В 10-м году, в Думе, он сказал – вся Россия читала: «Если бы нашелся безумец, который в настоящее время одним взмахом пера осуществил бы политические свободы России, то завтра же в Петербурге заседал бы совет рабочих депутатов, который через полгода своего существования вверх бы Россию в геенну огненную».

См. В.Н. Воейков. С Царем и без Царя. – М., «Терра», 1999, стр.195.

НИКОЛАЙ

(вздрагивает):

Да, Мама... Вот об этом я и хочу Вам напомнить... О предсказаниях...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА

(не слушая его):

Этот безумец – ты?! Ты одним росчерком пера... Ники, мое сердце переполнено горем и отчаянием. Представь, какие ужасные, не поддающиеся никакому описанию времена нам предстоит пережить!! О, Ники, Ники (рыдает)

См. Дневники императрицы Марии Федоровны. – М., «Вагриус», 2005

НИКОЛАЙ:

Мама, успокойтесь, милая, милая моя Мама... (вновь обнимает и целует ее) Петр Аркадьевич ведь не первый такое говорил... Мама, вспомните 1901 год... Апрель, Гатчино... Мы с Аликс приехали к Вам, радостные... Снять столетние печати с книги Авеля... С письма императора Павла...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА

(удивленно смотрит на сына):

Монах Авель... Да, я помню, помню... Господи! Неужели?

НИКОЛАЙ

(достаёт из пачки бумагу, из-за пазухи, лист):

Аликс переписала мне из его письма, когда я уезжал в Ставку, 22 февраля... Мы уже тогда знали... Хотя и... не хотели верить... Прочитайте, Мама, это обо мне.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА

(берет листок, читает):

«Николаю Второму – Святому Царю, Иову Многострадальному подобному. Будет иметь разум Христов, долготерпение и чистоту голубиную. О нем свидетельствует Писание: Псалмы 90, 10 и 20 открыли мне всю судьбу его. На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим; как некогда Сын Божий. Искупитель будет, искупит собой народ свой... Война будет, великая война... По воздуху люди, как птицы, летать будут, под водою, как рыбы, плавать, серою зловонною друг друга истреблять начнут. Накануне победы рухнет трон Царский. Измена же будет расти и умножаться. И предан будет правнук твой, многие потомки твои убелят одежду кровью Агнца такожде, музик с топором возьмет в безумии власть, но и сам опосля восплачется. Наступит воистину казнь египетская».

НИКОЛАЙ:

И потом, в 1903 году... Послание Святого Серафима...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Его ты мне не показывал. Только рассказал о его пророчествах о русско-японской войне... Все сбылось – я помню.

НИКОЛАЙ:

Не хотел расстраивать Вас, Мама. Про революцию и отречение мое – там и год указан, и месяц. Февраль и март... 1917-го...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Где это послание?

НИКОЛАЙ:

У нас, в Александровском... Копию я отправил в январе в Сергиев Посад, в Троице-Сергиевскую Академию, верным людям. Они там сохраняют.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Ники... Как там Аликс, как дети? Это ужасно. Все больны корью. И в такие дни – без тебя... Какими мелкими теперь кажутся мне все наши распри с нею...

НИКОЛАЙ:

Я еду к ним через три дня. Сам жду не дождусь. Сердце ноет... рвется на части... (судорожно сглатывает, снова закуривает)

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Три дня я буду здесь с тобой... Три дня... Поговорим подробно, обо всем.

НИКОЛАЙ:

Да, Мама... Но ведь и Святой Серафим – еще не все. Вы помните, я рассказывал Вам о Кайро? Луис Хамон, ирландский граф?

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Нет, не помню. Какой-то граф из Англии? Предсказатель? Плохо помню. Да ты почти ничего и не говорил о нем.

НИКОЛАЙ:

Я встречался с ним два раза – в 1896-м и еще раз – в 1907-

м, в августе... Он – тоже предсказал катастрофу в начале этого, 17-го года.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Бог с ним, с Кайро. Он ведь не Святой Серафим Саровский, и не Авель...

НИКОЛАЙ:

Но и он – то же предсказал! И еще несколько человек...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА: *Распутин? Не будем о нем вспоминать. Прости меня, но не надо о нем...*

НИКОЛАЙ: *Хорошо, не будем...*

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Значит... Авель и Святой Серафим провидели твою судьбу, и ты подчинился судьбе, Року...

НИКОЛАЙ:

Значит, я подчинился воле Божьей. Я понял это 2-го дня, в своем вагоне, во время встречи с Рузским... Когда он сказал мне: «Решайтесь!»

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Как он мог? Он!

НИКОЛАЙ:

Не только он... Главное, что меня сразило... Кто меня сразил – это Николаша. Вот, почитай его телеграмму...

Николай роется в пачке синих бланков телеграмм, достает одну; Мария Федоровна читает с возмущением.

НИКОЛАЙ:

И не только Николаша... Почти все Главнокомандующие... Алексеев почти всех запросил...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

И Сахаров? И Гурко? И Келлер? И Хан-Нахичеванский? – не может быть!

НИКОЛАЙ:

Гурко он не запрашивал – от него не было телеграммы. И насчет Федора Артуровича – тоже не знаю. Впрочем, это уже неважно. Дело сделано. Совершилось.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА

(сквозь слезы):

Ники... Наши генералы, так часто кокетничающие словами «я солдат», забыли эти замечательные простые слова, именно, в тот момент, когда должны были сказать – мы можем дать советы по вопросу наступать или отступить, но по вопросу отречения благоволите обратиться в Сенат, Государственный Совет – мы не компетентны, мы «солдаты». Они же... Не только не ответили так на вопрос об отречении, они имели смелость поднять этот вопрос, который был совершенно вне их компетенции, выше их политического разума.

НИКОЛАЙ:

Мама, Мама... Что же теперь делать... Все совершилось по воле Божьей!

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Не знаю, Ники... Возможно, Бог попустил эту победу дьявола... Но для чего? Я не могу понять это! Твоя жертва – спасет ли она Россию?

НИКОЛАЙ:

Ты же знаешь, нет такой жертвы, на которую я не пошел бы ради спасения России...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Это единственное, что ты мог сделать, сын?

Николай не выдерживает напряжения этих дней, рыдает. Мать обнимает его, гладит. Тоже плачет.

НИКОЛАЙ

(смахивает слезы левой рукой):

Авель и Серафим предсказали гражданскую войну на 1918 год... Я принес эту жертву, чтобы не допустить гражданской войны, не допустить братоубийства. Монархия низложена. Теперь нет причин для братоубийственной войны!

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Дай Бог... Дай Бог...

НИКОЛАЙ:

Кроме того, Мама, я в эти дни я должен был удерживать армию в стороне от политики. Уж коли так случилось, что высшие военачальники оказались настроены против меня... Я не имел права ввергать армию в раздоры ради своих амбиций...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Бунт генералов...

НИКОЛАЙ:

Наконец, Мама, быть может, Временное правительство будет править страной лучше меня? Вы знаете, я невысокого мнения обо всех этих... о Милюкове, о князе Львове, о Гучкове... и прочих... Но – может я ошибаюсь? Может быть, им удастся сделать больше и лучше меня...

См.: Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. – М., изд. «Захаров АСТ», 1999, стр.272-274

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Может быть? А если нет?

НИКОЛАЙ:

И, кстати, теперь в войну вступят Соединенные американские штаты – война закончится быстрее.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА:

Америка вступит в войну теперь? ..., Пожалуй, ... Я читала в газетах, что Америка тянет со вступлением в войну из-за того, что не хочет быть союзницей монархической России... Только вот... Ники... Доживет ли Россия до общей победы?! У меня ужасные предчувствия! О нас и о России... Горе, горе...

(вновь рыдает)

Николай вновь обнимает ее, потом встает, вновь закури-вает.

НИКОЛАЙ:

Мама, прошу Вас... Я умоляю Вас, не будем больше обо мне... и о политике. Что в Киеве? Как Ксения, Ольга? Как все наши?

ИНТ. КУПЕ ПОЕЗДА (В КОТОРОМ ПРИЕХАЛА МАРИЯ ФЕДОРОВНА)

Камера отходит от сарая с Николаем и Марией Федоровной, показывает купе пришедшего поезда, где сидят Сандро и Сергей.

СЕРГЕЙ:

Ты читал Приказ №1 Петроградского Совета?

САНДРО:

Читал... Это конец дисциплине в армии. Это удар прямо в сердце армии.

СЕРГЕЙ:

Это конец армии. Сам Гинденбург не мог бы внести никаких дополнений в этот приказ. Гарнизон Выборга уже перерезал своих офицеров. Остальные не замедлят последовать этому примеру. Боюсь, это конец и России! Удивительно, как Алексеев не понимает этого! Он ведь умный человек!

САНДРО:

Вероятно, Временное правительство уже обещало ему пост Верховного...

СЕРГЕЙ:

Господи! Всего сутки боев в предместьях Петербурга – и бунт был бы подавлен! Что он наделал! Эх, Ники, Ники...

САНДРО

(смотрит на часы):

Они там с Марией Федоровной уже два часа разговаривают! Мороз на улице... Они замерзнут в этом сарае! Я иду к ним.

СЕРГЕЙ:

Не надо, Сандро... Может, они видятся... в последний раз...

САНДРО:

В последний раз?

СЕРГЕЙ:

Да. Как и мы с тобою...

САНДРО:

Еще несколько дней...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Из письма вдовствующей императрицы Марии Федоровне великой княгине Ольге Константиновне, 11 марта 1917 года:

«Сердце переполнено горем и отчаянием. Представь, какие ужасные, неподдающиеся никакому описанию времена нам еще предстоит пережить. Я благодарна Богу, что была у него в эти пять ужасных дней в Могилеве, когда он был

так одинок и покинут всеми... Он был как настоящий мученик, склонившийся перед неотвратимым. Только дважды, когда мы были одни, он не выдержал, и я одна знаю, как он страдал и какое отчаяние было в его душе! Он ведь принес жертву во имя спасения своей страны... Это единственное, что он мог сделать, и он сделал это!»

СПРАВКА:

Дневники императрицы Марии Федоровны. – М., «Вагриус», 2005, стр.11-12

СЦЕНА 3\10. 8 (21 н.с.) марта 1917 года. Александровский дворец.

Действующие лица:

– Александра – Александра Феодоровна (1872 г.р.), императрица; в этом эпизоде – в пеньюаре; похудевшая и постаревшая за дни болезни детей и отречения Николая; начиная с этого времени – «изумительно светлая и спокойная до самого трагического конца»;

СПРАВКА: П. Жильяр, Д. Жирарден. Рядом с Царской семьей. – М., «Вече», 2006, стр.238

– их дети – дочери: Ольга (1895 г.р.), Татьяна (1897 г.р.), Мария (1899 г.р.), Анастасия (1901 г.р.), сын Алексей (1904 г.р.);

– Корнилов – Корнилов Лавр Георгиевич (1870-1918), ге-

нерал, в марте 1917 – главнокомандующий войсками Петроградского военного округа. Худощавый, небольшого роста, с монгольским лицом.

– Гучков – Гучков Александр Иванович (1862-1936), основатель и лидер партии октябристов, председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне, глава «Военной ложи», масон; в марте 1917 – военный министр Временного правительства;

– группа депутатов и членов Временного правительства (приехавших вместе с Корниловым и Гучковым);

Жильяр – Пьер Жильяр (1879-1962), швейцарец, губернатор, преподаватель французского языка у царских детей и исполняющий обязанности воспитателя Наследника Цесаревича;

– Зборовский – сотник конвоя Его Императорского Величества;

– казаки конвоя, в черных бешметах;

– часовые у входа в Александровский дворец (двое);

– офицеры Лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской фамилии полка (один из них – поручик Константин Николаевич Кологривов);

– офицеры и войска в Царском Селе;

ЭПИЗОД 1

НАТ. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДВОРЕЦ (В ЦАРСКОМ СЕЛЕ), ГЛАВНЫЙ ПОДЪЕЗД. 8/21 МАРТА 1917, ОКОЛО

1ч НОЧИ.

На экране – Александровский дворец, главный подъезд, около 1ч. ночи; горят фонари, стоят двое часовых. К подъезду подъезжают два автомобиля с красными флагами. Из первого выходят Корнилов, за ним – Гучков; у обоих большие красные банты на груди. Из второго – несколько депутатов и вооруженных винтовками людей в военной форме. Корнилов идет к дверям подъезда; часовые преграждают ему путь. Корнилов повышает голос, резко кричит на часовых. Из освещенного вестибюля, распахнув двери, выходит поручик Кологривов.

КОРНИЛОВ

(грубо, громко):

Поручик! Что, твои солдаты не знают Главнокомандующего округом?! Что за черт, поручик! Я должен видеть бывшую Царицу!

КОЛОГРИВОВ:

Господин Главком, Ее Величество в столь поздний час уже поживает. Кроме того, все дети больны. Будьте добры, не кричите.

КОРНИЛОВ

(громко):

Теперь не время спать! Разбудите ее!

КОЛОГРИВОВ

(чуть помедлив):

Подождите в вестибюле. Я извещу Ее величество.

ИНТ. ВЕСТИБЮЛЬ ДВОРЦА, ЗАТЕМ «ЛИПОВАЯ ГОСТИНАЯ» ДВОРЦА

Корнилов, за ним Гучков и затем депутаты проходят в вестибюль, нарочито громко ступая по паркету. Часы в вестибюле показывают начало 2-го часа. Садятся, с любопытством осматриваются, некоторые закуривают. Через некоторое время возвращается Кологривов.

КОЛОГРИВОВ:

Ее Величество примет вас в «Липовой гостиной». Прошу идти за мной, господа.

В том же порядке (Корнилов впереди) группа следует за Кологривовым. Корнилов вслед за Кологривовым входит в гостиную, Гучков – на пороге. Кологривов отходит к стене, где стоит также прислуга, офицеры охраны дворца и два казака конвоя. В этот момент из противоположной двери показывается Императрица (в пеньюаре). Не подавая руки, она подходит к Корнилову.

АЛЕКСАНДРА:

Вы и Гучков были у меня три дня назад. Мы решили все вопросы. Что Вам нужно теперь, в этот час, генерал?

Корнилов неожиданно вытягивается по стойке смирно и говорит в крайне почтительном тоне, прерывающимся от волнения голосом.

КОРНИЛОВ:

Ваше Императорское Величество... Вам неизвестно, что происходит в Петрограде и в Царском... мне очень тяжело и неприятно Вам докладывать... но для Вашей безопасности, именем Временного правительства, я принужден Вас... (не может произнести слово)

АЛЕКСАНДРА

(не дожидаясь продолжения):

Мне все очень хорошо известно. Вы пришли меня арестовать?

КОРНИЛОВ

(теряясь еще более, едва ли не лепечет):

Так точно.

АЛЕКСАНДРА: *Больше ничего?*

КОРНИЛОВ: *Ничего...*

Александра молча, вновь не подавая Корнилову руки, поворачивается и удаляется в свои покои. Корнилов уходит, опустив голову, Гучков и депутаты – молча и тихо.

В. Кобылин. Анатомия измены. – СПб, изд. «Царское дело», 2003, стр. 336-338

ИНТ. ПОКОИ ИМПЕРАТРИЦЫ В АЛЕКСАНДРОВСКОМ ДВОРЦЕ.

На экране – покои Императрицы. Она вызывает сотника конвоя Зборовского. Входит Зборовский, в полной казачьей форме.

АЛЕКСАНДРА:

Только что генерал Корнилов объявил меня арестованной... По распоряжению Временного правительства.

Зборовский вытягивается, весь его вид выражает готовность выполнить любой приказ Императрицы. Она замечает это, делает успокаивающий жест рукой.

АЛЕКСАНДРА:

Начиная с меня, мы все должны подчиниться судьбе. Генерала Корнилова я знала раньше. (с чуть заметным пододбием улыбки:) Он – рыцарь, и я спокойна теперь за детей...

ЗБОРОВСКИЙ:

Мы выполним любой Ваш приказ, Ваше Императорское Величество!

Зборовский уходит.

Э. Радзинский. Николай Второй. – М., «Вагриус», 2003, стр.234

ИНТ. ТОТ ЖЕ (ПОКОИ ИМПЕРАТРИЦЫ). ОКОЛО
10ч30м УТРА ТОГО ЖЕ ДНЯ (8\21 МАРТА)

Камера показывает настенные (напольные?) часы:
10ч30м. Входит Жильяр, здороваются.

АЛЕКСАНДРА:

Я пригласила Вас, чтобы сообщить неприятные новости.

ЖИЛЬЯР:

Я уже слышал от офицеров охраны и прислуги, Ваше Величество. Это ужасно!

АЛЕКСАНДРА:

Утром мне сообщили дополнительно, что все, кто останется во дворце после 4-х пополудни, будут считаться арестованными. Я извещаю об этом также и Вас, дорогой месье Пьер. Я очень благодарна Вам за многолетнюю службу у нас... За все, что Вы сделали для детей... Особенно за воспитание Алексея... Вы очень многое сделали для него... Если Вы примете решение уйти сегодня, я пойму Вас и мы обговорим обстоятельства окончания Вашей службы у нас дополнительно. Вы заслужили достойную награду...

ЖИЛЬЯР

(не задумываясь):

Я уже принял решение. Я остаюсь с Вами и с детьми.

АЛЕКСАНДРА:

Благодарю Вас, Петр Андреевич – я буду называть Вас по-русски, как и ранее.

ЖИЛЬЯР:

Благодарю Вас.

АЛЕКСАНДРА

(чуть подумав, с волнением и страданием):

Петр Андреевич, вот что... Государь возвращается завтра, надо предупредить Алексея, надо все ему сказать... Не сделаете ли Вы это? Я иду сейчас поговорить с дочерьми. Я ведь до сих пор еще не говорила им об отречении.

ЖИЛЬЯР:

Я понимаю Вас, Ваше Величество... Трудно сообщать больным детям такие новости.

Уходит, идет по коридору в комнату Алексея. Тот лежит в постели, читает книжку. Жильяр здоровается с мальчиком, присаживается на стул.

ИНТ. КОМНАТА АЛЕКСЕЯ В АЛЕКСАНДРОВСКОМ ДВОРЦЕ.

ЖИЛЬЯР:

Что читаете, Алексей Николаевич?

АЛЕКСЕЙ:

«23 тысячи миль на яхте «Тамара»», – дядя Сандро мне принес, когда был у нас месяц назад. Я теперь второй том

читаю.

ЖИЛЬЯР:

Я тоже читал. Хорошая книжка.

АЛЕКСЕЙ:

Я хочу совершить кругосветное плавание! Как Папа, или как дядя Сандро – в Индию. Тут есть карты, так интересно!

ЖИЛЬЯР:

Алексей Николаевич, я Вам должен сказать важные вещи. О Вашем отце.

АЛЕКСЕЙ

(откладывает книжку):

Когда он вернется? Мама говорила, что на днях.

ЖИЛЬЯР:

Ваш отец возвращается из Могилева, из Ставки завтра, и больше туда не вернется.

АЛЕКСЕЙ:

Почему?

ЖИЛЬЯР:

Потому, что Ваш отец не хочет быть больше Верховным главнокомандующим.

АЛЕКСЕЙ

(после паузы, с сильным огорчением):

Почему?

ЖИЛЬЯР:

Он очень сильно устал... У него разногласия с начальни-

ком штаба, с главнокомандующими фронтами... С Думой...

АЛЕКСЕЙ:

С Думой – это давно. Но почему с Алексеевым? Они ведь дружили..., и я с ним дружил. Мне так нравится в Ставке! Я больше не смогу поехать туда с папой?

ЖИЛЬЯР:

Знаете, Алексей Николаевич, Ваш отец не хочет быть больше и Императором!

АЛЕКСЕЙ

(удивленно, стараясь прочесть на лице Жильяра, что произошло):

Зачем? Почему?

ЖИЛЬЯР:

Потому, что он очень устал и перенес много тяжелого за последнее время.

АЛЕКСЕЙ:

Ах, да! Мама мне сказала, что когда он хотел ехать сюда, его поезд задержали... Но папа потом опять будет Императором?

ЖИЛЬЯР:

Нет. Он отрекся от Престола в пользу Великого Князя Михаила Александровича, который в свою очередь... уклонился.

АЛЕКСЕЙ:

Но тогда кто же будет Императором?

ЖИЛЬЯР:

Я не знаю, пока никто!..

Алексей привстает в постели, облакачивается головой о спинку кровати. Молчит с минуту. Смотрит в окно – там обычный пейзаж; часовые, казаки конвоя. Мальчик краснеет.

АЛЕКСЕЙ

(взволнованно):

Если нет больше Царя, кто же будет править Россией?

ЖИЛЬЯР:

Алексей Николаевич... Из депутатов Думы образовалось Временное правительство, которое будет заниматься государственными делами до созыва Учредительного собрания. Учредительное собрание будет избрано русским народом и определит форму государственного устройства России. Возможно, Учредительное собрание решит, что для России все же монархия лучше всех других форм правления. В этом случае Ваш дядя Михаил взойдет на престол.

АЛЕКСЕЙ

(после паузы):

Учредительное собрание – как Земский собор в 1613 году? Они просили Михаила Федоровича стать Царем. Теперь попросят Михаила Александровича? Дядю Мишу?

ЖИЛЬЯР: *Сейчас трудно сказать, как это будет выглядеть.*

П. Жильяр, Д. Жирарден. Рядом с Царской семьей. – М., «Вече», 2006, стр.239-240 (ниже – мой текст)

АЛЕКСЕЙ

(вздыхает):

Петр Андреевич... Месье Жильяр... Вы – республиканец? Ведь Швейцария – республика?

ЖИЛЬЯР:

Я – республиканец... Но для каждой страны наиболее подходит та или иная форма государственного устройства... Для России – возможно, конституционная монархия.

АЛЕКСЕЙ:

Возможно? Или точно?

ЖИЛЬЯР:

Алексей Николаевич... Когда я поступал на службу Его Величества, Вашего отца, мне было поставлено условие не касаться, особенно в разговорах с детьми, политических вопросов. Ни разу в разговорах с Вашим отцом за все эти 12 лет мы не касались политики. Я остаюсь с Вами... Поэтому, простите, я не буду обсуждать с Вами эти проблемы.

АЛЕКСЕЙ:

Хорошо. Спасибо, что рассказали мне эти... новости.

ЖИЛЬЯР:

Как Вы себя чувствуете, Алексей Николаевич?

АЛЕКСЕЙ:

Почти хорошо.

ЖИЛЬЯР:

Я все же позову врача. Он еще не был у Вас сегодня?

АЛЕКСЕЙ:

Уже был. Не надо. Евгений Сергеевич сам придет, перед обедом.

НАТ. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДВОРЕЦ. ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, ОКОЛО 11ч30м УТРА..

Александра прощается с офицерами Сводного гвардейского полка, который в 16ч должен быть заменен революционными прапорщиками и солдатами Царскосельского гарнизона. Она вручает им образки и маленькие подарки. Принимая образки, офицеры опускаются на одно колено.

ИНТ. БОЛЬШОЙ ЗАЛ ВО ДВОРЦЕ.

Александра собирает в зале свиту и прислугу.

АЛЕКСАНДРА:

Вы знаете все, что происходит. Я должна передать вам решение Временного правительства: все, кто не покинет дворец сегодня до 16 часов, будут считаться арестованными. Государь прибывает завтра утром. Я благодарю всех вас – вы свободны.

На экране – часы в зале дворца. Они показывают 13, 14, 16ч. Камера показывает главный въезд в парк дворца. Через него покидают дворец некоторые лица свиты. В 16ч. по

периметру ограды парка дворца происходит смена часовых; они, с красными бантами на шинелях, заходят также внутрь ограды, с любопытством осматриваются кругом. Александра смотрит на это из окна дворца; протирает стекло рукой. Как в дымке, видит Николая, в это же самое время стоящего на перроне в Могилеве и протирающего рукой стекло своего вагона. Их руки находят друг друга...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

8 марта с Царской семьей в Александровском дворце добровольно остались:

Обер-гофмаршал Павел Константинович Бенкендорф, фрейлины С.К. Буксгевден, А.В. Гендрикова и Юлия Александровна Ден, чтица Е.А. Шнейдер, врачи Евгений Сергеевич Боткин, Владимир Николаевич Деревенко, преподаватель французского языка и воспитатель Алексея швейцарец Пьер Жильяр. 9 марта к ним присоединился приехавший с Николаем генерал-майор Василий Александрович Долгоруков. Наставник Алексея, преподаватель английского языка Чарльз Гиббс, отлучившийся в Петроград накануне ареста Семьи, пытался вернуться в Александровский дворец на следующий день, но не был пропущен охраной. Он добился возвращения много позже, в начале осени 1917 года, через Керенского, и приехал в Тобольск 7 октября.

ЭПИЗОД 2.

Действующие лица: НИКОЛАЙ, МАРИЯ ФЁДОРОВНА (вдовствующая императрица), а также:

– Сандро – Великий Князь Александр Михайлович Романов (1866-1933), друг детства и юности Николая; муж сестры Николая (Ксении), отец Ирины, жены Феликса Юсупова; внук императора Николая Первого; в 1916-17гг – генерал-инспектор военно-воздушного флота; называл себя «мистическим масоном» и розенкрейцером, занимался спиритизмом;

– Сергей – Великий Князь Сергей Михайлович (1869-18.7.1918), брат Сандро, генерал-адъютант артиллерии;

– Мордвинов – Мордвинов А.А. (1870-?), флигель-адъютант, полковник Лейб-гвардии Кирасирского полка; остался верен Присяге в эти дни;

– Нилов – Нилов Константин Дмитриевич (1856-1919), адмирал, генерал-адъютант, флаг-капитан Императорской яхты «Штандарт»; остался верен Присяге в эти дни;

– Дубенский – Дубенский Дмитрий Николаевич (1857-1923), генерал-лейтенант Свиты, военный историк; один из немногих генералов в Ставке, остававшихся верным Присяге;

– Алексеев – Алексеев Михаил Васильевич (1857-1918), с августа 1915 г. – начальник штаба Верховного Главнокомандующего, в 1916 году – уже член масонской «Военной ложи», предавшей Николая в феврале 1917 года;

– Лукомский – Лукомский Александр Сергеевич (1868-1939), генерал-квартирмейстер Ставки (блестяще провел мобилизацию в августе 1914 г.), член «Военной логи»

– и другие генералы и офицеры штаба;

СПРАВКА:

1. В. Кобылин. Анатомия измены. – СПб, изд. «Царское дело», 2003, стр. 332-333

2. Е.Е. Алферьев. Император Николай Второй как человек сильной воли. – Свято-Троицкий монастырь, Джорданвиль, 1983, стр. 127-129.

НАТ. МОГИЛЕВ, СТАВКА. ИНТ. БОЛЬШОЙ ЗАЛ УПРАВЛЕНИЯ ДЕЖУРНОГО ГЕНЕРАЛА СТАВКИ. ОКОЛО ПОЛУДНЯ 8\21 МАРТА 1917.

На экране – Могилев, штаб. В большом зале собрались все чины штаба (и высшие, и низшие). Входит Николай, делает общий поклон. Обращается с короткой прощальной речью. Мордвинкин, Нилов, Дубенский (свита Государя) встают отдельно от чинов штаба.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Из дневника Николая Второго:

8 марта, среда. Последний день в Могилеве. В 10 ч. подписал прощальный приказ по армиям. В 10.1\2 ч. пошел в дом дежурства, где простился со всеми чинами штаба и управ-

лений.

НИКОЛАЙ:

Благо Родины, необходимость предотвратить ужасы междоусобицы и гражданской войны, а также создать возможность напрячь все силы для продолжения борьбы на фронте – заставили меня отречься от Престола в пользу моего брата Великого Князя Михаила Александровича... Он, в свою очередь, отрекся от Престола... Власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Только что я подписал последний приказ по армиям.

Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжении двух с половиной лет на всех фронтах наши солдаты и офицеры несли ежечасно тяжелую боевую службу. Много пролито крови, много сделано усилий и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает о мире, кто желает его – тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит.

В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые войска, офицеры и генералы штаба. Исполняйте ваш долг – за-

ищайте доблестную нашу Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайте ваших начальников. Да благословит вас Бог и да ведет вас к победе Святой великомученик и Победоносец Георгий.

Николай начинает обход всех чинов штаба: целует генерала Алексеева, прощается с остальными (каждому подавая руку), останавливаясь и разговаривая с некоторыми. Напряжение в зале достигает невыносимого предела. Сначала слышны отдельные сдавленные рыдания; некоторые плачут молча – слезы текут по лицу; через некоторое время кто-то уже не может сдержать рыданий. У двух чинов начинается истерический припадок. Один из рослых нижних чинов, стоявших навытяжку, странно охнув, во весь рост падает в обморок... Николай, вздрагивая всем телом, не выдерживает: обрывает обход. Кланяется всем и, вытирая глаза, быстро выходит из зала.

НАТ. МОГИЛЕВ, ВОКЗАЛ. ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, 16ч30м – 16ч45м.

На экране – Могилев, вокзал. Два поезда – Царский и Киевский (в котором приехала и уезжает Мария Федоровна).

ИНТ. КУПЕ ПОЕЗДА МАРИИ ФЕДОРОВНЫ.

В купе Марии Федоровны – она, Сандро, Сергей и Николай. Встают из-за стола, прощаются. Николай старается подбодрить свою мать. Он осыпает поцелуями ее лицо. Потом

поворачивается к Сандро (друг детства и юности), обнимаются. Николай выходит, пересекает платформу, останавливается у вагона своего поезда.

НАТ. ПЛАТФОРМА ВОКЗАЛА.

Николай видит большую толпу простых людей близ перрона. Они грустно и подавленно молчат, у многих на глазах слезы. Николай молча опускает голову, протирает рукой широкое зеркальное окно своего вагона, – видит в нем как бы сквозь дымку Александру, протирающую рукою окно в Александровском дворце – в тот же самый час. Их руки соприкасаются по разные стороны стекла... Николай отводит взгляд, удивленно смотрит на потрескавшуюся краску внешней обшивки вагона; затем входит в свой салон-вагон.

Члены Думы (четверо: Бубликов, Грибунин, Калинин, Вершинин), прибывшие в Ставку, чтобы конвоировать Николая до Петрограда, подходят к генералу Алексееву ижимают ему руку. Они дружелюбно раскланиваются. Алексеев входит в вагон Николая.

ИНТ. ВАГОН-САЛОН НИКОЛАЯ.

АЛЕКСЕЕВ:

Ваше Величество... Для Вашего же блага... Во избежание эксцессов... По решению Временного правительства, Вы должны считать себя как бы арестованным. В последнем вагоне Вас будут сопровождать четыре депутата Думы.

Николай, побледнев, отворачивается от Алексева. Алексеев выходит из вагона, встает напротив его окон.

НАТ. ПЛАТФОРМА ВОКЗАЛА.

Паровоз свистит, Царский поезд медленно трогается. Николай стоит в широком зеркальном окне своего вагона. Он улыбается и машет рукой. Его лицо бесконечно грустно. Он одет в простую блузу защитного цвета с орденом Св. Георгия на груди.

Алексеев отдает честь Государю. Вагоны проплывают мимо него. На площадке (в дверях) последнего вагона – четыре депутата Думы. Алексеев снимает фуражку, низко кланяется им.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Из дневника Николая Второго:

«8 марта, среда. ...Прощался с офицерами и казаками конвоя и Сводного полка – сердце у меня чуть не разорвалось! В 12 час. приехал к мам'а в вагон, позавтракал с ней и её свитой и остался сидеть с ней до 4 1/2 час. Простился с ней, Сандро, Сергеем, Борисом и Алексом. Бедного Нилова не пустили со мною. В 4.45 уехал из Могилёва, трогательная толпа людей провожала. 4 члена Думы сопутствуют в моем поезде!

Поехал на Оршу и Витебск. Погода морозная и ветреная.

Тяжело, больно и тоскливо».

ЭПИЗОД 3.

Действующие лица: НИКОЛАЙ, АЛЕКСАНДРА, их дети, а также:

– Кобылинский – Кобылинский Евгений Степанович (1879-1927), полковник Лейб-гвардии Петроградского полка, фронтовик; в 1917 – начальник Царскосельского гарнизона, 8 марта был назначен Корниловым начальником караула и затем комендантом Александровского дворца, впоследствии и губернаторского дома в Тобольске; отличался преданностью Царской семье;

– Лили – Ден Юлия Александровна, жена капитана первого ранга (командира крейсера), подруга Императрицы – по отзывам ее знавших, воплощение здравого смысла и порядка;

– Вырубова – Вырубова Анна Александровна (1884-1964), фрейлина и ближайшая подруга императрицы; располневшая и несколько постаревшая, сильно хромает (после жд катастрофы 1915г); в эти дни – больна корью, как и все царские дети (Мария тоже заболела после 3 марта);

– Демидова – Демидова Анна Степановна (? -16.7.1918), комнатная девушка Императрицы;

НАТ. ЦАРСКОЕ СЕЛО, ВОКЗАЛ. 9\22МАРТА 1917, 11 УТРА.

На экране – Царскоесельский вокзал. 11 ч. утра. Прибы-
вает Царский поезд. Его встречает новый начальник карау-
ла, полковник Кобылинский. Из своего вагона выходит Ни-
колай, в папаше и шинели солдатского сукна, желтая кожа
обтягивает скулы. С ним из вагона выходит гофмаршал Дол-
горуков; за ним его ординарец, вахмистр Пилипенко. Кобы-
линский докладывает Николаю. В это время из других ваго-
нов поезда выходят лица свиты, – и многие из них быстрым
шагом, едва ли не бегом, покидают вокзал. Бегут от страха
ареста.

Николай, Долгоруков, Пилипенко и Кобылинский идут к
двум автомобилям, ждущим их (во втором –революционные
солдаты охраны). На переднее сиденье садится Пилипенко,
сзади – Николай и Долгоруков. Моторы едут к Александров-
скому дворцу.

**НАТ. ВЪЕЗД В АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДВОРЕЦ. ТОТ
ЖЕ ДЕНЬ.**

У ворот – два прапорщика с красными бантами, коман-
дуют: «Открыть ворота бывшему царю». Автомобиль царя
въезжает в парк, подъезжает к главному подъезду. Внутри
парка – часовые, у подъезда – не слишком безукоризненные
прапорщики.

ИНТ. КОМНАТА ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ ВО ДВОР-

ЦЕ, ЗАТЕМ КОРИДОРЫ ДВОРЦА И ВЕСТИБЮЛЬ; НАТ. ВХОД ВО ДВОРЕЦ. ТОТ ЖЕ ДЕНЬ.

Камера показывает игральную комнату Алексея; он – в постели. Александра разговаривает с ним. В комнату заглядывает Демидова.

ДЕМИДОВА:

Государыня, Он приехал! Алексей Николаевич, Ваш батюшка приехали!

Александра порывисто целует мальчика, легко бросается к двери, бежит по коридору – как пятнадцатилетняя девочка! Пробегает мимо Лили, идущей к Вырубовой, не замечая ее. Легко бежит по длинным коридорам дворца, вбегает в вестибюль, замедляет шаг, улыбается Николаю. Обнимают и страстно целуют друг друга – на виду у двух прапорщиков и камердинера (Волкова).

ИНТ. КОРИДОРЫ ДВОРЦА.

Идут по коридорам, одни. Останавливаются, смотрят друг на друга влюбленными глазами. Александра рукою как бы протирает стекло между ними. Николай, понимающе улыbnувшись, протирает это невидимое стекло со своей стороны; их ладони находят друг друга.

НИКОЛАЙ

(осматриваясь в длинном пустом коридоре):

Вот... Вот мы и вошли... В наш Ноев Ковчег...

АЛЕКСАНДРА:

Да, милый, да... В наш Ноев Ковчег!

СПРАВКА:

Из дневников Николая Второго:

9-го марта. Четверг

Скоро и благополучно прибыл в Царское Село – в 11ч. Но, Боже, какая разница, на улице и кругом дворца, внутри парка часовые, а внутри подъезда какие-то прапорщики! Пошёл наверх и там увидел душку Аликс и дорогих детей. Она выглядела бодрой и здоровой, а они все лежали в темной комнате. Но самочувствие у всех хорошее, кроме Марии, у кот[орой] корь недавно началась. Завтракали и обедали в игровой у Алексея. Видел доброго Бенкендорфа. Погулял с Вале́й Долгоруковым и поработал с ним в садике, т. к. дальше выходить нельзя! После чая раскладывал вещи. Вечером обошли всех жильцов на той стороне и застали всех вместе.

СЦЕНА 4\10. 13(26 н.с.) октября 1917 года. Тобольск – Фатима.

Действующие лица: НИКОЛАЙ и АЛЕКСАНДРА, их дети (Ольга (1895 г.р.), Татьяна (1897 г.р.), Мария (1899 г.р.), Анастасия (1901 г.р.), сын Алексей (1904 г.р.), а также:

– Гиббс – Чарльз Сидней Гиббс (1876-1963), гувернер,

преподаватель английского языка у царских детей. Подробнее о нём см. в справке 1й сцены 1й серии.

– Кобылинский – Кобылинский Евгений Степанович (1879-1927), полковник Лейб-гвардии Петроградского полка, фронтовик; в 1917 – начальник Царскосельского гарнизона, 8 марта был назначен Корниловым начальником караула и затем комендантом Александровского дворца, впоследствии и губернаторского дома в Тобольске; отличался преданностью Царской семье;

Место и время действия:

13\26 октября 1917 года. Тобольск, дом губернатора.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРОЛОГУ ФИЛЬМА (к сцене 1)

На экране надпись: «13 октября 1917 года, Тобольск».

ИНТ. Комната Николая на втором этаже дома губернатора. Вечер, солнце невысоко над горизонтом.

Николай задумывается, закуривает папиросу, продолжает.

НИКОЛАЙ:

Я часто вспоминаю пророчества Святого Серафима императору Александру I. Вы слышали о них? Нет? Существует легенда, что царь Александр I Благословенный посетил старца, и тот сказал ему. «Продлится род твой триста лет и три года. Начался он в доме Ипатьева и кончится в доме Ипатьева. Начался с Михаила и кончится Михаилом».

ГИББС

(шепотом, про себя):

Боже милостивый...

НИКОЛАЙ:

Я читал эти пророчества... Он говорил еще много другого, что мне не совсем понятно, – что на мощах его будет построена кузница дьявола для уничтожения всего рода человеческого, что Россия будет затоплена кровью за грехи ее. Но Господь милостив. Он даст России восстать из руин и пепла, о чем предупредит всех русских людей чудесными знаменами в святой день Преображения Господня. Старец также говорил о чудесном отроке, который, явившись, избавит Русь от скверны черного язычества. Вы видите, Гиббс, как все это совпадает со словами португальской девочки из Фатимы?

Николай осеняет себя крестным знамением; продолжает.

НИКОЛАЙ:

Видит Бог, что я любил Россию и ее народ, врученный мне Господом. Я пытался исправить ошибки моих предков, боявшихся дать русскому народу свободу. Я дал все, и я же был проклят. После смерти отца, когда я воспринял его престол, мне показалось, что я окунулся в какой-то водоворот. Этот водоворот крутил меня, не давая опомниться, все двадцать три года и выкинул сюда, в Тобольск, как в од-

ной из новелл Эдгара По.

Николай печально улыбнулся, и в его добрых глазах не было ни скорби, ни страха, а какое-то мистическое спокойствие понимания невозможности борьбы со всемогущим Роком.

ГИББС:

У нас, в Англии, многие экономисты отмечали царствование Вашего Величества как совершенно небывалое явление в истории русского государства. Я никогда не поехал бы в Петербург, если бы не знал из газет и от сведущих людей, что в России, благодаря усилиям Вашего Величества, началась светлая эпоха свободы и процветания. Как будто кто-то поднял черный занавес, закрывающий рай...

НИКОЛАЙ

(как будто не слушая Гиббса):

Я родился в день Иова-великомученика. – Все, родившиеся в этот день, живут под каким-то проклятием. И я постоянно чувствовал, что оно висит надо мной, хотел вывести страну из средневекового тупика. Я воспользовался советами таких умных людей, как Бунге и Витте, которые считали, что стоит проложить достаточное количество железных дорог, и страна въедет по ним в европейскую цивилизацию. Мы построили самую большую по протяженности железную дорогу до Владивостока и в итоге получили войну с Японией, закончившуюся катастрофой.

Разобравшись, что хочет от меня народ, все сословия, я дал им это: полную свободу самовыражения, свободу партий и союзов, промышленникам и купцам – мизерные налоги и протекцию государства, рабочим – сильную социальную защиту, крестьянам – поддержку властей и землю.

Я мечтал о семейном счастье, я безумно любил и люблю свою бедную жену, но у нас неизлечимо больной сын, родившийся в разгар японской войны. Может быть, Господь уже тогда предостерегал меня за мои грехи? Я приложил все усилия, чтобы не допустить Мировой войны – но она началась...

ГИББС (сдерживая слезы):

Деятельность Вашего Величества увенчалась бы полным успехом, если бы не эта проклятая война, разразившаяся среди христиан, подобная Божьему гневу, упавшему на Содом и Гоморру...

НИКОЛАЙ (со вздохом душевной боли, почти шепотом):

Если бы тогда не ранили Григория Ефимовича, Царство ему Небесное, он бы сделал все, чтобы Россия не вступила в эту злосчастную войну. Он предостерегал меня. Он говорил фактически то же, что Святой Серафим и эта португальская пастушка. Григорий Ефимович был просветлен Богом и мог бы это сделать... Но не я, не я, Гиббс, начал эту войну! И – за что вместе со мной прокляли и Россию? Я вижу, что это произошло, но не понимаю, почему.

Все это Николай говорит без тени истерики, тихим и спокойным голосом (Император умел держать себя в руках при любых обстоятельствах).

ГИББС (тихо, потрясенный):

Ваше Величество... мне кажется сейчас, что я присутствую не при обычном катаклизме, порожденном европейской войной и русской революцией, а действительно при исполнении Воли Божьей.

За окном очень красивый закат солнца. Оба смотрят на него.

НИКОЛАЙ (тихо, сам себе):

Что было с нами 13 июля, когда Богородица в Фатиме рассказала детям о России? (берет свой дневник, листает его) Да... вот... Невыносимая жара... Все Царское было в дыму и гари... От горящих торфяников... Дышать было тяжело...

ГИББС:

Что, Ваше Величество?

НИКОЛАЙ:

Эта девочка... Лючия... Она святая... Она будет прославлена Ватиканом и канонизирована как святая...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

14 февраля 2005 года в возрасте без малого 98 лет монахиня Люсия умерла. Это произошло на православное Сретенье, когда в храмах читают строки Евангелия о старце Симеоне («Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко...») и пророчице Анне. Через 47 дней, 2 апреля 2005 года умер и Иоанн Павел II, прославивший ее как святую.

В ноябре 2008 года пресс-служба Ватикана сообщила, что доступ к неопубликованной части дневников монахини Люсии (так называемая «Третья тайна Фатимы») будет открыт не ранее 2014 года. По словам неназванных источников, в документе есть упоминания о будущем России, пророчества о покушении на Папу Римского, и о финансовом кризисе, который вновь обратит мир к Богу.

СПРАВКА:

Из Дневников Николая Второго, 1917:

6-го октября. Пятница

Ясный, холодный день. Узнали о приезде вчера mr. Gibbs, но его ещё не видели, вероятно, потому, что привезенные им вещи и письма не подверглись осмотру! Начал шестой том Лескова.

7-го октября. Суббота

Ночью было 9° мороза. Днём ясно, но довольно холодно, рукам в особенности. Наконец, появился mr. Gibbs, который рассказывал нам много интересного о жизни в Петрограде.

В 9 час. у нас была отслужена всенощная.

О Фатиме и разговоре Николая с Гиббсом см.:

1. И. Бунич. Династический рок. – Киев, «А.С.К.», СПб, «Облик», 1997, стр.321-331.
2. Charles Gibbs “The House of Special Purpose” (by John Courtenay Trewin), – N-Y, 1975
3. Фатима. Брюссель, 1991.
4. Матушка Лючия рассказывает о Фатиме (составитель Луис Кондор). Fatima – Portugal, 1991.
5. Иличио Феличи. Знамение свыше. Рассказ о Фатиме. Варшава, 1992.
6. Стахович М. А. Верить ли Ватикану. Издание Сретенского монастыря. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, 1997.

СЦЕНА 5\10. 17 (н.с.) марта 1918 года. Тобольск – Масленица.

Действующие лица: НИКОЛАЙ и АЛЕКСАНДРА, их дети, а также:

- Коля – мальчик 13 лет, ровесник Алексея, его товарищ по играм в Тобольске;
- Гиббс – Чарльз Сидней Гиббс (1876-1963), губернёр, преподаватель английского языка у царских детей;
- Жильяр – Пьер Жильяр (1879-1962), швейцарец, губернёр, преподаватель французского языка у царских детей и исполняющий обязанности воспитателя Наследника Цесаревича;

вича;

– Панкратов – Панкратов Василий Семенович (1864-?), назначенный Временным правительством (лично Керенским) комиссар «по охране семьи бывшего императора»; эсер, отсидевший 14 лет на каторге; гуманист, хорошо относился к Царской семье, особенно привязался к детям; видел в большевиках главную опасность для России; маленького роста (Николай называл его «маленький человек»)

– Аксюта – капитан Аксюта, заведовал хозяйством отряда Кобылинского в Тобольске (330 человек); сочувствовал Царской семье, был посвящен в их планы;

– Кобылинский – Кобылинский Евгений Степанович (1879-1927), полковник Лейб-гвардии Петроградского полка, фронтовик; в 1917 – начальник Царкосельского гарнизона, 8 марта был назначен Корниловым начальником караула и затем комендантом Александровского дворца, впоследствии и губернаторского дома в Тобольске; отличался преданностью Царской семье;

– солдаты отряда Кобылинского (после демобилизации старослужащих в феврале 1917 – много молодых, революционно настроенных, наглых и хамоватых);

– веселые толпы (Масленица!) на улицах Тобольска;

Место и время действия:

17 (н.с.) марта 1918 года. Тобольск.

НАТ. ТОБОЛЬСК, ДОМ ГУБЕРНАТОРА («ДОМ СВОБОДЫ»). 17 МАРТА 1918.

На экране – панорама губернаторского дома в Тобольске. Ясный солнечный день, снег тает на солнце. На улицах – веселая Масленица. По улице Свободы, за высоким сплошным забором дома, проезжают туда и обратно сани; звон Колокольцев, бубенцов, звуки гармонии, песни.

Алексей ходит вдоль забора со своим ровесником Колей. Они играют в снежки, потом снова ходят вдоль забора. Видно, что Алексею грустно. Он смотрит на недавно (5 марта) разрушенную молодыми солдатами ледяную горку, которая с января была центром игр и развлечений всех царских детей.

АЛЕКСЕЙ:

Как весело было! Каждый день катались... Пока новые солдаты не пришли в отряд служить. Пришли и разрушили горку...

КОЛЯ:

Да, зачем разрушили?! И я с вами тут играл. И кофе вам теперь не дают, и масла не дают, – я заметил за обедом...

АЛЕКСЕЙ:

А по вечерам мы с Папа иногда ходили в караульное, со старыми солдатами разговаривали. Они рассказывали нам про свою жизнь, про свою деревню. Интересно было. Они – добрые, хорошие. И в шашки я с ними играл. Теперь и это

нельзя. Солдаты ругаются матом...

КОЛЯ

(прислушиваясь к веселью за забором):

Я в шашки тоже умею.

АЛЕКСЕЙ:

Коля, я же вижу, ты на улицу хочешь... Там весело... Иди.

Я с сестрами здесь погуляю – вон они из дома идут...

КОЛЯ

(видит выходящих из дома сестер Алексея):

Ладно, я завтра снова приду! Не скучай! Завтра поиграем

в шашки с тобой?

АЛЕКСЕЙ:

Поиграем! До свидания, Коля.

Коля уходит. К Алексею подбегает Анастасия.

АНАСТАСИЯ

(шепотом):

к Папа пришел Аксюта, они в комнате заперлись. И Мама там. А Кобылинский в городе.

АЛЕКСЕЙ:

Ну и что? Капитан иногда заходит к Папа и без полковника. И потом, Настя, Евгений Степанович тоже за нас. Они с Аксютой вместе – за нас.

АНАСТАСИЯ:

Нет, нет. Папа сказал мне погулять. Они там секреты

обсуждают.

АЛЕКСЕЙ:

Настя, это их секреты. Какая ты любопытная.

АНАСТАСИЯ:

А тебе что, не интересно совсем? Может... Может они... план побега готовят?

АЛЕКСЕЙ:

Папа и Мама не хотят бежать из России...

АНАСТАСИЯ:

Откуда ты знаешь? ... Здесь скучно! Сил нет уже. Вон как там веселятся!

АЛЕКСЕЙ:

Всем скучно. Думаешь, если сбежим, веселее будет? Хотя... конечно, веселее... Но куда бежать-то?

АНАСТАСИЯ:

Все равно куда! Весна, скоро тепло будет! Большевики не везде в России правят. Можно дальше в Сибирь, в деревню какую-нибудь.

АЛЕКСЕЙ:

Конечно... В деревне веселей бы было. Мы бы все работали...

АНАСТАСИЯ:

Как все крестьяне. Папа все умеет, и нас научит. Оля вчера сказала, что дальше за Тобольском, в деревнях – как было все до революции, так и осталось. И нет там большевиков, и Временного правительства не было! Там все как раньше!

АЛЕКСЕЙ:

Конечно, было бы здорово! Но...

АНАСТАСИЯ:

Что «но»?! Нас почти и не охраняют! Легко убежим все!

И ты здоров, слава Богу!

АЛЕКСЕЙ

(грустно):

Большевики нас будут искать, куда бы мы ни убежали...

Если бы еще оружие у нас было... А у Папы и кинжал даже отобрали...

АНАСТАСИЯ:

А ты стрелять умеешь... из пулемета?

АЛЕКСЕЙ:

Спрашиваешь! Я же с Папа на фронте был! Меня учили там стрелять, боевые офицеры учили. Но...

АНАСТАСИЯ:

Что «но»?! Опять но?

АЛЕКСЕЙ:

В людей стрелять... Это только на войне можно, во врага. А в своих же, русских... Нельзя! Это только большевики стреляют в русских же.

АНАСТАСИЯ

(грустно):

Да, нельзя в своих же... Но все равно! Мы с тобой сбежим! Когда ни будь – обязательно сбежим! А хоть бы и за границу! В Англию, или... в Данию!

АЛЕКСЕЙ:

Сбежим, конечно. Если уж деваться некуда будет.

Алексей и Анастасия идут дальше, вдоль забора, продолжая разговор. В ворота входит Панкратов. Его видят Ольга, Мария и Татьяна, идут к нему; тепло здороваются.

ТАТЬЯНА

(улыбается):

Василий Семенович, мы вас два дня не видели, соскучились.

МАРИЯ:

Что нового в мире? В Петрограде?

ПАНКРАТОВ:

Лучше не спрашивайте! Большевики доведут Россию до катастрофы! Уже довели!

ОЛЬГА:

А сюда они дойдут?

ПАНКРАТОВ:

Боюсь, что дойдут. И скоро дойдут.

ТАТЬЯНА:

Почему так много русских людей им верит?

ПАНКРАТОВ:

Врут красиво! Все лозунги у нас украли, и громче всех кричат! И потом, они ни в чем не сомневаются, беспощадные они. Сила – солону ломит. А наши мужик силу уважает! По-

ка они самого мужика к ногтю не придавят...

МАРИЯ:

Придавят?

ПАНКРАТОВ:

*Еще как придавят! Не сомневаюсь! Я их знаю, еще по ка-
торге..., и возди их – что Ленин, что Троцкий – они Рос-
сию не любят, им на Россию плевать. Вот этого ни рабочие
не понимают, ни крестьяне. А поймут – боюсь, поздно уже
будет.*

ОЛЬГА:

*Василий Семенович... Я помню, еще в январе Папа читал
в газетах, что нас вышлют за границу, как только соберут
Учредительное собрание. Это правда?*

ПАНКРАТОВ:

*Мало ли что пишут в наших газетах! К тому же – вы же
знаете – большевики Учредительное собрание и разогнали...*

ТАТЬЯНА:

*Но ведь вы, партия эсеров, все же хотите его собрать
здесь, в Сибири?*

ПАНКРАТОВ:

Хотим... Только сложно это...

МАРИЯ: *А мы на днях все вместе с Папа это обсуждали.
Что делать, если все же решат выслать нас за границу.*

ПАНКРАТОВ

(улыбается):

И что же решили, если не секрет?

МАРИЯ:

Не секрет. Папа сказал – мы лучшие в России останемся.

Пусть нас сошлют подальше в Сибирь.

ОЛЬГА:

и Мама так сказала...

ПАНКРАТОВ

(сентиментально):

Милые вы мои... Красавицы... Бог его знает, что дальше будет... Я попозже вечером еще здесь буду – поговорим. А сейчас – простите – должен свои бумаги здесь взять и в комитет в город идти.

ТАТЬЯНА:

В комитет партии эсеров? ПСР?

ПАНКРАТОВ:

Да, совещание там у нас... По партийным делам...

ИНТ. БОЛЬШАЯ КОМНАТА ИМПЕРАТРИЦЫ В ДОМЕ ГУБЕРНАТОРА.

На экране – большая комната Александры на втором этаже дома. В ней – она, Николай, Аксюта, Жильяр и Гиббс. Разговор идет на английском и французском. Жильяр отходит от окна, садится за стол. Разговор продолжается.

АКСЮТА

(по-французски):

Ушел Панкратов?

ЖИЛЬЯР:

Да, ушел. Продолжим.

АКСЮТА:

Итак, полковник и я в последние две недели разработали план побега. Скоро в Тобольск войдут большевистские отряды из Екатеринбурга. Тогда будет поздно. Вы понимаете, что большевики заменят всю охрану, и меня, и Кобылинского. Вот тогда никаких шансов на побег не будет.

ГИББС:

Наглость молодых солдат из вашего отряда уже сейчас превосходит все, что можно вообразить!

ЖИЛЬЯР:

Я еще видел столь гнусного поведения солдат!

АКСЮТА:

Я все знаю. Солдатским комитетом руководят негодяи, сочувствующие большевикам. Но молодые, новобранцы, не смогут помешать побегу. Они наглы, но службу несут небрежно. Поверьте мне и полковнику, это не будет проблемой. Необходимо решить сейчас принципиальный вопрос: Вы, Ваши Величества – Вы готовы к побегу? Вы готовы принять наш план?

НИКОЛАЙ

(задумчиво):

С точки зрения организации, с военной точки зрения – я был бы готов принять ваш план, господин капитан. Не скрою, я и Ее Величество... Я и Аликс... Мы испытываем в

последние дни жгучую тревогу – именно в связи с предстоящим приходом большевиков. Прежде всего, конечно, за детей. Мы не можем бежать отдельными группами – как вы предлагаете. Это первое.

АКСЮТА:

Простите, Ваше величество, по-другому нельзя. Не получается.

НИКОЛАЙ:

Есть и второе соображение, которое останавливает меня. В такое тяжелое время, переживаемое Россией, ни один русский не должен покидать Россию..., и я не собираюсь куда-либо бежать... И буду ожидать здесь своей участи.

АКСЮТА:

Поверьте, Ваше величество, нигде в России Вы не найдете теперь безопасного для Вас убежища. Большевики будут искать Вас везде. И найдут. Этот красный спрут быстро опутывает всю Россию.

АЛЕКСАНДРА

(по-русски):

Господин капитан, мы очень благодарны Вам и Евгению Степановичу за все, что вы делали и делаете для нас и наших детей – для облегчения нашей участи здесь... И за этот смелый план, который вы предлагаете нам, рискуя своими жизнями.

АКСЮТА:

Поверьте, Ваше величество, мы рискуем теперь не более,

чем рискуете Вы, оставаясь здесь!

АЛЕКСАНДРА:

Я понимаю. Но... Я ни за что на свете не хочу покидать России, так как мне кажется, что, если нам придется уехать за границу, – это значит порвать последнюю нить, связывающую нас с прошлым... Мне кажется, что это прошлое погибло бы безвозвратно.

ГИББС:

Господи, неужели во всей России не найдется несколько сотен или даже хотя бы десяти смелых и честных людей, – боевых офицеров, – которые силой оружия освободили бы Царскую семью из заточения?! Господин капитан, мне кажется, я понимаю доводы Их величеств: можно быть освобожденными своими сторонниками извне и остаться жить в России, но стыдно бежать из заточения тайком, и за границу...

Николай и Александра переглядываются. Александра хочет что-то сказать – Николай едва заметно отрицательно качает головой.

ЖИЛЬЯР:

Я тоже понимаю это, но все же... Ваши величества, никогда еще обстоятельства не были более благоприятны для побега, чем сейчас, когда командующие охраной – господин полковник и господин капитан – сами предлагают план по-

бега, а большевиков еще нет в Тобольске и в Сибири!

АЛЕКСАНДРА:

Господин Гиббс, месье Жильяр! Мы очень благодарны Вам за ваше жертвенное служение здесь, в заточении с нами. Я благодарна Вам также за то, что Вы верно чувствуете то, что переживаем и чувствуем мы... Мы не можем принять ваш план, господин капитан... Мы будем полагаться на волю Божью...

ИНТ. КОМНАТА АЛЕКСЕЯ В ДОМЕ ГУБЕРНАТОРА.

На экране – комната Алексея (рядом с комнатой Николая), вечер 17 (н.с.) марта 1918 года. С улицы доносится пьяный шум, слышны матерные слова. Алексей вздыхает, открывает свой дневник, перелистывает его, тихо говорит:

АЛЕКСЕЙ:

Скучно! Сегодня как вчера, завтра как сегодня. Господи, помоги нам! Господи, помилуй!

СПРАВКА:

1. П. Жильяр, Д. Жирарден. Рядом с Царской семьей. – М., «Вече», 2006, стр.264-266
2. Роберт Мэсси. Николай и Александра. – М., «Захаров», 2003, стр.577-579.
3. Э. Радзинский. Николай Второй. – М., «Вагриус», 2003, стр.266-273.

ЛИТЕРАТУРА

ИМПЕРАТОР, КОТОРЫЙ ЗНАЛ СВОЮ СУДЬБУ

1. “Житие преподобного Авеля прорицателя”, изд. Свято-Троицкого Ново-Голутвинского монастыря, 1995.
2. Э. Радзинский. Николай II. Жизнь и смерть. – «Вагриус», М., 2003.
3. Фредерик Форсайт. Икона. – «АСТ», М., 1998.
4. «Независимая» газета, 18 марта 2002 года, интервью с принцем Майклом Кентским («Я чувствую глубокую привязанность к вашей стране»)
5. Louis Hamon. Fate in the Making Revelations of a Lifetime. – N-Y, London, 1931
6. Луис Хамон. Энциклопедия хиромантии. Искусство толкования судьбы от древности до наших дней. – М., 2002
7. Б. Романов. Русские волхвы, астрологи, провидцы. – «Роза Мира», СПб, 1998.
8. Томас Сьюгру. Река жизни. История великого ясновидящего Эдгара Кейси. – М., 1994.
9. Журнал «Русская старина», 1875г., Т.1, №№1-4, Предсказатель монах Авель. Там же его собственные записки: «Житие и страдание отца и монаха Авеля»
10. Журнал «Русский архив», 1878г., Кн.2., «Прорицатель Авель. Новые подлинные сведения о его судьбе: Дело о крестьянине вотчины Льва Александровича Нарышкина Васи-

лии Васильеве, находящемся в Костромской губернии в Бабаевском монастыре под именем иеромонаха Адама, а потом названного Авелем, и о сочиненной им книге на 67 листах. Начато марта 17-го 1796 г.»

11. С. Нилус. На берегу Божией реки. – Издание Сретенского монастыря, М., 2003, (из дневников 1909 года)
12. «Россия перед Вторым Пришествием» (сост. С. Фомин), М., 1998.
13. Ю. Росциус. Синдром Кассандры. – М., 1996.
14. Кирибеевич (П.Н. Шабельский-Борк). Вещий инок. Историческое сказание. – журнал «Земщина», 1991, №28 (45), 1992, №67. Первое издание: Берлин, 1931.
15. С. Витте. Воспоминания. – М., 1960, т.2
16. Святой Преподобный Серафимъ, Саровскій Чудотворецъ. – Изд. Русскаго Св. Андреевскаго Скита на Афоне, 1903, репринт Свято-Введенской Оптиной Пустыни, 1990.
17. С. Нилус. Великое в малом. – «Православный паломник», СПб, 1996
18. «Дивеевские предания», М., 1992
19. Журнал Валаамского общества Америки “Русский паломник”, 1990
20. С. Пушкарев. Обзор русской истории. – 1е издание 1953г., New Haven, Conn, 2е издание, М., 1987
21. А. Буркин. Начало. – ОАО «Купина», М., 1997
22. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) "Русь Соборная" – в журнале "Наш современник"

менник", № 2, 1995

23. Книга Иова. Ветхий Завет.

24. Карл Густав Юнг. Ответ Иову. – «Канон», М., 1995

25. Евангелие Луки. Новый Завет.

26. Второе Послание апостола Павла Коринфянам. Новый Завет.

27. Откровение Иоанна Богослова. Новый Завет.

28. Анри Труайя. Распутин. – Пер. с франц., Ростов на Дону, «Феникс», М., 1997.

29. О.А. Платонов. Жизнь за царя. – СПб, 1996.

30. Д.А. Коцюбинский, А.П. Коцюбинский. Распутин – тайный и явный. – СПб, «Нева», 2004.

31. Э. Радзинский. Распутин. – «Вагриус», М., 2003

32. «Повесть временных лет», с комментариями Д. Лихачева, СПб, 1996

33. И. Бунич. Династический рок. – Киев, «А.С.К.», СПб, «Облик», 1997.

34. Charles Gibbs “The House of Special Purpose” (by John Courtenay Trewin), – N-Y, 1975

35. Александра Дэви-Ноел Посвящения и посвящённые в Тибете. – ОРИС Санкт-Петербург 1994

36. Ю.Ю. Воробьевский. Мистика фашизма. – СПб, 2003.

37. Роберт Мэсси. Николай и Александра. – М., 2003

Автор:

Борис Романов

Санкт-Петербург

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ (под вопросом, надо ли это):

"Это все Божья милость, что будущее сокрыто от нас и мы не знаем заранее о будущих ужасных несчастьях и испытаниях; тогда мы не смогли бы наслаждаться настоящим и жизнь была бы лишь длительной пыткой"

(Из письма императрицы Марии Федоровны сыну, великому князю

Георгию Александровичу)

Примечание: ее сын Георгий (род. 26 апреля 1871г.) умер в 1899 г, так что это письмо до 1899г., в счастливые годы ее жизни.

26 апреля (9 мая н.с). 1917 г. Среда.

Поскольку мне так и не вернули три моих дневника, я вынуждена продолжать мои записи в новой тетради с 26 апреля. В этот день в 5 1/2 часа утра, когда я еще крепко спала, меня неожиданно разбудил стук в дверь. Дверь была не заперта, и я с ужасом в полумраке разглядела мужчину, который громким голосом объявил, что он послан от имени правительства для проведения в доме обыска на предмет выявления сокрытых документов, которые ему в случае их обнаружения при-

казано конфисковать. В первый момент я подумала, что это пришел Сандро, чтобы сообщить мне дурную весть, и очень испугалась. Но когда я услышала голос незнакомого человека, который назвался морским офицером и поставил караул у моей постели, я не могла поверить своим ушам. Потом, несмотря на мои настойчивые возражения, на которые никто не обратил ни малейшего внимания, они отдернули полог, и лейтенант сказал, что теперь я могу встать с постели. Разумеется, я отказалась сделать это в присутствии его и других мужчин, но не успела я произнести ни единого слова, как появилась молодая отвратительная особа в шляпке на шнурке и в коротком платье. Она наглым образом встала у моей постели, а лейтенант и караульный вышли из комнаты. Она уставилась на меня и даже не отвернулась, когда я, будучи совершенно вне себя из-за такого неслыханного обращения, вскочила с постели. Я едва успела набросить на себя халат и надеть домашние туфли, как вернулись офицер с караульным. Поскольку я была лишь в легком одеянии и с "прекрасной" ночной прической, мне ничего не оставалось, как спрятаться за ширму, в то время как эта дрянь начала срывать с постели все белье, простыни вместе с подушками и матрасом на пол, чтобы посмотреть, не спрятаны ли там какие документы. Лейтенант, правда, оказался все-таки достаточно любезен и принес мне стул, а сам занялся моим письменным столом и, выдвинув ящики, вытряс все в них находившееся в большой мешок, который держал перед ним матрос. Было

невыносимо видеть, как он и еще двое рабочих роются в моих вещах. Все фото[графии], все бумажки, на которых было хоть что-то написано, эти негодяи забрали с собой. Я резко выразила им свое неудовольствие; правда, не помню точно, что именно я говорила, настолько я была вне себя. Помню только, как офицер довольно обиженным тоном заявил: "Вы меня оскорбляете", на что я резко ответила: "Не я вас оскорбляю, а вы – меня".

Они открыли все мои ящики, даже те, в которых хранились драгоценности. Все-все перерыл он и двое мерзких рабочих, которые шныряли по моим шкафам, прощупывая каждую юбку, каждое платье, пытаюсь найти что-то скрытое в них. Даже икону, подаренную мне моими родными 28 октября, они взяли с собой, считая, что между окладом и образом могли быть спрятаны документы. Когда один из рабочих начал снова ощупывать матрац, я сказала, что женщина уже обыскала его, на что лейтенант возразил: "Прежде всего она барышня, а не женщина". Просто смешно.

Проведя таким образом примерно два часа, лейтенант перешел в мою гостиную, где, усевшись за мой письменный стол, опустошил все его ящики, в которых я хранила связки писем, среди прочих от моего любимого Саши, моего ангелочка Джорджи и, кроме того, датское Евангелие, которое подарила мне мой ангел Мамка! Я наблюдала за его действиями в зеркале и сказала, что это письма 1894 года и мое Евангелие, и попросила вынуть их из мешка, куда он швыр-

нул все, но он ответил мне, что он ничего никуда не швырял, а положил в мешок и что там они и останутся. Таким образом, мои самые дорогие, самые святые реликвии исчезли. Поистине, что-то невообразимое!

Пока он находился в соседней комнате, моя спальня наполнилась многочисленными матросами, даже не удосужившимися снять головные уборы. Они расхаживали с красными бантами и цветками в петлицах и заглядывали ко мне за ширму. Я мерзла, и в то же время по мне от гнева струился пот, ведь со мной обращались, как с последней преступницей. Я наконец-то смогла одеться, когда офицер только к 10 часам закончил свою работу и поставил у моей двери караульного. Тогда же Кикилии [служанка императрицы] позволили войти ко мне. Правда, матросы неоднократно открывали дверь, чтобы заглянуть внутрь, но всякий раз я пыталась их выдворить, говоря, что офицер приказал им убраться вон. Ничего более постыдного представить себе нельзя. К тому же они сознательно делали вид, что я была слишком груба с ними. Так, когда я самым вежливым образом попросила караульного выйти из комнаты и закрыть дверь, он сердитым голосом ответил, что мне следует обращаться к нему на "вы", эдакая каналья! Все слуги были арестованы, так что я не могла ни принять ванну, ни выпить кофе. Наконец, в 12 часов ко мне поднялась Ольга с мужем и кем-то из мальчиков. Мы выпили кофе, делаясь ужасными впечатлениями. Немного позднее появилась бедняжка Ксения, бу-

дучи совершенно вне себя из-за случившегося. Она подробно рассказала, как их с Сандро разбудили, рассадили сразу по разным комнатам, а после этого все обшарили и все забрали. Правда, к ним те матросы оказались немного добрее, они разговаривали с Ксенией и даже помогли ей отыскать ее чулки и т.п. Но все делали так, чтобы другие не видели этого, поскольку они боялись друг друга и друг другу не доверяли. Весь Ай-Тодор был взят под стражу, повсюду выставлена охрана и произведены обыски. Мне было видно со своего балкона, как эти неряшливо одетые матросы валялись на траве, ели, курили; некоторые дремали, выполнив свою "образцовую работу". Они выглядели очень неопрятно, без военной выправки, обращались друг к другу не так, как было принято раньше в армии, – ведь старые правила уже отменены. Офицеры говорили низшим чинам "вы" и называли их "товарищами". Невозможно было представить, что это те самые наши доблестные моряки, которых мы так хорошо знали и которыми так привыкли гордиться.

В Севастополе им было сказано, что здесь их встретят пулеметами, оружием и все такое прочее, поэтому они и сами были вооружены не только револьверами и ножами, но и топорами и секачами. Они были очень удивлены, что не встретили ни малейшего сопротивления, это их даже оскорбило. В 2 часа пополудни мы позавтракали с Ольгой, Куликовским, Дмитрием (456) и Ростиславом, Андрюшей (57) и Долгоруковым – с теми, кто находился здесь. Всем остальным не

разрешили покинуть свои дома. Только в 5 1/2 я смогла выбраться к ним к чаю, когда эта банда грабителей наконец-то удалась. Конечно, говорить мы не могли ни о чем другом, а лишь о том, что произошло с каждым из нас, о том, каким гнусным образом эти негодяи обращались с нами. Никогда в жизни не забыть мне этот жуткий день, покрывший нас позором, но также – и прежде всего – их самих. Вот так и закончился этот страшный, памятный день.

Н.Д. Жевахов. Воспоминания. Заключение.

Не верю я, что Господь навсегда отнял от нас нашего Царя, ибо иначе Пророк Божий не сказал бы:

«Отведет Господь тебя и Царя твоего, которого ты поставишь над собой, к народу, которого не знал ни ты, ни отцы твои» ... (Второзаконие, 28, 36).

Думаю, поэтому, что Господь лишь отвел, укрыл Помазанника Своего до той поры, пока, омытая слезами раскаяния, очистившаяся от своих греховных язв, освободившаяся от тех своих Помыслов, какие довели ее до нынешнего ее состояния, Россия будет помилована Богом.

Но, если верно, что беспримерное в истории злодеяние в Екатеринбурге действительно совершилось, то Россия не имеет права молить у Господа пощады... Пусть не все были виноваты в преступлении, которому нет имени; но ни один чуткий человек не должен укрываться от его последствий. Все должны приобщиться к страданиям Праведников и лич-

ным горем, и страданиями, и слезами, искупить страшный грех пред Богом, пред Помазанником Божиим и Его Святым Семейством.

«Мне отмщение – Аз воздам».